

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОРЕЙСКОМ И РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВАХ

при поддержке:

*Академии корееведения, Республика Корея
(AKS02010-САА-2101),*

*Института российских исследований Университета
иностраннных языков «Ханкук»*

(договор сотрудничества между Санкт-Петербургским
государственным университетом и Институтом российских
исследований Университета иностраннных языков «Ханкук»
от 04.04.2011)

Санкт-Петербург
2015

EXPLORING THE NEW TRENDS IN SOCIO-CULTURAL CHANGES IN KOREAN AND RUSSIAN SOCIETIES

Supported by:

*The Academy of Korean Studies, Republic of Korea
(AKS02010-CAA-2101),*

Institute of Russian Studies, Republic of Korea

(Agreement of Collaboration between Saint-Petersburg State
University and the Institute of Russian Studies, Hunkuk University
of Foreign Studies from 04.04.2011)

Saint-Petersburg

2015

ББК71
Н 76

Рецензенты:

доктор социологических наук *Ю. В. Веселов*
кандидат социологических наук *П. И. Рысакова*

Н 76 Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах / отв. ред. Р. К. Тангалычева, В. В. Козловский — СПб.: Скифия-принт, 2015 — 420 с.

ISBN 978-5-98620-140-5

Сборник статей посвящен новым тенденциям социокультурных изменений в корейском и российском обществах. В нем рассматриваются исторические предпосылки формирования новых тенденций социокультурных изменений в двух обществах и современные проблемы их демократизации и формирования гражданского общества. Особое внимание уделяется анализу социальных и экономических трансформаций, а также становлению новых социокультурных практик в Корее и России. Многие статьи подготовлены при поддержке российских и зарубежных фондов, в том числе Академии корееведения (Республика Корея).

Книга будет полезна корееведам, социологам, социальным антропологам, этнологам, культурологам, историкам, политологам, экономистам, специалистам в области международных отношений и регионалистики, журналистам, а также студентам и аспирантам, занимающимся междисциплинарными, сравнительными исследованиями корейского и российского обществ.

Содержание

Предисловие	11

Раздел 1. Исторические предпосылки формирования новых тенденций социокультурных изменений в корейском и российском обществах

<i>Маринеску Валентина.</i> Исторические тенденции фреймирования международных отношений: анализ репрезентации корейско-российских отношений в румынских СМИ	14
<i>Ильин В. И.</i> Историческая динамика моделей догоняющей модернизации России и Кореи	26
<i>Бугай Н. Ф.</i> Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых.	35
<i>Сон Ж. Г.</i> Этапы трансформации национальной идентичности русскоязычной корейской общности в СССР и России (1926–2010 гг.).	55

Раздел 2. Проблемы демократизации и формирования гражданского общества на Корейском полуострове и в России

<i>Ватиль В. Н.</i> Социум и власть в переходных обществах: место и роль гражданского общества и гражданственности	72
<i>Островская Е. А.</i> Демократизация снизу: общественные движения в политической реальности России и Южной Кореи	80
<i>Ланко Д. А.</i> Становление партийной системы государства в период перехода от тоталитаризма / авторитаризма к демократии в Российской Федерации и Республике Корея: сравнительный анализ	89
<i>Стецко Е. В.</i> Неправительственные организации и проблемы развития гражданского общества на Корейском полуострове	100
<i>Алимов А. А.</i> Основные направления экологической политики Республики Корея.	110
<i>Лобов Р. Н.</i> Трансформация внешнеполитического курса Республики Корея в отношении Японии: взгляд сквозь призму поколений	118
<i>Рысакова П. И.</i> Образовательные проекты «глобального гражданства» в Республике Корея.	130

<i>Контрерас Луна Рафаэль. Дальние соседи? Перспективы российско-корейского сотрудничества на Дальнем Востоке</i>	138
<i>Губайдуллина Ю. Б. Демократические тенденции в КНДР в XXI веке: причины, особенности, прогнозы</i>	146
<i>Акулич А. С. Интернет-цензура на Корейском полуострове</i>	152
<i>Меньшикова Г. А. Административные реформы: сравнительный анализ опыта Южной Кореи и России</i>	160
<i>Пруель Н. А., Малышев В. А. Совершенствование работы государственных служб как актуальная проблема развития Южной Кореи и России</i>	170

Раздел 3. Новые тенденции социального и экономического развития в корейском и российском обществах

<i>Тощенко Ж. Т. В России появился новый класс — прекариат.</i>	180
<i>Гонашвили А. С. Социальное неравенство в России в начале XXI века и основные тенденции его изменения</i>	190
<i>Сикевич З. В. Этнический фактор в современном российском обществе</i>	195
<i>Садохин А. П. Методологические ресурсы формирования общероссийской идентичности в процессе становления гражданского общества</i>	205
<i>Пикулева О. А. Региональная модель социальной и культурной адаптации трудовых мигрантов (на примере Ленинградской области).</i>	216
<i>Ким Хечжин. Культурная адаптация и особенности этнического самосознания русскоязычных корейцев, проживающих в Республике Корея.</i>	223
<i>Попова Л. В., Сутырин С. Ф., Коргун И. А. Вступление России во Всемирную Торговую Организацию: возможные последствия для российско-корейского экономического сотрудничества.</i>	233
<i>Чой Ву Ик. Качество жизни россиян: опыт анализа</i>	250
<i>Хренов В. В. Южнокорейско-турецкие дипломатические и культурно-экономические связи: ретроспектива и современность</i>	265
<i>Федорко И. С., Воробьева Н. А. Перспективы развития российско-корейских отношений в контексте введения антироссийских санкций.</i>	272

<i>Муталенко В. А.</i> Транснациональные корпорации как основной фактор глобализации в экономическом развитии Республики Корея.	283
<i>Ким И. А.</i> Гендерные особенности российских корейцев (по материалам переписей населения)	289
<i>Ланцова И. С.</i> Гендерные аспекты демократического транзита в Республике Корея.	297
<i>Капусткина Е. В.</i> Женщины-преподаватели в корейских и российских университетах: семейные практики и карьерные стратегии	303

Раздел 4. Новые социокультурные практики в корейском и российском обществах

<i>Ра Сунгдо.</i> Визуализация патриотизма: культурные герои и ценности современных российских биографических фильмов.	315
<i>Асмолов К. В.</i> Трансформация образа кошки в массовом сознании Южной Кореи	322
<i>Тангалычева Р. К.</i> Социокультурные различия в корейско-российских смешанных браках	340
<i>Лысикова О. В., Чжен Е. Г.</i> Этнокультурное наследие корейцев Саратовской области и возможности его использования в практиках туризма	350
<i>Истомин К. В., Ким Хечжин.</i> От совхозного строительства через снегоходную революцию к рыночной реставрации: трансформации материальной культуры и образа жизни коми-ижемских оленеводов с конца 1950-х годов по настоящее время	362
<i>Пахомова А. О.</i> Формирование корейского сообщества в Санкт-Петербурге	373
<i>Янг Мина.</i> Гастроли российских корейцев в Корее и их влияние на корейскую танцевальную культуру в начале XX века	381
<i>Беляков И. М.</i> Изменение в отношении и причины популярности южнокорейского певца Сая (PSY, Park Jae Sang) в южнокорейских медиа до и после выпуска песни «Gangnam Style»	397
<i>Ким А. И.</i> Искусство как социальный проект: демократическое художественное движение «Минчжун» в южнокорейском искусстве 1980 — 1990-х годов	406

Информация об авторах.	415

Table of contents

Foreword.	11
Part 1. Historical Background of the New Trends in Socio-cultural Changes in Korean and Russian Societies	
<i>Marinescu Valentina</i> . Historical Trends of Framing International Relations: an Analysis of Romanian Media Representations of Korea-Russia Relations	14
<i>Ilyin V. I.</i> Models of Russian and Korean Catch-up Modernization in Historical Dynamics	26
<i>Bugai N. F.</i> Topical Problems of Russian Koreans History on Post-Soviet Space in Scientists' Discussions	35
<i>Son Z. G.</i> Transformation Phases of Russian-speaking Koreans' National Identity in the USSR and Russia (1926–2010).	55
Part 2. Problems of Democratization and Civil Society Formation in Korean and Russian Societies	
<i>Vatyl V. N.</i> Society and the Power in Transitional Societies: Place and Role of Civil Society and Civic Consciousness.	72
<i>Ostrovskaya E. A.</i> Democracy from Below: Grass-roots Organizations within Political Reality of Russia and South Korea	80
<i>Lanko D. A.</i> Formation of Political Parties System during the Transition from Totalitarianism/ Authoritarianism to Democracy in the Russian Federation and the Republic of Korea: Comparative Analysis.	89
<i>Stetsko E. V.</i> Non-Governmental Organizations and Developmental Problems of Civil Societies on The Korean Peninsula and in Post-Soviet Countries: Comparative Analysis.	100
<i>Alimov A. A.</i> The Main Directions of Environmental Policy of the Republic of Korea	110
<i>Lobov R. N.</i> Transformation of the Republic of Korea's Foreign Policy Course towards Japan: Look through the Prism of Generations	118
<i>Rysakova P. I.</i> Educational Projects of "Global Citizenship" in Republic of South Korea	130
<i>Contreras Luna Rafael</i> . Distant Neighbors? Perspectives of Russo-Korean Cooperation in the Far East	138

<i>Gubaidullina Y. B.</i> Democratic Trends in DPRK in 21th century: Reasons, Features and Predictions	146
<i>Akulich A. S.</i> The Internet Censorship on the Korean Peninsula	152
<i>Menshikova G. A.</i> Administration Reforms: Comparative Analysis of South Korean and Russian Experience	160
<i>Pruel N. A., Malyshev V. A.</i> Improvement of Public Services as a Topical Problem of South Korean and Russian Development	170

Part 3. The New Trends of Economic and Social Development in Korean and Russian Societies

<i>Toschenko Z. T.</i> A New Class has Appeared in Russia — The Precariat . .	180
<i>Gonashvily A. S.</i> Social Inequality in Russia at the Beginning of 21th Century and Definite Trends of Its Development	190
<i>Sikevich Z. V.</i> Ethnic Factor in Modern Russian Society	195
<i>Sadokhin A. P.</i> Methodological Resources of Russian National Identity Formation in the Process of Civil Society Development	205
<i>Pikuleva O. A.</i> Regional Model of Labor Migrants' Social and Cultural Adaptation (the example of Leningrad Region).	216
<i>Kim Hyejin.</i> Cultural Adaptation and Particularities of Ethnic Self-consciousness of Russian-speaking Koreans Living in the Republic of Korea	223
<i>Popova L. V., Sutyryn S. F., Korgun I. A.</i> Russia's Accession to The World Trade Organization: Possible Consequences for Russo-Korean Economic Cooperation	233
<i>Choi Wooik.</i> Quality of Russian Life: Experience of Analysis	250
<i>Khrenov V. V.</i> South Korean-Turkish Diplomatic and Socio-Economic Interactions: Past and Present	265
<i>Fedorko I. S., Vorobiyova N. A.</i> Perspectives of Russo-Korean Relations Development after Imposition of Anti-Russian Sanctions	272
<i>Mutalenko V. A.</i> Transnational Corporations as a Basic Factor of Globalization in Economic Development of the Republic of Korea .	283
<i>Kim I. A.</i> Gender Particularities of Russian Koreans (based on census) . .	289
<i>Lantsova I. S.</i> Gender Aspects of Democratic Transit in the Republic of Korea	297
<i>Kapustkina E. V.</i> Careers of Female Lecturers at Korean and Russian Universities: History and Modernity	303

Part 4. The New Socio-cultural Practices in Korean and Russian societies

<i>Ra Seungdo</i> . Visualizing Patriotism: Cultural Heroes and Values in Contemporary Russian Biographical Films.	315
<i>Asmolov K. V.</i> Transformation of Image of a Cat in South Koreans' Mass Consciousness	322
<i>Tangalycheva R. K.</i> Socio-cultural Differences in Korean-Russian Mixed Marriages	340
<i>Lysikova O. V.</i> Ethno-cultural Heritage of Koreans of Saratov Region and Possibilities of its Usage in Touristic Practices	350
<i>Istomin K. V., Kim Hyejin</i> . From Sovkhoz Building through Snowmobile Revolution to Market Restoration: Transformation of Material Culture and Komi-Izhma Reindeer Herders' Lifestyle from the late 1950s till now	362
<i>Pahomova A. O.</i> Korean Community Formation in Saint Petersburg . . .	373
<i>Yang Mina</i> . Concert Tours of Russian Koreans in Korea and their Influence on Dancing Culture	381
<i>Belyakov I. M.</i> The Role of the US in PSY Narrative Shift by South Korean Media before and after "Gangnam Style" Release	397
<i>Kim A. I.</i> The Art as a Social Project: "Minjung" Movement in 1980–1999s.	406
Authors	415

Предисловие

В последние годы Санкт-Петербург стал центром взаимоотношений России и Южной Кореи: на базе Санкт-Петербургского государственного университета развивается форум гражданских инициатив «Диалог Россия — Республика Корея». В настоящее время наблюдается увеличение контактов между двумя странами не только в областях экономического, политического, энергетического, технологического сотрудничества, но и в науке и образовании. Свидетельством этому является реализация проекта «Расширение дисциплинарного поля корейских исследований в Санкт-Петербургском государственном университете», поддержанного Академией корееведения (Республика Корея) в 2010–2015 гг. Стоит отметить, что именно на Восточном факультете этого университета еще в 1897 г. впервые началось преподавание и изучение корейского языка и культуры в Европе. Сейчас на этом факультете проводятся исследования корейской традиционной и современной культуры, истории и литературы, языка. Благодаря проекту Академии корееведения удалось расширить рамки исследовательских подходов на основе развития программ изучения Кореи на факультетах международных отношений и социологии.

В 2011 г. Институтом восточных и западных обществ факультета социологии был заключен договор о сотрудничестве с Институтом российских исследований Университета «Ханкук» (Сеул, Республика Корея), сотрудники которого уже более сорока лет занимаются изучением советского, а затем российского общества. В апреле 2011 г. Институтом российских исследований была организована Международная научная конференция «Россия и Корея в эпоху глобализации: вызовы, тенденции и перспектив», в которой приняли участие ученые факультета социологии СПбГУ (Тангалычева 2011). 19–21 ноября 2012 г. Институт восточных и западных обществ факультета социологии провел ответную конференцию «Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи», по результатам работы которой был опубликован сборник статей (Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации 2012; Тангалычева 2013). 18–19 октября 2013 года состоялась очередная Третья международная конференция в Сеуле (Республика Корея) «Изменения и вызовы в глокализирующейся России и Северо-Восточной Азии», организованная партнерами из Южной Кореи (Changes and Challenges in Globalizing Russia and Northeast Asia 2013; Кулешова 2014). 9–10 апреля 2015 г. факультет социологии СПбГУ проводит Четвертую международную конференцию «Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах», в очередной раз поддержанную Академией корееведения (Республика Корея).

Предлагаемый сборник статей «Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах» содержит работы извест-

ных исследователей в области российского и зарубежного корееведения, представленные на одноименной конференции 9–10 апреля 2015 г. Авторы сборника статей пытаются осветить динамику социокультурных изменений в корейском и российском обществах на основе применения современных теоретических и методологических подходов. Новизна книги заключается в том, что в ней осуществляется комплексный подход к изучению новых тенденций социокультурных изменений в двух обществах. В сборнике статей ставятся и решаются следующие задачи:

- проанализировать исторические предпосылки формирования новых тенденций социокультурных изменений в корейском и российском обществах;
- рассмотреть проблемы демократизации и гражданского общества на Корейском полуострове и в России;
- осветить новые тенденции социального и экономического развития в корейском и российском обществах;
- научно охарактеризовать новые социокультурные практики в корейском и российском обществах.

Важным для понимания процессов социокультурных изменений в корейском и российском обществах стал мультидисциплинарный подход: в книгу включены статьи известных историков (Н. Ф. Бугай, Ж. Г. Сон, К. В. Асмолов, Ким Хечжин, Истомин К. В. и др.), социологов (Ж. Т. Тощенко, В. В. Сикевич, В. Маринеску, Ра Сунгдо, В. И. Ильин, Е. А. Островская, Р. К. Тангалычева, О. В. Лыскова, Е. В. Капускина, Н. А. Пруэль, В. А. Малышев, Г. А. Меньшикова, И. А. Ким, П. И. Рысакова, Янг Мина и др.), культурологов (А. П. Садохин), психологов (О. А. Пикулева), специалистов в области международных отношений и политологии (В. Н. Ватыль, Д. А. Ланко, И. С. Ланцова, Стецко Е. В., Алимов А. А., Хренов В. В. и др.), а также мировой экономики (С. Ф. Сутырин, Л. В. Попова, И. А. Коргун). В подготовке сборника статей вместе с заслуженными профессорами и учеными приняли участие и молодые исследователи, посвятившие свои работы изучению Кореи. Кроме того, следует отметить и международный состав авторского коллектива сборника статей — в нем публикуют свои работы, помимо российских и южнокорейских исследователей, еще и специалисты из Румынии, Республики Беларусь, США и Великобритании. Думается, что в современном корееведении подобный взгляд позволит пролить свет на многие новые, ранее не освещенные грани социокультурных изменений в корейском и российском обществах.

Пользуясь случаем, хочется поблагодарить менеджера факультета социологии В. С. Терехову и группу студентов кафедры социологии культуры и коммуникации под руководством М. С. Кропотовой за бесценную помощь, оказанную в ходе подготовки конференции и сборника статей «Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах».

Надеемся, что сборник будет полезен корееведам, социологам, социальным антропологам, этнологам, культурологам, историкам, политологам,

экономистам, специалистам в области международных отношений и регионалистики, журналистам, а также студентам и аспирантам, занимающимся междисциплинарными, сравнительными исследованиями корейского и российского обществ.

Литература

- Кулешова А. В. Изменения и вызовы глокализирующейся России и Северо-Восточной Азии // СОЦИС. М., 2014. № 4. С. 151–152.
- Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации / отв. ред. Р. К. Тангалычева, И. А. Коргун. СПб.: Скифия-принт, 2012. 448 с.
- Тангалычева Р. К. Международная научная конференция «Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации» // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2013. № 1. С. 197–204.
- Тангалычева Р. К. Россия и Корея в эпоху глобализации: вызовы, тенденции и перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2011, № 4. С. 200–204.
- Changes and Challenges in Glocalizing Russia and Northeast Asia. Seoul: **Hankuk University of Foreign Studies**, 2013. 260 p.

РАЗДЕЛ 1

Исторические предпосылки формирования новых тенденций социокультурных изменений в корейском и российском обществах

Marinescu Valentina

Historical Trends of Framing International Relations: an Analysis of Romanian Media Representations of Korea-Russia Relations

В данной работе рассматривается румынское медиа-фреймирование отношений между Кореей и Россией с исторической точки зрения. Автор постарался ответить на следующий вопрос исследования: Какова репрезентация корейско-российских отношений в румынских СМИ в таких важных направлениях, как политическое, военное, социальное и экономическое? Был проведен контент-анализ румынских газет. Были использованы два вида данных: архивные данные напечатанных газет (на период до 1989 г.) и онлайн архивы румынских газет после 1989 г. Анализ показал, что данная тема освещена и в исторических тенденциях из-за изменений в репрезентации корейско-российских отношений в румынских СМИ в течение долгого периода времени — с XX по начало XXI в.

This study examines the Romanian media framing of the relations between Korea and Russia from an historical perspective and tried to answer at the research question: What are the representations in the media of Korea-Russia relationships on several important axes: political, military, social and economic? A content analysis of a sample of Romania newspapers is conducted. Two samples of data were used: on the one hand, the archival data of printed newspapers (for the period prior to 1989) and the online archives of Romanian newspapers after 1989. The analysis showed the topic covered and in the historical trends for the bias of representing the Korean-Russian

relations in Romanian media in a long period of time — the 20th century and the beginning of the 21st century.

Introduction

One of first mention of Korea as a distinct East-Asia country in Romanian texts was made in the work of Nicolae Milescu (in Russian *Николай Гаврилович Сна-фариу* and in English Neculai Milescu The Sword Bearer). An entire chapter in his book "Description of China" was devoted to Korea, describing the country, the society and its peculiarities (Milescu, 1975: 231–233) as it can be seen through the eyes of an emissary of the Russian Empire send to China in 1675–1678. This example can be seen as a model of the ways in which Romanian writers and journalists saw Korea — mainly as an exotic and far-away country.

Until the half of the 20th century Korea remained, as such, a rather unknown country for the Romanians. Only after 1945, when Romania became a socialist country, and especially after 1950, when the Korean War had started, the Romanian media published articles devoted to Korea. Many Romanian authors (Tismaneanu, 2004; Almond, 1988; Fisher, 1989; Verdery, 1991; Deletant, 1999) showed that after 1971 until 1989 we can even speak of an historical link which existed between East-Asia communism and Romanian communism. In fact, Romanian and North-Korean neo-Stalinism was a syncretism which connected a programmatically rationalist world view (scientific socialism) with a set of religious beliefs deeply embedded in the emotional infrastructure of national political cultures of both societies (Tismaneanu, 1989).

The political and social changes which started in Central and Eastern Europe in 1989 led to structural changes in Romania, with the country experiencing transformations from a communist society to a pluralist, democratic one, from state-owned property to private enterprise and the appearance and growth of free mass media and civil society. In 2004 Romania became a member of the North Atlantic Treaty Organization and two years later joined the European Union as a full member. The links with North Korea vanished after 1989 and new diplomatic, economic and cultural relations were established between Romania and South Korea since 1990.

Meanwhile, the former URSS remained a "too big" neighbour after 1965 (when Ceaușescu came to power) and the diplomatic, economic and cultural relations between Russian Federation and Romania became very "formal" and distant in the last twenty-five years.

Giving those changes of political ties Romania had and still has with Russia and Korea in the last century and in line with the literature on mediatic representations, the article analyses the coverage of Russia-Korea relations in Romanian media and attempts to offer an answer at the following research question:

RQ. How much attention did Romanian media pay to Russia-Korea relation during a long period of time (1990–2015)?

Literature Review

The “frame” is a notion used by sociologists (Goffman, 1974) and anthropologists (Bateson, 1972) to explain people’s way of perceiving reality. “Framing” refers to the act of organizing a constant flow of events, groups and individuals in order to help us understand the world (Goffman, 1974). It entails “selecting and highlighting some facets of events or issues, and making connections among them so as to promote a particular interpretation, evaluation and/or solution” (Entman, 1991: 417). Gamson defines frame as (1989: 157):

“...a central organizing idea for making sense of relevant events and suggesting what is at issue.”

The concept of “frame” was introduced into American media studies in the late 1970’s: Tuchman (1978) and Gitlin (1980) utilize the concept to show how media coverage of social issues, as an elite discourse, contribute to maintaining the status quo in the social power structure. In doing so, Gitlin defines frame as “persistent patterns of cognition, interpretation, and presentation of selection, emphasis and exclusion, by which symbol-handlers routinely organize discourse, whether verbal or visual”. As Sieff emphasizes (Sieff, 2003) the repetitive character by which the frames are presented to the public shapes in time the way in which a certain topic or subject is perceived. In other words, the more frequently a certain topic is framed in a certain approach, the more probable for people, and the public in a larger meaning to adopt that perspective on the matter.

Scheufele makes the distinction between the macro and the micro level to which the framing applies (Scheufele, 1999); as a macro construct the term of framing refers to the procedures used by journalists and other communicators to present the information in a manner which should match the fundamental schemes used by their audiences (Shoemaker, Reese, 1996).

For journalists, framing does not mean trying to distort news, but trying to reduce the complexity level of a certain topic, if we consider the restrictions related to the organizational routine in a media institution (Gans, 1979). In other words, “frames” become a precious tool presenting a relatively complex topic in an efficient and accessible manner for a profane audience, because they use the cognitive schemes the audience already possesses.

Identifying frames, rather than testing the effects, is the matter of interest in this study. According to Pan and Kosicki (Pan, Kosicki, 1993:55–76), there are four dimensions in news stories, where framing devices may function: syntactic, thematic, and rhetorical and script structures.

Research Questions and Hypothesis

As stated above the research question of the article was. How were covered the relations between Russia and Korea in the Romanian media in a historical

perspective (1990–2015)? From here, as the research hypothesis we had the following statements:

H1. It is more likely that the leaders and institutions will be the main actors presented by the Romanian media in daily coverage of Russia-Korean relations.

H2. It is more likely that the political issues (e.g. peace and war) will prevail in the framing of Russia — Korean relations in each period of the time considered.

Data set and methodology

We chose for the purpose of our study the content analysis, which is quantitative is descriptive method. As Krippendorff argues, “texts acquire significance (meanings, contents, symbolic qualities, and interpretations) in the contexts of their use. Although data enter a content analysis from outside, they become texts to the analyst within the context that the analyst has chosen to read them—that is, from within the analysis. A context is always someone’s construction, the conceptual environment of a text, the situation in which it plays a role. In a content analysis, the context explains what the analyst does with the texts; it could be considered the analyst’s best hypothesis for how the texts came to be, what they mean, what they can tell or do. In the course of a content analysis, the context embraces all the knowledge that the analyst applies to given texts, whether in the form of scientific theories, plausibly argued propositions, empirical evidence, grounded intuitions, or knowledge of reading habits. The context specifies the world in which texts can be related to the analyst’s research questions. This world is always one of many. Political analysts construct worlds that differ from those of politicians, often embracing additional perspectives, but those worlds also differ from the worlds of psychologists, journalists, historians, psychotherapists, scholars of literature, and—naturally—communication researchers, who pursue their own research agenda and approach texts with their own questions, concepts, models, and analytical tools.” (Krippendorff, 2004: 33).

The data set was made from two separate samples of media content: a sample for the period 1904–1989 and a second one made for the period after 1989. The first sample (which starts in 1904 and ends in 1989) was built from the existing archive of Romanian newspapers enclosed in “Digital Library of Bucharest”.

On the basis of on-line search using the words “relationship + Korea+ Russia” a total of 324 media results emerged for that period of time, from which 43 mentions were in the articles from two newspapers: “Adevărul” (“The Truth”) and “Scântea” (“The Spark”) two newspapers’ articles. The second sample covered the period 2005–2015 on several contemporary Romanian media archive (six newspapers — “Gândul” (“The Thought”), “Jurnalul Național” (“The National Journal”), “România Liberă” (“The Free Romania”), “Evenimentul Zilei” (“The Event of the Day”), “Libertatea” (“The Freedom”) and “Adevărul” (“The Truth”) — and two aggregate online sites of news: “Ziare.com” and “Hotnews”). Using the same words

combination ("relationship + Korea+ Russia") we obtained 440 results, from which 53 mentions were in the articles from newspapers and on the online sites.

The total sample of articles analysed was comprised from 96 articles, distributed as such: 14.6% articles published between 1900–1910, 30.2% articles published between 1950–1955, 2.5% articles published between 2000–2009 and 53.1% articles published between 2010–2015.

For the analysis of data we use both descriptive statistics (frequencies and cross-tabulations) and elements of inferential statistics (F-test and correlations).

Analysis of the results

There was a clear focus on what we can call "raw information", that is "news" as journalistic genre, at the level of the entire sample analyzed. In all four periods of time considered "news" were the main type of articles in which Russia-Korea relations were covered in Romanian media (56.3%), followed by "article" (32.3%). While twelve (85.7% from the total) "official (e.g. state's or party's) statements" related to Russia-Korea's relations had been published only in the 1950's (when Romania was an ally of URSS), only four reportages were published on this issue in all four periods of time considered. In addition, there is no reportage, no interview or editorial published on this topic after 1989 in Romanian media.

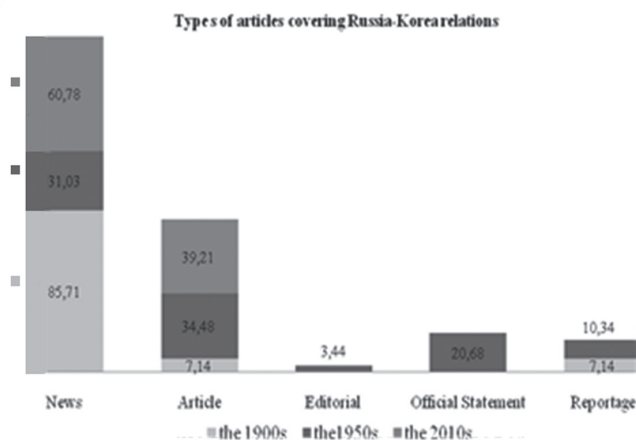

Fig. 1. Evolution of the main types of Romanian articles covering Russia-Korea relations

Another aspect of the reconstruction of this relation is its national vs. international dichotomies: 62.5% of the total sample of articles had as their main

theme “the international politics” (e.g. Peace and War, International Talks and Agreements) while “internal affairs” (e.g. Society, Economy or Culture) were covered only in 31.2% from the total sample. The first research hypothesis was, as such validated at the descriptive level of statistical analysis.

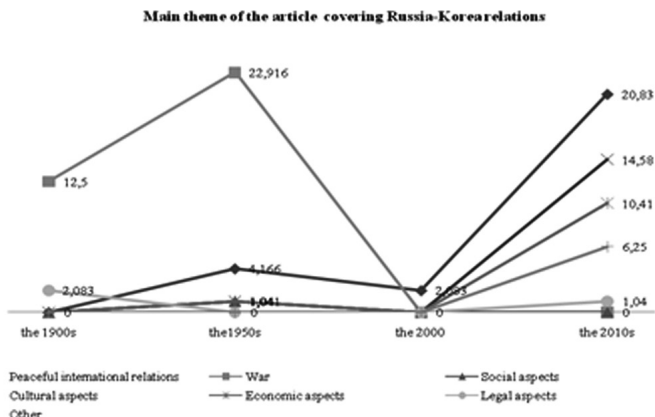

Fig. 2. Evolution of main themes of the Romanian articles covering Russia-Korea relations

Giving the specific periods of time analysed (which enclosed both the war between Russia and Japan and the Korean War) the prevalence of “the international politics” in Romanian media coverage before 1989 was not surprising. Meanwhile, an interesting trend manifest in the period 2000–2015 was the increase in the number of articles which covered “cultural” (e.g. art, entertainment, sport, education) aspects of Russia-Korea relations — a possible explanation of this evolution being the spread of *Hallyu* world-wide.

Korea and Russia as distinct countries (25%) and ordinary Russians and Korean (24%) were the main “social actors” presented in Romanian media coverage of Russia-Korea relations. The framing strategies of Romanian media had varied a lot, the accent was put on different “social actors” in each decade considered. In 1990–1910 a total of 71.4% articles had reference to Russia and Korea as “countries”, while in 1950–1955 the actions of ordinary Russians and Koreans were covered in Romanian articles (31% from the total of the articles published that period of time). After 2000 the framing techniques used by Romanian journalists put the accent both on “countries” as the main actor in the article (21.6%) and on the “leaders” of Russia and Korea (19.6%). The first research hypothesis was, as such, not validated even at the descriptive level of analysis.

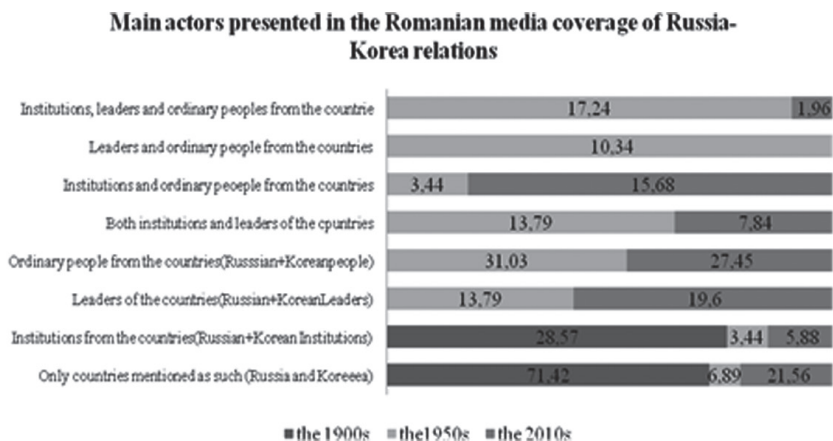

Fig. 3. Evolution of main social actors presented in the Romanian articles covering Russia-Korea relations

The same variations in time of framing techniques used to cover Russia-Korea relations were noticed in the case of the general "tone" of the articles. Thus, while all articles published in Romania in 1900–1910 had presented Korea-Russia relations as a negative one, the situation was quite the opposite for the articles published in 1950–1955 which all had covered Russian-Korean relations as being a positive one. After 2000, Russian-Korean relations were presented in a "mixed" manner: 50% of the articles published in 2000–2015 used positive assessments, 20% of them stressed the negative aspects of the relation and 30% referred to it in a "neutral" manner.

The main sentences used by Romanian journalists to cover international relations between Russia and Korea were also introduced in the analysis. The set of data showed that between 1950 and 1955 the Romanian newspapers used mainly two "key-sentences" in referring to Russian-Korean relations: "Russia exercise a positive influence on Korea's way towards socialism" (sometimes phrased as "Korea will follow Russia's example on the socialist way") — which occurred in 59.09% of the articles published that period of time — and "Russia (will) help(s) Korea as a sister and socialist nation" — that counted for 36.36% of the sample of Romanian articles published during those years.

Five decades later, after the important changes that took place in Romania and Russia starting with 1990, one could record a diversification of sentences used by Romanian media to frame the relations between Russia and Korea: "Russia

warned Korea” — was used in 19.23% of the total Romanian articles published after 2000,”Talks and agreements between Russia and Korea” was a sentence that appeared in 34.61% of the articles from that period of time, while only in 13.46% of the articles was used the sentence “Russia (will) help(s) Korea” — this time with a direct reference to the economic aspects (e.g. the fact that Russia erase the debts of North Korea or the fact that Russia is interested in obtaining access to raw resources in Korean peninsula as a result of an economic deal either with North Korea or with South Korea).

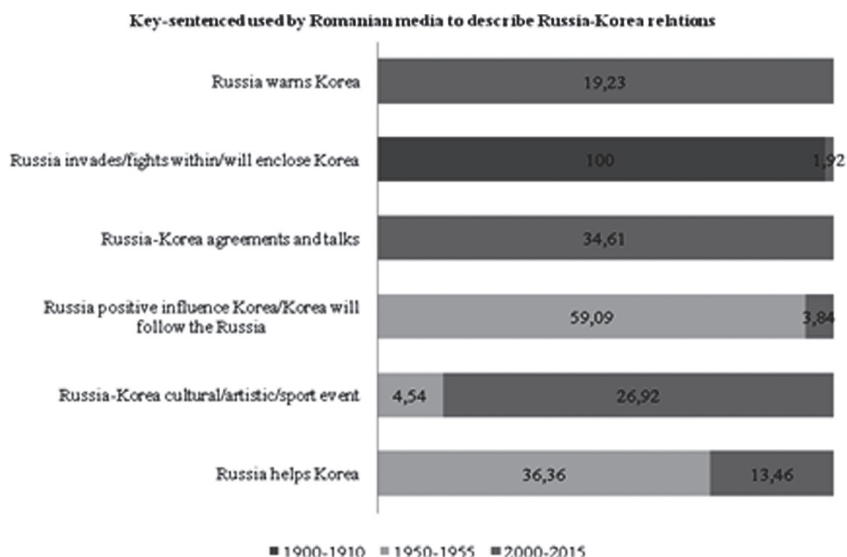

Fig. 4. Evolution of the “key-sentences” used by the Romanian media to cover Russia-Korea relations

If one consider the relation between the main types of articles (“News” vs. “Opinion articles”), on the one hand, and statements that were used by journalists to characterise the Russian-Korean relations then it became evident that the opinion-type journalism (e.g. editorials, interviews, articles) had used in a greater degree the positive approach to the topic in the period 1950–1955.

Table 1. Correlations between types of articles and the use of positive “key-sentences” in Romanian media coverage of Russia-Korea relations (period 1950–1955 vs. period 2000–2015)

		News	Opinion article
Positive key sentence (Period 1950–1955)	Pearson Correlation	-,253	,133
	Sig. (2-tailed)	,185	,491
	N	29	29
Positive key sentence (Period 2000–2015)	Pearson Correlation	-,493(**)	,493(**)
	Sig. (2-tailed)	,001	,001
	N	43	43

* Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

The second research hypothesis seemed to be clear or validated by the descriptive statistic. We attempted to see what are the time-variance within the sample analysed and we tested it using the F-test for the articles published by the Romanian media in two different periods of time: 1950–1955 vs. 2000–2015.

Table 2. The importance of the political issues (e. g. “Peace” and “War”) in framing the Russia — Korean relations by Romanian media (period 1950–1955 vs. period 2000–2015) – F-test

		Levene's Test for Equality of Variances		t-test for Equality of Means						
		F	Sig.	t	df	Sig. (2-tailed)	Mean Difference	Std. Error Difference	95% Confidence Interval of the Difference	
									Lower	Upper
Peace as main theme (period 1950–1955)	Equal variances assumed	22,146	,000	1,946	94	,055	,19	,098	-,004	,385
	Equal variances not assumed			2,186	70,80	,032	,19	,087	,017	,364
War as main theme (period 1950–1955)	Equal variances assumed	1,80	,182	-6,492	94	,000	-,58	,089	-,757	-,402
	Equal variances not assumed			-6,189	47,963	,000	-,58	,094	-,768	-,391
Peace as main theme (period 2000–2015)	Equal variances assumed	80,73	,000	-3,746	94	,000	-,32	,086	-,493	-,151
	Equal variances not assumed			-3,941	86,53	,000	-,32	,082	-,485	-,160
War as main theme (period 2000–2015)	Equal variances assumed	101,63	,000	14,00	94	,000	,79	,056	,679	,903
	Equal variances not assumed			12,59	42,00	,000	,79	,063	,664	,917

As the results from Table 2 showed, only for “War” as the main theme of the articles published between 1950 and 1955 we can validate the second research hypothesis. Due to the fact that for all other situations the significance of F-test is zero we can accept the null hypothesis (and reject the initial second research hypothesis). We can say that “political issues” — in shape of “war” — as the main theme of the article was relevant only for the articles published during the Korean war in Romanian mass media.

Conclusions

The media has a crucial role in communicating and informing public opinion, and beyond this, has multiple complex effects on society. Media provides information, frames policy issues, persuades readers and can influence the policy agenda (Iyengar, 1997). Orientation of newspaper coverage — the negative or positive, attraction or a version, favorable or unfavorable orientation — implicit in news coverage has been an important feature of commentary on the performance of the press in open societies (Gunther, 1998). Journalists can influence the orientation of coverage by their choice of terminology, the tag lines with which they lead, the tone they use, and the experts they choose to interview and quote (Christen et al., 2002). Intentionally or not, this orientation structures how most readers interpret news events (Price et al., 1997) and can help to frame public opinion (Jeon, Haider-Markel, 2001). Accordingly, we expect coverage of the framing of Russia-Korea relations during a long period of time (1900–2015) to reflect certain orientations and framing devices, as is true of other public policy issues.

Our analysis showed that the Romanian media coverage of Russia-Korea relations varied very much in different periods considered (1900–1910; 1950–1955 and 2000–2015). One can notice that the topic was presented mainly in “news” in all periods of time analysed and that the main “social actors” presented in this media products were either an abstract entity (“the country” — Russia or Korea) or ordinary Russians and/or Koreans, and not Russian and Korean political institutions or leaders. While “peace” and “war” were the main topics covered by the Romanian media with reference to Russia-Korea relations we noticed that in the last years a process of diversification took place, more and more social and cultural aspects of Russian-Korean connections being presented by Romanian journalists.

Both research hypotheses were validated by the data set, although there was a strong influence of external events on the Romanian coverage of the topic — especially for the articles published in the 1950’s.

At the same time, as our analysis showed, there is a strong dependency of mass media (and journalists) on the general time-frame in which they act. As such, the general topic Russia-Korea relations was not covered in a similar manner by Romanian media in different periods of time. If at the beginning of the 20th century Romanian journalists had represented Korea only as a place where Russia took action (against Japan) nowadays the images one could receive from Romanian

media about Russia-Korea relations are much more diverse — ranging from direct partnerships in economic and cultural domains to negative stances in some international aspects (e.g. nuclear issues).

Limitations of this study are of interest for future research. The analysis focused on a sample of articles published in the Romanian media and the results can not be generalized to the level of a larger geographic and cultural area. Further research could test whether the results can be found for a larger sample and / or if a sample should be included in the articles and news published in several European countries.

Literature

- Almond, M.* (1988). *Decline without Fall: Romania under Ceausescu*, London, Alliance Publishers.
- Bateson, G.* (1972). *Steps to an Ecology of Mind: Collected essays in anthropology*, New York: Ballantine.
- Christen, C. T., Kannaovakun, P., Gunther, A. C.* (2002). "Hostile Media Perceptions: Partisan Assessments of Press and Public during the 1997 United Parcel Service Strike", *Political Communication*, 19(4), pp. 23–36.
- Davies, M. M., and Mosdell, N.* (2006). *Practical Research Methods for Media and Cultural Studies. Making People Count*, Edinburgh University Press.
- Deacon, D., Pickering, M., Golding, P., and Murdock, G.* (1999). *Researching Communication — A practical guide to methods in media and cultural analysis*, Arnold Pbl. Comp.: London.
- Deletant, D.* (1999). *Romania under Communist Rule*, Iasi, Center for Romanian Studies.
- Entman, R. M.* (2004). *Projects of Power: Framing News, Public Opinion and US Foreign Policy*, Chicago: Univ. Chicago Press.
- Fisher, M. H.* (1989). *Ceausescu: A Study in Political Leadership*, Lynne Rienner Publishers, Boulder.
- Gamson, W. A., and Modigliani, A.* (1989). Media discourse and public opinion on nuclear power: a constructivist approach. *American Journal of Sociology*, 1989/ 95: 1–37.
- Goffman, E.* (1974). *Frame Analysis: An essay on the organization of experience*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gunther, A. C.* (1998). "The Persuasive Press Inference: Effects of Mass Media on Perceived Public Opinion", *Communication Research*, 25 (5), pp. 486–504.
- Iyengar, S.* (1997). "Overview". In Iyengar, S., Reeves, R. (Eds.). *Do the Media Govern? Politicians, Voters and Reporters in America*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, pp. 211–216
- Jeon, Y., Haider-Markel, D. P.* (2001). "Tracing Issue Definition and Policy Change: An Analysis of Disability Issue Images and Policy", *Policy Studies Journal*, 29(2), p. 215–37.
- Krippendorff, K.* (2004). *Content Analysis. An Introduction to Its Methodology*, second editions, SAGE Publications, Thousand Oaks, London, New Delhi, 2004.
- McCombs, M.* (2004). *Setting the Agenda*, Polity Press, Cambridge University Press.
- Milescu, Spataru, N.* (1975). *Descrierea Chinei [Description of China]*. Biblioteca pentru Toti, Bucuresti.
- Pan, Z., and Kosicki, G.* (1993). *Framing Analysis: An Approach to News Discourse*. *Political Communication*. 1993/10: 55–76.

- Shoemaker, P. J. and Reese, S. D.* (1996). *Mediating the Message: Theories of influences on mass-media content*. White Plains, NY: Longman.
- Tismaneanu, V.* (1989). "Personal Power and Elite Change in Romania", Final report to National Council for Soviet and East European Research, Foreign Policy Research Institute, available at: <http://www.ucis.pitt.edu/nceer/1989-903-04-Tismaneanu.pdf>.
- Tismaneanu, V.* (2004). "Understanding National Stalinism: Legacies of Ceausescu's Socialism", in H. F. Carey (ed.) *Romania since 198*, Lanham: Lexington Books: 27-48.
- Tuchman, G.* (1978). *Making News: A Study in the Construction of Reality*, New York: Free Press.

В. И. Ильин

Историческая динамика моделей догоняющей модернизации России и Кореи¹

Догоняющая модернизация — это процесс, определяющий наиболее существенные стороны истории России и Кореи на разных этапах их развития. Ключевым элементом этого процесса является референтный полюс — в данном случае страна или страны, с которыми соотносится собственное развитие. На протяжении веков расположение этого полюса для Кореи радикально менялось, для России оставалось относительно стабильным. Стратегия догоняющей модернизации выступала антиподом стратегии самобытного развития. Агентами этих стратегий выступали государства, партии, общественные организации и индивиды, а сферы их реализации покрывали всю жизнь общества, включая повседневность.

Catch-up modernization is a process which has shaped the essential sides both Russian and Korean history. The key element of this process is a referent pole for comparison, measurement of own status and progress and the source of borrowing patterns. The referent pole is a fluctuating through history factor of development. The strategy of catch-up modernization as a counter point of the isolationism self-reliant strategy. Modernization took place on both institutional level (state and parties politics, corporation and universities activities) and in the sphere of face-to-face interaction of individuals.

Категория догоняющей модернизации

Модернизация — это изменение состояния с целью доведения его до уже существующих успешных образцов. Они уже есть, но в другом месте. В силу этого любая модернизация является процессом догоняющего развития. Для лидеров модернизация не нужна. Они опираются на инновацию, которая, в отличие от модернизации, не ориентируется на существующие эталоны, а устремлена в открытое будущее. Создание принципиально нового продукта или технологии — это не модернизация, а инновация. Лидер стремится не догнать, а оторваться от догоняющих потенциальных конкурентов. В то же время грань между модернизацией и инновацией размыта, относительна. Например, модернизационная стратегия опирается на чужой образец цели (продукт, уровень развития и т. п.), однако она может использовать инно-

¹ Данное исследование проведено по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2014 году (AKS-2010-CAA-2101).

вационный путь: уникальные разработки, средства, которые никем еще не применялись.

Догоняющая модернизация — это стратегия ускорения развития страны с ориентацией на референтную группу, в качестве которой может выступать и отдельная страна, и целая группа стран, достигших самых высоких в мире или регионе показателей. В качестве субъектов модернизации выступают разные агенты: государства, политические партии, общественные организации, фирмы, учебные заведения и индивиды. В зависимости от субъекта догоняющей модернизации она принимает разные формы и масштабы.

Стратегия модернизации обычно имеет иерархический характер: одни цели выходят на первый план, другие оказываются далеко на периферии. Чаще всего структурирование стратегии идет по критерию сферы общественной жизни. Модернизация одной сферы рассматривается как первоочередная цель, другой — как второстепенная, а третьей вообще не обсуждается. Например, государства часто в качестве цели ставят создание вооруженных сил, которые будут сопоставимы с более сильным конкурентом или противником. В мирных условиях модернизация как государственная стратегия часто сдвигается в область экономики и техники. В то же время для фирмы модернизация — это выход на уровень, обеспечивающий конкурентные преимущества по отношению к другим фирмам, действующим на этом же рынке. Догоняющая модернизация для индивидов — это реализация стремления «жить как в развитых странах мира».

В результате догоняющая модернизация, с одной стороны, содержит механизмы подражания, копирования передовых образцов, а с другой — эти образцы, будучи интегрированными в совершенно иной контекст, не порождают общество-копию. Заимствованные формы наполняются иным содержанием, а после погружения в контекст иных структур наполняются новыми смыслами.

Референтный полюс

Категория референтного полюса (в социальной психологии — группы) является одним из ключевых элементов стратегии догоняющей модернизации, реализуемой любым субъектом — от государства до индивида. Референтный полюс модернизации — это субъект, на который оглядываются, выстраивая свою собственную стратегию. Оглядываться можно по-разному. В одних случаях — это создатель форм для подражания, в других — это конкурент или враг, от которого нельзя отстать, с которым приходится сверять свое нынешнее состояние, чтобы не проиграть.

Русский путь: самобытность или вестернизация?

В России государственная политика модернизации приобрела ярко выраженные формы в период правления Петра I. В качестве референтной группы для него выступили страны Западной и Северной Европы. С оглядкой именно на них выстраивалась долгосрочная государственная стратегия не только Петра I, но и его последователей, хотя у них она уже не имела такого одержимого и масштабного характера. Однако вектор сопоставлений и заимствований вплоть до Октябрьской революции 1917 г. был однозначный: самые развитые страны Европы.

Большевики, взяв в 1917 г. власть в свои руки, выдвинули на первый план стратегию модернизации: превращения технически и культурно отсталой страны в передовую державу мира. В области техники, образования, военного дела, науки и в ряде других областей референтным полюсом стал Запад, который одновременно рассматривался и как главный потенциальный противник, стимулирующий энергию догоняющей модернизации. В то же время большевики изначально исходили из того, что создаваемое ими государство и социальная система — это самый передовой строй на планете. Иначе говоря, в этой сфере руководство СССР разрабатывало инновационную стратегию, намереваясь за счет «самого передового общественного строя» решить проблемы модернизации в идеологически нейтральных сферах, где было явное отставание.

После развала СССР в 1991 г. руководство постсоветской России отказалось от амбиций быть пионерами и инноваторами в какой бы то ни было области и встало на путь однозначной догоняющей модернизации во всех сферах общественной жизни. В 1990-е гг. шел процесс масштабного импорта с Запада техники и потребительских товаров, которые толкали к вестернизации всего образа жизни, широко копировались формы экономической, политической и социальной организации.

Голоса, призывающие к самобытному развитию России, звучали и в 1990-е гг. Это течение четко распадалось на две составные части. Во-первых, это коммунисты, в той или иной мере ратовавшие за продолжение традиций Советского Союза, сочетавшего путь самобытного социалистического строительства с преимущественно технической модернизацией. Во-вторых, это разнообразные неоконсерваторы, апеллировавшие к досоветской имперской традиции. Однако в условиях политического и идеологического господства неолибералов эти течения маргинализировались и стигматизировались как проявления национализма. Оба эти направления объединяли антизападнические установки.

В начале XXI в. пошел медленный, но неуклонный процесс отхода правящей российской элиты от курса на всестороннюю модернизацию в форме вестернизации в пользу сугубо избирательного подхода. Параллельно Запад начал превращаться из партнера в конкурента, а в 2014 г., когда начался

украинский кризис, Россия оказалась в открытой конфронтации с западными странами, что создает основу для масштабного отхода от вестернизации в пользу поиска самобытного пути развития.

Одновременно наметилась тенденция к превращению Китая в референтный полюс. Впечатляющие успехи в области экономического и технического развития в 1990-е гг. вдохновляли в основном только коммунистов. Однако постепенно отход правящей элиты от вестернизации стал совпадать с формированием китайского вектора модернизации.

Корея: модернизация в контексте дальневосточной цивилизации

Корея развивалась в совершенно иной, дальневосточной, цивилизации. Для нее на протяжении веков вплоть до второй половины XIX в. референтным полюсом был Китай. Основные принципы государственного и культурного строительства заимствовались оттуда.

Лишь во второй половине XIX в. ситуация начинает меняться. Перед глазами корейских реформаторов оказалась Япония, которая в это время встала на путь догоняющей модернизации, активно и масштабно копируя западные технологии и формы организации социальной жизни. Успешный опыт Японии не мог не толкать корейских реформаторов размышлять о модернизации как вестернизации. И этот процесс пошел в противоречивой форме: вестернизация начиналась с оглядкой на опыт Японии. После превращения Кореи в 1910 г. в японскую колонию главным мотором модернизации в такой гибридной форме стала колониальная администрация, а собственно корейские реформаторы утратили возможности серьезного влияния на стратегию развития страны. В то же время колониальный режим порождал потенциал антияпонской стратегии модернизации.

Параллельно, начиная с конца XIX в., в Корею напрямую проникают западные веяния, основными носителями которых стали протестантские миссионеры. В колониальный период эта тенденция была прервана, однако после разгрома Японии начинается период, когда для Южной Кореи референтным полюсом стали Соединенные Штаты Америки (см. Kim 2007). В отличие от Северной Кореи лидеры Республики Корея никогда не проявляли маниакальной озабоченности национальной самобытностью, отодвигая ее на задний план перед целями модернизации в форме вестернизации, точнее даже, американизации. Притяжение США как референтного полюса модернизации сохраняется и по сей день, хотя Республика Корея в ряде областей уже демонстрирует стремление перехода от модернизационной к инновационной стратегии. В 1990-е гг. в Южной Корее намечается переход от мобилизационной модели капитализма, опирающейся на мощную государственную поддержку и регулирование вкупе с протекционизмом к модели потребительского капитализма либерального типа, открытого процессам глобализации. Этот тренд к открытости стал особенно заметен после финансового

кризиса 1997–1998 гг., как отмечает И. А. Кургун (Коргун 2012: 196), довольно закрытая и сохранявшая большие пласты традиционной культуры страна была вынуждена открыться для процессов глобализации. Этот процесс, зародившийся в экономической сфере, затем распространился на культуру, науку и образование.

Северная Корея с 1945 г. пошла по принципиально иному пути развития, который можно рассматривать как альтернативную модернизацию. С одной стороны, это социально-политическая и идеологическая модернизация по советскому образцу (советизация). Однако с середины 1950-х гг. в связи с отказом руководства КНДР подключиться к процессу десталинизации (см.: Ланьков 2009) начинается процесс отхода от модернизации как советизации. В конечном счете он переходит в идеологию и политику чучхе, где главный принцип — опора на собственные силы и стремление к самобытному пути политических и идеологических инноваций с претензией на пионерскую роль в масштабах мира. С другой стороны, в области обороны, техники и технологии простор для маневра не столь открыт для произвола вождей, поэтому при отсутствии потенциала для инноваций остался только путь заимствований из СССР, Китая и частично — с Запада и Японии.

Однако начиная с 1990-х гг., когда параллельно пошли процессы беспрецедентного подъема Китая и Вьетнама с переходом КНДР в фазу перманентного экономического кризиса, вожди Северной Кореи выстраивают свою стратегию с явной оглядкой на своего успешного соседа, хотя копировать его политику реформ не решаются, понимая, какие огромные риски она несет для режима (Ланьков 2007; 2010). Кроме того, на протяжении всей истории КНДР главным негативным референтным полюсом выступала Южная Корея. Соперничество с ней во всех сферах — это магистральный путь выживания северокорейского режима. Этот путь противоречив. Он предполагает, что вождям КНДР приходилось постоянно оглядываться на Южную Корею, сопоставляя достигнутые результаты с ней, что-то копируя, что-то создавая от противного. Однако в любом случае Южная Корея для КНДР на всех этапах ее истории — это альтер эго, задающее содержание и модернизации, и поиска самобытности.

Самобытность и догоняющая модернизация повседневности

Повседневность — одна из сфер, где разворачивается модернизация во всей ее противоречивости. Однако эта сфера в исследованиях модернизации обычно отодвигается далеко на задний план, а внимание концентрируется на большой политике и макроэкономических процессах. В данной работе развивается идея сдвига фокуса изучения этого феномена в Корею на уровень повседневности, уже нашедшая отражение в научной литературе (Kim 2007; Ильин 2012 (6));

Политика государства, реализуемая с опорой на исторически сложившиеся и данные природой обстоятельства, формирует пространство возможностей для индивидов, которые выстраивают свои жизненные стратегии (отказ от этого — тоже стратегия), формируют конфигурации повседневных практик. Ключевой элемент этого пространства возможностей — институциональные матрицы (Кирдина 2001; Норт 1997; Поланьи 2002). Иначе говоря, индивиды организуют свою жизнь, с одной стороны, под институциональным давлением государства, системы хозяйствования, рынка — национального и глобального, церкви, культурных традиций и т. д. Они и подчиняются этому давлению, и пытаются его перехитрить, ускользнуть из-под этого пресса, «выкопать» в толще институциональных процессов «пещеру» для своей частной жизни, закрытой от «атмосферного» воздействия социальных институтов макроуровня. С другой стороны, в рамках институциональных возможностей — и данных и отвоеванных — они формулируют свои жизненные стратегии, формируют индивидуализированные формы повседневности, прокладывают жизненные траектории.

Специфика России и Кореи в том, что находясь на протяжении длительного исторического периода в рамках цивилизаций этатистического типа, для которых характерно мощное и глубокое институциональное регулирование, они имели относительно узкие (по сравнению с Западом) рамки для индивидуального самоопределения. И тем не менее такое пространство всегда было и есть. Государство, выстраивая свою стратегию, регулярно отрывается от возможностей и устремлений человеческого материала, без которого эти стратегии превращаются в утопические проекты, а их авторы не узнают в результатах своих замыслов.

Цивилизационный выбор между самобытностью и догоняющей модернизацией осуществляется не только лидерами государств, но и индивидами, которые делают этот выбор, опираясь на свои представления о добре и зле, о смысле жизни и иерархии ценностей. Они превращают этот выбор в конфигурации повседневных практик и жизненные траектории, инвестируя в него свои силы, свои материальные и культурные ресурсы, время и энергию. Стратегия лидеров государства превращается из проектов в социальную реальность, только приняв форму системы координат, организующей повседневную жизнь в одном русле с ней.

Веками в обеих странах наблюдалась рассогласованность цивилизационных ориентаций масс и узких слоев образованного населения. В то время как основная масса преимущественно крестьянского населения воспроизводила в своем образе жизни круговые траектории самобытного пути, уходящего корнями в глубокое прошлое, образованные слои в той или иной мере были открыты ветрам догоняющей модернизации. В Корее на протяжении веков это проявлялось в заимствовании и воспроизводстве на местной почве конфуцианства, китайской письменности, китайских принципов управления государством. В Российской империи дворянство стремилось к воспроиз-

водству на местной почве западно-европейских форм повседневной жизни: в XIX в. это французский язык, чтение французских романов, европейская одежда, этикет, кухня, выезды в рамках материальных возможностей в Западную Европу и т. п.

В настоящее время в России и Южной Корее сформировался уже обширный слой образованных и воспитанных в духе космополитизма людей, которые владеют как минимум английским языком, регулярно или периодически выезжают за границу, временно учатся или работают там, активно потребляют иностранную (в основном западную) художественную и научную продукцию, имеют контакты за пределами своей страны и т. д. (см. Kim 2007; Ильин 2012 (а)). Это носители космополитической культуры. В то же время основная часть населения живет в контексте организации повседневной жизни, которая глубоко укоренена в местной почве: люди владеют только родным языком, не имеют достаточно продолжительного опыта пребывания за пределами страны, чтобы осознанно трансформировать свой образ жизни с ориентацией на чужие образцы. В то же время в обоих государствах производство космополитической культуры поставлено на глубоко институционализированный и масштабный поток: из-за рубежа импортируется огромное количество товаров и патентов на их производство, а вместе с ними и соответствующих форм организации повседневности, импортируются иностранные (преимущественно американские) фильмы, дублируемые на местном языке, переводится литература, заимствуются образовательные стандарты и методы обучения. В результате поверхностная (формальная) модернизация повседневности в настоящее время уже не демонстрирует некогда зияющих контрастов между массами и открытым модернизации узким слоем образованных людей.

В странах государственного социализма (в данном случае СССР и КНДР) модернизация повседневности имеет избирательный характер: с одной стороны, в ограниченных в силу нехватки ресурсов масштабах в быт проникают иностранные товары или их местные аналоги, а с другой — государство создает максимально плотные фильтры на пути проникновения «чуждых» форм духовной жизни: идеологии, политической информации, религии и конюмеризма. Одним из инструментов противодействия чуждому влиянию является культивирование фольклора и создание современных произведений на основе его традиций. Это характерно для культурной политики и СССР и КНДР. Здесь власть пытается охранять повседневную жизнь от «инфекции» космополитизма, однако эта задача утопична: он проникает через все щели. Правда, в условиях сталинской модели социализма возможности такого контроля гораздо шире, чем в условиях так называемого развитого социализма (СССР 1960–1980-х гг.).

Альтернативная догоняющая модернизация в СССР и КНДР предполагает концентрацию ресурсов на военно-промышленном комплексе. Однако неизбежным следствием этой сфокусированной модернизации является мо-

дернизационная трансформация и повседневной жизни. Развитие промышленности опирается на урбанизацию, что означает переход значительной части населения (и в СССР, и в КНДР в конечном итоге большинства) от сельского к городскому образу жизни. Индустриализация невозможна без массовой грамотности, масштабной подготовки кадров квалифицированных рабочих, инженеров и управленцев. Образование же существенным образом трансформирует многие формы повседневности. В результате модернизация проявляется в формировании альтернативного (нерыночного) индустриального общества.

Резюме

Отношение к догоняющей модернизации на уровне политико-идеологического дискурса может быть разным. Однако логика выживания страны объективно, т. е. независимо от деклараций ее руководителей, толкает на путь догоняющей модернизации, поскольку от ее успеха зависит способность государства отстоять свое самостоятельное место под солнцем. Логика борьбы за государственное самоутверждение в глобальном пространстве требует заимствования самых эффективных образцов во всех сферах жизни, поскольку ориентация на самобытность — прекрасная, но по большей части утопическая стратегия. Если ее декларации превращать в реальную политику, то это самый эффективный путь в тупик: страна, пытающаяся изобретать свои колеса, обречена остаться на этой стадии исторического развития. И история России и Кореи наглядно демонстрирует постоянную борьбу между разными типами стратегий — ориентацией на самобытность и стратегией развития через копирование чужих форм, реализуемых из собственного материала.

Эта борьба двух логик развития пронизывает все уровни, начиная со стратегии государственного развития и кончая жизненными стратегиями и повседневными практиками индивидов, составляющих население этих стран. Указанные уровни тесно переплетаются и формируют друг друга, определяя пространства и желаний, и возможностей.

Литература

- Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
- Ланьков А. Август 1956 год. Кризис в Северной Корее. М.: РОССПЭН, 2009.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетей, 2002.

- Ильин В. И.* Корейское образование: традиции и модернизация // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / Отв. ред/ Р. К. Тангалычева, И. А. Коргун. СПб: Скифия-принт, 2012. С. 63 — 77 (а).
- Ильин В. И.* Модернизация повседневности в Кореи // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 4 (б).
- Коргун И. А.* Основные тенденции экономических и социальных трансформаций в Кореи // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / Отв. ред. Р. К. Тангалычева, И. А. Коргун. СПб: Скифия-принт, 2012. С. 195–211.
- Ланьков А. Н.* Быть корейцем. М.: АСТ, 2006.
- Ланьков А.* Август 1956 год. Кризис в Северной Кореи. М.: РОССПЭН, 2009. Ланьков В. Естественная смерть корейского сталинизма. Публичная лекция // Полит.ру. 22.02.2007. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/02/22/lankov/> (дата обращения: 15.02.2015).
- Ланьков А.* Северная Корея вчера и сегодня URL: <http://polit.ru/article/2010/03/04/kndr/> (дата обращения: 15.02.2015).
- Kim Ch. S.* Kimchi and IT. Tradition and Transformation in Korea. Ilchokak, 2007

Н.Ф. Бугай

Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых²

В представленной статье проведен анализ разработки проблемы принудительных переселений этнических общностей, групп населения. Эта задача выполнена на примере советских корейцев, проживавших почти до конца 1940-х годов на территории Дальнего Востока, а затем депортированных советской властью в Казахскую ССР, республики Средней Азии, а также в отдельные регионы РСФСР. Рассмотрены теоретические аспекты проблемы, дискуссионные вопросы, дана периодизация этапов эволюции советских корейцев в условиях СССР, России, показаны меры, связанные с процессом обустройства этнической общности. Проведен анализ появившихся авторских исследований как носящих обобщающий характер, так и непосредственно посвященных регионам страны с компактным проживанием корейцев, позволивший показать итоги работ ученых. Дана оценка вкладу ученых в изучение проблемы в целом.

In the framework presented in the article the analysis of development problems of forced displacement of ethnic communities, population groups. This task is performed on the example of the Soviet Koreans stayed almost until the end of 1940-ies in the Far East, and then moved regime in the Kazakh Soviet socialist Republic, the republics of Central Asia, and some regions of the RSFSR. The theoretical aspects of the problem, discussion questions, the periodization of the evolution of Soviet Koreans in the USSR, Russia, shows the steps associated with the process of resettlement of the ethnic community. The analysis of the appearing of investigations bearing as General in nature, and directly dedicated to the regions of compact residence of Koreans, which show the results of the practices of scientists. The estimation of the contribution of scientists to the study of problems in General.

Практически формирование российской историографии этнических меньшинств, в частности корейцев, началось во второй половине 1980-х годов, когда появился доступ к архивохранилищам по разным направлениям жизни государства и его народов, когда в условиях, развивавшихся на новом

² Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность». Направление 3. «Исторический опыт сосуществования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности» (координаторы: акад. Н. И. Макаров, д-р ист. наук Ю. А. Петров).

витке демократических процессов, стало возможным проявить внимание к разным сторонам жизни этнических общностей.

Этому заметно содействовали причины глобального порядка. В числе их развал Союза ССР, крушение социалистического содружества государств, усиление глобальных процессов. В этом ряду выступали местные региональные факторы: переосмысление народами возникших реалий, рост сепаратизма, коррупции, выявление спорных пограничных и земельных претензий, конфликт ингушей и осетин на территории Республики Северная Осетия-Алания, разбалансирование интересов и системы межэтнических отношений на Северном Кавказе, чеченская война, негативные явления в Закавказье и др.

В условиях повышенной этнической мобильности привлекала к себе внимание жизнь и русского народа (Гонов 1996; Денисов, Уланова 2003; Бугай 2011 и др.), и различных этнических меньшинств, включая российских корейцев.

Если ранее больше уделялось внимание этноисторическому аспекту проблемы (Тен 1935; Джарылгасинова 1980 и др.), то, начиная со второй половины 1980-х годов, объектом изучения стала социальная история этнических общностей в целом, а также ее частные вопросы. Это в полной мере относится и к российским корейцам, проживавшим до 1937 г. главным образом в районах Дальнего Востока³.

В связи с тем, что демократизация российского общества потребовала ответа на вопросы более сложного порядка, например: сущность эволюции принудительных переселений этнических общностей, включая и советских корейцев; причины подобных мер; необходимость осуществления жестокой по своему характеру политики государства, — расширилось изучение этих аспектов и в российской историографии. Каждая из сторон по вектору «народа и власть» приобретала свое значение.

Верификация реабилитации этнических общностей, как титульных, так и национальных меньшинств, подвергшихся деструктивному воздействию со стороны органов власти на территории Союза ССР, России начиная с 1920-х годов, (частично ранее), вызвала необходимость разобраться в этих особенностях государственной национальной политики, в подходах к осуществлению подобных пагубных мер.

Реабилитация «поруганных народов» (Нам 1998; Бугай 1999; Корейцы на Российском Дальнем Востоке 1999; Бэ Ын Гиёнг 2001; Пак, Бугай 2004; История и положение корейцев в России: материалы научно-практической конференции 2004; Бугай 2007 и др.) в 1980-е — 1990-е годы также потребовала более глубокого исследования этой проблемы, и не только в обобщающем

³ Понятие «поруганных народов» было введено впервые в научный оборот историком А. М. Некричем.

плане, но и применительно к каждой этнической общности, оказавшейся в такой сложной ситуации.

С середины 1990-х годов решению этой проблемы призывались как ученые, так и практики сферы межэтнических отношений. Необходимо было осуществить переход от вербального состояния проблемы к ее нормативно-творческой основе, т.е. перевести ее на правовую базу.

Фактически создание нормативно-правовой базы позволяло исследователям вплотную подойти к изучению проблемы этнических общностей, подвергшихся деструктивному воздействию со стороны органов власти в 1920-е — 1930-е и последующие годы (Лазарев 1994; Жамсуев 1995; Сабанчиев 1994, 2005; Киракозов 2010 и др.). В этом плане новыми подходами к вопросу примечательна книга профессора Л. П. Белковец (См. подробнее: Белковец 2003).

Исследователь проблемы административно-правового состояния российских немцев на спецпоселении (1941–1955 гг.), констатирует, что положение этнических общностей, подвергшихся специальному административно-правовому режиму, «предусматривало некоторое ограничение их прав (главным образом на свободу передвижения за пределы территории расселения), но они не были лишены права на жизнь, права голоса (участвовали в выборах Верховного Совета СССР 1946 г.) и т. д.».

Полагаю, подобная точка зрения опровергает и утверждение о депортации как геноциде. Более того, автор считает, что депортация, режим спецпоселения не являются «тягчайшим преступлением сталинского тоталитаризма», хотя и за рубежом, и у нас, в России, квалифицируется как преступление геноцида.

Задача органов НКВД — МВД СССР, по мнению Л.П. Белковец, была прозрачной, «они следили за умонастроениями спецпоселенцев и выкорчевывали из их среды антисоветские настроения» (Письмо Л.П. Белковец в адрес Президента Российской Федерации В. В. Путина от 17 марта 2005 года: Текущий архив Минрегиона России). Безусловно, и подобная точка зрения имеет право на жизнь, она может служить основой для дискуссий историков и правоведов.

Исследователь В. В. Тихонов отмечает, что «послевоенное время традиционно связывают со стабилизацией советской системы, а также с изменением международного статуса СССР, ставшего сверхдержавой» (Тихонов 2014: 170). С содержанием первой части вывода можно согласиться с большой натяжкой, если учесть, что в это время не все было согласию в Союзе ССР. Более двух миллионов его граждан оставались на спецпереселении, в ГУЛАГе, оставался действующим и режим спецкомендатур, ощущалась неэффективная деятельность судебной государственной системы, других структур власти. Одним словом, затушевывались многие негативные стороны жизни советского общества.

Разумеется, что ни в исторических исследованиях, ни в публицистике об этих реальных событиях не было даже упоминаний. Как не было и упомина-

ния в работах, опубликованных в 1950-е годы. Исследователи истории Союза ССР этого периода по-разному объясняют обстановку в Союзе ССР, конечно же, связывая ее с режимом И. Сталина. «То, что происходило в стране, мы старались объяснить и сложностью исторического перехода к той общественно-политической формации, и персональными качествами Сталина, и сложившейся при нем системы партийно-государственного управления», — замечал по этому поводу исследователь Б. Г. Тартаковский (Тартаковский 2005: 389). Общество все более удалялось от авторитарной модели личной власти.

Несомненно, историки не могли не реагировать на формирование относительно нормальных условий. Тем не менее отмечались попытки обращения к закрытым темам, в том числе принудительных переселений репрессированных народов в Союзе ССР. Историография проблемы в этот период поддерживалась главным образом учеными Казахстана, Узбекистана, частично Киргизии (Корейцы Казахстана и Средней Азии в зарубежных исследованиях 1990; Кан 1994; История корейцев Казахстана 1995; Ким, Мен 1995; Бугай, Гонов 1997; Хегай 1999; Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы 1998 и др.). Что же касается РСФСР, то здесь фактически над проблемой довлело табу. Правда, где-то в 1970-х годах появляются упоминания о наличии такой сложной проблемы, которая слабо изучена и остается в определенной мере провалом на поле историографии Союза ССР (Убушаев 1990; Бугай 1990, 1991).

В постановке и изучении обозначенной проблемы своеобразным прорывом были незначительные научные статьи и заметки, а также обобщающий труд по истории Калмыцкой АССР. В очерках истории Калмыкии впервые появилась глава, восстанавливавшая в хронологическом порядке цепь событий, связанных с депортацией калмыков в период Великой Отечественной войны (Очерки истории Калмыцкой АССР 1970).

Прорывом в изучении проблемы принудительных переселений этнических общностей и групп населения явились 1980-е годы, связанные с началом перестройки и заметных трансформации в жизни советского государства, а также с последовавшим затем развалом Союза ССР. Демократизационные процессы вызвали в обществе заметный всплеск этнической мобильности и своеобразной натурализации этнических сообществ.

Обстановка конца 1980-х — начала 1990-х годов потребовала ответа на многие вопросы, а также обстоятельного анализа причин проведения в 1930–1950-е годы именно такой национальной политики, когда отсутствовал сам поиск выхода из создававшейся в годы войны ситуации на территории страны.

В связи с открытием многих архивов, появлением определенного доступа к рассекреченным документам той эпохи возникала возможность обратиться и к этой сложной проблеме развития советского общества в период 1930–

1950-х годов и последующего времени, в частности постсоветского периода развития государственности.

В это время наблюдается и процесс восстановления исторической справедливости, появления новых оценок, выводов о проводившейся реабилитации репрессированных народов, первых прогнозов в этой сфере российского общества, в том числе и в жизни российских корейцев. Было обращено внимание на ход кампаний не только по принудительному переселению корейцев с территории Дальнего Востока в Казахскую ССР и республики Средней Азии, но частично и на территорию западных регионов России, итоги подобных акций. Были показаны последствия мер, повлекшие изменения жизни общностей, трудности их адаптации, интеграции в новых местах поселения, а главное — способности и возможности преодоления таких факторов бытия, как пространство и время, которые, несомненно, были более сложными по сравнению с адаптацией и интеграцией в тот или иной социум этнических меньшинств, получивших статус «спецпереселенец».

В истории советских (российских) корейцев выделены несколько этапов национально-государственной политики, связанной и с процессом обустройства, и преобразованиями корейского сообщества. Конститутивный (изначальный) этап — добровольное переселение корейцев — занимал длительный период. Затем следуют партизанское движение в период Гражданской войны, формирование государственной концепции отношения к корейской этнической общности в новых условиях России, становление социалистической корейской общности на территории Союза ССР (это не только территория Дальнего Востока), эволюция общности в условиях административной системы управления сообществом, предвоенный период, так называемый в истории период «подозрительности». На богатом архивном материале применительно к этой градации раскрываются и исторические события, в том числе принудительное переселение корейцев.

Дискуссионный характер в 2000-е годы приобрел сам вопрос о дате переселения корейцев в Россию. И он проявился в 2003 г., когда общественность вела подготовку к 140-летней годовщине добровольного переселения корейцев на территории России. Даже непосредственно в среде корейского сообщества не было единства в этом вопросе. Одни полагали датой переселения надо считать 1863-й год, другие — 1864 год. Группа ученых (Ким Ен Ун и др.) считали, что за точку отсчета надо рассматривать 1863 год.

В тот период последовало обращение Правительства Российской Федерации в Институт российской истории РАН, который и выступил арбитром в этой дискуссии. Было доказано, что юридически верно признать за отправную точку 1864 год с учетом наличия документов по имевшим место параллельным событиям, юридическому оформлению акции по переселению корейцев.

Эта точка зрения получила верификацию, прозвучавшую в докладе профессора истории Юн Санвон, посвященному мероприятиям по случаю

50-летия добровольного переселения корейцев в Россию (Корея, Россия, русские корейцы. Материалы международной научной конференции 30–31 мая 2013 г., 2013: 85–94). Доклад был подготовлен исключительно на базе архивных документов Российской Федерации и Республики Корея с использованием и материалов прессы тех лет. Что представляет особую важность в докладе Юн Санвона, так это его обращение к свидетельствам самих корейцев. По этому поводу автор констатировал: «Однако местные корейцы Приморья считают 1864 год началом собственного переселения, и в основе этого называют факт *«пересечения реки в год Капчжа»*. Такое историческое восприятие укоренилось и постепенно было закреплено в качестве официальной точки отсчета переселения корейцев в Россию. Одним словом, не в год *Кемё* (1863), не в год *Ыльчу* (1865), а именно в год *Капчжа* (исчисление до григорианского календаря, введенного папой Григорием XIII в 1582 г.).

Несомненно, периодическое проведение своеобразной экспертизы любой из изучаемых проблем и необходимо, и актуально. Это позволяет подвести определенные итоги изучения, определить новые направления исследования той или иной темы. Аналогичным образом протекало и исследование принудительно переселенных общностей, включая российских корейцев.

В 2000-е годы изучение проблемы принудительных переселений советских корейцев заметно продвинулось. При этом уклон пока делается на индивидуальные исследования авторов. Все это содействует накоплению материалов с целью подготовки обобщающих трудов по истории проживания корейцев в Союзе ССР, России, по вопросам корейско-российских отношений, развитию контактов между народами России и стран Корейского полуострова.

В плане формирования самосознания и национального сознания как основополагающих начал возрождения и культуры этнической общности важно изучение такой сложной проблемы, как самоидентификация российских корейцев, а также корейцев, проживающих в других государствах, т. е. вне стран Корейского полуострова. По мнению Пак Хён Сон, выступавшего в Москве на международной научно-практической конференции учёных Северо-Восточной Азии «Корейский полуостров и корейцы СНГ» 16–17 декабря 2005 г., не может быть одинаковой самоидентификация, например, корейцев, проживающих в США, Японии, Мексике, Австралии, и корейцев, проживающих в государствах СНГ, включая и российских корейцев (Материалы международной конференции ученых Северо-Восточной Азии «Корейский полуостров и корейцы СНГ» 2005).

И каким же образом воспринимаются российские корейцы в этих странах? Как констатировал учёный, в понимании жителей Республики Корея российские корейцы по известным признакам нации не могут быть идентифицированы с корейцами государств Корейского полуострова и, особенно, с корейцами, проживающими непосредственно в Республике Корея. Та-

кой подход, по его мнению, обусловлен следующими факторами: отсутствие знания корейского языка, малый опыт участия в разработке и реализации международных проектов в экономике, якобы неспособность российских корейцев отладить четкую систему связей на международном уровне, наличие слабой прослойки олигархов, отсутствие способностей заниматься бизнесом.

Одним словом, южные корейцы рассматривают русскоязычных корейцев как «не совсем» корейцев. Кроме того, корейцам из Южной Кореи не всегда удаётся скрыть чувство экономического превосходства» (Ока Нацуко, 2001, 2004: 398).

Конечно, определенное мнение сложилось по этому вопросу и у самих российских корейцев, которые, несмотря на общие генетические корни, антропологический тип, этническую культуру и язык, пытаются противопоставить себя «истинным», «настоящим» корейцам, проживающим на Корейском полуострове.

В данном случае сказывается и тот факт, что сложившаяся дихотомия «мы — они» имеет исторические корни почти полтора века, в течение которых корейцы претерпели трансформацию языка, обычаев, менталитета. Нередко можно услышать и заявления о том, что у корейцев на Корейском полуострове «совсем другая психология. Они переняли американский образ жизни и взаимоотношений. Мы воспитаны в совершенно иной идеологии. Мы иные корейцы».

Российские корейцы себя считают «*Коре Сарам*», подчеркивая свое противопоставление «*Хангук Сарам*» (южным корейцам), а также «*Чосон Сарам*» (северным корейцам). Как замечают отдельные ученые, этим делением выражается понятие, что «мы не больше и не меньше корейцы, чем наши собратья на Юге и Севере, мы просто иные корейцы».

Главное заключается в данном случае в том, что *Коре Сарам* практически утратили родной язык. Для 4-го и 5-го поколений он стал таким же иностранным, как китайский или японский. Это во многом было обусловлено депортацией советских корейцев в 1937 г.

Изложенный подход вызвал дискуссию. Это не случайно. Выступавшие участники международного форума (с российской стороны) акцентировали внимание на том, что знание языка не должно быть самоцелью, особенно с учётом тех условий, в которые была поставлена исторически этническая общность, в частности корейская.

Для признания корейцами Республики Корея российских корейцев, как и казахстанских, узбекских корейцев, идентичными корейцам Республики Корея, по мнению выступавших, важно, чтобы российские корейцы, как и корейцы, проживающие в других названных странах СНГ, были представлены в органах государственной власти, занимали достойное место в обществах этих государств. В этом в конечном счёте и будет сила корейской этнической общности.

Безусловно, этот барьер преодолевается, хотя и не очень быстрой. Депутат Национальной Ассамблеи, спецпосланник Президента Республики Корея Ли Чжэ О, выступая на встрече в Посольстве Республики Корея в Российской Федерации, четко заявил: «Новая администрация Президента считает целесообразным предоставление разного рода льгот для этнических корейцев в России и странах СНГ, которые будут участвовать в инвестиционных программах Республики Корея ...зарубежные корейцы, в том числе и российские, вправе участвовать в политической жизни своей исторической Родины» (Спецпосланник Президента встретился с российскими корейцами 2008: 2).

Кризис социальной идентичности, конечно если его можно таким рассматривать, будет сам по себе устранён. Заметно возрастёт роль корейцев, независимо от государства проживания, как посредников между правительствами государств и этническими общностями, в них проживающими. Это весьма важная основа для дальнейшего развития экономических связей и расширения возможностей контактов в сфере культуры.

Среди опубликованных работ по этой теме следовало бы отметить научные труды, подготовленные и изданные Ж. Г. Сон (ВЭШ России). В Институте российской истории РАН в середине декабря 2009 г. состоялась защита ее диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: «Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920-е — 1930-е годы» (Сон 2009, 2011). Была опубликована монография автора «Российские корейцы: вселилие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930-е годы» (М., 2013).

В работе четко определена региональная специфика неоднозначных, а порой и противоречивых событий 1920–1930-х годов на Дальнем Востоке. Фактически раскрывается обстановка в регионе накануне принудительного переселения советских корейцев. Первые публикации по этому вопросу показывают, что корейцы стояли в рядах тех, кто сражался на фронтах Великой Отечественной войны с фашистами, защищая свое Отечество — Советский Союз (Дорогой горьких испытаний. К 60-летию депортации корейцев России 1997; Пак, Бугай 2004; Бугай 2004; Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны 2005 и др.).

Ж. Г. Сон обратилась и к такому слабо представленному вопросу в историографии, как роль и место советских корейцев в системе межэтнических отношений Советского Союза в 1920-е — 1930-е годы. Освещая предвоенный период, автор анализирует документы, ограничивавшие призыв на фронт советских корейцев, упоминая, в частности, о принятой 24 июня 1938 г. Директиве народного Комиссариата Обороны № 200/ш, в которой как раз и определялись потенциально опасные для советской власти элементы. При этом предписывалось немедленно уволить лиц командного состава «неблагонадежных национальностей»: поляков, немцев, румын, корейцев, латышей,

литовцев, эстонцев и других. «К этому времени, — пишет Ж. Г. Сон, — все военнотружачие — корейцы были уволены из ОКДВ, большая часть их была репрессирована» (Сон 2009: 23–24; 2014: 217 и др.). Анализу подвергнуты и многие другие аспекты этой сложной в научном плане проблемы.

На этом этапе из трудов, опубликованных учеными Дальнего Востока, привлекает новизной постановки проблемы, богатой источниковой базой, использованием новых архивных материалов монография доктора исторических наук Е. Н. Чернолуцкой (Чернолуцкая 2011). В книге автором показаны эволюция политики пограничного режима в Российской империи по отношению к этническим меньшинствам. Обращено внимание и на последующее время, связанное с социальными чистками на Дальнем Востоке, проводимыми применительно к советским корейцам. В своих доводах автор исходит из положения о наличии переселения тотального характера, увязывая его с принудительным переселением советских корейцев с территории Дальнего Востока как «поголовной депортацией по этническому признаку» (там же: 201).

Отношение к корейцам вплоть до 1920-х годов находилось в диапазоне от «сочувственного» до «неприятного». Е. Н. Чернолуцкая рассматривает в связи с этим все перипетии корейской общности на Дальнем Востоке: обустройство, заселение, взаимодействие с органами государственной власти и России, и Японии; выявляет трудности решения многих жизненных проблем этнической общности, особенностей переселений корейцев с учетом и интересов, и стратегических целей России.

Опираясь на итоги исследования темы предшественниками, выявленный богатый архивный материал, воспоминания, автор уделяет большое внимание дискуссионным вопросам: о статусе советских корейцев, переселении в глубь территории края, о причинах принудительного переселения, вызревании предпосылок подробных акций, характере самих переселений, о возможностях формирования автономии корейцев на территории Дальнего Востока.

Можно назвать уникальной и публикацию впервые книги об участии российских корейцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Составителями ее выступили Д. Шин, Б. Д. Пак, В. В. Цой. Поиск документов увенчался успехом. Сам факт находки явился знаменательным событием начала второго десятилетия XXI в. не только в России, но и в странах СНГ (Шин, Пак, Цой 2012). Исследователями проведена большая изыскательская работа по выявлению новых архивных документов и материалов, бесед об участии советских корейцев в войне 1941–1945 годов.

Уже в 1941 г. большое количество молодых корейцев призывного возраста обратились в военкоматы республик с единственной просьбой — отправить их на фронт. Они продемонстрировали тем самым свой патриотический и гражданский долг, уважение к предкам, любовь к Родине, которую избрали для них отцы и деды, а ею была Россия, а затем Советский Союз.

В этом плане корейцы выступали как истинные защитники Родины в тяжелое для нее время. Следует отметить, что эта привязанность к Родине проявлялась корейцами на разных этапах истории российской государственности. Не случайно об этом отмечается во многих записках путешественников, как и исследователей истории российских корейцев. Так, писатель А. Мелихов, например, по этому поводу замечал: «Русские, украинцы, белорусы, обрусевшие немцы и корейцы, воспитанные на русской земле, французы и монголы — это тело России, ее сила...» (Мелихов: электронный ресурс).

Однако в реальности существовала и другая сторона проблемы. Под призывом в армию военкоматы вместо фронта отправляли советских корейцев как «неблагонадежных» в трудовые колонны и батальоны. Профессор Г. А. Югай в связи с этим замечал: «На фронт попали лишь единицы, оказавшиеся по ошибке военкоматов или скрывшие свою национальность, выдававшие себя за других» (Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны 2005: 172–173). Фактически «привезли на Крайний Север в трудовую армию вместо общеданного артиллерийского, а позднее и танкового полков...» (там же: 183).

По имеющимся сведениям архивных документов, в батальонах и рабочих колоннах на стройках Мурманской области, в Коми АССР, на угольных шахтах Тульской области и Подмоскovie трудилось более 14 тыс. представителей корейской общности (ГАРФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 2011, л. 252–253) (ГАРФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 2011, л. 252–253).⁴ Эта проблема ждет своего исследования.

Составителями, по нашему мнению, проделана колоссальная работа по выявлению ранее неизвестного материала об участии корейцев в войне 1941–1945 гг. Он впервые транслирован российскому читателю в обобщающем виде. Книга совершенно изменяет представления о роли этнических меньшинств, включая советских корейцев, в войне. И это особенно важно в связи с 70-летием Победы народов СССР в Великой Отечественной войне.

Теперь уже досконально известно об участии около 400 корейцев в войне 1941–1945 годов. Это подтверждают и опубликованные в книге обстоятельные очерки о каждом из выявленных участников войны.

Корейцы-мужчины были заняты во всех родах войск и в сфере обеспечения военных подразделений, в медицинской военной службе, являлись непосредственными участниками и военных сражений на фронтах, командовали подразделениями в Красной армии. Многие из них прошли школу партизанской борьбы. На службе были и те, кому удалось попасть в армию

⁴ Из корейцев в марте 1943 г. было мобилизовано на работы в угольную промышленность 7765 человек, из которых 5153 чел. работали в Подмоскovie угольном бассейне (Тульская область) и 2622 чел. использовались внутри Казахстана на Карагандинских угольных копях. Остальные корейцы были заняты в Коми АССР и на других стройках военного времени. (См.: там же.).

под чужими фамилиями — русскими, узбекскими, казахскими. Некоторые из советских корейцев испытали на себе фашистский плен.

Как выясняют составители книги, корейцы (мужчины и женщины) в 1941–1945 гг. сражались фактически на всех фронтах войны, проявляя героизм и мужество. Среди них были профессиональные разведчики. Из числа корейцев, по установленным сведениям, было три командующих полками (Ф. И. Ким, Н. А. Ким, П. И. Цой). Уже известны имена многих участников войны, например медсестры В. Ни, Николай А. Ким, радисты Виктор Ким, Г. Цой, сын полка А. Сон и др.

Великая Отечественная война для корейцев не завершилась победой над фашистами. Многие из них в последующем приняли участие в освобождении Кореи от японских оккупантов.

Заложена прочная основа для исследовательской работы по военной истории российских корейцев. Она объемна по своему содержанию и потребует усилий ученых и интересующихся военной историей не только России, но и Казахстана, Узбекистана, Киргизии. Эти усилия будут содействовать созданию правдивой истории Великой Отечественной войны.

В продолжение отмеченной темы автором статьи также изданы книги, в которых рассмотрена такая тема, как исполнение советскими корейцами интернационального долга на территории Северной Кореи в период войны 1950–1953 гг. В этих акциях, как отмечено в источниках, участвовало от 400 до 1 тыс. корейцев. Многие из них занимали государственные должности — военачальников, дипломатов, послов КНДР в других государствах, руководителей высших учебных заведений, кафедр, отраслей народного хозяйства. Отдельные из корейцев были удостоены наград КНДР и даже самой высокой из них — Герой КНДР (Тен, Тен, Тен 2003; Бугай 2014; Тянь Хак Пом 2006; Мен 2001; Эм 2011 и др.). В связи со 150-летием добровольного переселения корейцев в России (сентябрь 2014 г.) изданы также и другие научные труды, в которых освещен путь российских корейцев на территории Союза ССР, России. Уделено внимание и современной жизни корейской общности (Земсков 2014; Бугай 2015).

Событием исторической важности в жизни корейской общественности явилась и публикация в 3-х книгах д-ра ист. наук А. Т. Кузина (Кузин 2009; Интеграция и ассимиляция (1945–1990 гг.) 2010; Этническая консолидация на рубеже XX — XXI вв. 2010) о сахалинских корейцах, которые составляют в России особую группу корейского населения со своей судьбой, организацией жизнедеятельности, связей с исторической родиной, отличительными особенностями формирования и функционирования сахалинского корейского сообщества. Автором привлечен богатый собранный архивный материал, выявленный в местных архивохранилищах. Книги читаются с интересом и раскрывают процесс эволюции сахалинских корейцев, численность которых первоначально составляла 67 человек, а впоследствии возросла до

нескольких тысяч человек. Автором раскрыты многие до сих пор неизвестные стороны жизни сахалинских корейцев.

В трудах А. Т. Кузина, Н. Ф. Бугая обстоятельному анализу подвергается периферийный фактор в истории корейской общности, показаны все те изменения, которые происходили в жизни корейского сообщества в СССР, России на территории Дальнего Востока, на Дону и Северном Кавказе. На богатой источниковой базе раскрыта специфика мест, ее влияние на трудовую активность корейского сообщества, на участие в общественно-политической деятельности, на мобильность общности.

Нельзя не обойти вниманием появившиеся исследования, включая и диссертацию на соискание ученой степени д-ра ист. наук, бывшего руководителя представительства «Россодружество» в Киргизии Л. Н. Дьяченко (Дьяченко 2013, 2010, 2013 и др.). Конечно, в работе содержится определенный новый материал применительно к Киргизии. В целом же диссертацию можно охарактеризовать, судя по формулировке в ней положений, выносимых автором на защиту, как констатация известных фактов, беспомощности самого исследователя. Новых открытий не произошло⁵.

Вряд ли можно согласиться с автором, утверждающим о слабой проработанности темы на период защиты диссертации в масштабе не только России, но и Киргизии, других стран СНГ. Хотя она после опровергает саму же себя. Вероятно, сказалось слабое знакомство с изданной литературой.

Если исходить из положений, выдвинутых на защиту, то многие из них не только не имеют под собой научного основания, но и не обоснованы самим диссертантом. Не совсем прозрачно и токование понятий «адаптационные модели», вряд ли можно «втискивать» процесс адаптации принудительно переселенной этнической общности в какие-либо временные рамки. Сложно отнести к научному открытию диссертанта и такие определения, как «репрессивная политика СССР», «советская депортационная политика», с учетом уже имеющихся толкований и выводов исследователей этой сложной проблемы и пр. Было бы целесообразным в качестве примера назвать хотя бы одно государство, которое использовало или применяет подобное название проводимой им собственной политики. Эти понятия были в моде на первой стадии изучения проблемы, что объяснялось слабой источниковой базой темы.

Вряд ли можно согласиться с посылом автора, что депортация кулачества явилась первой социальной депортацией (разные условия, разные причины,

⁵ Вывод по автореферату диссертационного исследования зачастую бывает ошибочным. Знакомство с диссертацией показывает во многом обратное, допущено много ошибок и просчетов со стороны автора, отмечается действительно слабая проработка литературы, источников, а отсюда и недостаточно глубокая аргументация выводов, поверхностность суждений, отсутствие развития в научном плане самой темы, поспешность, которые не придают исследованию ни фундаментальности, ни новизны.

переселялись в рамках одной страны), как «модель» для будущих переселений целых народов — «геополитических депортаций». Каким образом это надо понимать — «геополитическая депортация» (в масштабе мира?!)? Более того, как же, каким образом данное понятие сопрягается с понятием «депортации по национальному признаку». Опять же в этой ситуации возникает вопрос: кто оставался в СССР в числе не подвергшихся депортации в этот период?

Л. Дьяченко являет миру Союз ССР как основателя «геополитических депортаций». А надо было бы обратиться к имевшим место принудительным переселениям и на территории СССР, и в досоветский период развития государственности. Данный посыл неудачен и в корне не соответствует действительности.

Официальные документы 1930–1950-х годов не подтверждают придуманные изыски. Непонятно и утверждение Л. Дьяченко, почему Киргизская ССР — составная часть СССР, на пространстве которой действовали одни и те же законы, стала заложницей и проводником депортационной политики центра. Каким образом это сочетается с выводами диссертанта? С одной стороны, автором отмечается замкнутость, корпоративность сознания переселенцев, а с другой — превозносится уровень толерантности (понятие не соответствует той эпохе). С одной стороны, Киргизская ССР «страдала от наплыва населения (на апрель 1949 г. 26 741 человек)», а с другой — испытывала нехватку производительных сил. Аналогичны утверждения диссертанта и применительно к переселенцам Северного Кавказа.

Надо учитывать, наверное, и те средства, которые направлялись для переселенцев центром (см. Ким Г. и др.), и в Киргизии имелись десятки заведенных уголовных дел об использовании этих средств не по назначению. Ничего себе заложник! Нет сбалансированной подачи материала и соответствующих выводов. Вероятно, это неизвестно диссертанту, сказалась слабая проработка архивов. К сожалению, в работе искажены и многие исторические факты, например, применительно к переселению тех же советских корейцев, «оуновцев» (Украина) и др.

Автор, как правило, привлекает для своей аргументации первые попавшиеся ей на глаза статистические данные, а не итоговые показатели, раскрывающие суть того или иного процесса.

Это в полной мере относится к советским корейцам, принудительно переселенным с Дальнего Востока, например, на территорию Киргизской ССР. В отношении корейцев не менее интересно и другое открытие автора (!). Главную причину переселения советских корейцев во второй половине 1930-х годов Л. Дьяченко видит исключительно в том, что они «имели собственное государство с буржуазной формой правления». Следовало бы все-таки ознакомиться с историей появления корейцев на территории СССР (Дьяченко 2013: 44). Такое утверждение звучит как оскорбление в адрес советских — российских корейцев. В 1937 г. уже исполнилось более 70 лет со

дня добровольного переселения их в Россию. А для многих из них Россия вообще была родиной, они в ней родились. По Дьяченко, оказывается, что советские корейцы в наименьшей степени поддавались политике советизации. Но в действительности же корейцы составили костяк партизанского движения на Дальнем Востоке в борьбе за Советы и в период Гражданской войны. В ходе коллективизации они имели самый высокий показатель в крае и т. д. На октябрь 1931 г. было образовано 200 корейских коллективных хозяйств с 12 тыс. колхозников (ГАРФ. Ф. 3316, оп. 2. Д. 1078, л. 69).

Одним словом, как замечает Л. Н. Дьяченко, «статус корейцев был крайне противоречивым. Это был народ, насильственно высланный в целях пресечения «японского шпионажа» (Дьяченко 2013). Л. Дьяченко, теперь уже доктор исторических наук, утверждала, что «до Великой Отечественной войны этнической депортации подверглись корейцы, поляки, финны и курды, которые, как считало советское руководство, *в силу своей этнической принадлежности* представляли угрозу внешнеполитическим интересам СССР» (Дьяченко 2013: 43).

Не берусь судить о других названных ею этнических общностях, но, несомненно, автор подобного вывода не знакома с изданием серии из 14 книг «Корейцы — жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг. Кн. 1, М., 2004.../Сост. Ку-Дегай С. Наверное, необходимо было бы обосновать сей глубокий научный вывод диссертанта, например, применительно к советским корейцам.

Что касается поселения корейцев на территории Киргизской ССР, то Л.Н. Дьяченко по этому поводу пишет, что «корейцы *появились здесь после смерти Сталина*, и связано это было с ослаблением их политического преследования». В связи с этим ею же дается оценка положению корейцев в системе отношений. «Корейцы, — считает она, — наиболее ярко из всех переселившихся народов демонстрируют результат политики тоталитарного режима — политики денационализации и интернационализма в самом крайнем его проявлении — этнической стерилизации» (там же).

Настоящее утверждение не совсем соответствует действительности. Уже в 1937 г. незначительная часть корейцев была поселена и на территории будущей Киргизской ССР (образована 21 ноября 1940 г.), в частности на предприятиях объединения «Киргуля». По сведениям НКВД Узбекской ССР о пребывании корейцев-переселенцев на шахту «Сулюкта» (одноименный город с 1940 г.) станция Пролетарская («Кируголь»), где осуществлялась добыча бурого угля (с 1868 г.), на 5 декабря 1937 г., прибыла 51 семья (187 человек). В докладной записке наркома, председателя СНК Узбекской ССР С.С. Сегизбаева (19 декабря) уже значилось 215 корейских хозяйств. В последующем наблюдалась тенденции роста численности корейцев на территории Киргизской ССР (ГАРФ. Ф. — Р. 5446, оп. 29, д. 48, л. 146–147, 156–160) (Корейцы в Союзе ССР — России: XX век. История в документах 2004: 99). И трудились они там совместно с более чем с 50 тыс. других спецпереселенцев. А что ка-

сается послабления режима пребывания советских корейцев на поселении, то оно проявилось в связи с созданием Переселенческого управления при СНК СССР, при СНК союзных и автономных республик, в ведение которых передавались и корейцы, проживавшие в Средней Азии⁶.

Необходимо было бы познакомиться и с материалами проходившего Всероссийского кустового совещания по проблеме реабилитации народов Северного Кавказа 25 августа 1960 г. в г. Нальчике (Проблемы реабилитации репрессированных этнических общностей: мнения и дискуссия 2011). Что помогло бы самому автору разобраться в направлениях, итогах реабилитации народов Северного Кавказа и не делать поспешных, зачастую необоснованных, мало значащих для науки выводов.

В 1990-е — 2000-е годы историография пополнилась содержательными документальными публикациями. Неоценимым источником в плане изучения судеб корейской этнической общности в Союзе ССР — народа, перенесшего унижения и лишения в 1930–1940-е годы, — являются книги, издание которых было положено в 2000 г. под общим названием «Корейцы — жертвы политических репрессий» (автор и составитель Светлана Ку). Они раскрывают и сущность режима власти в Советском Союзе, когда малейшее отклонение от предначертанного курса партии рассматривалось как инакомыслие, что, конечно, порождало беспредел, безнаказанность, бесчеловечную жестокость со стороны господствующего режима.

В 2004 г. появился содержательный сборник документов «Корейцы в СССР. Материалы советской печати. 1918–1937 гг.» (сост. Ю. В. Ванин, Б. Б. Пак, Б. Д. Пак). В издании раскрываются многие страницы участия корейцев в Гражданской войне, революционном движении на русском Дальнем Востоке, о социально-экономическом, культурном и правовом положении корейцев в Союзе ССР до принудительного переселения в Казахстан и республики Средней Азии в 1937 году.

В России был опубликован новый сборник документов под общим названием «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938» (М., 2004). Материалы сборника позволяют сделать непреложный вывод, что фактически два года из жизни страны в условиях тоталитарного режима — это по своему объему целая историческая эпоха, сопрово-

⁶ 10 июля 1936 г. постановлением Советского правительства Всесоюзный переселенческий комитет был переведен в структуру НКВД СССР. В связи с этим в его структуре был сформирован Переселенческий отдел, существовавший до 1939 г. В конце 1940-х годов задачи его претерпели заметное изменение. В 1949 г. Главное переселенческое управление функционировало при Совете Министров СССР. Постановлением Совета Министров СССР № 2895 от 7 декабря Главное управление перешло в состав Министерства сельского хозяйства СССР, а на основании постановления Совета Министров № 2344 от 1 декабря 1954 г. «Об упорядочении дела организации сельскохозяйственного и промышленного переселения» Главное переселенческое управление было ликвидировано.

ждаемая, если учесть и первую половину 1930-х годов, усилением репрессий, новыми жертвами во имя укрепления функционировавшего режима власти.

По-прежнему ценным источником остаются воспоминания непосредственных участников этих процессов. Такие работы появляются в различных регионах страны, и они существенно дополняют знания о корейцах в России. Так, Н. Лян (Лян 2014) (Ростова-на-Дону) в своей книге предпринял попытку охватить все вопросы, которые ему известны в этом плане. Работе свойственен момент субъективизма, однако ему удается в определенной мере отметить все происходившие события, связанные с жизнью корейского общности, в частности на Юге России.

В появившейся книге Н. Н. Эм (Цветок мугунхва в сердце России. М., 2013) обобщен жизненный путь не только самого автора, но и частично коллектива педагогов первой русско-корейской школы в г. Москве. Опираясь на документы из личного архива, воспоминания, автор сумел раскрыть процесс выбора цели и достижения истинного профессионализма в избранной сфере деятельности, становления личности и как педагога, и как ученого-исследователя, руководителя коллектива.

Автору пришлось преодолеть огромные трудности в организации русско-корейской школы. Как свидетельствует содержание книги, Н. Н. Эм выполняла ответственную работу, налаживала контакты со своими коллегами в системе образования Республики Корея, вносила огромный вклад в российское корейское движение, участвуя активно в его мероприятиях, оставалась истинным приверженцем мирного объединения Кореи, постоянно отстаивала эту идею, руководствуясь общепризнанным принципом мирного сосуществования народов.

Значительный вклад в обобщение итогов изучения темы вносят состоявшиеся научно-практические конференции. Их материалы обогащают и российскую историографию по данной теме.

Так, в конце 2012 г. событием научной и культурной жизни российских корейцев явилась Международная научная конференция «Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи» (19–21 ноября 2012 г.). Она проходила в Санкт-Петербургском госуниверситете и была поддержана Академией корееведения (г. Сеул). Университет в Санкт-Петербурге стал центром, на основе которого развивается форум гражданских инициатив «Диалог Россия — Республика Корея». Это позволяет охватывать многие направления контактов между двумя странами, включая и осуществление научных исследований по разным аспектам взаимоотношений, культуры народов и др.

Примечательно, что в программе конференции впервые был выделен в самостоятельное направление вопрос о месте и роли миграции российских корейцев в межкультурной коммуникации, их роль и место в социальных процессах многонационального российского государства. Диапазон проблем заметно расширяется. Читателю становятся известными новые сторо-

ны истории этнических меньшинств на территории Российской Федерации. Российские корейцы не являются в этом плане исключением.

С привлечением новых материалов давались оценки того вклада, который вносят корейцы в развитие регионов Российской Федерации в расширение контактов как внутри корейской общности на территории России, так и между Россией и государствами на Корейском полуострове. В связи с этим директор Института восточных и западных обществ факультета социологии СПбГУ (г. Санкт-Петербург) Р. К. Тангалычева пишет: «...Осуществляется, с нашей точки зрения, важное и творческое межкультурное взаимодействие в сфере академического российско-корейского культурного сотрудничества, которое позволяет сформировать адекватную систему знаний о двух обществах».

Примечательным событием явилась и Международная научная конференция «Корея, Россия, русские корейцы» (май 2013). Конференция получила широкий резонанс в общественной, научной жизни государства. Открытие конференции приветствовал мэр г. Инчхона (господин Сон Ёнгиль), города, отличающегося своими революционными, боевыми и трудовыми традициями.

Эти же вопросы были в центре внимания Международной конференции «За мир на Корейском полуострове», посвященной 60-летию окончания войны в Корее и подписания Соглашения о перемирии, проведенной 20 июля 2013 г. Межрегиональной общественной организацией содействия мирному объединению Кореи «Бомминрён». Особенностью проводимой конференции явилось участие в ее работе многих ученых и общественных лидеров корейского движения из США, Канады, Китая, Японии и стран СНГ.

19 апреля 2014 г. проведением Международной научной конференции «Русскоязычные корейцы стран СНГ: общественно-географический синтез» за 150 лет» в Новосибирске — географическом центре России — был дан старт началу серии мероприятий, приуроченных к 150-й годовщине добровольного переселения корейцев в Россию. Научные конференции, посвященные этому историческому событию, состоялись также в Москве, Санкт-Петербурге, Хабаровске, Владивостоке, Оренбурге, Ростове-на-Дону и других городах России.

Были обстоятельно обсуждены проблемы участия корейцев СССР — России в национально-государственном строительстве, формировании органов государственной власти в условиях тоталитарного режима, в борьбе с фашизмом, послевоенном строительстве и в условиях принудительного переселения, в ходе строительства России уже в ее новом формате 1990-х годов. Наряду с этим раскрывались особенности этносоциальной интеграции корейцев на постсоветском пространстве в иноэтничной среде в России и других странах.

Краткий анализ состояния историографии проблемы российских корейцев свидетельствует о том, что за последние два десятилетия учеными

внесен огромный вклад в изучение истории этнических меньшинств на территории многонациональной России. Поднят из небытия целый пласт по проблеме участия в преобразовательных процессах представителей многих народов страны. Конечно, еще многие стороны этого процесса ждут своего исследователя. Изучение их будет обогащать то самое ценное — взаимодействие народов, их единство во имя созидания и создания условий для более комфортного проживания.

Литература

- Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003.
- Бугай Н. Вынужденная миграция калмыцкого народа // Время перемен. Элиста, 1990.
- Бугай Н. Ф. Корейцы в Союзе СССР — России. М., 2004.
- Бугай Н. Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). М., 2007.
- Бугай Н. Ф. Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие. М., 2015.
- Бугай Н. Операция «Улусы». Элиста, 1991.
- Бугай Н. О депортации калмыцкого народа // Тегин герл. № 3. Элиста, 1990.
- Бугай Н. Ф. Российские корейцы: новый поворот истории. М., 1999.
- Бугай Н. Ф. Российские корейцы: перемены, приоритеты, перспектива. М., 2014.
- Бугай Н. Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990 годов — начало XXI века). М., 2011.
- Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья... (20–50-е годы). Нальчик, 1997.
- Бэ Ын Гиёнг. Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938). М., 2001.
- Гонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского народа (20–30-е годы). Ростов-на-Дону, 1996.
- Джарылгасинова Р.Ш. Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
- Денисов Г. С., Уланова В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.
- Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: Министерством информации и общественного согласия и фонд изучения наследия репрессированной интеллигенции Казахстана «Арыс», 1998. Рец. см. Б. Агаян. По пути духовного очищения // Казахстанская правда. 15 января 1999.
- Дорогой горьких испытаний. К 60-летию депортации корейцев России. М., 1997.
- Дьяченко Л. Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации). Автореферат диссертации д.и.н. Бишкек, 2013.
- Дьяченко Л. Н. Из истории депортированных народов Кавказа в Кыргызстан. Бишкек, 2010.
- Жамсуев Б. Б. О реабилитации репрессированных народов // Думский вестник № 3. (18). М., 1995.
- Земсков В. Сталин и народы. Почему не было восстания? М., 2014.
- Интеграция и ассимиляция (1945–1990 гг.). Кн. 2. Южно-Сахалинск, 2010.
- История корейцев Казахстана. Алматы, 1995.

История и положение корейцев в России: материалы научно-практической конференции. Хабаровск, 2004.

Кан Г. В. Корейцы в Казахстане. Алматы, 1994.

Ким Г. Н., Мен Д. В. Истории и культура корейцев Казахстана. Алматы, 1995.

Кирикозов В. Взгляд на правосудие изнутри. Прокурорские хроники. М.: Спутник, 2010.

Корейцы в Союзе ССР — России: XX век. История в документах. М., 2004.

Корейцы Казахстана и Средней Азии в зарубежных исследованиях. Алма-Ата, 1990.

Корейцы на Российском Дальнем Востоке. Сборник научных трудов. Владивосток, 1999, Вып. 1.

Корея, Россия, русские корейцы. Материалы международной научной конференции 30–31 мая 2013 г. Инчхон. Инчхон, 2013.

Кузин А. Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. Кн. 1. Южно-Сахалинск, 2009.

Лазарев Б. М. Правовые вопросы репрессированных народов // Государство и право, 1994. № 12.

Лян Н. Рассказы депортированного лица. Ростов-на-Дону, 2014.

Материалы международной конференции ученых Северо-Восточной Азии «Корейский полуостров и корейцы СНГ». Сеул, 2005 (на русском и корейском языках).

Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / отв. ред. Р. К. Тангалычева, И. А. Коргун. СПб.: Скифия-принт, 2012.

Мелихов А. Надо уважать, а не унижать...» // URL: <http://www.mg.chita.ru/vprln.php?number=288&article=449> (дата обращения: 15.02.2015).

Мен Д. В. Советские корейцы в Северной Корее в 40–60-е годы // Известия корееведения Казахстана. Алма-Ата. 2001. Вып 8.

Нам С. Г. Российские корейцы: история и культура. М., 1998.

Ока Нацуко. Государство — этническое меньшинство — этническая родина этого меньшинства (русские, уйгуры и корейцы в постсоветском Казахстане) // Казахстан и России: общества и государства. М., 2004.

Ока Нацуко. Корейцы в современном Казахстане: стратегия выживания в роли этнического меньшинства // Диаспоры. 2001. № 2–3.

Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М., 2005.

Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1970.

Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: ИВ РАН, 2004: 1937 год.

Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004.

Письмо Л. П. Белковец в адрес Президента Российской Федерации В. В. Путина от 17 марта 2005 года (Текущий архив Минрегиона России).

Проблемы реабилитации репрессированных этнических общностей: мнения и дискуссия // Известия СО ИГСИ. Вып. 5 (44). Владикавказ, 2011.

Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность». Направление 3. «Исторический опыт сосуществования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности» (координаторы акад. Н. И. Макаров, д-р ист. наук Ю. А. Петров).

Российские корейцы. Приморье — Центральная Азия — Сталинград. Депортация / Материалы научной конференции «60 лет депортации корейцев России с Даль-

- него Востока в Казахстан и Среднюю Азию. Москва, август — сентябрь 1997 г. М., 2004.
- Сабанчиев Х.-М. А. Правовое положение балкарцев на спецпоселении в годы депортации // Национальная политика советского государства, Элиста, 1994.
- Сабанчиев Х.-М. А. Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселении // Государство и право. 2005, № 12.
- Сон Ж. Г. «Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920-е — 1930-е годы»: автореф. дисс ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Сон Ж. Г. Корейцы в СССР: репрессии, депортация. 1920 — 1930. История этнических меньшинств в СССР. Берлин: Ламберт, 2011.
- Сон Ж. Г. Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920 — 1930-е годы: автореф. дисс ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Сон Ж. Г. Социализация корейской семьи в СССР (1937–1991) // Международная конференция 150 лет проживания корейцев в России. Сеул, 10–11 октября 2014. Сеул, 2014.
- Спецпосланник Президента встретился с российскими корейцами // Российские корейцы. Январь 2008. № 99.
- Тартаковский Б. Г. Все это было. Вспоминая об исчезающем поколении. М., 2005.
- Тен Ф., Тен П., Тен Г. Мы гордились, что у нас был такой отец // Единство. № 9 (41). 2003.
- Тен Я. Корейцы Советского Союза // Революция и национальности. М., 1935.
- Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века. М., 2014. С. 170.
- Тян Хак Пом. Российские корейцы, построившие Северную Корею. Сеул, 2006.
- Убушаев Р. В. Операция «Улусы»: как это было // Советская Калмыкия. 1990, 28 дек.
- Хегай А. Ю. Правовое положение корейцев Центральной Азии и вопросы их реабилитации // Известия корееведения Казахстана. 1999. № 6.
- Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е годы. Владивосток, 2011.
- Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В. В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Серия «Российские корейцы». М.: ИВ РАН, 2011. /Рец.: Бугай Н.Ф. // Российская история. 2012. № 3.
- Эм Н. Н. Цветок Мугунхва в сердце России. М., 2011.
- Этническая консолидация на рубеже XX–XXI вв. Кн. 3. Южно-Сахалинск, 2010.

Ж. Г. Сон

Этапы трансформации национальной идентичности русскоязычной корейской общности в СССР и России (1926–2010)

В сообщении представлен анализ этапов трансформации национальной идентичности русскоязычной корейской общности, проживающей на территории России 150 лет. Данный процесс прослеживается на сравнительном анализе традиционной привязки к территориальной и культурной принадлежности относительно миграции корейцев в СССР и России. В основу исследования легли данные всесоюзных и всероссийских переписей населения (1926, 1939, 1959, 1970, 2002, 2010 гг.). За этот период произошли коренные изменения в корейском укладе жизни. Три основных фактора, определяющие этническую общность — язык, территория, культура, корейцами фактически были утрачены. Территория проживания корейцев — это вся Россия и страны СНГ. Однако, эти факты доказывают высокую адаптационную способность корейцев, толерантность, умение выстраивать межкультурные коммуникации со всеми народами России и стран СНГ.

The report presents an analysis of the stages of transformation of the national identity of Russian-speaking Korean community living in Russia for 150 years. This process can be traced to the comparative analysis of the traditional reference to the territorial and cultural backgrounds with respect to migration of Koreans in the Soviet Union and Russia. The study is based on data Union and the National Population Census (1926, 1939, 1959, 1970, 2002, 2010). During this period, there have been radical changes in the Korean way of life. Three main factors that determine the ethnic community — the language, territory, culture — actually were lost by Koreans. Koreans live nowadays in many parts of Russia and CIS countries. On the other hand, these facts prove highly adaptive capacity of Koreans, their tolerance and ability to build cross-cultural communication with all the peoples of Russia and CIS countries.

Возникновение, развитие, трансформация этнических общностей — один из важнейших аспектов истории человеческого сообщества. Эти процессы являются составной частью единого общеисторического процесса. Для периодизации этнической истории необходимо различать в развитии каждой отдельно взятой общности ряд критических точек, подъемы и расцвет в непрерывном процессе этнической истории народов мира.

Историография рассматриваемой темы стала активно разрабатываться в последнее десятилетие. Проблема деформации отдельно взятой этнической общности, менталитета, самоидентификации и этнической идентичности

стала актуальной в связи с обострением межэтнических отношений, проблемой консолидации и гармонизации не только в России, но и в масштабах мирового сообщества.

Интерес к истории русскоязычных корейцев не ослабевает, исследователи обращались главным образом к вопросам этнической идентичности, самоидентификации русскоязычных корейцев, социологической направленности, непосредственного взаимодействия и проявления на практике в местах компактного и дисперсного проживания корейцев в России. Такими регионами в настоящее время являются Ростовская, Волгоградская области, Северный Кавказ, Дальний Восток, остров Сахалин.

Однако выводы исследователей не имеют единой концепции, более того, их выводы различны и имеют дискуссионный характер. Мнения авторов сходятся в одном, что «депортация самым пагубным образом отразилась на культурном развитии этноса». Возможно, что «именно пассивность государства в решении проблем репрессированных народов в сочетании с присущей корейцам прагматичностью и склонностью к индивидуализму подталкивали их к ассимиляции и ориентировали на достижение стабильного положения в обществе» (Волкова 2004: 29).

Несмотря на трагические страницы истории, связанные с насильственным переселением корейцев с территории советского Дальнего Востока в Казахстан и Республики Средней Азии, советские корейцы считали своей второй родиной Россию (Союз ССР). К концу 1930-х годов это уже были корейцы со сложившимся менталитетом советского человека, проявляли готовность защищать свое Отечество (СССР) (Бугай 2007: 29).

Прежде всего надо отметить, что для национального характера корейцев, как и для многих этнических общностей, характерно стремление повысить свой социальный статус, осуществимое при наличии образования и условий для карьерного роста. Процесс формирования национально-культурной идентичности тесным образом связан со становлением индустриального общества. По мнению Ю. Хабермаса, национальное сознание как способ культурной интеграции специфическая черта Нового времени (Хабермас 2005: 222).

История русскоязычных корейцев может служить примером для исследования трансформации национально-культурной идентичности с момента добровольного переселения на русский Дальний Восток.

Следует отметить, что традиционная привязка к территориальной и культурной принадлежности ослабевает. Массовый характер производства индустриальной эпохи приводит к отчуждению человека от территориальной зависимости. Тема отчуждения, в том числе и от своей культурно-национальной идентичности, становится одной из доминирующих в философии марксизма, экзистенциализма, фрейдизма и т. п. Формирование и распространение массовой культуры приводит к идее формирования некоторого общего сознания, которое возникает «из идентификации с сознательно при-

нимаемыми традициями собственного политически-культурного сообщества» (Хабермас 2005: 222).

На профессиональный рост этнической общности влияет комплекс проблем, прежде всего создание и поддержка со стороны государства относительно приемлемых условий для проживания. Важную роль играет специфика формирования и поддержание социальной и этнической идентичности, выявление роли миграционных процессов в трансформации этнического менталитета, управления этнополитическими конфликтами, поиска культурной идентичности и современных тенденций социокультурных и межкультурных коммуникаций. Безусловно, эти проблемы остаются актуальными.

Все вышеизложенные проблемы относятся и к русскоязычным корейцам, проживающим на территории России и стран СНГ. Анализ эволюции содержания концепта «русскоязычный кореец», а именно формирование нового менталитета в условиях изменяющейся российской действительности, исследование причин профессионального роста, позволит выявить изменения в самосознании и национальном сознании корейцев, проживающих на территории постсоветского пространства 150 лет.

Интерес к истории русскоязычных корейцев ученых-историков, обществоведов, социологов и не только отечественных, но и зарубежных настолько велик, что порой, возникает справедливый вопрос: Каковы причины столь пристального внимания к этой этнической общности, имеющей свою численность всего около полумиллиона человек на постсоветском пространстве? Почему русскоязычных корейцев называют «самой адаптированной этнической общностью»? Не секрет, что русскоязычные корейцы активно трудятся во всех сферах государственного строительства России и стран СНГ, занимают высокие посты не только в экономике, но и на общественно-политической арене.

Анализ предложенной темы, невозможен без анализа предыстории появления корейцев на российской земле, их адаптации в русскую культуру начиная с 1864 г. Корейцы, пережившие вместе со всеми народами России одну историю, принимавшие активное участие в государственном строительстве на всех исторических этапах XX в., подверглись коренной переоценке традиционных норм, каждый переломный период в истории России трансформировал их менталитет и самосознание.

Известно, что менталитет складывается на основе общего исторического, культурного, социального и экономического развития той или иной общности, проживающей в едином социокультурном пространстве. Жизнь в России трансформировала систему взаимоотношений в обществе, характерную для корейской культурной традиции. Они восприняли правила игры, которые предлагала, а иногда и навязывала им социально доминирующая группа. Сначала это были нормы, ценности, установки русской культуры, затем — шире — советской, в какой-то степени попытавшейся объединить народы, населяющие нашу страну. Следует отметить, что корейцы не отказа-

лись полностью от некоторых, важных для выживания, элементов традиционной социальной структуры и соответствующей ей отношений.

Всесоюзные и всероссийские переписи населения (корейцы)

Для выявления причин столь высокой степени адаптации корейцев в русскую культуру необходимо обратиться к анализу мест проживания. Важно проследить изменения в самосознании и национальном сознании по двум критериям: пространство и время.

Географический фактор в условиях глобальной переселенческой политики Союза ССР перестал играть какую-либо роль. Традиционная привязка к территориальной и культурной принадлежности, соблюдавшаяся первыми корейцами-переселенцами до 1920-х годов, с приходом советской власти стала ослабевать. Переселенческая политика и теория «география неблагонадежности» царской России была продолжена и усилена большевиками (Сон 2013: 404–417).

До и после окончания гражданской войны в стране начались стихийные массовые переселения. Для регулирования этих потоков руководством страны в 1924 году был создан Всесоюзный Переселенческий Комитет при ЦИК СССР (ВПК) (РГАЭ РФ: Ф. 1562, оп. 336, д. 1566а -1566д). Одновременно с Всесоюзным переселенческим комитетом (ВПК) СССР существовал Переселенческий отдел при Главном Управлении лагерей НКВД СССР (ГУЛАГ НКВД СССР), на который возлагалась задача по заселению и созданию сельскохозяйственной базы в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а также в других главных стройках Советского Союза. 10 июня 1936 года постановлением Советского правительства ВПК СССР был передан в ведение НКВД СССР. В связи с этим был образован Переселенческий отдел НКВД СССР, просуществовавший до 1939 г. Главное переселенческое управление СССР просуществовало до 1953 г. (РГАЭ РФ: Там же).

Переселенческая политика Советского правительства была направлена не только на заселение многоземельных районов с целью их освоения, но и на зачистку приграничных территорий от инациональностей, в первую очередь тех, которые не имели своей государственности. В данном случае были опасения, что в условиях войны эти национальные меньшинства могут оказаться «неблагонадежными».

Корейцы попадали под этот статус «неблагонадежных» (Сон 2013: 418), вопрос о переселении корейцев с Дальнего Востока рассматривался неоднократно на государственном уровне. При этом среди корейцев было много желающих, особенно среди молодежи, покинуть места постоянного обитания, и начать новую жизнь в центральных районах Союза ССР. Молодежь, родившаяся на русской земле, к тому времени владела русским языком, стремилась уехать в большие города и учиться в высших учебных заведениях.

Таблица 1. Всесоюзная перепись населения 1926 г.
Национальный состав населения по республикам СССР

Националь- ность	Численность										
	Все население			Городские поселения				Сельское население			
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Всего граждан СССР	70781593	75855937	146637530	12782245	13334433	26116678	57999348	62521504	120520852		
Корейцы в СССР	47 945	39 054	86 999	5645	3511	9156	42 300	35 543	77 843		
РСФСР	47 817	39 037	86 854	5546	3497	9043	42 271	35 540	77 811		
Белорусская ССР	1	1	2	1	0	1	0	1	1		
Украинская ССР	90	14	104	71	13	84	19	1	20		
Закавказская ССР	8	1	9	8	0	8	0	1	1		
Узбекская ССР	29	1	30	19	1	20	10	0	10		

Наглядным свидетельством этому являются Всесоюзные переписи населения, проводившиеся в СССР в 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

1926 год. Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г. в СССР официально проживало 86 999 корейцев, из них в сельской местности — 77 843, а в городских поселениях — 9156 человек (табл. 1) (Всесоюзная перепись населения 1926 года).

Основная часть населения продолжала заниматься сельским хозяйством на территории РСФСР. Однако уже в 1926 г. корейцы проживали в Белорусской, Украинской, Закавказской и Узбекской ССР — всего их было 145 человек, из них сельского населения — 32 и городского населения — 113 человек.

Что касается Украинской ССР, где численность корейцев достигает 84 (71 мужчина, 13 женщин), то на Донбассе корейцы работали на угольных шахтах (Сон 2013: 254). В других регионах также преобладало городское население, наблюдается начало изменения образа жизни среди корейцев.

Бесспорно, что 145 человек мигрировали в эти районы с целью заработка в городских условиях или учебы в высших учебных заведениях, были настроены на постоянное проживание в городе и стремились к карьерному росту.

1939 год. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. корейцы проживали во всех союзных республиках, включая Узбекскую и Казахскую ССР — районы поселений после насильственного переселения с территории Дальнего Востока в 1937 г. (табл. 2).

Таблица 2. Всесоюзная перепись населения 1939 г. СССР. Корейцы

СССР	182 339
РСФСР	11 462
Украинская ССР	845
Белорусская ССР	15
Грузинская ССР	11
Азербайджанская ССР	14
Армянская ССР	4
Туркменская ССР	40
Узбекская ССР	72 944
Таджикская ССР	43
Казахская ССР	96 453
Киргизская ССР	508

В РСФСР советские корейцы проживали в 77 краях, областях и автономных республиках (Всесоюзная перепись населения 1939 г.). Несмотря на то, что перепись проходила после 1937 г., т.е. после принудительного выселения советских корейцев с территории Дальнего Востока, оказалось, что они оставались во многих регионах Союза ССР — 13 524 корейца (табл. 3).

Таблица 3. Всесоюзная перепись населения 1939 г.
Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу (корейцы)

	Численность									
	Все население			Городские поселения			Сельское население			
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	
Всего граждан СССР	81 694 889	88 862 204	170 557 093							
	97 071	85 268	182 339							
Корейцы в СССР			13 524							
Корейцы в РСФСР										
1 Алтайский край	72	56	128	38	22	60	34	34	68	
2 Архангельская область	89	11	100	28	5	33	61	6	67	
3 Башкирская АССР	17	15	32	10	6	16	7	9	16	
4 Бурят-Монгольская АССР	134	68	202	50	49	99	84	19	103	
5 Волгоградская область	1472	1318	2790	121	73	194	1351	1245	2596	
6 Вологодская область	12	5	17	9	4	13	3	1	4	
7 Воронежская область	20	9	29	12	9	21	8	0	8	
8 Дагестанская АССР	29	18	47	27	18	45	2	0	2	
9 Хабаровский край, в т. ч. Еврейская автоном. Обл.	2	1	3	2	1	3	0	0	0	
10 Ивановская область	17	13	30	16	13	29	1	0	1	
11 Иркутская область	425	198	623	202	134	336	223	64	287	

Продолжение таблицы 3

		Численность										
		Все население			Городские поселения			Сельское население				
		Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола		
12	Калмыцкая АССР	4	2	6		1	0	1		3	2	5
13	Карельская АССР	16	4	20		3	4	7		13	0	13
14	Кировская область	62	3	65		13	2	15		49	1	50
15	Коми АССР	28	11	39		5	5	10		23	6	29
16	Коми печорский округ	3	4	7		3	4	7		0	0	0
17	Молотовская (Пермская), в т. ч. Коми-Пермяцкий нац.окр.	17	5	22		11	5	16		6	0	6
18	Краснодарский край	99	118	217		31	17	48		68	101	169
19	Адыгейская авт. обл.	6	3	9		3	3	6		3	0	3
20	Красноярский край	574	235	809		402	174	576		172	61	233
21	Таймырский нац. округ	68	0	68		63	0	63		5	0	5
22	Хакасская авт. обл.	130	141	271		105	126	231		25	15	40
23	Крымская АССР	51	66	117		39	51	90		12	15	27
24	Курская область	19	12	31		15	9	24		4	3	7
25	Ленинград	145	50	195		145	50	195		0	0	0
26	Ленинградская область	157	56	213		148	54	202		9	2	11
27	Марийская АССР	4	1	5		1	0	1		3	1	4
28	Мордовская АССР	8	1	9		2	0	2		6	1	7
29	Москва	284	156	440		284	156	440		0	0	0
30	Московская область	384	243	627		349	201	550		35	42	77
31	Мурманская область	12	5	17		12	5	17		0	0	0
32	АССР немцев Поволжья	147	9	156		3	0	3		144	9	153

Продолжение таблицы 3

		Численность									
		Все население			Городские поселения			Сельское население			
		Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	
33	Архангельская, в т. ч. Ненецкий нац.окр.	43	0	43	61	6	67	40	0	40	
34	Горьковская (Нижегородская) область	27	12	39	10	9	19	17	3	20	
35	Хабаровский край, в т. ч. Нижне-Амурская область	3	3	6	3	3	6	0	0	0	
36	Новосибирская область	200	139	339	127	91	218	73	48	121	
37	Алтайский край, в т. ч. Ойротская авт. обл.	20	9	29							
38	Омская область	145	91	236	93	53	146	52	38	90	
39	Омская обл., в т. ч. Тар-ский округ	9	8	17	2	1	3	7	7	14	
40	Омская обл., в т. ч. Ямало-Омская обл., в т. ч. Ямало-Ненецкий окр.	6	1	7	5	1	6	1	0	1	
41	Омская обл., в т. ч. Тобольский округ	2	2	4	1	2	3	1	0	1	
42	Омская обл., в т. ч. Ханты-Мансийский нац. окр.	6	2	8	1	1	2	5	1	6	
43	Оренбургская область	49	36	85	24	18	42	25	18	43	
44	Орловская область	16	8	24	12	8	20	4	0	4	
45	Пензенская область	6	3	9	9	3	12	3	0	3	
46	Пермская область	341	27	368	148	13	161	193	14	207	
	Приморский край	32	32	64	17	22	39	15	10	25	

Продолжение таблицы 3

	Численность									
	Все население			Городские поселения			Сельское население			
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	
47	20	11	31	9	6	15	11	5	16	
48	47	38	85	35	33	68	12	5	17	
49	4	3	7	2	2	4	2	1	3	
50	101	38	139	85	33	118	16	5	21	
51	61	30	91	56	19	75	5	11	16	
52	7	2	9	5	1	6	2	1	3	
53	62	46	108	34	25	59	28	21	49	
54	26	13	39	16	7	23	10	6	16	
55	5	5	10	1	4	5	4	1	5	
56	1	1	2	1	0	1	0	1	1	
57	65	43	108	10	3	13	55	40	95	
58	12	8	20	9	4	13	3	4	7	
59	54	18	72	53	18	71	1	0	1	
60	7	1	8	2	0	2	5	1	6	
61	2	2	4	2	2	4	0	0	0	
62	10	7	17	5	5	10	5	2	7	
63	9	2	11	5	1	6	4	1	5	

	Численность									
	Все население			Городские поселения				Сельское население		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Оба пола
64	23	9	32	23	9	32	0	0	0	0
Иркутская обл., в т. ч. Усть-Ордынский нац. окр.										
65	132	50	182	34	27	61	98	23	121	121
Хабаровский край										
66	8	2	10	3	0	3	5	2	7	7
Хабаровский край, в т. ч. Камчатская область										
67	4	2	6	0	0	0	0	0	0	0
Хабаровский край, в т. ч. Корякский нац. округ										
68	5	16	21	3	6	9	2	10	12	12
Хабаровский край, в т. ч. Амурская обл.										
69	192	99	291	60	19	79	132	80	212	212
Челябинская обл.										
70	36	37	73	35	37	72	1	0	1	1
Чечено-Ингушская АССР										
71	3	0	3	0	0	0	3	0	3	3
Читинская обл., в т. ч. Агинский нац. окр.										
72	589	355	944	343	226	569	246	129	375	375
Читинская обл.										
73	0	1	1	0	1	1	0	0	0	0
Чувашская АССР										
74	2	0	2	1	0	1	1	0	1	1
Камчатская обл., в т. ч. Чукотский нац. окр.										
75	1184	487	1671	583	308	891	601	179	780	780
Якутская АССР										
76	530	288	818	423	231	654	107	57	164	164
Якутская АССР в т. ч. Алданский округ										
77	59	30	89	16	20	36	43	10	53	53
Ярославская обл.										
Всего в РСФСР	8670	4854	13524	4490	2492	6982	4180	2362	6542	6542

Большие группы корейцев проживали в Волгоградской области — 2790, из них в городе — 194, а в сельской местности — 2596 человек. В Иркутской области — 623, из них в городе — 336, в сельской местности — 287 человек. 809 корейцев было зарегистрировано в Красноярском крае, из них городских жителей было 576, а в сельской местности — 233 человека.

В Москве и Московской области по переписи числилось 440 и 627 корейцев соответственно, только 77 человек было зарегистрировано в сельской местности, а остальные проживали в городе. В Якутской АССР оставалось 1671 кореец, из них 891 — проживали в городах и 780 — в сельской местности. В Читинской области — 944, из них в городе было зарегистрировано 569, в сельской местности — 375 человек (табл. 3).

В историографии подобный анализ численности корейского населения в Союзе ССР делается впервые и несколько противоречит уже имеющимся научным выводам о том, что абсолютно все корейцы в 1937 г. были принудительно выселены в Казахстан и Республики Средней Азии.

Как видно из приведенных таблиц, согласно переписи населения за 1939 г., в СССР корейцы присутствовали во многих регионах и в городских поселениях и в сельской местности. При этом наблюдается тенденция перехода из сельских жителей в городские, свидетельствующая о том, что корейцы активно приобретали городские профессии и меняли свой уклад жизни.

1959, 1970 годы. По всесоюзной переписи 1959 г. корейцев в СССР числилось 313 735 человек (РГАЭ РФ: Ф. 1562, оп. 336, д. 1566а -1566д). Они были зарегистрированы во всех республиках Союза ССР, их численность колебалась от 29 человек (Литовская ССР) до 138 453 (Узбекская ССР). В РСФСР проживало 91 445, в Казахской ССР — 74 019, Украинской ССР — 1341 человек (Там же) и т.д.

Согласно данным всесоюзной переписи 1970 г., корейцев было зарегистрировано 357 507, из них в РСФСР — 101 369, в Армянской ССР — 45, Литовской ССР — 75, Эстонской ССР — 96, Молдавской ССР — 106, Азербайджанской ССР — 139, Латвийской ССР — 166, Грузинской ССР — 231, Белорусской ССР — 277 и т.д. (РГАЭ РФ: Ф. 1562, оп. 336, д. 3998–4185)

Вышеприведенные данные являются свидетельством высокой адаптационной способности корейцев. Каждая республика в Союзе ССР, несмотря на социалистическую структуру государственности, представляла собой отдельно взятую этническую общность, со своей культурой и менталитетом. В каждой из этих республик корейцам необходимо было вживаться, принимать их условия проживания, выстраивать межкультурные коммуникации, а этого можно было достичь только добросовестным трудом, толерантностью к окружающему миру.

2002 год. После распада Союза ССР первая перепись проводилась в 2002 г. Численность корейцев в Российской Федерации составляла 148 556 человек (Всероссийская перепись населения 2002 года). Самая большая группа была зарегистрирована в Дальневосточном округе — 61 946 и в Южном округе —

**Таблица 4. Всероссийская перепись населения 2002 г.
Численность корейцев по федеральным округам Российской Федерации**

Национальность	Федеральный округ						
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Все население	3 800 0651	13 974 466	22 907 141	31 154 744	12 373 926	20 062 938	6 692 865
Корейцы 148 556 человек	16 720	6903	39 031	9088	4071	10 797	61 946

Таблица 5. Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность корейцев в Российской Федерации

Национальность	Численность							
	Все население				Городские поселения			
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Сельское население Мужчины Женщины
Всего граждан СССР	142 856 536	66 046 579	76 809 957	105313773	48 117 546	57 196 227	37 542 763	17 929 033 19 613 730
Корейцы (<i>корё сарам</i>)	153 156	79 183	73 973	114 954	58 905	56 049	38 202	20 278 17 924

Таблица 6. Сводная таблица численности корейцев в СССР по данным Всесоюзной переписи 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Всероссийской переписи 2002, 2010 гг.

Год переписи	СССР	РСФСР	Украинская ССР	Белорусская ССР	Молдавская ССР	Эстонская ССР	Латвийская ССР	Литовская ССР	Ирландская ССР	Армянская ССР	Азербайджанская ССР	Туркменская ССР	Узбекская ССР	Таджикская ССР	Киргизская ССР	Казахская ССР
1926	86 999	86 854	104	2	-	-	-	-	9	-	-	-	30	-	-	-
1939	182 339	11 462	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1959	313 735	91 445	1341	115	99	40	49	29	115	34	90	1919	138 453	2365	3622	74 019
1970	357 507	101 369	4480	277	106	96	166	75	231	45	139	3493	151 058	8490	9404	78 078
1979	388 926	97 649	6061	478	212	103	183	140	129	30	130	3105	163 062	11179	14 481	91 984
1989	438 650	101 051	8669	638	269	202	248	119	242	29	94	2848	183 140	13 431	18 355	103 315
2002	-	148 556	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2010	-	153 156	13 000	-	-	-	-	-	-	-	-	3000	163 787	6000	19 000	100 000

Таблица 7. Численность корейского населения по уровню образования по субъектам Российской Федерации. 2010 год

Регионы, городское и сельское население	Численность населения	Уровень образования	Послевузовское	Высшее образование	Удельный вес, %
Калмыкия					
Городское	1057	1057	3	203	19,2
Сельское	259	259	1	99	
	798	798	2	104	
Астраханская область					
Городское	2344	2344	5	410	17,5
Сельское	901	901	2	240	
	1443	1443	3	170	
Кабардино-Балкарская Республика					
Городское	3367	3367	12	611	18,1
Сельское	3089	3089	11	578	
	278	278	1	33	
Камчатский край					
Городское	1282	1282	8	310	24,2
Сельское	1072	1072	8	280	
	210	210	-	30	
Приморский край					
Городское	16308	15 426	80	3876	23,8
Сельское	12942	12 176	72	3281	
	3366	3250	8	595	
Хабаровский край					
Городское	7185	7176	69	2167	30,2
Сельское	6347	6347	67	2025	
	838	838	2	142	
Сахалинская область					
Городское	21828	21 828	83	5453	25
Сельское	19825	19 825	72	5258	
				195	
Итого: 7 регионов РФ					
Городское	53 371	52 480	260	13 030	24,4
Сельское	44 435	43 660	233	11 761	
	8936	8820	27	1269	

39 031 кореец (табл. 4). Далее были рассмотрены данные переписи 2010 г., оказалось, что из общей численности 153 156 корейцев (Перепись населения Российской Федерации 2010 г.) в городских поселениях было зарегистрировано 114 954, а в сельских — 38 202 человека (табл. 5), 75% корейского населения стало городским.

Данные переписи населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1989, 2002 и 2010 гг., приведенные в сводной таблице 6 показывают, что корейцы, начиная с 1959 года, проживали во всех республиках Союза ССР. Их численность составляла от 29 человек (Литовская и Армянская ССР) до 183 140 (Узбекская ССР).

Что касается образования, то удельный вес уровня образования в процентном отношении по регионам колеблется: от 17,5% до 30% (Перепись населения Российской Федерации 2010 г.) корейцев имели высшее образование (табл. 7). По данным переписи оказалось, что из 153 156 человек, указавших владение языками, корейским языком владели 42 384 (Там же) родным языком считали русский язык. Таким образом, в 2010 г.:

- 1) через 70 лет более чем 70% корейцев, а это было 4-е–5-е поколение корейцев, постоянно проживавших в русскоязычной среде, утратили свой родной язык — корейский;
- 2) территория не имела решающей роли в выборе местожительства — корейцы свободно перемещались по всей стране.

Приведенные выше статистические данные наглядно демонстрируют изменение образа и уклада жизни корейцев в Союзе ССР и России на протяжении 70 лет. За этот период произошли коренные изменения в корейском укладе жизни. Три основных фактора, определяющие этническую общность, — язык, территория, культура корейцами фактически были утрачены. К началу XXI в. для 70% корейцев, проживающих на территории России и стран СНГ, родным языком стал русский, а корейский — иностранным.

Территория проживания корейцев — это вся Россия и страны СНГ, нет ни одного региона, где бы ни жили русскоязычные корейцы. Политический кризис, который начиная с 1920-х годов привел к глобальному пересмотру и культурных ценностей всех этнических общностей, не обошел стороной и корейцев. Однако вышеприведенные факты также являются доказательством высокой адаптационной способности корейцев, толерантности, умению выстраивать межкультурные коммуникации со всеми народами России и стран СНГ.

Литература

- Бугай Н. Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). М., 2007.
- Волкова Т. В. Российские корейцы: к вопросу о самоидентификации // Этнографическое обозрение, 2004 г. № 3.
- Всероссийская перепись населения 2002 года.

- Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–29. Том 9. Стр. 34–51. Том 10. Стр. 9–13. Том 11. Стр. 8–17. Том 14. Стр. 6–16. Том 15. Стр. 8–13. Том 16. Стр. 8–12. Том 17. Стр. 8–25. Таблица VI. Население по полу, народности.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года. Таблица 15д. Национальный состав населения. РГАЭ. Ф. 1562 Оп. 336 Д. 966. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nas_39_gs.php?reg=81&gor=2&Submit=OK (дата обращения: 15.02.2015).
- Перепись населения Российской Федерации 2010 г. URL: <http://www.perepis-2010.ru/> (дата обращения: 15.02.2015).
- РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР). Ф. 1562, оп. 336, д. 1566а -1566д (Таблица 3, 4 — Распределение населения по национальности и родному языку).
- РГАЭ РФ. Ф. 1562, оп. 336, д. 3998–4185 (Таблица 7 — Распределение населения по национальности, родному и второму языку.)
- РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 1. Собрание узаконений и распоряжений рабочих и крестьянского правительства. 1925. № 49. С. 371.
- Сон Ж. Г. Российские корейцы: всеилие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. М., 2013.
- Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью, М. Академия. 1995.

РАЗДЕЛ 2

Проблемы демократизации и формирования гражданского общества на Корейском полуострове и в России

В. Н. Ватыль

Социум и власть в переходных обществах: место и роль гражданского общества и гражданственности

На основе прикладных социополитологических исследований в докладе ставится исходный вопрос: насколько стабилен социально-политический порядок в переходных обществах и чем этот порядок поддерживается? Для ответа предлагается объяснительная модель, системообразующей идеей которой является положение о том, что в основе социально-политической управляемости социумом лежат конкретно-исторические особенности взаимосвязи власти и общества, а также идея о различиях феноменов гражданского общества и гражданственности.

On the basis of applied sotsio-politological researches in the report the initial question is raised: the socio-political order in transitional societies is how stable and than this order is kept? For the answer the explanatory model which backbone idea is situation that society concrete historical features of interrelation of the power and society, and also idea about distinctions of phenomena of civil society and civic consciousness are the cornerstone of socio-political controllability is offered.

Первоначально о теоретико-методологической основе доклада. Интерес к социально-политическим трансформациям в переходных обществах обусловлен следующими обстоятельствами. Во-первых, углублением и обострением противоречия между пониманием необходимости качественного изменения системы политической власти и инерцией применения старых моделей, достаточно прочной инерцией политико-управленческих структур

традиционно строить политику на известном фундаменте системы «цель — средство», в которой для достижения цели все средства хороши.

Обострение указанного противоречия имеет под собой ряд объективных и субъективных причин. К числу объективных можно отнести следующие: сложность и глубину общественно-политических изменений, связанных с радикальным реформированием всей системы общественных отношений и требующих для своего осуществления централизации и усиления политической власти, что не может не авторитаризировать ее; существование в мире принципиально иной модели взаимосвязи «цель — средство», демонстрирующей свою эффективность и результативность и потому вызывающей стремление к ее построению и в переходных обществах.

К числу субъективных причин обострения указанного выше противоречия можно отнести: отсутствие сколь-нибудь прочных демократических традиций устройства общественно-политической жизни; высокую социальную напряженность в обществе и как цену осуществления глубинных преобразований — ностальгическое стремление к возврату сильной авторитарной власти; кажущуюся простоту и доступность авторитарных приемов и способов осуществления власти, помноженных на привычность их для многих субъектов действующей власти; явно обозначенное стремление политико-управленческих структур, если не быть, то хотя бы выглядеть демократически. Изучение этих коллизий представляет собой как научный, так и практический интерес, особенно в условиях остроты состояния и неопределенности разрешения украинского кризиса.

Актуальность рассматриваемой темы во-вторых, объясняется непосредственным отношением рассматриваемой проблемы к сложнейшим геополитическим вопросам, связанным с формированием как новой политической среды, условий функционирования политико-управленческих структур, так и системы обеспечения безопасности в переходных обществах, о чём также свидетельствует украинский кризис. Речь идет об уникальной ситуации для исследователей, когда многие концептуальные проблемы организации функционирования кардинально обновляемого общества, адаптации ее участников к изменяющимся условиям, проблемы оптимизации их взаимодействия во многом находятся на стадии осмысления, поиска наиболее эффективных и целесообразных форм анализа. Все это, несомненно, составляет трудности для организации и проведения исследования, но одновременно предоставляет возможность преодоления невостребованности научного знания путем организации и поддержки широкого научного поиска, моделирования систем взаимосвязи различных институтов общества в процессе их социально-политического обновления.

Злободневность изучения, в-третьих, диктуется настоятельной необходимостью все более глубокого и обстоятельного отражения политической теорией реальной политической практики. Наиболее полно и последовательно это должно решаться в социо-политологических исследованиях, опи-

рающихся на познание объективных закономерностей функционирования экономических и социально-политических систем и процессов, а потому способных раскрывать на макро-и микроуровне конкретные тенденции становления и развития политической жизни трансформирующихся обществ.

Эта тенденция обуславливает необходимость уточнения и развития научного категориального аппарата концепции переходного общества, разработки в ее рамках прикладных концептов, систематизации накапливаемых политических фактов и знаний, совершенствования методики и техники анализа и обобщения получаемой политической информации. В последнее время в политологии и социологии растет стремление на основе общетеоретической рефлексии вырабатывать практические рекомендации, которые содействовали бы повышению эффективности политического управления, механизмов политического регулирования конфликтов и отношений. Широкое распространение получает эмпирическое изучение различных сторон переходного процесса.

И наконец, в-четвертых, актуальность темы определяется также ростом значения в социально-политической теории и практике аспектов осмысления необходимости изменения внутри страны, так и прогнозирования развития мировых политических процессов. Успешная и эффективная деятельность в современных условиях невозможна без учета долговременной перспективы, будущих тенденций развития общественных процессов, то есть без прогнозирования. Основой такого научного прогнозирования, моделирования политических явлений выступает познание объективных закономерностей и тенденций развития общества, политических систем различных стран и их функционального проявления — механизмов трансформации.

В качестве аналитической «точки» отсчета взято переходное общество на постсоветском пространстве, очевидной характеристикой которого является транзитивность. Представляется целесообразным в дальнейшем разграничивать понятия «транзитивность» и «транзитивное общество» как отдельные, но взаимосвязанные характеристики процесса перехода от более низкого к более высокому качеству общественно-политического развития. Транзитивное общество в данном контексте рассматривается как общество переходного периода. Под транзитивным обществом понимается непрерывность и прерывность общественного развития, которое сменяется стабильностью и изменчивостью, а транзитивность — как особое состояние общества, в котором старые ценности уже не работают или по инерции продолжают сосуществовать с новыми, находящимися в становлении.

В современной концепции переходного общества активно обсуждаются четыре обобщенных нормативных модели социально-политических трансформаций:

- *телеологическая модель*, рассматривающая создание новой социально-политической системы как быстрый переход от одного состояния

демократии к другому, соответствующему некоему идеалу или проекту. В ходе предшествующего трансформационного перехода он был отвергнут вместе с опытом строительства реального социализма — эксперимента с использованием широкомасштабной социальной инженерии;

- *эволюционистская модель*, реализованная в Европе в течение нескольких столетий формирования рыночной экономики и демократических государств, использование которой в конце XX в. оказалось невозможной в силу значительного сжатия времени;
- *генетическая модель*, предлагавшая «идти от проблем», методом «проб и ошибок», постоянно осуществлять улучшения и отказываться от стремления быстро достичь умопостигаемый либо, как предполагалось, существующий идеал. Подход, базирующийся на необходимости учета объективных тенденций развития;
- модель «перехода через заимствование» существующих в наиболее развитых странах Запада институтов в надежде на осуществление успешной догоняющей модернизации.

В практике социально-политических трансформаций на постсоветском пространстве реально востребованными оказались две модели — «генетическая», а также «переход через заимствование институтов рынка и демократии», апробированная многими государствами, возникшими на территории бывшего СССР.

Теперь об объяснительной модели доклада. Анализ применения двух обозначенных моделей на постсоветском пространстве требует первоначально обоснования исходного вопроса: что способствует стабилизации социально-политического порядка в переходных обществах и чем этот порядок поддерживается? Для ответа предлагается объяснительная модель, началом которой является положение о том, что в основе социально-политической стабильности и продуктивной управляемости социумом лежат конкретно-исторические особенности взаимосвязи власти и общества, а также идея о различии феноменов гражданского общества и гражданственности.

Проблема управляемости в обществе является актуальной для любой социальной системы; особенно остро она проявилась в обществах, характеризующихся резкой ломкой ценностных установок и норм взаимодействия между субъектами социальной жизни, между обществом и властью. Стало понятно, что управляемость в обществе является интегральным качеством, зависящим от управляемости всех его подсистем (центрального властного управления — властной вертикали, экономической подсистемы, сферы самоорганизации граждан и др.). Поэтому научный анализ степени и форм управляемости в каждой из них стал необходимым условием для выявления и обеспечения факторов, способствующих укреплению социального порядка и устойчивому развитию общества.

Чрезвычайно важной и актуальной проблемой в данном контексте становится изучение исторически сложившихся в обществе институтов самоорганизации. Так как эти социальные институты, как правило, не формальны, а иногда и не артикулированы, то политическая власть зачастую выстраивает свои управленческие стратегии по отношению к ним без должного учета специфики их организации. В связи с этим снижается качество управленческих взаимодействий как в области взаимоотношений сферы общественной самоорганизации и центральной власти, так и на уровне гражданской самодеятельности как таковой.

В этом смысле одной из задач доклада является выявление того, как сложившиеся устои, традиции и нормы влияют на управленческие взаимодействия, на модели поведения управляющих и управляемых. Тем более что в ситуации социальных изменений, смены системы государственного устройства, типа и форм власти субъекты управления нередко принимают и используют формы и способы поддержания управляемости и порядка, заимствованные из других социальных систем, как правило, западных. В результате возникает ситуация, когда институциональные модели, принимаемые центральной властью для организации взаимодействия с общественными ассоциациями, не вполне соответствуют традиционным неформальным институтам самоорганизации, имеющим иную культурно-историческую обусловленность. В частности, в качестве образца социального института, опосредующего взаимоотношения общества и власти, безоговорочно принимается такой институт, как гражданское общество классического типа.

В западной цивилизации государственные институты и общественные ассоциации складывались в условиях господства конкурентной этики, индивидуализма (обусловленного историческими условиями), войны всех против всех, постепенно упорядочивающейся нормами римского права, относительной слабости центральной власти. В Новое время с появлением автономной рациональной бюрократии возникает проблема управляемости обществом. Поскольку возможности строительства управленческой вертикали ограничены, на Западе эта проблема была решена в рамках институтов «гражданского общества», выросших из коммунальных движений феодальной эпохи. Гражданское общество дополнило бюрократическую вертикаль, гарантируя управляемость общественного организма, осуществляя периферическое управление, организуя и легитимизируя автономию общества от власти.

Нужно сказать, что на Западе гражданское общество как социальный ресурс управляемости социумом не только продемонстрировало свою эффективность, но и было хорошо изучено и описано в социальных науках. Однако опыт внедрения и формирования данного института в постсоветских странах показал, что, несмотря на количественный рост партий, общественных организаций и ассоциаций, продолжает сохраняться разрыв меж-

ду надеждами, возлагаемыми на него, и реальной политической практикой и повседневной жизнью граждан.

На наш взгляд, заимствование институтов, эффективных в других странах, на постсоветском пространстве часто приводит к созданию превращенных институциональных форм, так называемых институциональных ловушек. Попытки создания института гражданского общества по западному образцу в стране с укорененными традициями коллективизма, служения общему благу и общественной солидарности по моделям, в основе которых лежит защита частного интереса и конкурентная этика, приводят, как правило, к формированию квазиинститута гражданского общества. Вследствие чего, несмотря на общий рост управляемости как качества социума, достигнутый благодаря восстановлению механизмов политической власти, такой ресурс, как управляемость в сфере самоорганизации и самодеятельности населения, используется в недостаточной степени. Это не только снижает степень управляемости обществом, но и подавляет потенциал гражданственности людей, чем создает «слабые звенья» в функционировании социальной системы.

В этом плане в докладе ставится цель выявить сущность и содержание социальных институтов, в частности института гражданственности, в рамках которых исторически и культурно осуществлялась самоорганизация и самодеятельность людей в обществах восточнославянской цивилизации, возможности их оптимального использования во взаимоотношении общества и власти на постсоветском пространстве, и в частности в Беларуси.

Основной идеей доклада является положение о том, что в основе управляемости социумом лежат конкретно-исторические особенности взаимосвязи власти и общества. На определенном этапе исторического развития на Западе (Новое время) и в государствах восточнославянской цивилизации появляется автономная от общества власть в форме бюрократии, осуществляющей централизованное управление, и, соответственно, автономное от власти общество. Однако возможности центрального, властного, бюрократического управления общественной периферией фактически ограничены численностью бюрократического аппарата и формальными методами управления.

В докладе выдвигается идея о том, что исторически проблема «периферического» управления решалась по-разному: посредством гражданского общества на Западе и феномена гражданственности в восточнославянской цивилизации. В отличие от западных обществ, где гражданское общество, будучи естественным результатом культурно-исторической эволюции, отражает типические характеристики западного социума, в России, Беларуси и других странах постсоветского пространства решением проблемы периферического управления исторически стал институт гражданственности.

Гражданственность рассматривается двояким образом: и как способность человека выполнять определенную роль в рамках институционализиро-

ванных отношений (в этом смысле можно говорить о гражданственности как качестве личности), и как социальный институт. С помощью норм, правил, нормативных ролей и статусов институт гражданственности, по нашему мнению, упорядочивает отношения между властными институтами и обществом и согласовывает интересы власти (автономной управленческой иерархии) с общественным благом. В этом смысле гражданственность есть социальный институт, также обеспечивающий управляемость обществом на уровне самоорганизации, но, в отличие от гражданского общества, за счет преодоления взаимной автономии общества и власти. Гражданственность в данном случае выступает в виде социального ресурса управляемости обществом и сохранения порядка в обществе.

В докладе обосновывается, что если в основе института гражданского общества классического образца лежит субсидиарная идеология, основанная на примате частных интересов, то условием существования института гражданственности является господство в обществе коммунитарных принципов жизнеустройства. Согласно им, частные интересы граждан легитимны постольку, поскольку они не идут вразрез с общим интересом, выражающимся в определенной системе общепринятых ценностей, норм и идеалов. И в том, и в другом случае источником власти является народ, однако в рамках субсидиарной идеологии он делегирует определенные права вышестоящим органам по иерархии от низших к высшему, в коммунитарной же модели — народ принимает или, наоборот, отказывается в доверии целостному комплексу представлений, ценностей, идеалов и норм, придающему, в свою очередь, легитимность всей властной иерархии.

Следствием таких представлений, по нашему мнению, являются унитарные отношения власти, где верховная власть получает легитимность сверху — системой общепринятых ценностей и идеалов, позволяющей ей легитимизировать низшие уровни власти, делегируя им права, необходимые для выполнения соответствующих обязанностей.

Современные исследования показали, что отношения общества и власти в переходных обществах могут быть описаны не только в рамках понятийного аппарата классического (западного) гражданского обществ. Несмотря на то что отношения общества и власти иногда принимают формы, внешне подобные гражданским движениям Запада, их социально-культурные основания различны. Гражданское общество и гражданственность как формы взаимоотношения общества и власти, выступая носителями различных институциональных матриц, определяют природу и характер самодеятельных организаций, присущих либо западному, либо восточнославянскому обществам. В обществе, построенном на субсидиарной основе (в котором только и возможно гражданское общество классического образца), субъекты, выступающие в сфере публичной политики от лица тех или иных социальных групп (партии, движения, ассоциации, инициативные группы и т. п.), не только могут, но и должны провозглашать свою

приверженность частному (групповому как слагаемому частных) интересу этих групп. На этом зиждется их легитимность в политической сфере. В обществе же коммунитарного типа субъекты публично-политического пространства (те же партии и др.), наоборот, утверждают свою легитимность через апелляцию к общему благу, и, более того, подозрение в преследовании частных и групповых интересов становится серьезным обвинением в глазах общественного мнения.

Предложенная объяснительная модель позволяет, на наш взгляд, обозначить конфигурацию тех институциональных преобразований, которые способны обеспечить создание ценностно-организационной системы внедрения провозглашенных и законодательно обозначенных норм и правил института гражданского общества в практику гражданской самостоятельности на периферийном уровне.

Данные преобразования, с одной стороны, позволяют выявить и легитимизировать исторически сложившиеся в социуме нормы, роли, ценности и предпочтения самоорганизующихся субъектов, с другой, через сознательно проектируемые ролевые структуры, выполняемые ими функции обеспечить возможность внедрения некоторых норм и правил института гражданского общества в повседневную, социально-организационную деятельность гражданских ассоциаций, складывающихся по культурно-исторически сформированным традиционным образцам.

Демократия снизу: общественные движения в политической реальности России и Южной Кореи⁷

И Россия, и Южная Корея позиционируют себя как страны новых демократий, возвращающие в своей политической практике институты и учреждения, не имеющие глубоких корней и традиций. В докладе предлагается анализ этапов сложения вариантов национальных демократий этих стран. Автор показывает, что в актуальной реальности политические режимы Южной Кореи и России предстают как сложный гибрид авторитарного государства и гражданского общества. Общественные организации обеих стран оказываются в сложной и противоречивой ситуации выбора консервативной или прогрессивной позиции. Консервативная предполагает толерантность к масштабному вторжению государства в сферы гражданской публичности. Прогрессивная позиция выражается в отказе от сращивания с политической вертикалью и стремление контролировать деятельность государства.

Russia and South Korea are presenting themselves as the countries of the so called new democracies. In their political practice they cultivate institutions, having no deep roots and traditions in the Russian or the South Korean cultural contexts. The author analyses the stages of national democracy in these countries. In the current reality the political regimes in South Korea and Russia are seen as a complex hybrid of authoritarian government and civil society. Civil society organizations in both countries find themselves in a complex and contradictory situation of choice conservative or progressive position. Conservative involves tolerance to large-scale invasion of the state in the sphere of civil society. Progressive stance expressed in the rejection of the political association with political vertical and desire to control the activities of the State.

Большинство социологов, культурологов и востоковедов согласятся с тем фактом, что сам по себе сравнительный анализ принципиально гетерогенных социумов и культур дело весьма неблагодарное. Причины тому коренятся и в исторически сложившейся методологической и тематической разобщенности российских социогуманитарных наук, и в сложности объекта анализа, и в практической неразработанности методологии подобного сравнения.

⁷ Данное исследование проведено по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2014 году (AKS-2010-CAA-2101).

Проблематичность сравнительного изучения азиатских и неазиатских культур и социумов видится мне прежде всего в том, что различия объектов сравнения предстают как пугающе многообразные и значительные, как будто требующие некоего специально созданного исследовательского инструментария. Вполне логичной кажется привычная в таких случаях риторика гуманитариев, пасующих перед исследованием азиатских обществ. Они апеллируют к «трудностям перевода», слабому знакомству с историей и культурной спецификой того или иного региона Востока. Не менее сложной оказывается эта проблема и для востоковедов, большинство из которых превосходно владеет современными и старописьменными формами языка изучаемой восточной страны, досконально и с опорой на первоисточники знают отдельные периоды истории того или иного региона, но робеют перед необходимостью вписать свои познания и достижения в контекст современных социогуманитарных наук либо и вовсе не ставят перед собой такую задачу.

На поверку реальным барьером к сравнительному изучению азиатских и неазиатских социумов выступает слабая методологическая разработанность междисциплинарных исследований. Определенный вклад в решение этой проблемы вносят не так давно возникшие глобальная социология и «globalstudies», допускающие на своем поле как широкую палитру тематик и концепций, так и участие представителей разных гуманитарных дисциплин. Методологическим преимуществом этих дисциплин выступает акцент на поиске оснований сравнения гетерогенных культур в рамках установившихся общих тематик.

Предпринимаемый в настоящей статье сравнительный социологический анализ общественных движений российского и южнокорейского обществ представляется весьма интригующим в контексте направлений дискуссии глобальной социологии. К передовым тематикам глобальной социологии наряду с прочими принято причислять такие, как «национальные проекты гражданского общества», «глобальное гражданское общество», «транснациональные меньшинства». В фокусе внимания здесь оказываются и проблема идеологического и организационного участия общественных движений в развитии национальных проектов гражданского общества, и проблема их востребованности в формате глобального публичного дискурса о правах человека, национальных и этнических меньшинствах.

В контексте моего исследования принципиально важным было установить основания для сравнения категорически отличных друг от друга социумов и возникших в них типов гражданских обществ. В перспективе изучения политической и идеологической активности общественных организаций российского и южнокорейского обществ в качестве базовых параметров сравнения мною были отобраны следующие: социально-политическая рамка, диктующая селекцию организационных форм и контента публичной активности, репертуар гражданской и социальной активности организаций.

Указанные параметры с необходимостью задают и временную рамку для проводимого сравнения.

Применительно к избранному объекту общим основанием, открывающим саму возможность для социологического сравнения, выступает то обстоятельство, что и Российская Федерация (РФ) и Республика Кореи (РК) позиционируют себя как страны новых демократий, ориентированные на возвращение гражданского дискурса. В обеих странах демократия и гражданское общество явились результатом длительного общественного противостояния тоталитарным политическим системам, причем вплоть до настоящего времени рудименты прежних идеологических установок прорываются в деятельности государств.

В реальности российского и южнокорейского обществ, политические системы которых ориентированы на расширение демократического дискурса, особую значимость обретает активность разнообразных неправительственных, некоммерческих гражданских организаций (НГО). Они развивают собственный тематический дискурс, нацеленный на консолидацию усилий граждан вокруг постановки определенных проблем и поиска путей их решения. В ситуации мировоззренческого плюрализма, проповедуемого демократическими системами российского и южнокорейского обществ, к таковым проблемам относятся права граждан и права человека, воинская повинность, профессиональная занятость, экология, бедность, гендерные отношения, вопросы прав этнических меньшинств и политзаключенных, социальные и образовательные услуги и т. д. В этом контексте необходимо сказать несколько слов о том, что такое неправительственные и некоммерческие гражданские организации.

В социологической дискуссии изучаемых стран термин НГО был введен сравнительно недавно. И здесь следует учитывать, что сама дискуссия о гражданском обществе, порожденная когда-то в работах неомарксистов и структуралистов середины XX в., возобновилась в социологии лишь в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Причиной тому послужил принципиально новый разворот глобальной геополитической ситуации — крушение биполярного мира, повлекшее за собой тотальную реструктуризацию политического, экономического и социокультурного ландшафтов глобальной реальности. Непосредственным предшественником крушения и собственно его условием стал развал системы соцлагеря. В современном дискурсе принято увязывать возобновление дискуссий о гражданском обществе с деятельностью движения «Солидарность», давшим жизнь гражданской политической инициативе в Польше (Коэн, Арато 2003: 63–68).

В своем новом формате дискурс о гражданском обществе сконцентрирован по преимуществу на анализе НГО в разных странах. И здесь следует отметить, что исследование структуры НГО, их номенклатуры, векторов активности, степеней гражданского участия и востребованности принято считать способом измерения глубины и качества демократизации различ-

ных государств. Кроме того, в нынешнем виде этот дискурс сфокусирован на обсуждении глобального гражданского общества, формируемого усилиями международных и транснациональных НГО. НГО как в странах классической демократии, так и в странах демократии новой волны стремятся к выходу в публичные пространства, к участию в политическом управлении. И здесь нам необходимо несколько подробнее рассмотреть понятие НГО, являющееся сравнительно новым для российской социологической дискуссии.

Итак, в контексте обсуждения национальных и транснациональных проектов гражданского общества, как правило, задействованы понятия НКО, НПО, ОГО и НГО. Рассмотрим вкратце каждое из них. Их формулировка напрямую связана с определением понятия «гражданское общество» (Clark 1991; Cohen and Arato 1992; Wutnow 1991). Воспроизведение социологической дискуссии о сущности данного понятия выходит далеко за пределы целей моего рассмотрения. В настоящем контексте полагаю возможным ограничиться простейшим определением гражданского общества как общественной реальности, или третьего сектора, простирающейся между сектором экономики и сектором политики, либо в другой терминологии — между бизнесом и государством (Anheier and Siebel 1990; Habermas 1989; Powell 1987). Такое определение предполагает рассмотрение всей палитры общественного разнообразия сквозь призму организаций, их типов, структур, активности и порождаемых ими тем, дискуссий и идеологий. Таким образом, экономика и политика располагают своими типами специализированных организаций, создаваемых бизнесом или государством. Гражданская сфера общества будет представлена формализованными организациями, создаваемыми гражданами самостоятельно вне этих двух сфер, без их участия.

НКО — некоммерческие организации являют собой формализованные добровольческие организации, инициированные частными лицами, не имеющими доступа к правительству и политической власти, в целях реализации той или иной общественно полезной задачи, или группы однородных задач. Принципиальное отличие НКО от всех прочих организаций гражданского общества состоит в том, что она сама создает экономические ресурсы на реализацию поставленных задач. Более того, прибыль от деятельности НКО поступает не лично ее членам, а распределяется на решение целевых проектов.

НПО — неправительственные организации — это формализованные добровольческие организации, инициируемые гражданами независимо от правительства, но существующие на субсидии и при экономической поддержке государства. В отличие от НКО они, как правило, не способны и не нацелены на получение прибыли или значимого экономического ресурса. Доминантой в их деятельности становятся социальная сфера, правозащитная тематика, благотворительность, мониторинг политических свобод и адекватного исполнения своих функций государством.

С течением времени в социологической практике все больше стало использоваться понятие НГО — некоммерческие, неправительственные гра-

жданские организации. Отчасти этот третий тип добровольческих организаций вбирает в себя характеристики первые два. Однако критерием отнесения к этому типу является происхождение организации. НГО вырастают из общественных эмерджентных движений (в устоявшейся англоязычной терминологии используют термин “grassrootsmovements”). Такого рода общественные движения возникают в качестве спонтанной реакции граждан на проблему, возникшую в третьем секторе общества (Anheierand Siebel 1990; Powelland Clemens1998; Salamonand Anheier 1997). Примерами здесь выступают организации, вырастающие из спонтанных движений за мир и охрану окружающей среды, за свободы и права узников совести и тюремных заключенных, против гендерного неравенства и самоуправства в закрытых учреждениях, против коррупции и за права сексуальных меньшинств, проч. НГО всех типов свободны от принуждения, то есть самоорганизуются добровольно и благодаря частной инициативе граждан. Кроме того, они категорически не преследуют экономических выгод и получение прибыли (Diamond 1994; Gellner 1994; Putnam 1993; Salmonand Anheier 1997, Walzer 1991).

В странах классических демократий разнообразные НГО сформировались как логическое продолжение образования демократической парадигмы на правительственном, государственном уровне. Именно усилиями таких организаций и осуществляется то, что принято обозначать как демократическая консолидация гражданского общества. Здесь, как правило, речь идет о постепенном и поэтапном формировании публичного пространства гражданского диалога, призванного донести новые темы гражданского общества, его узловые проблемы до ключевых участников институционализированного политического дискурса на государственном уровне. Динамика развертки демократической консолидации гражданского общества проявляется в том числе в возможности контролировать государство, обретаемой общественными организациями. Последовательная либерализация экономики приводит в таких случаях к снижению государственного участия и расширению гражданского присутствия в политической сфере. В данном контексте уместно задаться вопросом, насколько велики гражданское участие и возможности гражданского мониторинга политической, государственной сферы в условиях современных обществ Республики Кореи и Российской Федерации?

Ответ на поставленный вопрос со всей очевидностью следует искать в области рассмотрения специфики формирования современных политических режимов РК и РФ и роли общественных организаций, НГО в процессах демократизации в этих странах.

Предложенные рамки рассмотрения позволяет говорить об элементах отчетливого сходства этапов демократического становления политических режимов в южнокорейском и российском обществах. Оба пережили уже три этапа вхождения в новую политическую парадигму, органически чуждую историко-культурным реалиям и тенденциям в обеих странах. Так, прин-

ципиальный разворот в направлении построения демократически ориентированной государственной системы свершился в конце 1980-х — начале 1990-х гг. В исследовательских работах по Южной Корее это принято увязывать с 1987 г., то есть с выборами нового президента, с приходом к власти кандидата от демократических сил. Демократический поворот в России датируется 1989–1993 гг. и маркирован масштабными политическими реформами, путем, первыми президентскими выборами.

В обеих странах демократизация общества осуществлялась отнюдь не через противостояние буржуазии и рабочего класса, как принято считать применительно к западным странам классических демократий. Кроме того, для политических систем южнокорейского и российского обществ характерно поэтапное формирование гибридных политических режимов, сочетающих демократические доктрины, отстаиваемые разнообразными общественными организациями и НГО, и авторитарное государство. И в РФ, и в РК наблюдается отчетливая потребность в вызревании партиципаторной демократии, становление которой едва ли возможно в условиях несостоявшейся демократической консолидации гражданского общества.

Меж тем, применительно к обоим обществам в равной степени верен тезис о постадийном формировании национальных вариантов гражданского сектора социальной реальности. Анализ этих этапов показывает сходство вариантов, сформировавшихся к настоящему времени в РК и РФ. Ключевым элементом сходства выступает значительное государственное участие в структурировании содержания и векторов активности организаций гражданского общества.

В исторической ретроспективе южнокорейского общества обнаруживается три этапа его формирования. Для начального этапа, с 1956/1961 г. по 1973 г., было характерно возникновение народных военизированных движений (*minjungundong*), **поддерживаемых городской беднотой и студенчеством**. Они солидаризировались в противостоянии тоталитарному режиму, благодаря которому прежде удалось освободиться от японского колониального доминирования (Kim 2003:81–85). **Второй этап, с 1983 г. по 1987 г. ознаменовался присоединением общественных организаций, созданных силами интеллигенции, интеллектуалов, журналистов и религиозных организаций.** В этот период наметилось различие двух тенденций внутри демократических сил РК — прогрессивной и консервативной. В дальнейшем они воплотились в организационное противостояние внутри гражданского дискурса южнокорейского общества об отношении к государству и способах сотрудничества с ним.

Третий этап, начавшийся в 1987 г. и продлившийся до 2000-х гг., принес с собой небывалый прежде скачок в численности общественных движений и разнообразии репертуара их активности. Более того, парламентские выборы 2000 г. продемонстрировали значительную политическую активность южнокорейских НГО. Накануне выборов 412 НГО объединились в новую

организацию «Гражданский альянс за всеобщие выборы». В цели этой НПО входило предотвращение коррупции выборных процессов, мониторинг государственных функций, замена традиционного авторитарного управления на гражданский суверенитет (Kim 2004: 56–58). Необходимо отметить, что деятельность Альянса приобрела беспрецедентную поддержку населения. Кроме того, этой организации удалось получить значительное количество мест в Парламенте и превратиться в серьезную политическую силу.

В российском общественно-политическом контексте также отчетливо выделяются три основных этапа динамики формирования гражданского общества. В работах отечественных исследователей проблемы первый этап датируют 1989–1993 гг. В указанный период возникло около 28,1% российских НКО, занимающихся преимущественно правозащитной деятельностью. Следующий этап, породивший 41,6 % общественных организаций, пришелся на 1993–1996 гг. (Шереги 2015: 5–6). Оба этапа охватывают тяжелейшие моменты общественно-политических и экономических трансформаций российского общества. В силу этого в фокусе этих НКО находились темы защиты прав и свобод граждан, прав потребителей, свобод слова и т. п.

Третий этап относится к 2000 гг. и отмечен стремлением государства к активному включению в процессы отстройки российского варианта гражданского общества. Это предполагало формирование нового сектора общественной реальности с контролируемой деятельностью поддерживаемых государством НКО (Шмидт 2006: 11). Так, в 2001 г. при поддержке правительства был инициирован «Гражданский форум», или конференция российских НКО, проведенная на территории московского Кремля. По сути дела это мероприятие стало первым шагом государства в направлении структурирования форматов диалога российского гражданского общества и государства. Следующим событием в этом же ключе явилось открытие Общественной палаты в 2006 г., призванной выступать посредником между гражданским обществом и государством. На деле эта правительственная структура сделала практически невозможным прямой диалог государства и организаций гражданского общества.

Социологический мониторинг направлений развития российского варианта гражданского общества позволяет утверждать, что стремление государства включить НКО в вертикаль власти пользуется большим успехом в среде общественных организаций. Тем не менее обнаруживается немалое количество общественных движений и уже опытных формализованных НКО, которое по-прежнему нацелено на осуществление самостоятельного контроля за федеральной и региональной властями, на формирование свободных не ангажированных идеологически дискурсов вокруг актуальных проблем гражданского сектора. К их ярким представителям относятся экологические, феминистские, правозащитные, культурные, социальные, досуговые и волонтерские организации (Белокурова 2012).

Показательным для оценки диалога государства и гражданского общества оказались 2012–2014 гг. В социологических исследованиях южнокорейской демократии все чаще звучит тезис о последовательном поглощении демократии сильным государством и абсолютизированной властью президента. Противостояние гражданского общества авторитарному государству сменилось расколом и борьбой внутри самого гражданского сектора. В последнее десятилетие упрочилась тенденция размежевания консервативных НГО, поддерживаемых государством на финансовом и законодательном уровнях, прогрессивным НГО, стремящимся к идеологической независимости (Choi 2010: 5).

2014 г. принес южнокорейскому обществу активное наступление государства на политическую оппозицию, выразившееся в роспуске самой крупной политической организации, оппозиционной правительству Южной Кореи, — Объединенной прогрессивной партии (ОПП). Выдвинутые против ее руководства обвинения в нарушении национальной безопасности и внутреннего спокойствия страны повлекли за собой длительные судебные разбирательства, раскололи общество на сторонников и противников случившегося. В данном контексте уместно подчеркнуть тот факт, что именно основатели ОПП стояли у истоков политического переворота и демократических реформ 1987 г. Она выросла из народного демократического движения, оформившегося как Демократическая Лейбористская партия и переросшего позднее в ОПП (Маленко 2015).

В РФ 2012 г. был принят закон «об иностранных агентах», кардинальным образом расколовший гражданский сектор на организации, стремящиеся к консолидации с государственными решениями и мнениями, и те общественные организации, которые по-прежнему готовы отстаивать достижения демократического режима в российской реальности. Принятый закон затрагивает прежде всего те организации, которые в той или иной форме получают зарубежное финансирование и «занимаются политической деятельностью». В законе они обозначены термином «иностранцы агенты» и им предписано добровольно заявить о себе, а в дальнейшем ежегодно проходить перерегистрацию в новом статусе.

Подводя итог нашему краткому рассмотрению, отметим, что углубленное сравнительное исследование демократий, сформировавшихся в РК и РФ, способно показать специфику политических систем каждой из стран на современном этапе функционирования. Даже поверхностный анализ, принятый в настоящей статье, позволяет утверждать, что так называемая демократия снизу превратилась в обеих странах в отчужденный островок с лимитированными правами и минимальной возможностью доступа к институционализированному политическому дискурсу. В РФ и РК проложена отчетливая тенденция к сращению консервативно ориентированных НКО и структур политической власти. Более того, и в южнокорейском, и в российском обществах обнаруживается планомерная отстройка новой граждан-

ской реальности, лояльной и подотчетной государству. Вместе с тем самого пристального внимания достоин тот факт, что общественные организации, не стремящиеся войти в формат государственного сектора гражданского общества, не теряют своих ориентиров и также стремятся к посильному противостоянию наметившейся тенденции.

Литература

- Белокурова Е. Старое и новое в дискурсе гражданского общества и характере общественных движений // Неприкосновенный запас, № 8(4). — 2012. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2580> (дата обращения 28.02.2015).
- Козн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. / Общ. ред. И.И. Мюрберг Ю.М.: Изд-во Весь Мир, 2003. — 784 с.
- Маленко И. Эрозия демократии в Южной Корее: роспуск Объединенной Прогрессивной Партии и арест депутата Ли Сок Ки. URL: <http://krasnoe.tv/node/24368> (дата обращения 27.02.2015).
- Шереги Ф.Э. Становление общественных правозащитных организаций. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/sheregi_stan.pdf (дата обращения 28.02.2015).
- Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? // Pro et Contra. — 2006. №1 (31). — 2006, С. 6–24.
- Anheier H.K., Siebel W. (Eds.). *The Third Sector: Comparative Studies of Nonprofit Organizations*. Berlin: de Gruyter, 1990.
- Choi J.J. The Democratic State Engulfing Civil Society: The Ironies of Korean Democracy // *Korean Studies*, 34. — 2010, P. 1–24.
- Clark J. *Democratizing Development: The role of voluntary organizations*. London: Earthscan, 1991. — 226 P.
- Diamond L. Rethinking civil society: towards democratic consolidation. *Journal of Democracy*. 5 (3), P. 4–17.
- Gellner E. *Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals*. London: Hamish Hamilton. 1994. — 225 P.
- Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Trans. Th. Burgen. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. — 301 P.
- Kim S. S. (ed.). *Korea's Democratization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003
- Kim H-R. Dilemmas in the Making of Civil Society in Korean Political Reform // *Journal of Contemporary Asia*. 34(1): 2004. P. 55–69.
- Powell W.W. *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. New Haven, CT: Yale University Press, 1987.
- Salamon L. M., Anheier H. K. The civil society sector. *Society* 34 (2), 1994. P. 60–65.
- Walzer M. *The Idea of Civil Society*. Dissent, 1991, Spring. P. 293–304.

Д. А. Ланко

Становление партийной системы государства в период перехода от тоталитаризма / авторитаризма к демократии в Российской Федерации и Республике Корея: сравнительный анализ⁸

Данная статья опирается на теорию выживания «молодых демократий», разработанную М. Бернардом, К. Ринокком и Т. Нордстромом, согласно которой «медовый месяц» в «молодых демократиях» завершается в большинстве случаев к моменту проведения третьих после принятия демократической конституции страны парламентских выборов. Возврат к авторитаризму, если он происходит, чаще всего происходит именно накануне третьих парламентских выборов. Соответственно политические партии в период между первыми и вторыми после принятия демократической конституции страны парламентскими выборами играют определяющую роль в процессе демократизации, именно от политических партий зависит, произойдет ли в стране возврат к авторитаризму. В статье проводится сравнительный анализ особенностей развития партийной системы Российской Федерации в период между парламентскими выборами 1993 и 1995 гг. и партийной системы Республики Корея в период между парламентскими выборами 1988 и 1992 гг. Указывается, что в эти периоды в обеих странах сложилась нестабильная многопартийная система, характерной особенностью которой стало появление большого числа партий, распад старых партий и возникновение новых партий, переход лидеров демократического движения из одной партии в другую и острая конкурентная борьба между партиями. В эти периоды были заложены основы современных партийных систем Российской Федерации и Республики Корея, для которых характерно гораздо меньшее по сравнению с периодом конца 1980-х — начала 1990-х гг. количество партий. Одновременно в результате борьбы между партиями были заложены традиции парламентаризма, характерные для двух стран, благодаря появлению которых возврат Российской Федерации и Республики Корея к авторитаризму не произошел.

The paper is founded on Michael Bernhard, Christopher Reenock, and Timothy Nordstrom's theory of survival of 'young democracies', according to

⁸ Данное исследование проведено по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2014 году (AKS-2010-CAA-2101).

which the 'honeymoon' period in 'young democracies' comes to an end on the eve of the third parliamentary elections since adoption of a democratic constitution in the country. Return to authoritarianism, if it happens, most often occurs prior to the third parliamentary elections. Consequently, political parties play crucial role in democratization in between the first and the second parliamentary elections after adoption of a democratic constitution; it depends on political parties, whether return to authoritarianism will occur. The paper provides with a comparison of the characteristics of the development of political parties systems of the Russian Federation in between the parliamentary elections of 1993 and 1995 and of the Republic of Korea in between the parliamentary elections of 1988 and 1992. It concludes that it was characteristic to those periods that both countries had unstable multi-party systems with big numbers of political parties, which easily collapsed, and new political parties emerged, leaders of the countries' democratic movements easily moved from one party to another, while the parties competed in a tough manner. In those periods the foundations of contemporary political parties systems were built, despite today there are fewer political parties in both the Russian Federation and the Republic of Korea. Parliamentarian traditions were built as a result of the competition among political parties; thanks to those traditions return to authoritarianism occurred in neither the Russian Federation, nor the Republic of Korea.

Страны, называющие «экспорт демократии» одной из важнейших задач своей внешней политики, например США, как правило, указывают на то, что переход к демократии является задачей исключительно самого населения той или иной страны, где этот переход осуществляется. До этого США и другие страны Запада активно сотрудничают с активистами гражданского общества из недемократических стран, в том числе и с эмигрантскими сообществами, после перехода к демократии они активно финансируют программы развития демократических институтов и того же гражданского общества в «молодых» демократиях. Однако в момент перехода от авторитаризма или тоталитаризма к демократии, который, как правило, сопровождается серьёзными социально-экономическими потрясениями, а иногда — и человеческими жертвами, США и другие страны Запада устраниаются, оставляя принятие решения о переходе к демократии, включая сопутствующие потрясения и жертвы, самим народам стран с переходным политическим режимом.

На практике, однако, это не всегда происходит таким образом. В данной статье, с одной стороны, подчеркивается значение внешнеполитического фактора в момент демократизации, демонстрируется, что влияние США было особенно сильным в процессе демократизации в Республике Корея именно в момент перехода от авторитаризма к демократии. С другой стороны, процесс формирования демократических институтов после отказа от авторитаризма рассматривается через призму внутриполитических процессов как в Республике Корея, так и в Российской Федерации. Согласно теории вы-

живания «молодых демократий», разработанной М. Бернардом, К. Ринокком и Т. Нордстромом, накануне третьих с момента принятия демократической конституции страны парламентских выборов там, как правило, завершается «медовый месяц» демократии. Население начинает судить о представителях своей элиты, баллотирующихся на этих выборах, по итогам их работы, а не по приверженности их принципам демократии; в этот момент возможность возврата к авторитаризму становится как никогда большой. Эволюция партийно-политической системы страны в период между первыми и вторыми парламентскими выборами и формирование традиций парламентаризма в этот период приобретают особенное значение.

В данной статье проводится сравнительный анализ эволюции партийно-политических систем Республики Корея и Российской Федерации в период между первыми и вторыми парламентскими выборами после принятия демократических конституций этих стран. Иными словами, проводится сравнительный анализ эволюции соответствующих партийно-политических систем между выборами в Национальное собрание Республики Корея 1988 и 1992 гг. и между выборами в Государственную думу Российской Федерации 1993 и 1995 гг. Это будет проделано в четыре этапа. Во-первых, определяется роль внешнеполитического фактора в демократизации в Республике Корея; в отличие от неё, в России эта роль не была столь существенна. Во-вторых, раскрываются понятия «молодых демократий» и эффекта «медового месяца», который, согласно теории, разработанной М. Бернардом, К. Ринокком и Т. Нордстромом, имеет место в большинстве «молодых демократий». В-третьих, раскрываются особенности процесса партийно-политической системы в Республике Корея в 1988–1992 годах. В-четвёртых, раскрываются особенности аналогичного процесса в Российской Федерации в 1993–1995 гг. Делается вывод, что именно в эти периоды сформировались традиции парламентаризма в двух странах, которые стали одним из факторов, предотвративших возврат к авторитаризму в последующие годы.

Внешнеполитический фактор демократизации

«Третья волна демократизации» — события конца 1980-х — начала 1990-х гг., в результате которых многие прежде авторитарные и некоторые тоталитарные политические режимы получили шанс на демократизацию, описанные в работе С. Хантингтона (Хантингтон 2003) — затронула не только страны «социалистического блока», но и многие страны «третьего мира». Как представляется, совпадение по времени начала процессов демократизации в странах «социалистического блока» и «третьего мира» неслучайно. Как пишет С. Андреассон, одним из следствий «холодной войны» в Европе стало формирование того «деструктивного контекста» (Andreasson 2005: 975), который препятствовал модернизации стран «третьего мира», включая и демократизацию. Случаи, когда страны «третьего мира» в те годы получа-

ли возможность реализовать своё право на модернизацию, несмотря на деструктивный контекст «холодной войны», настолько редки, что эти случаи до сих пор вызывают колоссальный интерес у исследователей. В качестве примера здесь можно назвать Суэцкий кризис 1956 г. (Laron 2013), во время которого США и СССР, по сути, вместе выступили на стороне Египта в его противостоянии с Великобританией и Францией.

В основном же, «холодная война» сыграла негативную роль в процессе демократизации в странах «третьего мира», к которому в те годы относилась и Республика Корея. Так, когда в 1980 г. южнокорейские армия и полиция по приказу Президента Чон Духвана разгоняли студенческие демонстрации в городе Кванджу, в результате чего погибло, по разным оценкам, от двухсот до двух тысяч мирных жителей, реакция США на эти события оказалась неоднозначной. Как вспоминает У. Глейстин, занимавший в то время должность посла США в Республике Корея, массовые акции протеста в Кванджу были отмечены и в США. Так, 22 мая 1980 г. в Белом доме состоялось совещание по данному вопросу с участием Государственного секретаря Э. Маски, его заместителя У. Кристофера и советника по вопросам Азиатско-Тихоокеанского региона Р. Холбрука, Советника по национальной безопасности З. Бжезинского, Министра обороны Г. Брауна, Директора ЦРУ С. Тёрнера и других высокопоставленных сотрудников администрации. На этом совещании было принято решение, что «восстановление порядка в Кванджу... должно стать главным приоритетом» (Gleysteen 2012: 135) с точки зрения интересов США.

Критика использования «двойных стандартов» во внешнеполитической практике США в годы администрации Дж. Картера стала основной темой хрестоматийной статьи по проблематике «двойных стандартов» консервативного американского политолога Дж. Киркпатрик (Kirkpatrick 1979). В какой-то мере, эта статья повлияла и на вышеуказанное решение администрации Дж. Картера. Ведь в статье прямо указывалось на то, что администрация Дж. Картера весьма избирательно подвергает критике недемократические режимы в странах «третьего мира», где имеют место серьёзные случаи нарушения прав человека. С одной стороны, как утверждала Дж. Киркпатрик, администрация Дж. Картера не замечала серьёзных нарушений прав человека в странах «социалистического лагеря», с другой — обрушивалась с резкой критикой на своих союзников, например, на Иран и Никарагуа. В результате у проамериканских правительств в этих странах оказывались «связаны руки», они не могли предотвратить массовых волнений, в этих странах происходили государственные перевороты, и к власти приходили антиамериканские правительства, и теперь уже они принимались массово нарушать права человека.

Стремясь избежать аналогичного сценария в Республике Корея, администрация Дж. Картера предпочла не рассматривать вопрос о волнениях в Кванджу в приоритетном порядке. В свою очередь, Дж. Киркпатрик после избрания Р. Рейгана в конце 1980 г. Президентом США была назначена по-

слом США в ООН и получила возможность, таким образом, реализовать свои идеи на практике. Однако значимость таких идей для внешней политики США начала ослабевать к концу второго президентского срока Р. Рейгана (1985–1989 гг.): по мере того как «холодная война» близилась к своему завершению, опасения, что демократизация в странах «третьего мира» с проамериканскими авторитарными режимами приведет к появлению в этих странах просоветских режимов, исчезали. Это позволило администрации Президента США Р. Рейгана более последовательно поддерживать демократизацию в странах «третьего мира», включая и Республику Корея. В 1987 г. в Республике Корея вновь прошли студенческие демонстрации под лозунгами требований демократизации, грозившие вновь перейти в массовые беспорядки. Президент США Р. Рейган в жесткой форме потребовал от Президента Чон Духвана отказаться от идеи о восстановлении порядка теми методами, который последний использовал за семь лет до этого в Кванджу (Oberdofer 2001: 169). Южная Корея получила шанс на демократизацию.

«Эффект медового месяца» в молодых демократиях

В 1987 г. в Республике Корея была принята новая конституция, с принятием которой в стране была создана «шестая республика». Были проведены президентские выборы, на которых победил Ро Дэу, соратник Чон Духвана. Последний за год до этого возглавил Демократическую партию справедливости — политическую партию, созданную Чон Духваном в 1981 г., после подавления акций протеста в Кванджу и принятия конституции «пятой республики» Южной Кореи, согласно которой хотя деятельность политических партий и была возможна, одновременно формировалась основа для ограничения их деятельности. В «пятой республике» практиковался запрет на политическую деятельность как для отдельных партий, так и для отдельных личностей. В частности, был наложен запрет на политическую деятельность двух наиболее известных лидеров южнокорейской оппозиции: Ким Ёнсама и Ким Тэжун. В 1993 г. именно Ким Ёнсам сменил Ро Дэу на посту президента, и именно в годы его правления оба бывших президента южнокорейской «шестой республики» — Чон Духван и Ро Дэу — были осуждены за свою роль в подавлении акций протеста в Кванджу, первый — на пожизненное заключение, второй — на длительный тюремный срок. Когда же в 1998 г. Ким Ёнсам на посту президента сменил Ким Тэжун, Чон Духван и Ро Дэу были помилованы.

В демократизации России внешнеполитический фактор сыграл гораздо меньшую роль, чем в случае Республики Корея. Важнейшей причиной здесь, как представляется, была не антисоветская деятельность стран Запада, и даже не военное поражение СССР в Афганистане, хотя эти события и сыграли свою роль, но внутривнутриполитические процессы в Советском Союзе, приведшие к его распаду. Именно внутривнутриполитические процессы в СССР привели

к появлению «нового мышления» как основы внешней политики Советского Союза в годы Перестройки, что позволило администрации Президента США Р. Рейгана не опасаться возможности возникновения просоветского режима в Южной Корее в результате демократизации. В самом СССР в это время проходили выборы Верховного совета, Верховных советов союзных республик, глав исполнительной власти союзных республик. Так, Президентом России в 1991 г., еще до распада Советского Союза, был избран Б. Н. Ельцин. И после распада СССР Б.Н. Ельцин остался Президентом России, роль парламента досталась Верховному совету РСФСР, продолжала действовать конституция РСФСР, правда, с многочисленными поправками. Лишь после роспуска Верховного совета в 1993 г. была принята новая конституция страны и проведены парламентские выборы.

Таким образом, демократизация в Республике Корея и в Российской Федерации началась практически в одно время и имела схожие причины. Для «молодых» южнокорейской и российской демократий важнейшей задачей стало сохранение курса на демократизацию. Здесь следует заметить, что понятия «молодых» и «старых» демократий являются весьма относительными: например, «шестая республика» Южной Кореи, образовавшаяся в 1987 г., до сих пор считается «молодой» демократией, в то время как испанская демократия, возникшая в 1981 г. после неудавшегося военного переворота, т. е. всего на шесть лет раньше, считается «старой» демократией. Как пишет Д. А. Ланко, причина здесь заключается в отождествлении понятий «молодая» и «нестабильная», а также понятий «старая» и «стабильная» в контексте дискуссии о «молодых» и «старых» демократиях (Ланко 2011). Называя южнокорейскую (и российскую) демократию «молодой», участники этой дискуссии подразумевают, что южнокорейская (и российская) демократия является нестабильной, называя же испанскую демократию «старой», они указывают на её стабильность.

Политологи М. Бернард, К. Ринок и Т. Нордстром попытались в своей работе придать объективность дискуссии о «молодых» и «старых» демократиях (Bernhard et al. 2003). По их мнению, в «молодых» только что сформировавшихся демократиях действует «эффект медового месяца». Заключается он в том, что население в первые годы после провозглашения демократии пребывает в эйфории по поводу демократизации и обращает гораздо меньшее внимание на экономические, например, проблемы, чем обычно. Однако по мере того, как с момента начала демократизации проходит несколько лет, экономическая ситуация в стране становится для него более значимой ценностью, нежели демократия, соответственно возрастает вероятность возврата к авторитаризму под лозунгами наведения порядка, например, ради улучшения экономической ситуации в стране в целом и материального положения населения в частности. Названные ученые провели сравнительный анализ десятков случаев возврата к авторитаризму и установили, что наиболее опасным с данной точки зрения периодом является период накану-

не третьих парламентских выборов с момента принятия демократической конституции. Если эти выборы проходят, а возврат к авторитаризму не наступает, можно говорить о превращении «молодой» демократии в «старую».

Становление партийно-политической системы Республики Корея

Если следовать теории М. Бернарда, К. Ринока и Т. Нордстрема, то в Республике Корея «эффект медового месяца» должен был перестать действовать накануне выборов в Национальное собрание 1996 г. Таким образом, представляется принципиально важным рассмотреть трансформацию партийно-политической системы Республики Корея в период накануне и во время парламентских выборов 1988 г., в период между этими выборами и выборами 1992 г., накануне и во время выборов 1992 г., а также после этих выборов. Ведь именно в результате этих трансформаций сформировалась та партийно-политическая система в Республике Корея, которая стала одним из факторов, позволивших стране избежать возврата к авторитаризму накануне парламентских выборов 1996 г. Партийно-политическая система Республики Корея начала формироваться еще до принятия конституции 1987 г. Как указывалось выше, Демократическая партия справедливости, которая участвовала в выборах 1988 г., была создана Президентом Чон Духваном еще в 1981 г. в качестве правящей партии «пятой республики» Южной Кореи, эта партия не прекратила своего существования автоматически в связи с принятием новой конституции и созданием «шестой республики».

Более того, хотя на парламентских выборах 1988 г. эта партия и не получила абсолютного большинства мест в Национальном собрании, как это было в годы «пятой республики», избирательное законодательство которой было несовершенно, она получила относительное большинство мест — 125 из 299. На втором месте оказалась Партия мира и демократии, руководителем которой был Ким Тэчжун — 70 депутатских мандатов. На третьем месте была Партия объединения и демократии под руководством Ким Ён-сама — 59 депутатских мандатов. Эта партия также действовала в Корее еще в годы «пятой республики», причем в 1987 г., когда Ким Ёнсам и Ким Тэчжун получили право заниматься политической деятельностью, первый занял пост председателя этой партии, а второй — его советника (Мазуров 1996: 133). Однако к парламентским выборам 1988 г. Ким Тэчжун уже сформировал собственную партию — Партию мира и демократии. Наконец, на четвертом месте оказалась Новая демократическая республиканская партия под руководством Ким Чжонхилиа — 35 мандатов (Ланцова 2011: 195). Первые два года после парламентских выборов Партия мира и демократии, Партия объединения и демократии и Новая демократическая республиканская партия демонстрировали единство, блокируя законодательные инициативы Президента Ро Дэу, чья Демократическая партия справедливости, обладая

относительным большинством в Национальном собрании, оказалась, таким образом, в меньшинстве.

Однако в 1990 г. ситуация переменялась. Демократическая партия справедливости, Партия объединения и демократии и Новая демократическая республиканская партия объявили о своем слиянии и образовании Демократической либеральной партии, председателем новой партии стал Ро Дэу, а его заместителем — Ким Ёнсам, у новой партии оказалось 219 депутатских мандатов. Депутаты от трех объединившихся партий, недовольные объединением, создали Демократическую партию под руководством Ли Гитхэка; в 1991 г. в ряды этой партии влилась и бывшая Партия мира и демократии, причем лидером объединенной Демократической партии стал Ким Тэчжун. На выборах 1992 г. Демократическая партия под руководством Ким Тэчжуна противостояла Демократической либеральной партии, руководителем которой стал Ким Ёнсам. Последняя получила по результатам тех выборов 149 из 299 депутатских мандатов, Демократическая партия — лишь 97. На президентских выборах в том же году также победил Ким Ёнсам. Помимо этих двух партий по итогам выборов 1992 г. 31 депутатский мандат получила Объединенная народная партия под руководством основателя группы «Хён-дэ» Чон Чжуёна.

Однако доминирование Либеральной демократической партии в Национальном собрании продлилось лишь три года. В 1995 г. бывший лидер Новой демократической республиканской партии Ким Чжонпхиль объявил о выходе из Демократической либеральной партии и о создании партии Объединенных либерал-демократов. Объединенная народная партия присоединилась к партии Объединенных либерал-демократов; у этой партии оказался 61 депутатский мандат, а у Либеральной демократической партии, которая сменила название на Партия новой Кореи, — 119. Таким образом, накануне третьих с момента принятия демократической конституции страны парламентских выборов, то есть накануне выборов в Национальное собрание 1996 г. в Республике Корея развернулась борьба между тремя партиями: Партией новой Кореи, Демократической партией и Объединенными либерал-демократами. Возврата к авторитаризму не произошло; напротив, за предшествующие годы были заложены традиции южнокорейского парламентаризма, которые и поныне определяют процесс развития партийно-политической системы Республики Корея.

Становление партийно-политической системы Российской Федерации

В Российской Федерации, согласно теории М. Бернарда, К. Ринок и Т. Нордстрема, «эффект медового месяца» должен был перестать действовать накануне выборов в Государственную думу 1999 г. Таким образом, представляется принципиально важным рассмотреть трансформацию партий-

но-политической системы России в период накануне и во время парламентских выборов 1993 г., в период между этими выборами и выборами 1995 г., накануне и во время выборов 1995 г., а также после этих выборов. Значительный интерес с точки зрения исследования партийно-политической системы России того времени представляет коллективная монография под редакцией В. Я. Гельмана, Г. В. Голосова и Е. Ю. Мелешкиной (Гельман и др. 2000). Ведь именно в результате этих трансформаций сформировалась та партийно-политическая система в Российской Федерации, которая стала одним из факторов, позволивших стране избежать возврата к авторитаризму накануне парламентских выборов 1999 г. Как и в случае Республики Корея, некоторые политические партии Российской Федерации начали формироваться еще в советский период; например, Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) В. В. Жириновского была создана еще в СССР и носила тогда наименование Либерально-демократической партии Советского Союза (ЛДПСС). Аналогично Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) Г. А. Зюганова была создана на основе Коммунистической партии РСФСР, зарегистрированной еще в 1990 г. Наконец, Демократическая партия России (ДПР), которая действует и сегодня, хотя и не представлена в Государственной Думе, была создана депутатом Верховного Совета РСФСР Н.И. Травкиным еще до распада СССР.

Некоторые другие российские политические партии 1990-х гг. сформировались в период между распадом СССР и апрельским референдумом 1993 г., который легитимировал в глазах большинства россиян того времени и разгон Верховного Совета в октябре 1993 г., и принятие новой конституции в декабре 1993 г., и выборы в Государственную Думу, которые прошли в соответствии с новой конституцией в тот же день, что и референдум, одобдивший эту конституцию. Ещё в 1991 г. А. Н. Яковлевым был создан избирательный блок Российское движение демократических реформ (РДДР). В 1992 г. С. М. Шахрай создал Партию российского единства и согласия (ПРЕС). А в начале 1993 г., практически одновременно с проведением съезда Коммунистической партии РСФСР, на котором было оформлено превращение этой партии в КПРФ, прошёл и учредительный съезд Аграрной партии России, которую возглавил М. И. Лапшин. Однако многие политические партии, принявшие участие в выборах в Государственную Думу 1993 г., сформировались лишь накануне самих выборов. Е. Т. Гайдар создал блок «Выбор России», Г. А. Явлинский создал блок «Явлинский — Болдырев — Лукин», позднее превратившийся в политическую партию «Яблоко», а А. В. Федулова возглавила блок «Женщины России».

Все названные партии, кроме РДДР, сумели на выборах в Государственную Думу преодолеть пятипроцентный барьер, относительное большинство голосов по партийным спискам получила ЛДПР — 23%, однако «Демократический выбор» получил 24 мандата в одномандатных округах, в результате ЛДПР и «Демократический выбор» получили равное представительство

в парламенте — по 64 мандата. КПРФ получила 42 мандата, Аграрная партия — 37, «Яблоко» — 27, «Женщины России» — 23, ПРЕС — 22, ДПР — 14. Пять кандидатов от РДДР победили в одномандатных округах. Помимо названных партий, блок «Гражданский союз» А. И. Вольского получил 10 депутатских мандатов в одномандатных округах, объединение «Достоинство и милосердие» К. В. Фролова получило 3 мандата, движение «Будущее России — новые имена» В. В. Лащевского — два, экологическое движение «Кедр» Е. Н. Беляева — одно. В 130 одномандатных округах победили кандидаты, позиционировавшие себя как независимые. Таким образом, в Государственную Думу, избранную в 1993 г., вошли представители тринадцати партий, блоков и объединений, и почти треть депутатов первоначально не входили в партии, блоки и объединения.

К выборам 1995 г. ситуация переменилась. Преодолеть пятипроцентный барьер смогли лишь четыре партии: ЛДПР, КПРФ, «Яблоко» и движение «Наш дом — Россия» В. С. Черномырдина. 20 мест в одномандатных округах получила Аграрная партия, по девять — «Демократический выбор России» Е. Т. Гайдара и «Власть — народу!» Н. И. Рыжкова. Пять мест получил «Конгресс русских общин» Ю. В. Скокова, по три — «Женщины России», «Вперед, Россия!» Б. Г. Фёдорова и Блок И. П. Рыбкина. Республиканская партия Российской Федерации под руководством Э. А. Памфиловой получила два мандата, еще 11 партий — по одному. 77 депутатов позиционировали себя как независимые. Таким образом, была заложена основа партийно-политической системы современной России, в которую неизменно входят КПРФ и ЛДПР, одна-две «правящие» партии, а также одна-две либеральные партии, которые то преодолевают избирательный барьер (в 2007 г. из пятипроцентного барьер превратился в семипроцентный), то остаются за пределами Государственной Думы. Именно такой партийно-политическая система России была накануне выборов в Государственную Думу 1999 г.

Заключение

Хотя внешнеполитический фактор и играет значительную роль при переходе стран от тоталитаризма и авторитаризма к демократии, выживание «молодых демократий» по большей части является делом самих «молодых демократий». На это указывает, в том числе, сравнительное исследование демократизации в Республике Корея и в Российской Федерации, результаты которого были представлены в этой статье. Согласно теории выживания «молодых демократий», разработанной М. Бернардом, К. Рином и Т. Нордстромом, вероятность возврата к авторитаризму в «молодых демократиях» становится максимальной накануне третьих с момента принятия демократической конституции страны парламентских выборов. И то, произойдет ли в этих странах возврат к авторитаризму или же они продолжат развитие в русле демократии, во многом зависит от состояния партийно-политической

системы, которая формируется в стране к этому моменту, от традиций парламентаризма, которые будут заложены в ранние годы работы органов законодательной власти. Как показывает опыт Республики Корея и Российской Федерации, органы законодательной власти двух стран в первые годы своей работы справились с этой задачей. Многих из тех политических партий, которые участвовали в парламентских выборах в Республике Корея в 1988 и 1992 гг. и в Российской Федерации в 1993 и 1995 гг., мы не видим в парламентах этих стран сегодня. Однако сформированные их представителями традиции южнокорейского и российского парламентаризма продолжают работать и сегодня, определяя характер политических систем двух стран.

Литература

- Гельман В. Я., Голосов Г. В., Мелешикина Е. Ю. (ред.) Первый электоральный цикл в России (1993–1996). — М.: Весь мир, 2000. — 248 с.
- Ланко Д. А. Историческая память в эпоху глобализации: пример российско-эстонских отношений // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 6–17.
- Ланицова И. С. Взаимоотношения политических институтов и гражданского общества при переходе Республики Корея от авторитаризма к демократии // Политическая экспертиза — ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2. С. 186–197.
- Мазуров В. М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). — М.: Восточная литература, 1996. — 199 с.
- Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. М.: Росспэн, 2003. — 425 с.
- Andreasson S. Orientalism and African Development Studies: The “Reductive Repetition” Motif in Theories of African Underdevelopment // Third World Quarterly. 2005. Vol. 26. No. 6. P. 971–986.
- Bernhard M., Reenock C., Nordstrom T. Economic Performance and Survival in New Democracies: Is There a Honeymoon Effect? // Comparative Political Studies. 2003. Vol. 36. No. 4. P. 404–431.
- Gleysteen W.H. Massive Entanglement, Marginal Influence: Carter and Korea in Crisis. Washington: Brookings, 2012. — 242 p.
- Kirkpatrick J. J. Dictatorships and Double Standards // Commentary. 1979. November. P. 34–45.
- Laron G. Origins of the Suez Crisis: Postwar Development Diplomacy and the Struggle over Third World Industrialization, 1945–1956. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2013. — 280 p.
- Oberdofer D. The Two Koreas: A Contemporary History. New York: Basic Books, 2001. — 521 p.

Е. В. Стецко

Неправительственные организации и проблемы развития гражданского общества на Корейском полуострове

Статья посвящена деятельности неправительственных организаций на Корейском полуострове. Их деятельность рассматривается в нескольких аспектах: историческом, международном, гуманитарном и социально-политическом. Главной проблемой является оценка возможности влияния НПО на развитие гражданского общества. Автор выявляет зависимость активности международных НПО, в том числе южнокорейских, от характера отношений между властями КНДР и Республики Корея. Рассматриваются конкретные акции основных НПО (южнокорейских, европейских и американских) по оказанию помощи и сотрудничеству с Северной Кореей. Анализируется политика КНДР в отношении международных НПО. Автор делает прогноз относительно роли международных НПО в развитии гражданского общества в Северной Корее и её возможной интеграции в мировое сообщество.

The article is devoted to the activities of non-governmental organizations on the Korean Peninsula. Their activities are considered in several aspects: historical, international, humanitarian and socio-political. The main problem is to evaluate the influence of NGOs on the development of civil society. The author reveals the dependence of the activity of international NGOs, including South Korea, from the nature of the relations between the authorities of the DPRK and the Republic of Korea. Addresses specific shares of major NGOs (South Korean, European and American) to assist and cooperate with North Korea. DPRK policy analyzes in relation to international NGOs. The author makes a prediction regarding the role of international NGOs in the development of civil society in North Korea and its possible integration into the world community.

Интерес к теме развития гражданского общества и деятельности неправительственных организаций на Корейском полуострове обусловлен уникальной ситуацией в этом регионе: одна нация, проживающая на собственной исторической территории, разделена границами и развивается в рамках абсолютно противоположных государственных систем и идеологий. Помимо этих границ и идеологий существует и сокровенное и явное желание воссоединения. Для политиков эта идея воссоединения является, скорее, некоей идеальной целью, чем конкретным проектом: слишком много разногласий и противоречий. Однако она наполнена гуманистическим смыслом и

возвышает любое государство над своими внутренними проблемами и амбициями, поэтому от неё невозможно отказаться. К тому же современная история знает случаи судьбоносных воссоединений искусственно разделённых стран. Самый колоритный пример — ГДР и ФРГ, ставшие единой Германией. С учетом специфики обеих Корейских государств, возникает вопрос: каковы возможные шаги для постепенного создания условий будущего объединения?

Бесспорно, говорить об этом можно только как о постепенном процессе, учитывая особый путь развития, избранный Северной Кореей. Идеология чучхе и политика «опоры на собственные силы», граничащая с изоляционизмом, не внушают оптимизма в краткосрочной перспективе. Но современные процессы глобализации и высокие скорости модернизации экономической и социальной жизни, так или иначе, вступают в противоречие с тоталитарными формами правления и слабо развитой экономикой. И поэтому объединение в перспективе возможно в результате революционного стремления северокорейцев к изменению и улучшению жизни. Для выживания и продления жизнеспособности режима династии Кимов нужно идти на компромиссы, допускать некоторую открытость, смягчать идеологические ограничения. «Экономическая реальность КНДР — это отнюдь не сталинизм. Полупарализованный государственный сектор соседствует с квазирыночным «серым» и «товарным» сектором с участием хозяйствующих субъектов, принадлежащих административным, региональным, партийным органам, спецслужбам, военным. К «несоциалистическому» сектору относятся совместные предприятия, свободные экономические зоны, которые в последний год получили новое развитие. Подспудно складывается полугосударственная олигархическая экономика, которая в принципе может стать опорой режима в будущем. ...И здесь без новаций не обойтись, иначе режим обречен. Новому руководству нужно привести «правила игры» в соответствие с действительностью. По сути, чтобы сохранить КНДР как самостоятельное государство, элита должна предложить новую «национальную идею», модернизирующую набившие населению оскомину идеи изоляционизма, милитаризма, аскетизма и эгалитаризма» (Толорая 2012).

Модернизация государства и экономики невозможна без модернизации общества, без предоставления гражданских, политических свобод и свободы предпринимательства. То есть модернизация невозможна без развития гражданского общества. Уровни развития гражданского общества в Северной и Южной Корее пропорциональны уровням модернизации этих стран. «Первый этап модернизации — это строительство сильного государства. Северная и Южная Корея пошли принципиально разными путями в формировании институциональной структуры общества, однако на этом этапе оба государства ставили схожие стратегические цели и опирались на политику мобилизации ресурсов, что имело и схожие последствия для образа жизни населения. На втором этапе Южная Корея пошла по пути формирования

общества потребления, что радикально изменило повседневную жизнь населения. Северная Корея в силу и внутренних институциональных причин (несовместимость общества дефицита с конsumerизмом), и внешних геополитических факторов (развал системы социализма) на этот этап не вышла, законсервировав модернизацию повседневности на уровне, достигнутом на первой фазе в результате индустриализации и урбанизации» (Ильин 2012).

Итак, «новой идеологией» для Северной Кореи могла бы стать идеология развития гражданского общества пусть даже и под контролем верховной власти. Но может ли власть допустить это и при каких условиях? Из опыта деятельности международных институтов — правительственных и неправительственных — за последние два десятилетия можно сделать вывод, что «дверь» в северо-корейское общество приоткрывается очень неохотно и только в период национальных катастроф: голода и эпидемий. Начиная с 90-х годов XX в., когда система социализма рухнула и не могла уже в достаточной мере помогать режиму, в том числе продовольствием и медицинскими товарами и технологиями, Северная Корея стала принимать помощь от международных и южнокорейских неправительственных и благотворительных организаций. В настоящее время гуманитарная помощь и деятельность международных НПО по её обеспечению является предметом своеобразного торга для Северной Кореи: продовольствие, технологии и сохранение режима в обмен на обещания денуклеаризации и мира на Корейском полуострове. Но несмотря ни на что, в этом процессе взаимодействия Северной Кореи с международными (и южнокорейскими) негосударственными акторами, на наш взгляд, медленно, с большими препятствиями развивается северо-корейское общество. А также, конечно, и южнокорейское, выступающее в качестве не только донора, но и примера нового качества жизни и новых социальных технологий, основанных на открытости и взаимопомощи.

Северная Корея является наглядным подтверждением необходимости существования и деятельности неправительственных организаций по доставке гуманитарной помощи в закрытую страну, относящуюся с недоверием к государствам и межгосударственным институтам и считающую себя окружённой «врагами». Если бы не нейтральные источники помощи (НПО), то последствия гуманитарной катастрофы были бы гораздо серьёзней.

Однако необходимо отметить, что участие неправительственных организаций по оказанию помощи Северной Корее исторически зависело от характера отношений — периодов охлаждения и потепления — между Севером и Югом, а также от позиции США и Евросоюза по отношению к внешней политике Кореи (прежде всего, её ядерного аспекта). Если говорить об отношениях между Северной и Южной Кореей после крушения системы социализма, то они претерпели ряд изменений и имели несколько периодов.

Первый период связан с президентством Ким Ен Сама (1993–1998). С начала 1990-х гг. подходы администрации Ким Ен Сама базировались на уверенности в скором крахе КНДР. Во главу угла было поставлено требование

о денуклеаризации, реформах и открытости — по сути, капитуляции Севера (Толорая 2013). Однако именно в это время проблема нехватки продовольствия и голода в Северной Корее заставила некоторые южнокорейские религиозные организации развернуть пропагандистскую кампанию с призывом “share rice in love” («поделиться рисом из любви (сострадания)») (Scott Snyder 2011). Это заставило президента Ким Ен Саму учесть общественное мнение и выделить средства на оказание гуманитарной помощи, в результате чего Северной Корее было передано 150 000 тонн риса. В 1996 г. КНДР претерпела несколько масштабных наводнений, что привело к открытию КНДР международной гуманитарной помощи. Но в дальнейшем, вплоть до окончания президентского срока Ким Ен Самы, южнокорейское общественное движение для оказания продовольственной помощи, официально не поощрялось и свелось, по сути, только к разрешению помощи по линии Красного Креста Южной Кореи.

Второй период был связан с президентством будущего Нобелевского лауреата Ким Дэ Чжуна (1998–2003) и его последователя Но Му Хёна (2003–2008) и характеризовался как «либеральное десятилетие» и период политики «солнечного тепла». В результате саммитов между Ким Чен Иром и Ким Дэ Чжуном в июне 2000 г. и между Ким Чен Иром и Но Му Хёном в октябре 2007 г. были заложены основы мирного сосуществования двух корейских государств. Был начат ряд взаимовыгодных проектов сотрудничества, включая восстановление железнодорожного сообщения, турпоездки в Кымгансан (Толорая 2013). Эта политика открывала путь к возможному, по мере смены поколений, объединению или созданию своего рода «союзного государства» на принципах «одна страна, две системы». В это время в Министерстве Объединения (Ministry of Unification) РК было зарегистрировано около 20 южнокорейских НПО для проведения мероприятий по обмену с Северной Кореей в различных областях — от поощрения контактов между детьми двух стран, до проектов в области здравоохранения и оказания технической помощи в сельскохозяйственном секторе.

Во время эпохи «политики солнечного тепла», НПО Южной Кореи создали целый ряд программ продовольственной безопасности: по созданию высокоурожайных сортов кукурузы, обеспечения удобрениями, распространения семенного картофеля, развитию производства козьего молока и спонсированию более широкого использования теплиц и альтернативных методов растениеводства. Некоторые неправительственные организации также начали программы по дополнительному питанию для больных и медикаментозной помощи, такие как предоставление витаминов, контроль над туберкулезом. К 2000 г. южнокорейское Министерство Объединения поддерживало НПО, чьи программы включали помощь для жертв стихийных бедствий, детей и пожилых людей (Mi Ae Taylor, Mark E. Manyin 2011).

Другие НПО способствовали развитию программ для обучения за рубежом, организовывали курсы английского языка, банковского дела и торгов-

ли. Конкретные примеры включают в себя создание цифровой библиотеки университета Северной Кореи; создание консорциума научного взаимодействия между США и КНДР (Scientific Engagement Consortium); создание частного иностранного университета в Пхеньяне, спонсирование программ обмена по экономике, городскому развитию и технологиям (Mi Ae Taylor, Mark E. Manyin 2011).

Также надо отметить ещё одно направление деятельности южнокорейских НПО — помощь северокорейским беженцам. Наиболее известными НПО на этом направлении являются **Civil Network for a Peaceful Korea** (Гражданское сообщество для мирной Кореи) и **Citizens' Alliance for North Korean Human Rights (CANKHR)** (Гражданский союз за права человека в Северной Кореи). Эти, а также и другие подобные организации активно поддерживают программы переселения беженцев в Южной Корею, осуществляемые через Министерство Объединения. Они предоставляют беженцам дополнительные программы помощи и адаптации жизни в Южной Корею. Эти программы включают в себя профессиональную подготовку и поиск работы, детские лагеря, юридическую поддержку, помощь женщинам, санитарное просвещение.

Третий период межкорейских отношений ознаменовался президентством Ли Мен Бака (2008–2013), который «повернул часы вспять». Межкорейские отношения оказались в глубоком кризисе в результате его политики по отношению к Пхеньяну, восприятию болезни и смерти Ким Чен Ира как шанса на объединение Кореи на своих условиях. Обострившаяся ситуация усугубилась гибелью южнокорейского корвета Чхонан в марте 2010 г. и обменом артиллерийскими ударами в р-не о. Ёнпхёндо (ноябрь 2010) (Толорая 2013). По сути, отказа от гуманитарной помощи Северной Кореи не было, как не было и официального запрета на деятельность южнокорейских НПО. Но стремясь к укреплению связей Республики Корея и США, правительство Ли Мен Бака увязало многие аспекты сотрудничества с Северной Кореей со свёртыванием её ядерной программы и режимом большей открытости. Такой подход, понятно, не способствовал «открытости», которая и до того была минимальной, но, напротив, ужесточил требования властей Северной Кореи к иностранным НПО.

Последний, нынешний период межкорейских отношений характеризуется более сдержанной и рациональной позицией нового президента Пак Кын Хе, которая фактически признала ошибки предшественника, заявила о начале «политики доверия» по отношению к Северу. В Южной Кореи заговорили о необходимости большего реализма в подходе к Северу, недопустимости полагаться только на санкции, преодолении безынициативности, «разделении» проблемы денуклеаризации и гуманитарного сотрудничества, не исключают и возможности нового межкорейского саммита (Толорая 2013). Таким образом, гуманитарная и правозащитная деятельность южнокорейских и иных международных НПО в Северной Кореи продолжается, хотя и

встречает множество традиционных препятствий со стороны уже нового и молодого лидера Ким Чен Ына.

Здесь нужно остановиться на том, в каких условиях приходится осуществлять свою деятельность международным и южнокорейским неправительственным организациям в Северной Корее. Северокорейское правительство жестко контролирует и отслеживает деятельность НПО. Должностные лица КНДР часто препятствуют требованиям НПО осуществлять контроль за распределением помощи. Северокорейские чиновники заблокировали усилия НПО посетить Северо-Восточные провинции Чагандо, Хамгён, Хамгён-Пукто и Янгандо, а также части Кангвон, Хванхэ и Северной и Южной Пхёнан.

Должностные лица также пытались сократить для НПО возможность мониторинга их собственной деятельности и обстановки на местах, запрещая лицам, знающим корейский язык, входить в действующие группы международных НПО. Неправительственным организациям не разрешается делать выборочные визиты куда-либо. Наконец, чиновники КНДР часто настаивают на том, чтобы НПО использовали государственную распределительную систему для передачи гуманитарной помощи. Ссылаясь на эти ограничения по мониторингу, некоторые НПО, особенно Врачи без границ и ОКСФАМ, ушли из Северной Кореи. Также две американские НПО, Care и Католическая служба помощи, ушли по тем же причинам. К 2005 г. ограничения на поездки НПО существенно снизилось, но по-прежнему в них включены Северный и Южный Пхёнан и Кангвон. Северокорейские чиновники исключают посещения этих районов, ссылаясь на соображения безопасности. Кроме того, северокорейские власти отказываются предоставить неправительственным организациям США и Южной Кореи статус резидентов в целях ограничения диапазона их перемещения в Северной Корее (Mi Ae Taylor, Mark E. Manyin 2011).

Деятельность американских НПО в Северной Корее

Неправительственные организации США были в числе тех, кто откликнулся на северокорейский продовольственный кризис 1990-х годов. Среди них были представители таких организаций, как Mercy Corps, World Vision, and CARE — традиционный мейнстрим быстрого реагирования на гуманитарные катастрофы. Высшие должностные лица этих организаций посетили Северную Корею в начале 1997 г. и начали формировать зонтичную структуру из гуманитарных организаций, которые тесно работали в сотрудничестве с USAID и Государственным Департаментом США, чтобы подчеркнуть участие правительства США в решении данной гуманитарной проблемы. Эта деятельность привела к созданию Частной добровольной организации-консорциума (PVOC), включавшей в себя Care, Catholic Relief Services, Mercy Corps, World Vision и Amigos Internacionales. В 1997 г. этот консорциум НПО

был назначен для доставки гуманитарной помощи, финансируемый USAID на двусторонней основе. Коалиция НПО — PVOC столкнулась со множеством проблем, связанных с глубоко укоренившимся недоверием властей КНДР по отношению к неправительственным организациям. Прежде всего это выражалось в постоянных подозрениях в шпионаже. В результате деятельность PVOC длилась всего три года (Scott Snyder 2011).

Ещё одной, более успешной попыткой сотрудничества стала деятельность уже упомянутого консорциума научного взаимодействия между США и КНДР (Scientific Engagement Consortium). Это был пример укрепления сотрудничества между научными сообществами США и Северной Кореи, главным образом между академическими учреждениями. Основными членами консорциума являются — Американской ассоциация содействия развитию науки (AAAS), Фонд глобальных гражданских исследований и развития (CRDF Global), Тихоокеанский институт века и университет Сиракуз. Успешным проектом данного консорциума были сотрудничество с Технологическим университетом Ким Чук в Пхеньяне по созданию цифровой библиотеки.

Деятельность европейских НПО в Северной Корее

Деятельность европейских НПО в Северной Корее находилась под меньшим политическим давлением, чем НПО США или Южной Кореи. Однако европейские НПО столкнулись с многими из тех же ограничений как остальные. Первоначальный импульс к работе европейских неправительственных организаций в Северной Корее был ответом на гуманитарный призыв Северной Кореи в середине 1990-х годов. Однако одним из условий помощи от Европейской Комиссии по гуманитарным вопросам (ЕЧНО) являлось то, что европейские НПО должны создать отделения на местах в соответствующей стране. Это требование означало, что КНДР должно согласиться на постоянное присутствие европейских НПО для получения помощи. По состоянию на октябрь 2002 г. восемь европейских НПО имели статус проживания в КНДР, и пять других европейских НПО, которые когда-то работали в КНДР, решили уйти, посчитав свою миссию выполненной или далее невозможной. Первоначальный акцент работы европейских НПО был сделан на гуманитарной помощи, но постепенно они перешли на проекты по оказанию технической, медицинской и сельскохозяйственной помощи.

К европейским неправительственным организациям, которые по-прежнему остаются в КНДР, относятся Campus für Christus (Швейцария), Concern Worldwide (Ирландия), Cooperazione e Sviluppo (CESVI, Италия), German Agro Action, Adventist Development and Relief Agency International (Швейцария), PMU Interlife (Швеция), Triangle Génération Humanitaire (Франция) и Handicap International (Бельгия). Споры между теми организациями, которые ушли из КНДР, и теми, кто посчитал возможным остаться, имели место

интенсивные обсуждения, которые привели к пересмотру принципов гуманитарной помощи в Северной Корее.

Европейские НГО, которые остались в КНДР утверждают, что «изменение путем сближения» — философия Западной Германии *Ostpolitik* — это принцип, который должен применяться в Северной Корее. Эти НПО утверждают, что за рамками простого предоставления помощи, их усилия способствуют улучшению отношений между Северной Кореей и международным сообществом, является фактором, который может способствовать изменению сознания северокорейских коллег, которые получают практический опыт, работая ежедневно с европейцами в реализации проекта (Scott Snyder 2011).

Также нужно отметить опыт немецких партийных фондов в Северной Корее — фондов Ханса Зайделя и Фридриха Науманна. В 2006 году HSS (фонд Ханса Зайделя) заключил партнёрское соглашение с Пхеньянским Международным информационным центром новых технологий и экономики. Были проведены семинары по вопросам международного бизнеса и торговли, по созданию стандартов безопасности продуктов питания, текстильной ассоциации, таможенных процедур и т. п. Однако Северная Корея прервала своё участие в этих проектах в 2009 г.

Фонд Фридриха Науманна (FNF), как правило, проводит политические консультации, образовательные программы, работает с местными неправительственными организациями и учебными заведениями. В июле 2010 г., FNF посетила небольшая делегация старших должностных лиц правящей партии Северной Кореи, а также некоторых высокопоставленных чиновников. Они нанесли визит в Мюнхен, Дрезден и Берлин и познакомились с достижениями немецкой инженерной практики и устойчивого развития (Mi Ae Taylor, Mark E. Manyin 2011).

Подведём итоги нашему обзору деятельности международных неправительственных организаций на Корейском полуострове. Каков может быть будущий вклад этих организаций в дело постепенной интеграции Северной Кореи в мировое сообщество? Возможно ли с помощью зарубежных НПО стимулирование развития гражданского общества в КНДР?

Во-первых, сразу стоит отметить, что, безусловно, наибольший вклад в дело межкорейского диалога и гуманитарной помощи КНДР внесли неправительственные организации Южной Кореи и власти Республики Корея, несмотря на периодические колебания политического курса. Вполне вероятно, что и в будущем НПО Южной Кореи будут продолжать внести существенный вклад, наряду с усилиями правительства РК, для расширения межкорейских отношений. Однако на этом пути возможен ряд проблем. Это прежде всего северокорейская практика запрещения так называемых «низовых» взаимодействий, т. е. запрета на общение представителей НПО РК с простыми гражданами — получателями гуманитарной помощи. Другая проблема — «усталость» доноров, которая может быть обусловлена многолет-

ней отдачей средств и сил без видимых результатов: межгосударственный диалог идёт с трудом, дело национального объединения по-прежнему представляется далёким будущим. Реальной помощью южнокорейских НПО Северной Корее могла бы стать программа образовательных обменов на самых разных уровнях. Однако именно этого власти Северной Кореи больше всего бояться допустить. Уже сейчас слишком велика информированность молодого поколения об уровне и стандартах жизни за рубежом посредством слушания нелегальных радиопередач и просмотра контрабандных китайских телесериалов.

Роль европейских НПО также велика уже хотя бы потому, что некоторые из них получили статус резидентов и постоянно находятся в КНДР. Однако, их вклад мог бы быть гораздо большим, если бы правительство КНДР расширило бы возможности их контактов с населением.

Потенциальный вклад американских НПО в будущее развитие гражданского общества Северной Кореи можно оценить как весьма небольшой. Это объясняется чрезвычайной настороженностью Ким Чен Ына и всей северокорейской элиты в отношении деятельности американских НПО в различных странах мира и грядущих вслед за этим цветных революций. Безусловно, северокорейские власти будут стараться выстроить определённые отношения с Соединёнными Штатами с целью установления выгодного политического баланса, например обещания ядерной безопасности миру в обмен на гарантии неприкосновенности режима и исключение южнокорейского варианта объединения. Но особой роли НПО США на этом пути не предвидится. (Если, конечно, не произойдёт очередная гуманитарная катастрофа, голод и т. п., когда будут задействованы ведущие американские НПО по доставке гуманитарной помощи. Но и в этом случае их миссия будет кратковременной.)

И наконец, последний вопрос: Возможно ли с помощью зарубежных НПО стимулирование развития гражданского общества в КНДР? Ответ на него неоднозначен. Он может быть положительным, имея в виду то постоянство и терпение, с которыми действуют НПО даже в самых неблагоприятных условиях. Однако анализируя опыт современных «бархатных и цветных революций», становится ясно, что развитие технологий и доступ к ним больше, чем гуманитарная деятельность и жертвенность, изменяют общественное сознание. Но именно строго ограниченный доступ к технологиям и запрет на различные виды коммуникации сдерживают социальные изменения. Но бесконечно долго это продолжаться не сможет. И здесь перед Кореей встанут новые и весьма тяжёлые проблемы экономической, культурной и социальной адаптации.

Литература

- Ильин В. И. Модернизация повседневности в Корее. URL: http://kspg.spbu.ru/sites/default/files/publications/ilyin_2012_4.pdf (дата обращения: 15.02.2015).
- Толорая Г. Межкорейский диалог и перспективы примирения// Российский Совет по международным делам — 16.07.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2117#top (дата обращения: 15.02.2015).
- Толорая Г. Вступит ли Северная Корея на путь реформ?//Российский Совет по международным делам — 6.11.2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=998#top
- Mi Ae Taylor, Mark E. Manyin. Non-Governmental Organizations' Activities in North Korea/ CRS Report for Congress — 7-5700 -www.crs.gov-R41749 — March 25, 2011 — <http://fas.org/sgp/crs/row/R41749.pdf> (дата обращения: 15.02.2015).
- Scott Snyder, Expected Role of South Korea and Major Stakeholders: NGO Contributions to and Roles in North Korea's Rehabilitation//A NEW INTERNATIONAL ENGAGEMENT FRAMEWORK FOR NORTH KOREA? Contending Perspectives — May 25, 2011. URL: <http://www.keia.org/sites/default/files/publications/04Snyder.pdf> (дата обращения: 15.02.2015).

А. А. Алимов

Основные направления экологической политики Республики Корея

В статье рассматриваются основные направления и аспекты современной экологической политики Республики Корея. На фоне общей характеристики глобальной экологической ситуации анализируются такие элементы государственной экологической политики республики, как международное сотрудничество, деятельность специального государственного природоохранного органа, экологическое образование, основы экологического права республики.

The article covers the main directions and aspects of current environmental policy of the Republic of Korea. On the basis of the global ecological situation such elements of the state Korean environmental policy as international cooperation in environmental field, activities of a special environmental state Ministry, environmental education, and legal base of the environmental law are analyzed.

Появление глобальной экологической проблемы в конце 1960-х годов было связано с тем, что специалистами и учеными ряда стран были объективно зафиксированы практически повсеместные негативные тенденции в окружающей среде. Примерно в это время были созданы первые международные межправительственные и неправительственные организации. В данном случае следует выделить Организацию Объединенных Наций (далее — ООН) как глобальный универсальный международный институт и «Римский Клуб» — неправительственная организация, созданная по инициативе известного итальянского промышленника А. Печчеи в 1968 г.

В начале 1970-х годов в связи с этим произошло два важных события: во-первых, был опубликован Доклад Римскому клубу, который назывался «Пределы роста»; во-вторых, в Стокгольме в июне 1972 г. была проведена первая международная Конференция ООН по окружающей среде.

Принято считать, что это были события, повлиявшие почти на все страны того времени. Правда, несмотря на то, что не все так называемые развивающиеся страны, принимавшие участие в Стокгольмской, поддерживали идею «пределов роста», поскольку были крайне заинтересованы в его продолжении. Сам по себе Доклад «Пределы роста» в экологической литературе получил название «первого экологического колокола». Несколько упростив его содержание можно сказать, что в нем рассматривались три важнейших вопроса, прямо связанные с развитием мира: демографические показатели и перспективы их развития, ресурсы и их использование, негативное воздействие антропогенного фактора — т. е. влияние хозяйственного развития на

состояние биосферы, а именно ее загрязнение как в атмосфере, так в воде и в почве.

Доклад Римскому Клубу вызвал широкое обсуждение в рамках мировой научной общественности и получил достаточно широкую критику. Ряд ученых и специалистов в сфере защиты окружающей среды оценивал его как возвращение к идеям Мальтуса, другие говорили о возможности разработки технологий, направленных на снижение уровня антропогенного и техногенного воздействия на окружающую природную среду и т. д. Можно сказать, что мировая научная общественность «раскололась» на три основные группы. Первая получила название «алармизма», вторая — «технологизма», а третья нацелилась на поиски компромиссных путей и способов развития человечества, в рамках имевших место направлений охраны окружающей среды и ресурспользования.

Нельзя не сказать, что в то время в Советском Союзе эта интересная, хотя в чем-то и противоречивая книга не была переведена на русский язык и не издавалась в нашей стране. Сегодня причина такого положения выглядит весьма забавной — главные претензии к работе состояли в том, что в ней не говорилось о том, что глобальная экологическая проблема, как и многие другие глобальные ситуации, может получить свое разрешение в условиях социализма, но становится абсолютно не разрешимой в условиях капиталистического способа производства.

Что касается первой конференции ООН, то она часто рассматривается как поворотная точка в деятельности, как международных организаций, так и отдельных государств. Несмотря на имевшие место противоречия между развитыми и развивающимися странами в оценке опасности глобальной экологической проблемы, были приняты основные принципы сотрудничества в области окружающей среды. Кроме того, согласно решению этой конференции создавалась специальная программа деятельности, получившая название Программа ООН по окружающей среде. Она вошла в историю экологического межгосударственного сотрудничества как ЮНЕП — сокращение от английского United Nations Environmental Program. Очевидно, что ЮНЕП с самого начала испытывала финансовые трудности, поскольку то время было сопряжено с «холодной войной» и политико-идеологическим противостоянием двух противоположных социально-экономических блоков.

Тем не менее «лед тронулся», и согласно названной выше программы началась разработка и реализация международных экологических проектов. Один из первых был связан с активизацией и расширением сотрудничества в области борьбы с опустыниванием. Правда, следует отметить, что Республика Корея в то время по целому ряду в основном экономических причин, не заявила о своем видении международного сотрудничества в области окружающей среды. Однако в дальнейшем как политики, так специалисты и ученые в области экологической проблематики страны показали своё намерение стать одним из активных акторов ооновской программы.

К тому времени в экологической научной литературе в общих чертах было определено понятие «государственная экологическая (природоохранительная) политика». В нее включались такие основные составляющие, как наличие специального природоохранного ведомства на уровне министерства, наличие действенного экологического права, наличие широко развитой системы экологического образования и, наконец, участие в международном сотрудничестве в области окружающей среды. В 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро впервые официально в документах ООН было определено понятие «устойчивое развитие», а в другом важном документе — «Повестка Дня на XXI век» — **излагались основные подходы к успешному решению глобальной экологической проблемы.** Одним из положений этой важной программы определялась необходимость повышения интереса к экологической проблематике и к государственной экологической политике со стороны государств и правительств. Характерно, что примерно в это же время был принят так называемый Вашингтонский консенсус, главным положением которого было провозглашено снижение до практического минимума вмешательства государственных структур в социально-экономическое развитие. Это противоречие во многом существует и в наши дни. Но в развитие теорий современного рынка и рыночных отношений сравнительно недавно были включены так называемые «поддерживаемые или оберегаемые блага», а именно политика государства в области науки и культуры, медицинского обслуживания и образования. По нашему мнению, на полном основании в эту категорию государственной политики и управления следует включить и необходимость проведения соответствующего элемента — положение о важности и значимости действий в области окружающей среды и развития.

В этом отношении Республика Корея следует принципам реализации Концепции Устойчивого Развития (далее — КУР) в проведении своей государственной политики. Напомним основные положения КУР, изложенные в Докладе Международной Комиссии ООН по Окружающей Среде и Развитию (далее — КООН по ОСиР). Устойчивое развитие — это такое развитие, в рамках которого удовлетворяются потребности ныне живущих поколений, не ставя под угрозы удовлетворение потребностей будущих поколений. Данное определение не обеспечивает должного понимания содержания проблемности такого процесса. Поэтому авторы доклада показали самые необходимые условия реализации КУР. По сути дела это два положения, из которых первое имеет значение социально-экономического фактора, поскольку в нем говорится о том, что в первую очередь следует обеспечить потребности беднейших слоев населения. Второе положение связано с экологическим фактором и определяет необходимость соблюдения несущей (хозяйственной) емкости биосферы, т.е. включает в себя вопрос развития экологических знаний в рамках экологии как науки, по своей значимости приближающейся к фундаментальной области научных исследований (Наше общее будущее, 1987).

Рассмотрим основное содержание и понимание экологической (природоохранной) политики Республики Корея.

Во-первых, Республика Корея выполняет все основные положения КУР, в том числе и принятые на Конференции ООН по устойчивому развитию 2012 г., которая также называется «Рио+20» или «Стокгольм+40». В частности, можно назвать следующие конкретные позиции: Министерство по окружающей среде республики Корея, несомненно, являлась участником высокого форума ООН по устойчивому развитию, известного как «Рио+20», и будет участвовать в дискуссии по вопросам зеленой экономики для устойчивого развития. Эта конференция будет самой значительной в связи с проведением в экологическом плане международных усилий в области окружающей среды. В ней примут участие представители глав министерств и правительств 190 стран, а также представители неправительственных экологических организаций, бизнеса, международного научного сообщества и других акторов в сфере окружающей среды и развития (URL: <http://eng.me.go.kr/eng/web/main.do>; 3.03.15).

Президент страны Ли Мёнг-бак возглавил корейскую делегацию, в состав которой вошли такие представители Правительства Республики как Министр окружающей среды, Министр иностранных дел, Министр Стратегии и Финансов, а также в состав делегации будут включены представители промышленных кругов и Неправительственных Экологических Организаций (НПО). Мы думаем, говорилось в этом документе, что представители Республики Корея считают важным обратить внимание на такие вопросы, как «Зеленая экономика в контексте Устойчивого развития» и «Институциональные рамки Устойчивого развития».

Корейская делегация использовала «Рио+20» как площадку развития «зеленого роста» и «зеленой экономики». Президент Республики Корея, как руководитель делегации своей страны выступил с одним из ключевых докладов, в том числе обращая внимание на общую задачу мирового сообщества, — «Какое будущее мы хотим» (URL: <http://eng.me.go.kr/eng/web/main.do> 03.03.15).

Одним из направлений развития современной экологической политики Республики является пилотный проект, начатый с целью улучшения состояния водных ресурсов не только страны, но и других государств особенно в таких водных объектах, как Силивунг, протекающей по территории Джакарты, столицы Индонезии. Данный пилотный проект построен на использовании корейского опыта, экологической политики и знаний, накопленных Республикой Корея в этом секторе проведения экологических мероприятий. При этом в своем выступлении министр окружающей среды на конференции ООН «Рио+20» отметил, что предложенный страной проект предусматривал участие значительного ряда индонезийских компаний, а также Министра окружающей среды Индонезии и Министра общественных работ. Непосредственным участником проекта были и специальные представители официальных лиц Республики Корея. Этот пример можно считать таким элементом государственной экологической политики республики Ко-

рея, как широкое участие в решении региональных экологических проблем в рамках международного сотрудничества. Особое значение этот пилотный проект имел потому, что река Силивунг выполняет специальную функцию и является таким же источником пресной воды, как река Хан, протекающая по территории Республики. Если проект оправдает себя, то он охватит 13 рек, протекающих по территории Индонезии, а корейские компании станут участниками экологического рынка этой страны. По крайней мере уже в мае 2011 г. были в рамках проведения этого пилотного проекта получены первые положительные результаты, а также подписано специальное соглашение о сотрудничестве в области охраны и рационального использования водных ресурсов региона. При этом корейская делегация, возглавляемая Министром окружающей среды республики Корея, отметила, что в осуществлении проекта будут принимать участие более 150 представителей обеих стран.

Вообще, республика Корея заявила о своей заинтересованности расширения сотрудничества в области «зеленой экономики» «зеленого развития» в первую очередь в рамках своего региона. В данном случае активность корейской стороны будет в дальнейшем поддерживаться Министерством окружающей среды страны, бюджет которого составляет от 30 000 до 40 000 долларов США, что позволяет реализовать в течение одного года 3–4 пилотных проекта в области окружающей среды и развития в 2015 г.

Планы республики Корея в этой сфере предполагают, во-первых, разработку нескольких концептов «зеленого развития» и поддержания более активного становления «зеленой экономики» в регионе. При этом специальное внимание будет уделено таким аспектам развития, как продвижение устойчивой инфраструктуры, учет влияния хозяйственного развития на глобальные климатические изменения, поддержание политики устойчивого развития соответственно современного понимания самой концепции.

Корейской стороной был предложен следующий график сотрудничества: январь–апрель 2015 г. будут заняты разработкой и обсуждению соответствующих проектов, а начиная с 30 июня этого же года предполагается определение и выбор пилотных проектов.

Нужно отметить, Республика Корея уделяет особое внимание теоретическому и практическому осуществлению национальной «Повестки Дня на XXI век» в рамках Концепции Устойчивого Развития. В этом отношении на уровне Правительства были приняты следующие решения: разработаны поэтапные стратегические планы в области выполнения требований, предъявляемых в Концепции Устойчивого Развития. Была сформирована президентская комиссия по устойчивому развитию и разработана Национальная Стратегия Устойчивого Развития Республики Корея — (далее НСУРПК) ([URL: d.go.kr/eng/strategy.html](http://d.go.kr/eng/strategy.html)). Специальным решением правительства республики в присутствии Президента страны эта стратегия была утверждена 31 октября 2006 г., после чего соответствующие правительственные и государственные институты приступили к ее реализации. Центр национального

комитета по устойчивому развитию был размещен в столице Кореи — Сеуле, что подчеркивает то специальное внимание, которое уделяет правительство республики этом вопросу (URL: d.go.kr/eng/strategy.html). Для информационного обеспечения был создан специальный электронный сайт Президентской Комиссии по устойчивому развитию республики Корея (URL: <http://www.pcsd.go.kr/eng/>), который отражал основные направления проведения такой политики.

Экологическое образование в Республике Корея является одним из направлений образования вообще. Оно проводится параллельно и даже совместно с такими составляющими образования, как музыкальное образование, образования в области finearts, специальное образование и, наконец, глобальное образование в рамках международного сотрудничества в образовании для детей (URL: <http://learning.snu.ac.kr>).

Остановимся на экологическом образовании. Во-первых, следует отметить наличие специальной программы в этом плане. В ней отражены следующие положения: образование в области окружающей среды нацелено в первую очередь на подготовку соответствующих специалистов (URL: <http://hyup.snu.ac.kr>). Межпредметное образование в области окружающей среды и развития осуществляется в специальном колледже по экологическому образованию. Этот колледж был создан в соответствии с решением о его формировании при участии среднего образования (College of Education), высшей образовательной экологической программой (Graduate School of Environmental Studies) и Сельскохозяйственным колледжем (College of Agriculture and Life Studies) (URL: <http://hyup.snu.ac.kr>).

Преподавательский состав этой программы представлен экспертами различных научных дисциплин, в том числе географии, экологии, экологического (энвайронментального) планирования, наук о Земле и других важных областей научных знаний. Студенты, закончившие среднее экологическое образование, получают на этом образовательном уровне информацию и соответствующие данные, которые используются для развития междисциплинарного образования. Здесь можно напомнить об одном из фундаментальных положений, высказанном в середине 1930-х годов в СССР выдающимся советским ученым В. И. Вернадским, который считал, что в дальнейшем (а это дальнейшее уже наступило) человеческие научные знания будут развиваться не по наукам, а по проблемам. Глобальная экологическая проблема, наряду с другими проблемами, доказала правильность этой идеи, и поэтому в области экологического (энвайронментального) образования как в Республике Корея, так и в других странах в последнее время, и в науке, и в образовании используется принцип взаимодействия наук и знаний.

Слушатели такого рода образовательного института появились в 1991 г. Они были приняты в состав обучающихся по такой программе и получили широкую подготовку в этой сфере. По окончании этого высшего учебного заведения в области экологического образования они могли продолжать свою

практическую деятельность, получив соответственно степени магистра и/или доктора наук. Поэтому многие из них продолжали свою карьерную деятельность как преподаватели в начальной и средней школы, университетов, а также становились исследователями в данной сфере научных разработок (URL: <http://hyup.snu.ac.kr>).

Особое место занимает образовательный сектор образования для глобального сотрудничества. Эта форма образования нацелена на подготовку специалистов в области международного сотрудничества в различных сферах на глобальном уровне. Программа этой формы образования направлена на выпуск специалистов, способных принимать участие в развитии деятельности в масштабах программ ООН по достижению главных целей развития в наступившем тысячелетии. Программа также носит межпредметный характер и способствует подготовке специалистов, как в Республике Корея, так и на международном уровне. Следует подчеркнуть, что вообще современное образование в Корее развивается с учетом процесса глобализации и других культур в области природопользования и окружающей среды. В этом плане выпускники соответствующих высших учебных заведений могут продолжать свою карьерную деятельность в различных международных межправительственных организациях, как, например, Всемирный банк, а в области неправительственных организаций в природоохранной сфере для участия в развитии гражданского общества (URL: http://edu.snu.ac.kr/eng_edu/e_edu_aca/e_edu_aca16/).

Республика Корея имеет развитую систему экологического права. Во-первых, следует отметить, что в конституцию этой страны внесено положение о правах и обязанностях граждан в области природопользования и рачительного отношения к окружающей природной среде. Это положение зафиксировано в 35 статье конституции и курируется Министерством окружающей среды Кореи. При этом специально подчеркивается, что любые действия в области окружающей среды должны отвечать экологическому законодательству страны.

В республике Корея проблема окружающей среды появилась в 1960 г. Это было связано с развитием промышленности и сельского хозяйства в рамках первого пятилетнего плана социально-экономического развития. Поэтому уже в 1963 г. был принят акт (закон) по предотвращению загрязнения окружающей среде. Этот правовой документ содержал в себе 21 статью.

Однако уже в январе 1971 г. возникла необходимость пересмотра целого ряда положений акта. Были внесены соответствующие конкретные положения по уровню, объему качеству загрязняющих веществ. Высокий уровень социально-экономического развития Кореи, особенно в области промышленности, привел ко второму пересмотру этого законодательного акта 31 декабря 1977 г., в результате чего акт по предотвращению загрязнения окружающей среды был выведен из корейского законодательства, а вместо него был принят акт об охране окружающей среды. Параллельно с этим экологическим правовым шагом были введены специальные стандарты по оценке качества окружающей природной среды, что способствовало закреплению новых по-

ложений в природоохранной политики Республики Корея. Более того, новый документ экологического права был разделен на шесть законов в августе 1990 г. Соответственно выделялись следующие конкретные природоохранные документы: акт по охране почвенных ресурсов, акт по охране пресной питьевой и бутилированной воды, акт по ограничению шумового загрязнения, акт по охране подземного пространства и, что способствовало принятию специальных мер в области природоохранительной политики страны.

В 2001 г. экологическое законодательство получило дальнейшее развитие касательно отдельных природных объектов, в том числе водных ресурсов реки Хан, а также рек водораздела Накдонг, Геум, Йонгсан, Сеомджин. Эти природоохранные акты способствовали снижению загрязнений и неблагоприятного воздействия на водные ресурсы региона.

Тем не менее уже в 2003 г. был принят еще один документ, относящийся к введению обязательных требований, предъявляемых к производителю соответствующей продукции в рамках сбора и утилизации отходов, появившихся при производстве товаров и услуг. Кроме того, были значительно повышены требования по использованию водно-болотных угодий с целью предотвращения их деградации.

Поэтому современное экологическое законодательство республики Корея можно считать одним из наиболее строгих, а участие Министерства окружающей среды в контроле над выполнением экологических требований делает сферу экологического права Кореи высоко действенной.

Подводя итоги рассмотрению государственной экологической политики республики Корея, можно с полным основанием утверждать, что система природопользования в стране находится в настоящее время на самом высоком уровне. Вообще, говоря о развитии национального богатства Кореи, следует отметить, что если природный потенциал страны характеризуется низкими показателями, то человеческий и производственные потенциалы являются одними из самых высоких не только в регионе, но и во всем мире.

Литература

- Наше общее будущее. Доклад международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, М. 1987 г.
- Ministry of Environment // URL: <http://eng.me.go.kr/eng/web/main.do> (дата обращения: 3.03.15).
- d.go.kr/eng/strategy.html (дата обращения: 3.03.15).
- <http://www.pcsd.go.kr/eng/> (дата обращения: 6.03.15).
- Department of Education at Seoul National University // URL: <http://learning.snu.ac.kr> (дата обращения: 6.03.15).
- Interdisciplinary Program at Seoul National University // URL: <http://hyup.snu.ac.kr> (дата обращения: 6.03.15).
- Seoul National University College of Education // URL: http://edu.snu.ac.kr/eng_edu/e_edu_aca/e_edu_aca16/ (дата обращения: 7.03.15).

Трансформация внешнеполитического курса Республики Корея в отношении Японии: взгляд сквозь призму поколений⁹

Важным аспектом внешней политики Республики Корея остается ее японское направление. В текущем году исполняется пятьдесят лет с момента подписания «Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией», ознаменовавшего начало длительного процесса нормализации двусторонних отношений. По мере того как менялось южнокорейское общество, корректировались и принципы политической повседневности в стране. Претерпели свою трансформацию и подходы к выстраиванию внешнеполитического курса с ключевыми для РК государствами. Существенно изменились и подходы южнокорейского руководства по отношению к Японии. Если в течение первого десятилетия существования Республики Корея Япония воспринималась исключительно как враждебное государство, то в дальнейшем предпринимались усилия для сближения Сеула и Токио. Тем не менее развитие двустороннего политического диалога происходило с известной осторожностью. Не в последнюю очередь эта осторожность была связана с весьма критичным отношением многих корейцев к Японии из-за ее действий в годы японской аннексии. При этом градус недоверия к Японии ослабевал в связи со сменой поколений, что дало возможность развивать более тесные отношения с Японией.

Japanese policy is staying an important aspect of the Republic of Korea's foreign policy. This year marked the 50th anniversary of the "Treaty on basic relations between Republic of Korea and Japan" signing. This treaty marked the beginning of bilateral relationship normalization's long-term process. As South Korean society was changed, political principles of nation's everyday life was modified. And approaches to forming the Republic of Korea's foreign policy course toward key states underwent a transformation too. Approaches of the Republic of Korea's leaders toward Japan also considerably changed. If Japan, in the first ten years of South Korea's existence, was solely perceived as an hostile state, then, hereafter, it made efforts to convergence between Seoul and Tokyo. Nevertheless bilateral political dialogue improving took place with a certain carefully. Not in the last instance this delicate diplomacy connected with very critical attitude of many Koreans to Japan because of its activities

⁹ Данное исследование проведено по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2014 году (AKS-2010-CAA-2101).

in the Japanese annexation period. At the same time, mistrust degree to Japan weakened as a result of generations shift, that gave an opportunity to develop closer relations with Japan.

Японское направление для внешней политики Республики Корея традиционно остается одним из ключевых. В силу этого для современного южнокорейского общества Япония выступает в качестве «значимого другого». Влияние, оказанное Японией на социально-экономическое и политическое развитие трудно переоценить. Япония в свое время явилась едва ли не единственным образцом успешного реформирования азиатского традиционного общества на Дальнем Востоке. Однако усиление японского влияния на Корейском полуострове с его последующей аннексией явилось довольно противоречивым этапом в истории Кореи. Не секрет, что противоречия, связанные с «пониманием истории двусторонних отношений» являются одной из серьезнейших проблем, которые оказывают негативное влияние на состояние двусторонних отношений между Сеулом и Токио. Справедливости ради, конечно, следовало бы отметить, что для современного этапа двусторонних отношений между РК и Японией непреходящим остается амбивалентный, противоречивый, характер состояния связей между двумя странами.

С одной стороны, состояние политического диалога между Сеулом и Токио оставляет желать лучшего — сказываются как проблемы исторического прошлого, являющиеся системными для Восточной Азии, так и противоречия более частного характера (которые под определенным углом зрения можно было бы рассматривать и как частный случай «исторических споров»), такие как территориальный спор по поводу островов Токто, проблема женщин-комфортнок, споры по поводу правомерности посещения японскими политиками храма Ясукуни и т. д. Очевидно, что в настоящий момент существование этих проблем в целом несовместимо с конструктивным развитием двустороннего политического диалога. Принципиальная позиция администрации Пак Кынхе, заключающаяся в формуле «нормализация отношений при условии «принятия правильного взгляда» на историю двусторонних отношений», в конечном итоге, привела к неопределенности в отношениях между Сеулом и Токио. Так и не состоялась традиционная встреча на высшем уровне между лидерами двух стран, что красноречиво говорит о состоянии политического среза двусторонних отношений. Инициативы по легитимации Японией своего права на «коллективную самооборону» с участием США встретили в лучшем случае непонимание в Республике Корея, хотя военно-стратегический аспект двусторонних отношений был и остается (до определенной степени) традиционным полем двустороннего сотрудничества.

На этом фоне показательны результаты социологических опросов, проведенных за последнее время. В частности, по данным телефонного опроса, проведенного исследователями Gallup в феврале 2015 г., Японии симпатизирует 17% опрошенных, в то время как 74% отметили, что не симпатизируют своему ближайшему соседу. При этом, конечно, следует учитывать, что,

отвечая на вопрос о симпатиях к японцам (не к Японии, которая, очевидно, в данном контексте воспринимается как государство, в котором, по представлениям южнокорейских политиков и журналистов, усиливаются реваншистские настроения), южнокорейские респонденты демонстрируют куда меньшую пропасть в оценках — лишь 47% опрошенных отмечают, что не питают к ним каких-либо симпатий (при 40% симпатизирующих). Политику действующей администрации по отношению к Японии (сначала — урегулирование вопросов прошлого, и лишь затем — встреча на высшем уровне) разделяет чуть больше трети опрошенных (при 57% одобряющих идею двусторонней встречи вообще), в то время как 34% опрошенных ставят под сомнение целесообразность проведения подобных встреч лидеров Республики Корея и Японии (Голос Америки 28.02.2015).

Тем не менее, как известно, сфера международных отношений не ограничивается лишь политическими аспектами взаимоотношений. Экономический срез двусторонних отношений, в отличие от политических противоречий, демонстрирует более оптимистичную картину: Япония остается одним из важнейших внешнеторговых партнеров Республики Корея. Более оптимистичным представляется и состояние культурных связей, в силу того что японская культура по-прежнему остается довольно популярной среди южнокорейской молодежи, а японский язык остается в тройке изучаемых иностранных языков в стране. Учитывая относительную аполитичность южнокорейского обывателя необходимо подчеркнуть, что противоречия между двумя соседними государствами, и эмоциональная реакция южнокорейского обывателя на те или иные решения и действия японского руководства, вызваны скорее особенностями исторической памяти, связанными с наследием колониального периода.

Между тем с момента освобождения Кореи прошло ровно 70 лет, а в Республике Корея к настоящему времени уже сменилось несколько поколений. Разумеется, подавляющее большинство южнокорейцев, заставших в относительно сознательном возрасте вторую половину 1930-х годов, когда японская колониальная администрация перешла от политики «культурного правления» к политике «ассимиляции», которую в современной южнокорейской историографии открытым текстом именуют не иначе, как «политикой уничтожения корейской нации» (Исследовательская группа по составлению учебника истории 2007: 458), ставшей своеобразным апофеозом японского колониализма в Корее как минимум не проявляло (и не проявляет) ни к японцам, ни к Японии каких-либо симпатий. Уже это задавало тон определению подходов южнокорейского руководства по отношению к Японии. В этой связи вполне характерен период с 1948 по 1960 гг., когда тон в политическом руководстве страны задавали те, кто родился еще до японской аннексии и соответственно либо в молодом, либо в относительно зрелом возрасте наблюдали процесс постепенного превращения Кореи сначала в протекторат, а затем и в японскую колонию. Часть из них, как, например, Ли Сынман, были видными деятелями Движения за независимость. И уже в силу всего вышеперечислен-

ного для Ли Сынмана было характерно практически абсолютное неприятие всего, что связано с Японией (Толстокулаков 2007). Попытки японской стороны установить контакты с Сеулом в этот период не увенчались успехом. «Мы усвоили неприятный опыт жестокости амбиций Японии» — заявлял Ли Сынман в беседе с представителями США. Отказ от нормализации двусторонних отношений он объяснял стремлением Японии к реставрации своей колониальной политики в Корее (Jennifer Lind 2011: 313). Помимо всего прочего, дополнительно осложнял и без того непростые отношения оформившийся в те годы территориальный спор по поводу островов Токто, которые уже в 1948 г., еще до заключения Сан-Францисского мирного договора, были переданы Республике Корея. Вероятно, в более ранних версиях этого договора и существовало положение о территориальной уступке Сеулу, однако в исходном тексте договора, который и был подписан в 1951 г. (впрочем, без участия представителей РК) передача островов РК зафиксирована не была.

Некоторые исследователи, касаясь проблем развития южнокорейско-японских отношений в 1950-е годы, отмечают, что эти взаимоотношения были отмечены высоким уровнем взаимной эмоциональности. При этом, по замечанию Ли Чхонсика, представители РК и Японии на переговорах придерживались в тот момент абсолютно полярных позиций по поводу сущности японского колониального правления. Южнокорейская сторона акцентировала внимание на «человеческих страданиях и унижениях», которые корейская нация вынесла в годы аннексии. В свою очередь японцы обращали внимание на те вложения и выгоды, которые принесло, по их мнению, корейцам японское правление (Chong-Sik Lee 1985: 24). При этом, конечно, следует учитывать, что подавляющим большинством японцев разделялась (и разделяется) та точка зрения, что японское колониальное господство в Корее и Маньчжурии оказало позитивное влияние на их развитие. Разумеется, такая точка зрения не вызывала понимания у южнокорейцев: глава японской делегации Кубота Канитиро, выступивший в подобном духе на переговорах между РК и Японией в 1953 г., фактически спровоцировал приостановление переговорного процесса на несколько лет (Chong-Sik Lee 1985: 29). Заметные сдвиги в двусторонних отношениях наметились после прихода к власти в 1961–1963 гг. группы молодых офицеров, среди которых выделялись Пак Чонхи и Ким Чонпхиль. Характерной особенностью и того и другого было как и то, что оба родились уже в период японской аннексии и, соответственно, воспитывались уже как подданные Японской империи, так и то, что оба были, как минимум, настроены весьма прагматично по отношению к бывшей метрополии. Пак Чонхи успел стать японским кадровым офицером, окончив сначала военную академию Маньчжоу-Го, а затем и Военную академию Императорской армии Японии. После своего выпуска в 1944 г., Пак Чонхи был направлен в Квантунскую армию, где и встретил окончание Второй мировой войны. Впоследствии Пак Чонхи преподавал в Военной академии Республики Корея (Президентский архив Республики

Корея, URL), где оказал немалое влияние на Ким Чонпхилия — одного из амбициозных курсантов, впоследствии — одного из заметных политических лидеров страны и сторонника прагматичного курса как по отношению к Японии, так и по отношению к социалистическим странам.

Образование, полученное в Японии, равно как и изменения, произошедшие в Корее во время японской аннексии, по-видимому, сыграли свою роль в пристрастиях Пак Чонхи. В среде современных южнокорейских левых радикалов Пак Чонхи, помимо всего прочего, считается еще и изменником, присягнувшим японскому милитаризму. Между тем, соглашаясь с оценкой Пак Чонхи как личности, позитивно пристрастной по отношению к Японии, трудно назвать его абсолютно прояпонским политиком. Как уже подчеркивалось выше, поколение Пак Чонхи было настроено довольно прагматично, они не питали особенных иллюзий ни по отношению к США и Японии, ни к СССР или Китаю. Япония для Пак Чонхи и его окружения была образцом как успешной социально-экономической модернизации традиционного общества на Дальнем Востоке, так и одним из источников средств для проведения такой модернизации, тем более, что уже в конце 1950-х годов объемы средств, выделяемых США для стимулирования развития южнокорейской экономики, начинают снижаться (1957 г. — 383 млн долл. США, 1960 г. — 260 млн долл. США и т. д.) (Коргун 2011: 26).

К процессу нормализации двусторонних отношений Пак Чонхи приступил практически сразу после прихода во власть. Вместе с тем на пути урегулирования отношений с Японией оставалось одно важное препятствие — антияпонские настроения, которые к тому времени оказались глубоко укорененными в сознание южнокорейского общества. В этом смысле, проводить новую политику в отношении Японии следовало достаточно осторожно, дабы не вызвать излишней эмоциональной реакции общества.

Подготовка и подписание Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией сопровождалась массовыми студенческими демонстрациями против «унизительной дипломатии в отношении Японии». Ратификация договора, прозванного «вторым договором Ыльса», едва не была сорвана южнокорейской оппозицией. Тем не менее, по данным газеты Тонъя ильбо 45% опрошенных приветствовали нормализацию отношений с Японией, и лишь 28% респондентов выступили против (Chong-Sik Lee 1985: 55). Новый договор завершил длительную эпопею из семи раундов, продолжавшуюся немногим более десяти лет, и вместе с тем начал новый этап в истории взаимоотношений Республики Корея и Японии. Республика Корея была заинтересована прежде всего в развитии экономических отношений с Японией, в то время как политические и стратегические аспекты взаимоотношений двух стран оставались периферийными. Вместе с тем, южнокорейскому руководству удалось добиться признания Японией Республики Корея в качестве единственного законного представителя интересов корейской нации (МИД РК, URL), что было особенно важным в свете негласного

дипломатического соревнования между Севером и Югом Кореи. Проблема принадлежности островов Токто не была урегулирована, однако сторонам удалось достичь джентльменское соглашение о неупоминании данной проблемы в официальных соглашениях (Мазуров 1971: 181–183).

Кроме того, в декабре 1965 года вступило в силу соглашение о репарациях и экономическом сотрудничестве, в соответствии с которым Япония обязалась предоставить Сеулу в десятилетний срок 300 млн долл. США в качестве безвозмездных субсидий и правительственный заем в 200 млн долл. США под 3,5% годовых со сроком погашения 20 лет. Япония предоставляла Южной Корее также коммерческий кредит на 300 млн. долл. США (Суслина 1979: 35). Тем самым, нормализация отношений с Токио стала серьезным стимулирующим фактором развития южнокорейско-японских деловых отношений. Во второй половине 60-х гг. XXв. Япония выходит на первое место среди иностранных инвесторов в РК, опередив США и другие западные государства (Торкунов 2008: 270).

Таким образом, 1960-е годы ознаменовались важным поворотом в развитии южнокорейско-японских отношений. Во-первых, была заложена нормативная база взаимоотношений Сеула и Токио — Договор об основах отношений между Республикой Корея и Японией, а также сопутствующие договоренности. Во-вторых, Пак Чонхи и его окружению удалось частично взять верх над антияпонскими настроениями, для того чтобы наладить более тесное экономическое сотрудничество с Японией.

Однако, новые международно-политические вызовы как в глобальном, так и в региональном контексте внесли некоторые коррективы в развитие двусторонних отношений. Если ранее внимание уделялось, в основном экономическим связям, то после обнародования Гуамской доктрины Р. Никсона, на повестку дня двусторонних отношений выходят вопросы безопасности. В июле 1970 г. на ежегодной японо-южнокорейской встрече на министерском уровне впервые в повестку дня был включен вопрос военного характера. Обсуждалась просьба Республики Корея о предоставлении военной помощи в размере 250 млн долл. США (Воронцов 1991: 49–50). С конца 1960-х годов закладывалась основа для трехстороннего военно-политического сотрудничества по линии «Вашингтон-Сеул-Токио». Тем не менее попытки США склонить Японию к более активному военно-политическому сотрудничеству с Республикой Корея не приносили видимых успехов. Японо-южнокорейскому военному сотрудничеству мешали как конституционные и правовые ограничения, связанные с экспортом вооружений в зарубежные страны, так и внутренняя обстановка в РК и Японии (Воронцов 1991: 54).

Тенденции, проявившие себя в годы III–IV Республик (1963–1979 гг.) в южнокорейско-японских отношениях проявили себя и в 1980-е гг. Однако характерной особенностью данного десятилетия следует считать выведение межгосударственного диалога на более высокий уровень. Короткий период охлаждения отношений, связанный со сменой власти в РК сменился пери-

одом сближения двух стран. Важную роль в этом сыграли инициативы как президента РК Чон Духвана, так и премьер-министра Японии Накасонэ Ясучиро. Примечательно, что Я. Накасонэ стал первым японским главой правительства, посетившим Республику Корея с официальным визитом (11–12 января 1983 г.) (Воронцов 1991: 88–89). Через год первый в истории Кореи государственный визит президента РК в Японию также совершит Чон Духван (1984 г.) (Государственный архив Республики Корея, URL). **То есть, очевидно,** с середины 1980-х годов, взаимоотношения между двумя странами стали выходить на качественно иной уровень. Можно сколь угодно скептически относиться к любым словам публичного политика (хотя в авторитарном государстве, как правило, слово главы государства становится неписаным законом), но вместе с тем еще двадцать лет назад высказывание Чон Духвана о том, что Япония и Южная Корея «связаны единой стратегической судьбой» и уже поэтому необходимо возвести японо-южнокорейские отношения на более высокую ступень, считать их частью союзнических отношений, было бы вряд ли возможным, поскольку неминуемо бы привело к массовым антиправительственным волнениям.

Очевидно, что Чон Духван унаследовал такую же, в целом, прагматичную линию в отношении Японии. В частности, обращает на себя внимание то обстоятельство, что во время своего официального визита в Японию, Чон Духван заявил о том, что он намерен смотреть в будущее, а не в прошлое японо-южнокорейских отношений. Произошло это во время аудиенции у императора Хирохито, который официально выразил сожаление по поводу колониального правления Японии на Корейском полуострове (Воронцов 1991: 91). Необходимо отметить также, что практика нанесения взаимных визитов лидеров Республики Корея и Японии сохранялась до сей поры.

В 1988 г., в результате демократических выборов, к власти в стране приходит президент Ро Дэу (Но Тхэу). Примечательно, что в церемонии инаугурации нового президента Республики Корея и первого президента VI Республики, принял участие премьер-министр Такэсита Нобору. На встрече Ро Дэу и Такэсита отношения между двумя странами были взаимно охарактеризованы как дружественные, более того, была поставлена задача укреплять и развивать оные (Голубая книга МИД Японии 1988). Одним из значительных итогов развития двусторонних отношений в период президентской каденции Ро Дэу стало упрощение визового режима между Южной Кореей и Японией (Голубая книга МИД Японии 1990). Одним из итогов встречи на высшем уровне в январе 1991 г. стала декларация трех принципов новой эпохи в корейско-японских отношениях. Эти принципы были призваны продемонстрировать ориентированность взаимоотношений между Сеулом и Токио в будущее и стремление двух стран к конструктивному взаимодействию (Голубая книга МИД Японии 1991).

Внешнеполитический курс президента Ким Ёнсама в отношении Японии, в целом, следовал инерции и опирался на дипломатические достиже-

ния своих предшественников. Полем для двустороннего взаимодействия в 1993–1994 гг. стал кризис, разразившийся вокруг северокорейской ядерной программы. Между тем, уже в середине 1990-х гг. прагматичная линия южнокорейского руководства подверглась новым испытаниям в виде актуализации старых споров. В 1996 г. разразился кризис вокруг 200-мильной экономической зоны, связанный с нерешенным вопросом принадлежности островов Токто (Ю Ёнъок 1997: 264). В конечном итоге, стороны пришли к соглашению об урегулировании вопросов, связанных с границами исключительных экономических зон РК и Японии, не затрагивая проблему спорных островов.

Ким Дэчжун, пришедший к власти в РК в 1998 г., продолжил линию на выстраивание дружественных и партнерских отношений с Токио. В 1998 г. были отменены последние ограничения на распространение в Корее продуктов японской массовой культуры. Следствием снятия последних ограничений стал японский бум: широкое распространение получило строительство ресторанов японской кухни, в кинотеатрах демонстрировались японские киноленты, получили распространение японские журналы манга. Психологическому сближению народов обеих стран способствовала совместная организация правительствами Японии и Республики Корея чемпионата по футболу в 2002 г., что позволило отложить спорные вопросы двусторонних отношений, искать новые области сотрудничества (Внешняя политика Японии: история и современность 2007: 159). В январе 2003 г. вступил в силу Двусторонний инвестиционный договор, который предоставил и РК, и Японии взаимный статус наиболее благоприятствующих наций (Торкунов 2008: 475).

После передачи власти администрации Но Мухёна политический диалог между Республикой Корея и Японией, по инерции, развивался по заданному сценарию. 2005 год, являлся одновременно и годом 100-летия с момента подписания «Второго договора Ёльса», ознаменовавшего превращение Кореи в японский протекторат, и годом 60-летия с момента освобождения Кореи от японского колониального господства, и помимо всего прочего, в этом же году исполнялось ровно 40 лет с момента нормализации двусторонних отношений. По замыслу, 2005 год должен был стать «годом дружбы» между Кореей и Японией (Посольство Японии в Республике Корея, URL), однако в благородные замыслы организаторов вмешался случай. 22 февраля 2005 года в японской префектуре Симанэ был объявлен «днем Такэсима». Масла в огонь добавили высказывания посла Японии в РК Т. Такано, заявившего, что острова Токто (Такэсима) являются территорией Японии (Тонъя ильбо 2005). В ответ Но Мухён, в специальном обращении к нации, заявил, что Токто является частью южнокорейской территории, а правительство РК в случае необходимости примет любые меры, чтобы отстоять территориальную целостность страны (Эсаулова 2012). В конечном итоге в 2005–2008 гг. политический диалог между Республикой Корея и Японией на высшем уровне был фактически приостановлен (Гринюк 2011).

Преемник Но Мухена на президентском посту, президент Ли Мёнбак, попытался вернуться к старой модели двусторонних отношений, когда наиболее острые проблемы, стоящие на повестке дня, и принципиально не решаемые в условиях сегодняшнего дня, переносятся на «задний план». Администрация Ли Мёнбака заявила о важности достижения «объективного понимания прошлого» для развития южнокорейско-японских отношений. Вместе с тем, декларировалась решимость развивать и далее тесные отношения с Японией (Global Korea 2013). **В дальнейшем были предприняты попытки** реанимировать идею о «двусторонних отношениях, ориентированных на будущее», о чем не раз заявлялось в официальных речах президента страны.

В свою очередь активизировался и обмен визитами на высшем уровне между двумя странами, причем за пятилетний период состоялось десять таких встреч. Ли Мёнбак всячески подчеркивал важность укрепления связей с Японией. Кульминацией стратегического партнерства между РК и Японией должно было стать заключение беспрецедентного по своему значению договора об обмене военной и стратегической информацией. Просочившаяся информация об этом вызвала большой скандал в стране (Ёнхап 2012). Вскоре после этого в двусторонних отношениях разразился кризис, связанный с визитом Ли Мёнбака на Токто и последующими взаимными обвинениями (Голос Америки 11.08.2012). Очередное обострение противоречий по территориальному вопросу, случившееся за несколько месяцев до президентских выборов в стране, подвело своеобразную черту под всеми усилиями Ли Мёнбака по развитию отношений с Японией. Его преемник — кандидат от партии «Сэнури» Пак Кынхе — обозначила условия дальнейшего развития взаимоотношений между Республикой Корея и Японией следующим образом: «Япония должна принять правильный взгляд на историю двусторонних отношений» (Ёнхап 04.12.2012).

По данным опроса Gallup, проведенного в 2014 г., 94% респондентов считали состояние взаимоотношений Республики Корея и Японии плохим. При этом отношения как «хорошие» охарактеризовали лишь 3% опрошенных. Более оптимистично настроены, по всей видимости, респонденты из Пусана, Ульсана и провинции Южный Кёнсан (5% охарактеризовавших состояние взаимоотношений как «хорошее»). Обращая внимание на возрастную структуру респондентов, следует отметить, что позитивнее всего состояние корейско-японских отношений оценивает молодежь (19–29 лет) — 6% (при 90% ответивших отрицательно), негативнее всего — люди пожилого возраста (97%).

Вместе с тем 75% опрошенных считают, что отношения Кореи и Японии улучшаются, 12% — ухудшаются, при этом оптимистичную точку зрения «Отношения Кореи и Японии лучше, чем когда-либо» поддерживают лишь 9%. В этом смысле гораздо меньший оптимизм демонстрируют люди старшего поколения (4% — 50-летние, 6% — 60-летние), в то время как, видимо, молодежь действительно более склонна считать, что корейско-японские отношения лучше, чем когда бы то ни было (15%).

Что касается поддержки позиции президента РК Пак Кынхе относительно формулы «решение вопросов прошлого как условие для проведения встречи на высшем уровне», то в данном случае ответы респондентов оказались распределены следующим образом: в целом, 74% опрошенных поддерживает президентскую инициативу, в то время как 16% по каким-либо причинам ее считают неуместной. В данном случае, конечно, наибольшую поддержку инициатива Пак Кынхе получила прежде всего в регионе Йоннам (79% — Пусан, Ульсан, провинция Южный Кёнсан; 74% — Тэгу, провинция Северный Кёнсан), а также — в Сеуле (78%). В свою очередь, в регионе Хонам (г. Кванчжу, провинция Чолла) формулу Пак Кынхе поддерживали лишь 66%. Конечно же, подобный разброс результатов связан с феноменом «региональной неприязни», характерным для политических процессов в Республике Корея. При этом, инициативу Пак Кынхе разделяют лишь 69% молодых (19–29 лет) респондентов, 74–77% респондентов в возрасте 30–40 лет. Наибольшую поддержку внешнеполитической инициативе Пак Кынхе высказали 50-летние — 82%, причем респонденты пожилого возраста отнеслись к ней несколько сдержаннее (70%).

Усиление военной мощи Японии считают благом для Кореи 8% опрошенных, в то время как 79% считают, что милитаризация Японии принесет национальной безопасности страны только вред. Более всего алармистски настроены респонденты в возрасте от 40 до 60 лет (82 — 84%). Между тем, среди молодежи относительно популярна (15%) точка зрения о том, что наращивание военной мощи Японии принесет национальной безопасности Кореи лишь благо.

Лишь 42% респондентов считают, что необходимо противопоставить северокорейской ядерной угрозе более тесное сотрудничество с Японией в военной сфере. При этом, такую постановку вопроса поддерживают 52% респондентов в возрасте от 19 до 29 лет, 44–45% респондентов в возрасте 40–50 лет. Менее всего подобную формулировку одобряют респонденты среднего возраста (31% — респонденты от 40 до 49 лет) (Gallup Корея 2014).

Таким образом, результаты опроса, проведенного среди жителей Республики Корея, демонстрируют весьма интересное положение дел. Опрошенные единодушны при оценке текущего состояния взаимоотношений между двумя странами как «плохого» — лишь считанные единицы характеризуют их как «хорошие». В данном случае необходимо сделать оговорку: по всей вероятности, высказывая критику в отношении Японии, южнокорейцы, в первую очередь, высказывают свое отношение именно к тому внешнеполитическому курсу, который проводит кабинет премьер-министра Синдзо Абэ. Вместе с тем отношение корейцев к политике Синдзо Абэ продиктовано как памятью о колониальном правлении, так и воздействием институтов социализации, общепринятых норм и ценностей, а также средств массовой информации. Тем не менее не совсем ясно соотношение между указанными факторами. Ведь источником представлений о историческом прошлом Кореи, равно как и о современности, являются, во-первых, знания, полученные

на школьных уроках истории (отражение колониального периода в современных южнокорейских учебниках и популярных изданий — отдельная и интересная тема, которая ждет своего исследователя), во-вторых, контент, транслируемый средствами массовой информации. Воспоминания, связанные с историей семьи, как представляется, имеют вспомогательный характер при формировании отношения рядового обывателя к Японии. Кроме того, важно учитывать сильнейшее влияние национализма как на политический дискурс (частью которого в современной Корее и являются «вопросы прошлого»), так и на методологию анализа в социальных науках, что особенно сказывается, например, на состоянии исследований по колониальному периоду.

Вместе с тем интересно, что скепсис по отношению к текущему состоянию двусторонних отношений, соседствует с мнением о том, что отношения улучшаются, а то и являются лучшими за всю историю. В действительности, при заметно осложнившемся политическом диалоге между Сеулом и Токио, между РК и Японией сохраняются теснейшие экономические связи. Кроме того, не существует никаких ограничений для межкультурных обменов (ограничения были сняты в конце 1990-х годов) между двумя странами, причем японская культура остается довольно популярной, а целый ряд наименований японских товаров являются предметом престижного, статусного потребления. До недавнего времени маркером непростых отношений между двумя странами являлось отсутствие специализации по японскому языку и культуре в Сеульском государственном университете, однако с 2012 г. главный университет страны ведет подготовку специалистов и по этому направлению. (Сеульский университет) Кроме того, и плюрализм мнений относительно состояния и возможных путей развития взаимоотношений двух стран демонстрирует заметное изменение отношения рядовых южнокорейцев к Японии. Такие изменения происходят вместе с трансформацией внешнеполитического курса Республики Корея по отношению к Японии.

Литература

- Chong-Sik Lee*. Korea and Japan: The Political Dimension. Hoover Institution Press, 1985.
- Global Korea: the national security strategy of the Republic of Korea. The Lee Myung-bak administration's foreign policy and national security vision. URL: http://english.president.go.kr/government/golbalkorea/globalkore_eng.pdf
- Japanese Ambassador to Korea, "Dokdo is Japanese territory" // Dong-A Ilbo, 2005, 2.23.
- Jennifer Lind*. History in Japan's foreign relations. // The Routledge Handbook of Japanese Politics. Taylor & Francis Group, 2011.
- The Diplomatic Blue Book — Japan's Diplomatic Activities*, Ministry of Foreign Affairs (1989 — 1992)
- Внешняя политика Японии: история и современность. М., 2008.
- Воронцов А. В. Треугольник США — Япония — Южная Корея. Миф или реальность. М., 1991.

- Гринюк В. А. Проблемы отношений Японии с государствами Корейского полуострова. // Проблемы Дальнего Востока, № 2, 2011.
- Коргун И. А., Попова Л. В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950 — 2011 гг). СПб., 2011.
- Мазуров В. М. Южная Корея и США (1950–1970-е гг). М., 1971.
- Суслина С. С. Экспансия иностранного капитала в промышленность Республики Корея. М., 1979.
- Толстокулаков И. А. История общественно-политической мысли в Корее. Владивосток, 2007.
- Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли В. Ф. Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.
- Эсаулова Д. Е. Сеул — Токио: попытки преодоления прошлого. // Ойкумена. Регионоведческие исследования, №1, 2012. URL: http://www.ojkum.ru/arc/lib/2012_01_05.pdf
- 갤럽, 한국인들의 일본 호감도 17% 정상회담은 57% 공감 // 미국의 소리, 2015.02.28 (Гэллуп: 17% корейцев симпатизируют Японии, 57% — поддерживают проведение встречи на высшем уровне. // Голос Америки (на кор.яз.), 28.02.2015)
- 대한민국과 일본국간의 기본관계에 관한 조약 // 대한민국 외교부 (Договор об основах отношений между Республикой Корея и Японией. // Министерство иностранных дел Республики Корея) URL: http://mofaweb.mofat.go.kr/inter_treaty_real.nsf/c3abb29db86750f649256ef7003be2cf/5e56d27a0932da2d492565ff0002d956?OpenDocument
- 박정희 대통령 역력 // 대통령기록관 (<http://15c wd.pa.go.kr/korean/data/expresident/pjh/profile.html>) (Биография президента Пак Чонхи // Президентский архив Республики Корея)
- 유영옥. 동북아론. 서울, 학문사, 1997. (Ю Ёньок. Восточная Азия. Сеул, 1997)
- 이명박 대통령 <독도> 방문 // 미국의 소리, 2012.08.11 (Визит президента Ли Мёнбака на Токто. // Голос Америки (на кор.яз.), 11.08.2012)
- 일 (1) 차 대통령선거 후보자 토론 // 연합뉴스, 2012.12.4 (Первый раунд дебатов кандидатов в президенты РК. // Ёнхап, 4.12.2012) URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/medialabs/election/tvd/tvd1.html>
- 전두환 대통령 일본 공식 방문 // 대한민국 국가기록원 (Официальный визит в Японию президента Чон Духвана // Государственный архив Республики Корея URL: <http://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=002863>
- 한일 관계에 대한 여론조사 — 과거사/정상회담/독도/야수쿠니신사참배 // 한국갤럽, 2014.03.13 (Опрос общественного мнения о взаимоотношениях Республики Корея и Японии — историческое прошлое/встреча на высшем уровне/Токто/посещение Ясукуни-дзиндзя. // Gallup-Корея, 13.03.2014)
- 한일공동역사교재 한일 교류의 역사. 한국역사교과서연구회, 일본역사교육연구회, 일본역사교육연구회, 2007. (Корейско-японский совместный учебник истории. История корейско-японских обменов. Исследовательская группа по составлению учебника истории Кореи, Исследовательская группа по историческому образованию в Японии, 2007)
- 한일군사정보협정 <밀실처리> 비판 잇따라 // 연합뉴스, 2012.06.28 (Непрекращающаяся критика «рассмотрения за закрытыми дверями» Соглашения о военной информации между Республикой Корея и Японией) // Ёнхап, 28.06.2012)
- 한일우정의 해 2005 // 주대한민국일본국대사관 (2005 год — Год дружбы Кореи и Японии. // Посольство Республики Корея в Японии) URL: http://www.kr.emb-japan.go.jp/rel/r_friendship/r_friend_041213_01.htm (дата обращения: 15.02.2015).

П. И. Рысакова

Образовательные проекты «глобального прожданства» в Республике Корея

Настоящая статья посвящена анализу основных тенденций глобализации образования, в частности развитию образовательного проекта «глобального гражданства» — воспитания новых профессиональных кадров, способных действовать как на глобальном, так и на локальном уровнях. Особое внимание уделено опыту реализации таких проектов в республике Южная Корея.

The article is devoted to the analysis of the main trends in the educational globalization and the development of the “global citizenship” project in particular, that is training new professionals capable to operate at both the global and local levels. Main attention is given to the specific experience of such projects realization in the Republic of South Korea.

В условиях глобализации образование рассматривается как важнейший компонент национальной стратегии экономического и социального развития. Реальность экономической, политической и культурной глобализации ставит перед национальными правительствами задачи повышения мировой конкурентоспособности, развития новой экономики знания, подготовки специалистов мирового уровня. И именно образованию отводится решающее значение в достижении этих амбициозных задач. Существенное влияние на формирование национальных стратегий развития оказывает глобальный дискурс по вопросам развития экономики, политики и образования в новых условиях. Основные содержательные черты этого дискурса задаются международными организациями, например, Мировой Банк, ЮНЕСКО, ОЕСД. Именно в их программных документах (Education for Knowledge society, Education for all, Education for sustainable development) **излагаются центральные** концепты осмысления современной глобализирующейся реальности в качестве информационного общества, общества и экономики знания, путь к воплощению которых лежит через образовательные новации и реформы. Одним из следствий активного продвижения глобальной образовательной повестки дня становится превращение моделей образовательной политики в определенного вида товар, реализуемый на уровне национальных правительств. И это неизбежно влечет за собой изоморфизм и схожесть образовательных новаций, хотя и реализуются они в совершенно различных историко-культурных и социальных контекстах различных обществ.

Выдвигаемые образовательные проекты ставят своей целью подготовку будущего поколения к жизни в глобализированной реальности, успех и процветание в которой зависит от личных навыков и умений. Неизменным

элементом новых образовательных программ становится внедрение английского языка как медиума международного общения, компьютерных технологий и точных дисциплин. Идеологическая составляющая новых образовательных программ включает в себя концепцию «глобального гражданина», способного действовать как на глобальном, так и на локальном уровнях.

Следует отметить, что в последние годы понятие «глобального гражданства» получило широкое распространение в западно-европейском, преимущественно британском, и американском образовательном и публичном дискурсах. Многие учебные заведения, а также неправительственные организации Великобритании и США характеризуют собственные образовательные программы как нацеленные воспитание глобальных граждан. Вместе с тем концепция образования для глобального гражданства остается достаточно размытой, а ее смысловое наполнение трактуется весьма широко. Суммируя разнообразные интерпретации, используемые в образовательном дискурсе, можно выделить следующие идейные составляющие образования для глобального гражданства: признание универсальности концепции прав человека, осознание принадлежности к единому и взаимосвязанному миру; ответственность за собственные поступки, которые могут иметь последствия не только в локальном масштабе; необходимость участия в жизни сообщества на локальном и глобальном уровнях (Schattle 2008).

Активное продвижение глобальным образовательным и политическим сообществом концепта глобального гражданства свидетельствует о радикальном переосмыслении содержания и цели образовательного процесса в условиях разворачивающейся глобализации. И в этой связи необходимо пояснить специфику социологического осмысления образовательной цели. Образовательная цель может быть обозначена как педагогический идеал — та модель личности, на развитие которой направлено обучение. Педагогический идеал как одно из центральных для социологии образования понятий было введено французским социологом Э. Дюркгеймом, признанным основоположником данной отрасли социологического знания. Дюркгейм использовал понятие педагогический идеал в контексте рассуждения о социальных функциях образования. По мысли социолога, образование выступает механизмом воспроизводства общественной реальности. Именно общество, следуя своим потребностям, задает цель обучения. Иными словами, педагогический идеал — это цель образования, отражающая социальные потребности на данном этапе развития общества. Содержание образования, а, следовательно, и педагогического идеала изменяется в соответствии с потребностями общества (Durkheim 1977:9).

Образование воспроизводит социальную реальность в двух аспектах — как единую систему верований — набор идей, чувств, прививаемый всем членам общества, и как систему специализированных функций. В силу этого и сам педагогический идеал имеет две составляющие: единую общую идеологическую основу и набор специализированных навыков и умений.

В методологическом отношении концепция педагогического идеала оказывается весьма значимой, поскольку позволяет на основе анализа документов выявить специфику социальных ожиданий в отношении образования и их изменения в ходе общественного развития.

Активно разворачивающийся дискурс о «глобальном гражданстве» как новой образовательной цели по сути свидетельствует об очень значимой тенденции — внедрение нового педагогического идеала, как на уровне глобального педагогического дискурса, так и в практической деятельности многих образовательных учреждений в США, Европы, Азии.

В рамках этого нового педагогического идеала можно выделить две составляющие — внедряемую систему верования и чувств, общую для всех и ряд специализированных навыков. Такой общей системой верований оказывается идея «глобального гражданина», а функциональной специализированной составляющей — по сути навыки, востребованные в современной «экономике знаний».

Анализ смысловых компонент данной концепции с необходимостью предполагает учить современному социологическому и политологическому дискурсу по проблемам глобализации, а именно дискуссии о понятиях гражданства, нации и государства. Тенденции политической и экономической глобализации, проблематизация статуса национального государства имеет следствием радикальное переосмысление понятия гражданства. Гражданство не определяется более как политико-правовая связь индивида и национального государства, выражаемая во взаимных правах и обязанностях. Традиционное гражданство как принадлежность национальному государству уступает место разнообразию новых форм, основанных на концепции прав человека. Следует также отметить, что социологическом и политологическом дискурсе гражданство все более понимается не как юридический статус, а как «активная социальная деятельность», участие в общественной жизни. Исследователи предлагают по-разному концептуализировать эти новации, выдвигая понятия «постнационального гражданства», «денационального гражданства», «гибкого гражданства», «глобального гражданства». Глобальное гражданство как система прав и обязанностей по отношению к политической общности не возможно, поскольку мировое правительство не существует. Именно поэтому оно трактуется как социальное участие с добровольно принятыми на себя обязательствами, а приоритетное значение обретают личные (гражданские) права индивида.

Изменение трактовки гражданства влечет за собой также и переосмысление связи между гражданством и национальной идентичностью. Исследователи подчеркивают, что представление о единичной идентичности, формирующейся на базе национальной принадлежности, не применимо более для анализа специфики идентичности в глобализирующейся реальности. Непрерывные миграции, перемещения и смена места жительства, длительные и кратковременные контакты с представителями различных культур выну-

ждает индивида вырабатывать различные стратегии самоидентификации, позволяющие ему более адекватно интегрироваться в сложнодифференцированную социальную реальность.

Концепция образования для глобального гражданства как раз и фиксирует, каким образом новые трактовки гражданства и идентичности преломляются в рамках педагогического дискурса. В условиях глобализации образование формулирует новый педагогический идеал — идеал глобального гражданина.

Меж тем практическая реализация этого идеала в образовательной практике вызывает немало вопросов. Основной из них связан с проблемой, какие именно потребности и ожидания фиксирует идеал «глобального гражданина». Педагогическая цель фиксирует социальные требования к образованию, однако глобальное общество не существует в том смысле, как функционирует национальное территориальное общество. Инициаторами и сторонниками идеи «глобального гражданства» выступают международные организации и транснациональные НГО. И в силу этого выработка отчетливых требований к идеологическому компоненту педагогического идеала оказывается вряд ли возможной. Не будучи привязанной к историко-культурному наследию отдельного общества, идеологическая составляющая «глобального гражданства» оказывается размытой и неопределенной, а также предельно ориентированной на индивидуальные права.

Специализированная практическая составляющая педагогического идеала также направлена на развитие навыков, которые рассматриваются как необходимые для достижения успеха в глобальной экономике знания.

Педагогический идеал «глобального гражданина» наиболее активно продвигается не национальными государствами, а новыми транснациональными игроками — международными организациями (школы, спонсируемые Юнеско), НГО (Oxfam), **различными частными образовательными заведениями**. И это вовсе неслучайно, поскольку выдвигаемый проект «глобального гражданина» во многом расходится с политическими и экономическими требованиями к образованию, предъявляемыми национальным государством. Помимо этого, новое образование ориентировано в большей степени не на подготовку индивида к активной деятельности в рамках национального территориального сообщества, а к жизни в «глобальном мире» — к конкурентной борьбе за «глобальные» рынки труда. Ориентация на индивида, его права и интересы, подкрепляется неолиберальной идеологией, представляющей образование не в виде социального блага, а товара, обретаемого индивидом в результате его сознательного выбора.

Проекты развития «глобального гражданства» так или иначе внедряются на настоящем этапе во многих странах мира. И республика Южная Корея демонстрирует в этом отношении особый пример.

Образовательные стратегии, реализуемые в 1990–2010-х гг. правительством Южной Кореи, свидетельствуют о намерениях интегрировать сектора

среднего и высшего образования в глобальное образовательное пространство. В этих целях корейское правительство активно участвует в инициативах Юнеско по развитию программы «глобального гражданства» в частности в проекте «Начальная инициатива глобального образования», нацеленная на подготовку молодых сторонников проекта «глобального образования» (The United Nations Global Education First Initiative (GEFI)). В 2015 г. Корея будет принимать под эгидой Юнеско Мировой образовательный форум, задача которого — подвести итоги десятилетних проектов «Образование для всех» и «Цели развития тысячелетия» и обозначить новые цели на будущее.

Южная Корея также стремится позиционировать себя как региональный образовательный хаб — центр региональной образовательной миграции, предоставляющей высококачественное международное высшее образование. Не претендуя на глобальное лидерство, Корея прилагает меж тем немало усилий для завоевания собственной доли на региональном рынке образовательных услуг, отвоевывая свою нишу и вступая в конкуренцию с уже сложившимися локальными центрами международного образования — Гонконг, Сингапур, Австралия, Малайзия. В этих целях был запущен ряд инициатив — «Study Korea Project», «Global Korea Scholarship Program» для привлечения зарубежных студентов, «World Class University Project» для стимулирования академической научной мобильности и приглашения зарубежных ученых. Отдельного упоминания заслуживает программа расширения связей с западными образовательными учреждениями — вузами и общеобразовательными школами. Так, на острове Чэджу, начиная с 2008 г., развивается проект «город глобального образования Чэджу» (Jeju Global Education City), смоделированный по примеру «Knowledge Village» в Дубаи (ОАЭ). Основная цель проекта — открытия на территории Кореи центра международного среднего и высшего образования для корейских и иностранных учащихся с привлечением западных учебных заведений — открытием их филиалов (Jae-Eun Jon, JennyJ. Lee, Kiyong Byun 2014).

Важнейшим звеном в реализации планов интернационализации корейского образования выступает постепенное внедрение английского языка как одного из основных инструментов обучения. Начиная с 2000-х гг. в корейских вузах реализуются англоязычные образовательные программы, что всемерно поощряется правительством. Введение англоязычного обучения первоначально расценивалось положительно в перспективе укрепления навыков владения иностранным языком среди корейских студентов и повышения международной привлекательности корейского образования.

Указанные выше тенденции интернационализации корейского образования наиболее четко обозначились после принятия правительственного курса на глобализацию и либерализацию экономики, начиная с середины 1990-х гг. В этом контексте образование уже рассматривалось как ключевой механизм стимулирования «экономики, ориентированной на человеческие ресурсы» (Hyunjung Shin 2010: 68–69). Педагогическая цель осмыслялась как

подготовка «глобальноориентированных кадров» — автономных, творческих и конкурентных индивидов (там же). Такая новая установка и открыла перспективу образовательных изменений, объединенных логикой интернационализации, — введение англоязычного обучения, предоставление большей, чем прежде, автономии университетам и общеобразовательным учебным заведениям, диверсификация моделей школьного образования, направленных на подготовку к продолжению обучения внутри страны или за ее пределами.

Как следствие, огромную востребованность в корейском обществе обрели различные формы образования, повышающие шансы учащихся наобретение такого «глобальноориентированной» профессиональной подготовки — внешкольные подготовительные курсы, нацеленные на преподавание английского языка и других предметов, так называемый сектор «теневого образования». Популярны среди корейцев оказались и созданные изначально для детей иностранцев международные школы, именно потому что они предоставляют англоязычное обучение (Jae Jung Song 2013). **Широкое** распространение получил практика получения довузовского образования и англоязычной подготовки за пределами Кореи — в США, Канаде, Австралии, Сингапуре, Филиппинах. Отметим, что практика раннего обучения зарубежом уже по сути превратилась в социальную проблему современного корейского общества, породившей такое явление как «семейства диких гусей» — вариант транснациональной миграции семьи. «Дикими гусями» называют семьи, в которых мать вместе с детьми подростками выезжает из страны для обеспечения отпрыскам англоязычной подготовки, а отец остается внутри Кореи, финансово обеспечивая эти образовательные проекты. И правительственные устремления привлечь международных образовательных заведения для открытия филиалов внутри Кореи как раз отчасти направлены на снижение этой миграционной динамики (Hyunjung Shin 2013).

Меж тем реализация стратегий «глобального образования» в Южной Корее обладает рядом особенностей, обусловленных социально-культурной спецификой среды корейского общества. И здесь мы имеем в виду прежде всего несколько обстоятельств. В первую очередь следует говорить о высокой степени социальной иерархизированности, характерной для корейского общества, проявляющейся, в частности, в отчетливом сохранении статусных различий между социальными группами и различными стратегиями их воспроизводства. Одной из таких принципиальных стратегий оказывается воспроизводство через образование, особенно его университетский сектор. Иерархизированность высшего образования в Корее выражена в максиме «единственный, но лучший вуз», означающей, что зачисление лишь в Сеульский национальный университет признается в качестве подлинного социального успеха. Такой успех обусловлен не только получением престижного образования, но, самое главное, приобщением к *hakbeol* — **группе выпускников**, связи между которыми сохраняются на всю жизнь и принадлежность

к которым оказывается принципиальным социальным капиталом. Для члена *hakbeol* открываются перспективные рабочие позиции, брачные предложения, доступ к информационным ресурсам. Иерархия вузов преломляется и в иерархии групп выпускников, социальные связи которых охватывают по сути все корейское общество, внося отчетливое образовательное измерение социального неравенства (Jung Jung-Noon 2014).

По мере развертывания либеральных реформ, нацеленных на интеграцию корейского общества в систему глобальной экономики, стратегии статусного воспроизводства стали менять свое содержание. Владение английским языком постепенно стало рассматриваться как критерий овладения необходимыми социально-культурными компетенциями в условиях глобализации, а также как минимальное условие для поступления в престижный вуз, а затем и обретения профессиональной позиции в глобально-ориентированных корпорациях. И в силу этого социальный приоритет закреплялся за теми группами, образование которых включало и овладение английским языком. В свою очередь, это породило новый аспект социальной иерархии — по критерию доступа к англоязычному образованию — так называемый «English divide» (Hyunjung Shin 2010: 74–84).

Высокая символическая значимость английского языка и диплома зарубежного вуза стимулировала значительную образовательную миграцию среди корейских студентов, составляющих наиболее многочисленную группу среди всех студентов иностранцев во многих странах, и в частности США (Jongyoung Kim 2011). Относительная доступность и массовость западного образования среди корейцев обусловила утверждение внутренней стратификации уже среди обладателей западных дипломов. Максима «единственный, но лучший» была применена и при оценивании западных вузов. Так, американское образование признается лучшим среди всех англоязычных стран, а среди американских вузов бесспорное лидерство отводится университету Гарварда (Hyunjung Shin 2013: 534).

Таким образом, идеи глобального гражданства и транснациональные образовательные стратегии оказались наиболее востребованными среди семей привилегированных слоев, традиционно рассматривающих образование как в качестве основной стратегии межпоколенной передачи социального статуса. Однако отличительной особенностью корейского опыта глобального образования можно назвать тот факт, что эти стратегии в большей степени ориентированы не на обретение позиций на глобальных рынках труда, а сохранения статуса в новых реалиях корейского общества. Идеологические компоненты идеи «образования для глобального гражданства» остаются не востребованными, а ценность обретает лишь социально-экономическая значимость такого образования.

Глобальное образование оказывается принципиальным социальным и символическим ресурсом, крайне востребованным внутри самого корейского общества. И такая ситуация чревата не только сложением новых форм

неравенства и закрепления статусно-культурных различий между различными социальными слоями. Под сомнением оказываются и локальные формы образования, утрачивающие свой престиж в условиях глобализации.

Литература

- Durkheim E.* The Evolution of Educational Thought. Lectures on the formation and development of secondary education in France. Tr. by Collins P., London, 1977.
- Hyunjung Shin.* "Gireogi gajok": transnationalism and language learning. PhD thesis, Department of Curriculum, Teaching and Learning, University of Toronto. 2010.
- Hyunjung Shin.* Ambivalent Calculations in Toronto: Negotiating the Meaning of Success among Early Study Abroad High School Students. — *Asian and Pacific Migration Journal*, 2013, Vol. 22 (4).
- Jae Jung Song.* For whom the bell tolls: globalisation, social class and South Korea's international schools. *Globalisation, Societies and Education*, 2013 Vol. 11, No. 1.
- Jae-Eun Jon, Jenny J. Lee, Kiyong Byun.* The emergence of a regional hub: comparing international student choices and experiences in South Korea. — *High Education*, 2014, vol. 67.
- Jongyoung Kim.* Aspiration for global cultural capital in the stratified realm of global higher education: why do Korean students go to US graduate schools? — *British Journal of Sociology of Education*, 2011, Vol. 32 (1).
- Jung Jung-Hoon.* Hakbeolism: A Historical and Curriculum Consideration of Korean Test-Focused Education. *Transnational Curriculum Inquiry*. 2014, Vol.2. URL: <http://nitinat.library.ubc.ca/ojs/index.php/tci> (дата обращения: 15.02.2015).
- Kang, H.* English-only instruction at Korean universities: Help or hindrance to higher learning? *English Today*, 2012, Vol.28 (1).
- Schattle Hans.* Education for Global Citizenship: Illustrations of ideological pluralism and adaptation. — *Journal of Political Ideologies*, 2008, Vol.13, no1.

Contreras Luna Rafael

Distant Neighbors? Perspectives of Russo-Korean Cooperation in the Far East

Двусторонние отношения России и Южной Кореи показывают заметное продвижение со времен их нормализации в 1990 г. Обе страны воспринимают друг друга имеющими решающее значение и стратегически важными в преследовании своих национальных интересов. Результатом стало множество достижений в сферах безопасности, политики и экономики. Возможно, «Евразийская инициатива», предложенная президентом Пак Кын Хе, призванная объединить энергию и логистическую инфраструктуру Южной Кореи и Евразии совпадает с долгосрочным российским проектом по развитию Сибири и Дальнего Востока и его интеграции в Северо-восточную Азию. Предложениями России стали масштабные трехсторонние проекты с Северной и Южной Кореей. Данные проекты смогут в конечном счете объединить полуостров с Россией и Евразией. Южная Корея фактически была отрезана от материка последние семьдесят лет и практически стала островом. Сотрудничество с Россией поможет связать остров и материк и тем самым сблизить эти общества.

Russia-South Korea bilateral relations show a noteworthy furtherance since their normalization in 1990. Both countries consider each other crucial and strategic in pursuing their national interests. Plenty of achievements have been accomplished in the fields of security, politics, economics, and people-to-people. Arguably, the Eurasia Initiative proposed by South Korea's President Park Geun-hye calling for linking energy and logistics infrastructure between South Korea and Eurasia coincides with Russia's long-term project to develop Siberia and the Russian Far East and its integration into Northeast Asia. Russia has proposed large-scale trilateral projects with North Korea and South Korea. These projects could eventually link the peninsula with Russia and Eurasia. South Korea has been effectively cut off from the mainland for the last seventy years and has practically become an island. Cooperation with Russia could bridge the island to the mainland and bring both societies closer.

Russia-Korea: First Interactions

The peninsula of Korea became the host of a unified nation under the Koryo dynasty in the tenth century. Historically, Korea has been surrounded by the Empires of China and Japan, and later on by the Russian Empire. By the 13th century Korea came to be a tributary to Beijing, while the *Choson* or *Yi* dynasty ruled the country. From that time until the 19 century, Korea carried out an increasingly

isolationist policy that resulted in being known as the *Hermit Kingdom*. By that time, Russia and Korea did not share a border; only in 1860 a common seventeen-kilometer frontier between the Russian Empire and Korea was established as a result of the Treaty of Peking (1860), by which Ussuria and Amuria were ceded to Russia. During the implementation of the Treaty, the Russians ensured that the coastline of the border would extend to Korea, thus preventing a Chinese coastline in the Pacific North (March 1996:162). Official diplomatic relations between the Kingdom of Korea and the Russian Empire were established only in 1884 when it was concluded the Mutual Commercial Protection Agreement. China signed in 1895 the Treaty of Shimonoseki in which recognized the independence of Korea and the end of the tributary system with it and contacts between Russia and Korea developed. Nevertheless, following the Russian defeat in the Russo-Japanese War in 1905, and the formal annexation of the Korean Empire into the Empire of Japan in 1910 relations practically came to an end.

As a consequence of the Second World War, Korea was detached from Japan and the peninsula was divided into North and South by USSR and the United States. In 1948, the Republic of Korea (ROK) was established in the south with the support of the US, and the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) was founded in the north with the assistance of the Soviet Union. The Korean War only accentuated the division between the two states resulting in the USSR and other socialist countries supporting the North and not recognizing South Korea as a sovereign state; Soviet-South Korean relations halted for more than two decades, only in the 1970's contacts between both countries resumed, however unofficially. Nevertheless, the Soviet invasion of Afghanistan, the subsequent deterioration of relations between the United States and the Soviet Union, and the shooting down of the Korean 747 Airline by the USSR in 1983, led to decay in the relations.

Gorbachev's new Asian policy bolstered Russia's ties with Asian countries and led to an improvement of economic and political ties with South Korea. Both countries saw economic and political benefits in upgrading the bilateral relations. Hence, official diplomatic relations between the Soviet Union and the ROK were established in 1990. The USSR began to play an active role in promoting inter-Korean relations (Lee 2001); the most tangible result was North and South Korea becoming full members of United Nations in 1991, something theretofore rejected by North Korea, China, the Soviet Union, and the United States. Meanwhile, economic relations developed rapidly between the ROK and the USSR.

Russia-South Korea: from Normalization to Strategic Cooperation

The demise of the Soviet Union brought many prospects for cooperation. President Yeltsin visited South Korea in 1992 to enhance political and economic ties and both countries signed the Treaty on Basic Relations between the Republic of Korea and the Russian Federation. During the visit, Yeltsin declared that Russia's military aid to North Korea would stop, and the need to finish the Soviet — North

Korean Alliance Treaty of 1961 (Lee 2001, Shin, 2014). There were very high expectations, both sides were overly optimistic regarding the future of the bilateral ties; however neither side had sufficient knowledge of each other (Lee 2001; Toloroya 2010; Ivashentsov 2013; Shin 2014). Thus, expectations rapidly decline and during the second part of the 1990's the bilateral ties reached a very low point.

Nevertheless, Russo-South Korean relations recovered in the 2000's and since then have dramatically improved, economic ties have continuously developed and regular political dialogue progressed at all levels without hiatus. The relationship has remained unaffected by presidential transitions and Presidents Dmitri Medvedev and Vladimir Putin on the Russia side; Kim Dae-jung, Roh Moo-hyun, Lee Myung-bak, and Park Geun-hye on the South Korean side, have continued the tradition of regular meetings to exchange views on international and bilateral issues.

In 2013, the Russian President Vladimir Putin visited South Korea and held summit talks with the President Park Geun-hye. Both Presidents saluted the 'dynamic progress' made in different fields such as politics, economics, science, technology and culture. In addition, Presidents Putin and Park "expressed their will to further advance their strategic partnership in a future-looking, mutually beneficial manner by realizing the two countries' development potential" (Ia Regnum 2013). The visit included an extensive agenda and concluded a variety of documents as well as many memorandums of understandings and a joint statement.

It could be said that a broad legal framework has been settled between Russia and South Korea for cooperation. As the Russian International Affairs Council states, "The two countries have signed agreements on trade, investment protection, fisheries, double-taxation, military equipment supplies, nuclear energy uses for civil purposes, cultural exchange, prevention of illicit, unreported and unregulated fisheries and other areas" (Ivanov 2013). Furthermore, the intergovernmental Korea-Russia Joint Commission on Economic, Scientific and Technological Cooperation is very active and in it is integrated by several industry-related committees and sub-commissions (Ministry of Strategy and Finance 2013).

Similarly, economics ties have extensively developed. The total trade turnover between Russia and the ROK has continuously grown since the initiation of the bilateral trade in 1979, when it totaled \$11.6 million. In 1992, the volume of trade accounted for \$193 million, and since then has continuously and exponentially grown, \$2.8 billion in 2000, \$7.8 billion in 2005, \$17.6 billion in 2010, reaching in 2014 a total value of \$25.8 billion. In 2014, Russia ranked 9 among South Korea's trade partners, behind China which its total trade with South Korea totaled \$235 billion, United States \$115 billion, Japan \$85.9 billion, Saudi Arabia \$44.9 billion, Australia \$30.7 billion, Taiwan \$30.7 billion, Hong Kong \$29 billion, and Germany \$28.9 billion; but ahead important partners such as Indonesia and Singapore (Data from Korea Customs Service 2015).

We can argue that the Russia-South Korea bilateral relations show a noteworthy furtherance since their normalization in 1990. Both countries consider each other crucial and strategic in pursuing their national interests. Plenty of achievements

have been accomplished in the fields of security, politics, and economy. It is worth mentioning that both nations have almost no historical issues that can hinder further cooperation, as it is the case with other Northeast Asian countries. "There are no political problems which could undermine the progress of political dialogue and cooperation" (Toloroya 2010).

The summit meeting between Presidents Park and Putin not only served as a framework to discuss the countries' regional strategies. During the visit, it was signed between the two parties an agreement for visa exemptions on visits shorter than 60 days.

"The ROK government, recognizing an urgent need to expand people-to-people exchanges with Russia in order to further advance its strategic and cooperative partnership with the country, had actively pursued the Agreement and signed it on the occasion of Russian President Putin's visit to the ROK" (KOCIS 2013). According to a Russian scholar, the sign of agreement is a breakthrough given the fact that it is the first of its kind signed between Russia and a northeast Asian country; it reflects the high level of relations (Interview). Additionally, during the summit it was deliberated the establishment of cultural centers in each other's capital, this aimed to promote economic and cultural exchanges between both nations. Both Presidents coincided that "[...] these agreements would help extend people-to-people and cultural exchanges and lead to a better understanding between the peoples of both countries. This would further help advance bilateral cooperation" (KOCIS 2013). According to the former Korean ambassador to Russia, Lee Kyu-hyung, both countries are trying to set an example of cooperation in non-governmental areas. He considers that social and cultural ties have been constantly improving in recent years (Lee Jung-min 2014). This could be illustrated on the different exchange programs for university students, and other cultural exchanges, like the recent unveiling statue of A. Pushkin in Seoul, and the planning of unveiling a statue of Park Kyung-ni in Saint Petersburg.

In Russia, South Korea is seen by the leadership and the public opinion alike, as an important and non-hostile neighbor with whom good relations can be developed in a long-term (Toloroya 2010). In general, it could be said that the image of South Korea in Russia is positive. The image of the USSR during the Cold War as was negative whereas current perceptions of Russia are more based on the media and clichés and are more neutral (Ivashentsov 2013). It could be said that while South Korea's image in Russia is 'positive', South Korean's opinion of Russia are more 'neutral' or even indifferent. "Despite the geographical proximity, it cannot be said that in Korea there is a genuine interests in Russia and Russian affairs" (Lankov 2014).

Bridging the Island

The summit meeting between Presidents Putin and Park in 2013 set the grounds for the development of bilateral ties in the mid-term. "The true significance of the visit lies in the fact that for the first time the two countries found common ground

in their respective concepts of promoting Eurasian integration and Northeast Asian security” (Toloraya 2013). Russia under Putin’s presidency has developed a new Asia-Pacific strategy in order to rebalance its foreign policy, with the main task of developing Siberia and the Russian Far East and integrating it into Northeast Asia. In the same way, South Korea’s President Park proposed her *Eurasia Initiative* in 2013 at the Global Cooperation in the Era of Eurasia conference in Seoul, which consists in linking energy and logistics infrastructure across Eurasia to connect it as a single continent, such as rail networks, oil and gas pipelines, and electricity grids. According to the joint statement released after the summit:

President Park explained to the Russian leader how important Korea-Russia cooperation is as Seoul follows through on its policies to strengthen Eurasian cooperation. The Russian president emphasized that Moscow regards its cooperation with Seoul as very important, mentioning his government’s development projects in the Russian Far East and in Siberia and his economic reform plans. The two presidents agreed to enhance cooperation in politics and security in a strategic, mutually beneficial manner in order to achieve co-prosperity for both countries and to build peace on the Korean Peninsula and in Northeast Asia. (KOCIS, 2013)

During the summit, Park told Putin her dream about “an express travel from Busan to Europe via Russia”, a ‘Silk Road Express’ that would connect rail and road networks from Korea’s Busan to Europe through Russia (Vorontsov 2015). Likewise, Park stressed the importance of new sea routes like the Arctic Sea. (Choi, 2013) As a matter of fact, this idea coincides with the Russian efforts to promote the Northern Sea Route (NSR) across the Arctic as a viable alternative maritime route. According to Park, the NSR could complement new Silk Road project as a new ‘maritime Silk Road’ (Vorontsov 2015).

Putin has expressed its support to Park’s initiative because it coincides with Russia’s pivot to Asia. It could be said that both Presidents believe in a possible synergy effect between Russia’s shift to Asia and its longstanding effort to develop Siberia and the RFE, and the *Eurasia Initiative*. Within this framework, it is suggested that Siberia and particularly the RFE could provide South Korea the resources to maintain and impulse its economy, while developing Russia’s east. At the same time, the participation of North Korea could encourage reforms and economic development and help to bring stability to Northeast Asia. Indeed, South Korea has been effectively cut off from the mainland for the last 70 years and has practically become. Therefore, cooperation with Russia is essential; it can bring back South Korea to the mainland by bridging it to Eurasia. As a Korean scholar states: “The importance of Russia to South Korea goes beyond the issues of peace on the Korean peninsula and in Northeast Asia. Cooperation with it will restore some of its (South Korean) lost identity of a mainland state by opening access to Eurasia” (Jong 2013).

This shared strategy may effectively lay the grounds for different cooperation projects. By the same token, Putin has been proposing for the last 15 years three

tripartite large-scale projects between Russia, North Korea, and South Korea, that could eventually link the peninsula with Russia and Eurasia: the reconstruction of the Trans-Korean railway and linking it to the Trans-Siberian railway; to build a pipeline from Russia to South Korea traversing North Korea; and linking the electricity grids from Russia to South Korea via the North. Nevertheless, unstable inter-Korean relations and the North Korea's nuclear problem have prevented the realization of such projects.

During 2014 took place a level of political exchanges between North Korea and Russia that "both countries have not seen since the 1980's" (Lankov 2014). First the visit to Moscow of the North Korean foreign minister Ri Su-yong, then the visit to North Korea by the Russian Deputy Prime Minister Yuri Trutnev, and finally the visit of the secretary of the Workers' Party of Korea Choe Ryang-han, who acted as an special envoy from North Korea's leader Kim Jong-un. Choe Ryang-han met Russia's Foreign Minister Sergei Lavrov and President Putin. According to the Korean Central News Agency (KCNA) he delivered a personal letter from Kim Jong-un to him. After the meeting, Putin said that "Russia and the DPRK are close neighbors and have long-standing tradition of friendship and cooperation." (KCNA, 2015) It was later declared by the Russian Presidential Spokesman that Kim Jong-un accepted Russia's invitation and would visit Russia for the 70th anniversary of the victory of the Soviet Union over the Nazi Germany (Panda 2015; Seo 2015).

By reproaching to Russia, North Korea attempts to escape its diplomatic isolation and to move away from overdependence on China with whom bilateral relations have decayed in the last two years (Kim 2014; Seo 2015). Meanwhile, by approaching to North Korea, Russia paves the way for the implementation of its ambitious energy and infrastructure projects across the peninsula.

Russia indeed benefits from better relations with the DPRK, the country is crucial in Russia's ambitions in NEA. However, in spite of the marked advancement in Russia-North Korea bilateral ties, Russia does not back the idea of a nuclear North Korean. In this regard, Russia has its own security concerns.: due to the 17 kilometer border with North Korea, and the proximity of the strategic city of Vladivostok, the nuclear and missile tests of the North produce in Russia serious concerns. The escalation of the conflict could harm the Russian population and threat the national security.

Russia and South Korea firmly advocate a nuclear weapons free peninsula and strongly oppose to North Korea's nuclear program. Russia has called to renew the Six-Party talks and remove the obstacles hindering their resuming without any preconditions. Russia estimates that denuclearization should be the result of a trust-building process and not the precondition to it.

As part of this trust-building process, since the 2000's Russia has proposed a new paradigm: Russia — North Korea — South Korea large-scale projects such as building a gas pipeline from Russia to South Korea via North Korea, and reconstructing and linking the Trans-Korean railway to the Trans-Siberian railway,

thus facilitating the transit of cargoes between South Korea and Russia via the DPRK. Putin has stated that these proposals for “Trilateral cooperation should not be held hostage by politics, but on the contrary, should be an important unifying and reconciling factor.” (Ilyashenko, 2013)

While being enthusiastic about trilateral cooperation, Russia has pointed out the unwillingness of the South to participate in the abovementioned projects. In Russia complain that the South rarely replies to trilateral economic projects and does not take any action. In South Korea skepticism regarding trilateral cooperation is high: they make clear that economic cooperation with the North is highly dependent on the political situation in the country and can be therefore easily disrupted. Thus, Russia's rapprochement to the North Korea is positively viewed in South Korea, not only because it can prompt trilateral cooperation, but can be an important factor in solving the security issue in the peninsula by checking the North and bringing it to the negotiation table. “South Korea must support a summit between Kim Jong-un and Putin and the expansion of actual economic cooperation between the North and Russia. If the North can rely on a country like Russia, it will reframe from extreme moves.” (Kim Young-hie, 2014)

During the last decade, Russia and South Korea has signed several agreements and memorandums of understanding on these trilateral projects in energy and infrastructure, but South Korea's has been passive and none has been implemented. Nevertheless, in contrast to the former President Lee, President Park seems to be more optimistic for trilateral cooperation. As a matter of fact, her Eurasia Initiative could serve as the catalyst for the realization of these projects. The participation of South Korea in the Khasan-Rajin project — a Russian — North Korean undertake to reconstruct the railroad from the Russian border city of Khasan to North Korea's port Rajin- it is a milestone and could be the first step on bringing back South Korea to the mainland.

Literature

- Bae, Jung-Ho. & Fedorovsky, A.* 2010. Russian national strategy and ROK: Russian strategic partnership in the 21st century. Korea, Korea Institute for National Unification.
- Choi, He-Suk.* 2013. Park seeks ‘Eurasia Initiative’ to build energy, logistics links. The KoreaHerald. October 18, 2013.
- la Regnum,* 2013. Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея — полный текст. November 13, 2013. ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/it/1731796.html#ixzz3SdECRkfA> (дата обращения: 15.02.2015).
- Ilyashenko, A.* 2013. The Korean factor in Moscow's foreign policy. RBTH.
- Ivanov, I.* 2013. Russia—Republic of Korea Relations: Revising the Bilateral Agenda. Russian International Affairs Council. Moscow, Spetskniga.
- Ivashentsov, G.* 2013. Prospects for Russia—Republic of Korea Relations In: IVANOV, I. 2013. Russia—Republic of Korea Relations: Revising the Bilateral Agenda. Russian International Affairs Council. Moscow, Spetskniga.

- Jong, Ban-Sok. 2013. Почему Россия необходима Северо-Восточной Азии. Russia in Global Affairs. November 10, 2013.
- Kang, Hyun-Kyung. 2014. Moscow aims to be player in Korean affairs. The Korea Times. November 24, 2014.
- Kang, Tae-Jun. 2015. North Korea-Russia Trade Takes Another Step. The Diplomat. January 21, 2015.
- Kcna. 2013. Rajin-Khasan Railway Section Opens for Service. September 22, 2013.
- Kim, Oi-Hyun. 2014. North Korea and Russia coordinating to ease international isolation. The Hankyoreh. November 22, 2014.
- Kim, Ji-Yoon. 2014. Coal from Russia arrives via North. Korean Joongang Daily. November 20, 2014.
- Korean culture and information service. (KOCIS) 2013. Presidents Park, Putin hold summit talks in Seoul. Korea.net. November 14, 2013.
- Korea customs service, 2015.
- Lankov, A. 2014. Почему Южная Корея не ввела санкций против России. Russia in Global Affairs. September 9, 2014.
- Lee, Chung-Bae. South Korean Relations with the Russian Far East In: BRADSHAW, M. 2001. The Russian Far East and Pacific Asia: unfulfilled potential. Richmond, Curzon.
- Lee, Jung-Min. 2014. Expert focuses on links with Russia. Korean Joongang Daily. December 20, 2014.
- Lee, Kihyun. 2014. Geopolitics of the Russo-Korean gas pipeline project and energy cooperation in Northeast Asia. Seoul, Korea Institute for National Unification.
- Lucyanov, F. 2013. The Dangers of the Korean Crisis. Russia in Global Affairs. April 10, 2013.
- March, P. 1996. Eastern destiny: Russia in Asia and the North Pacific. Westport, Praeger.
- Ministry of Strategy and Finance. 2013. The 13th Meeting of the Korea-Russia Joint Commission on Economic, Scientific and Technological Cooperation. Press release. July 10, 2013.
- Panda, A. 2015. It's Official: Kim Jong-un Will Visit Russia in May. The Diplomat. January 29, 2015.
- Seo, Ji-Eun. 2015. Kim's response to Moscow invitation is 'positive'. Korean JoongangDaily. January 23, 2015.
- Seok, Jin-Hwan. 2013. Pres. Park and Putin discuss political and economic cooperation during summit. The Hankyoreh. November 14, 2013.
- Ser, Myo-Ja. 2014. Jong-un's envoy ends Russia trip. Korean Joongang Daily. November 25, 2014.
- Shin, Beom-Shik. Post-Cold War Russian foreign policy and the Korean Peninsula In: Aka-ha, T. & Vassileva, A. 2014. Russia and East Asia: informal and gradual integration. New York, Routledge.
- Toloraya, G. The Russia-ROK Quest for a Strategic Partnership: Problems and Implications in Security Cooperation In: Bae, Jung-Ho. & Fedorovsky, A. 2010. Russian national strategy and ROK: Russian strategic partnership in the 21st century. Korea, Korea Institute for National Unification.
- Toloraya, G. 2013. A Eurasian Bridge Across North Korea? 38 North. November 22.
- Torkunov, A. 2013. Political will can forge Russo-Korean projects. Global Times. May 5.
- Vorontsov, A. 2015. Евразия справа налево. Russia in Global Affairs. February 19, 2015.
- Yi, Yong-In. 2014. North Korea sends special envoy to Russia. TheHankyoreh. November 15, 2014.

Ю. Б. Губайдуллина

Демократические тенденции в КНДР в XXI веке: причины, особенности, прогнозы

В данной статье рассматривается понятие демократизации, а также развитие и становление современных демократических тенденций в КНДР, новый виток развития которых наступил с приходом к власти Ким Чен Ына. Данные тенденции представляются специфичными, противоречивыми даже для азиатского региона и безусловно имеют свои особенности. Также статья включает в себя краткий анализ исторически обусловленных причин и предпосылок современного политического курса, оценку современного состояния демократизации страны в различных сферах жизни общества с акцентом на описание структуры общественной жизни, пропитанной идеологией чучхе. Далее следует краткий анализ правовой базы, обеспечивающей реализацию демократических прав и свобод, а также составление краткосрочных и долгосрочных прогнозов политического развития в демократическую или антидемократическую сторону.

The democratization, the development and the formation of the modern democracy in DPRK is the subject of the paper. The new wave of democratization came after Kim Jong-un has become a leader. These tendencies are specific and contradictory, especially for Asian region. This article is also contents the analyze of the historical reasons of modern political direction, evaluation of modern condition of state's democratization in all spheres of social life with the description of the special social life's structure full of Juche idea. This article is also aimed at analyzing of law basis about rights and freedoms, and executions of short-term and long-term prognosis.

Корейская Народная Демократическая Республика — самая закрытая страна в системе современных международных отношений, которая, безусловно, является важным актором международных отношений и одним из ключевых в азиатском регионе. Однако автономный и закрытый вектор развития внешней и внутренней политики последних лет делает Северную Корею непредсказуемым партнёром для стран-соседей и всего международного сообщества. Лидеры западных стран демонизируют образ КНДР, в частности президент Дж. Буш-младший включил Северную Корею в состав «оси зла», а Барак Обама обвинил её в кибератаке, а также ввел систему санкционных мер (Российская Газета 2015). В свою очередь КНДР не скрывает своего негативного отношения к обвинителям, так, например, представителя Государственного комитета безопасности КНДР сравнил Б. Обаму с «обезьяной в тропическом лесу» (Associated Press 2014). И несмотря на все

«выпады» и критику европейских политических деятелей о внешнем и внутреннем политическом курсе, структуре и степени развития гражданского общества, в последние несколько лет можно отметить отчётливую тенденцию к демократизации. Не существует официальной информационной системы, которая помогла бы составить целостную картину внутренних социальных, политических и экономических процессов, что ставит Северную Корею в ряд стран, чей внешний и внутренний политический курс является трудно прогнозируемым. С конца 60-х годов XX в. Северная Корея не публиковала официальных данных о своих экономических и социальных показателях, следовательно, основной информационный пласт в настоящий момент состоит из различных оценок экспертов и специалистов, способных сделать относительно достоверные выводы и прогнозы.

Перед фактическим анализом и рассмотрением вышеописанных процессов в КНДР логично будет уточнить, как именно трактуется демократия в современном научном мире. Термин «демократия» берёт начало ещё из Древней Греции, где впервые при Солоне в Афинах был установлен демократический режим, и с тех пор претерпел множество трансформаций и изменений. В настоящее время под ним понимают особую форму правления, при которой осуществляется народное правление большинства населения в интересах большинства и с помощью большинства (Стёпина 2001). Стоит отметить тесную связь демократии и гражданского общества, ведь только в настоящем гражданском и социальном обществе граждане способны реализовывать свои демократические права и свободы, т. е. участвовать в управлении политической жизни страны, развивать гражданские институты и т. д. Такое гражданское общество, следующее системе законов и предписаний, установленных демократическим государством, будет стабильным, эффективным, обладающим мощным созидательным потенциалом. Это и является ключом к правильному пониманию демократии и объяснением слабого развития стран, в которых общество не способно использовать демократию как инструмент управления и воздействия на государство (Ивина 2004). Подведём итог: под демократическими тенденциями автор статьи понимает комплекс мер, а также совокупность нормативно-правовых актов, которые способствуют установлению в стране такого режима, в котором формируется и функционирует институт гражданского общества и, следовательно, появляется возможность выражения воли народа, его активное участие в политической жизни при соблюдении прав и свобод каждого гражданина.

Очевидно, что Северная Корея, страна с почти столетней историей, на протяжении этого времени имела противоречивые направления развития. Рассмотрим последние и наиболее значимые два десятилетия. После смерти Ким Ир Сена в 1994 г. страна находилась в очень нестабильном положении. Был разрушен социалистический блок, что ставило под угрозу политическую систему Северной Кореи. Явный дефицит импорта и зарубежных поставок в сочетании с очень низкой эффективностью сельского хозяйст-

ва привели страшному кризису и массовому голоду населения (CNN 2003). В 1997 г. после окончательной концентрации власти в руках Ким Чен Ира он был назначен генеральным секретарем Трудовой партии Кореи и председателем Комитета национальной обороны (BBC News 2006), так как пост президента был навсегда закреплен за его отцом.

С приходом к власти Ким Чен Ира страну потрясли массовые реформы и изменения. Из конституции страны были исключены все упоминания коммунизма, взамен которого появилась новая политическая политико-экономическая концепция Сонгун, действующая под девизом «Армия на первом месте». Именно руководствуясь этой концепцией и были проведены главные изменения. В политической сфере, на Сонгун были возложены надежды, как на фундамент для воссоединения Северной и Южной Кореи, которая также стала идеологической основой для объединения общества КНДР одной идеей, с помощью которой страна сможет выйти из кризисной ситуации (Korea Overseas Information Service 2007). С помощью Сонгуна правительство КНДР надеялось решить ряд экономических проблем, таких как кризис и голод. Однако, по мнению С. Курбанова, — главы института корееведения СПбГУ, нувориши (разбогатевшие представители низшего сословия) в КНДР придерживаются и будут придерживаться политики «Армия на первом месте», чтобы уберечь свои богатства (Daily NK 2007). Так или иначе, командно-административные методы экономики являются безусловно оправданными, ведь в условиях глубокого экономического кризиса только государство может являться тем мобилизационным центром, которое сможет грамотно направить ресурсы и усилия страны для преодоления кризисной ситуации.

При Ким Чен Ире произошли важные шаги в развитии международных связей. Так, например, был подписан важнейший договор «sunshinerolicy» с Южной Кореей, за которую, кстати, руководитель РК был награждён Нобелевской премией мира, а также Кымгансан был объявлен туристической зоной, доступной также для жителей Южной Кореи (Lankov 2005). В отношениях с Китаем также наблюдалось заметное сближение. В середине 1990-х годов из США, Южной Кореи, а также Японии поступила большая гуманитарная помощь, которая помогла частично решить продовольственный вопрос. Вышеизложенные факты дают основание сделать вывод о том, что внешнеполитический курс стал более либерализованным, открытым, а международные связи укрепились. Однако в 2008 г. наступил новый период обострения отношений с РК, когда КНДР заморозила все интеграционные процессы, а также расторгнула все международные мирные договорённости и даже заявила о возможности войны, однако к середине 2009 г. конфликт был урегулирован и связь была восстановлена.

Рассматривая юридически-правовую сторону вопроса, стоит отметить, что в 1992 и 1998 гг. были приняты очень важные поправки в Конституции КНДР, которые устанавливали новые рыночные элементы экономики, а

также восстановлен кабинет министров, тем самым оформив смену формы власти от президентской республики к парламентской (Политические системы современных государств 2012: 260–262).

Подытожив результат правления Ким Чен Ира, стоит отметить, что страна безусловно предприняла ряд мер к смягчению внутреннего режима и международных внешних связей, либерализовала экономическую сферу, введя элементы рыночной экономики, которые также закреплены юридически, т.е. Корейская Народная Демократическая Республика под руководством Ким Чен Ира обозначила демократическое направление развития.

Именно на таком базисе и продолжилась поэтапная демократизация под руководством Ким Чен Ына последние 5 лет. Конституция КНДР включает в себя положения о правах и обязанностях граждан КНДР, например, право избирать и быть избранными. Закреплено право избирателей отзывать депутата, если он не оправдал их доверия (ст. 7). Конституция закрепляет суверенную власть за народом, наделяет граждан следующими основными правами, гарантируя их соблюдение: свобода слова, печати, собраний, демонстраций и объединений; свобода совести; право подавать жалобы и заявления; право на труд; свобода научной и литературно-художественной деятельности. Поправки к конституции отражают также изменения, произошедшие в экономическом положении КНДР. В 1998 г. была внесена поправка (ст. 33), согласно которой предполагается управление экономикой с использованием «экономических рычагов, таких как себестоимость, цена, рентабельность». Таким образом, был конституционно закреплён переход к некоторым экономическим методам управления народным хозяйством (Политические системы современных государств 2012: 260–262).

Стоит отметить, что в КНДР хорошо развита система местного самоуправления. Местными органами власти являются провинциальные (городов центрального подчинения), городские и уездные народные собрания. Народные собрания избираются сроком на 4 года на основе всеобщего, равного, прямого голосования (Шарев 2009: 152–153).

В КНДР существует система государственного социального обеспечения и социального страхования трудящихся: выплата пенсий по старости и инвалидности; предоставляются оплачиваемые отпуска по временной нетрудоспособности, 77-дневные оплачиваемые отпуска женщинам по беременности и родам. Около 2/3 детей дошкольного возраста воспитывается в детсадах и яслях на государственные средства. Установлен 8-часовой рабочий день при шестидневной рабочей неделе. Для женщин-работниц, имеющих трёх и более детей, рабочий день сокращён на два часа без снижения зарплаты. Конституция КНДР закрепляет принцип равенства полов (ст. 77). Северокорейское правительство принимает различные меры в целях повышения активности женщин. Труд женщин, в первую очередь женщины-матери, охраняется законом. Местные органы власти и местные государственные учреждения обязаны создавать ясли и детские сады, а также организовывать

для домохозяек надомные промысловые кооперативы (Политические системы современных государств 2012: 264–266).

Также необходимо отметить, что КНДР, несмотря на закрытый статус, интегрировано в ООН и его различные органы: Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, ЮНКТАД, ЮНЕСКО, ЮНИДО, Всемирной организации здравоохранения, ВМО. КНДР также состоит в ряде международных организаций, таких как АСЕАН, Международном фонде сельскохозяйственного развития, Организации Красного Креста и т. д.

Несмотря на то, что Северная Корея безусловно является страной, содержащей в себе элементы демократии и социального государства, следует отметить, что далеко не всегда положения, декларированные в Конституции, соблюдаются в жизни. Так, например, свобода слова абсолютно не соблюдается. В рейтинге «Свобода прессы 2008», подготовленном Freedom House, КНДР занимает 195-е место из 195 возможных (несвободные СМИ).

ООН, а именно Третий комитет Генеральной Ассамблеи, всерьёз озабочен многочисленными фактами нарушения прав человека в КНДР, поэтому рекомендует передать это дело в Международный уголовный суд (Центр новостей ООН 2004). США также обеспокоены настоящим положением дел в Северной Корее. По многочисленным заявлениям беженцев в КНДР происходят массовые расстрелы, репрессии. А также зафиксированы массовые случаи похищения жителей других стран властями Северной Кореи. Всё это побудило Америку издать закон о правах человека в Северной Корее в 2004 г., в котором выражено желание содействовать соблюдению прав человека, а также защищать беженцев. Знаменитая организация Human Rights Watch подтвердила вышеописанные факты (Human Rights Watch 2004).

Подводя итог, стоит сказать, что современная ситуация в Северной Корее не позволяет назвать страну демократической. Международное сообщество пока не имеет достаточно рычагов для защиты прав и свобод жителей КНДР, которые несмотря на вполне демократичную Конституцию, не соблюдаются. Безусловно, многие элементы, свойственные гражданскому обществу и социальному государству есть, но это не позволяет говорить о том, что общая тенденция развития государства демократическая. Говоря о перспективе, едва ли следует ожидать качественно новых изменений в данном направлении, так как несмотря на вполне заметную либерализацию экономической сферы, политическая и социальная сфера всё ещё тотально контролируется. Страна имеет специфическое сочетание полярно противоположных элементов. Это и делает КНДР крайне непредсказуемым актором на международной арене. Стоит также отметить, что преимущество власти, всё ещё явное присутствие некоторых черт традиционного государства позволяет прийти к выводу о том, что Северная Корея под руководством Ким Чен Ына продолжит курс на сохранение безусловной и сильной власти правителя, которое возможно и приведёт страну к новым экономическим и технологическим высотам.

Литература

- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль. 2001.
- Политические системы современных государств: энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 2: Азия. М., 2012. С. 260–266.
- Российская Газета, 02.01.2015.
- Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
- Центр новостей ООН. ООН, 18.11.2014.
- Шарев П. С.* Социально-политические системы государств корейского полуострова. Томск, 2009.
- Associated Press, 27.12.2014.
- Kim Jong Il:* Playing a poor hand skillfully. CNN, 21.08.2003.
- Lankov A.* No sunshine yet over North Korea. Asia Times, 13.05.2005.
- Malinowski T.* Advancing Human Rights in North Korea. Humans Rights Watch, 02.03.2004.
- Profile: Kim Jong-il. BBC News, 09.10.2006.
- S. Korea bans 32 pro-N. Korea Internet sites Korea. Korea Overseas Information Service 26.03.200.

А. С. Акулич

Интернет-цензура на Корейском полуострове

Особенностью сложившегося на сегодняшний день в международных отношениях дискурса о государствах Корейского полуострова является диаметрально направленность укоренившихся в отечественной научной среде их восприятий. С одной стороны, имеется представление о Республике Корея как о государстве, которое начиная с 80-х гг. XX в., добилось огромных успехов в процессе перехода к демократии и построения гражданского общества. С другой стороны, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) сегодня предстает в образе государства, принадлежащего к «оси зла», куда ее причислил в свое время президент США Джордж Буш младший. Причины таких различий в восприятии могут таиться как в изоляционистской политике самих властей КНДР, так и ведущейся против них информационной войны со стороны тех же Соединенных Штатов. Однако все чаще сегодня проводятся исследования, целью которых является попытка трезво взглянуть на ситуацию, а не следовать в фарватере устоявшихся в научной среде мнений. Результаты таких исследований помогают, на наш взгляд, переоценить и по-новому взглянуть на политические системы и происходящие в них явления двух Корейских государств. В данном исследовании также предпринята попытка выйти за пределы традиционного восприятия процессов демократизации в корейских обществах путем изучения особенностей функционирования Интернета в обоих государствах. В статье основное внимание уделяется вопросам интернет-цензуры как в Корейской Народно-Демократической Республике, так и в Республике Корея.

Peculiarities of the existing in international relations discourse about the states of the Korean peninsula is the diametrical direction of the entrenched in the national scientific environment opinions. On the one hand, there is a representation of the Republic of Korea as a state, which has made tremendous strides in the transition to democracy and building a civil society since late 80-s. On the other hand, North Korea (DPRK) today appears as a state belonging to the «axis of evil», as it was ranked by US President George W. Bush. The reasons for these differences in perception may lurk in the isolationist policy of the DPRK authorities themselves, and the ongoing information war against them by the same United States. However, more and more researches are conducted today, whose purpose is an attempt to take a sober look at the situation, and not follow in the footsteps of well-established in the scientific community opinions. The results of such researches can help, in our opinion, to take a fresh look at the political systems and phenomena occurring on

Korean peninsula. The aim of this study is also to go beyond the traditional perception of the processes of democratization in Korean societies by studying the characteristics of the Internet in both states. This article focuses on Internet censorship in North Korea and the Republic of Korea.

Как известно, на территории Корейского полуострова на сегодняшний день находятся два государства, разделенных между собой по 38-й параллели, а именно Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея, широко упоминаемая в средствах массовой информации как Южная Корея. Особенность сложившейся на данный момент международной обстановки заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев в средствах массовой информации, равно как и в научной среде присутствуют диаметрально противоположные друг другу представления о двух корейских обществах. С одной стороны, мы имеем прогрессивную Южную Корею, страну выдающихся достижений как в области высоких технологий, так и в сфере процессов демократизации (начиная с 1980-х гг.). По другую сторону находится КНДР, последний оплот тоталитаризма в мире, государство, по мнению президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша мл., принадлежащее к оси зла, и по совместительству «черная дыра» на современной карте интернет-пространства (ReportersWithoutBorders 2012: 28–29). Подобные точки зрения существуют уже на протяжении длительного времени и их влияние распространяется на многие сферы. Следовательно, исследования, касающиеся вопросов развития и функционирования интернет-коммуникаций применительно к Республике Корея, не выглядят чем-то противоестественным, в то время как актуальность подобных исследований для КНДР у простого обывателя может вызвать целый ряд сомнений. Не устанавливая перед собой цели «разрушения мифов» и опровержения всех «обвинений» в адрес Корейской Народно-Демократической Республики, автор данной статьи пытается выяснить, насколько действительность соответствует сложившимся на данный момент представлениям о двух корейских обществах на примере изучения вопроса интернет-цензуры.

Прежде всего, у многих может вызвать удивление тот факт, что даже такое государство, как КНДР, и поныне стремящееся к изоляции в своей приверженности идеологии Чучхе, может иметь и имеет свой доступ в глобальную сеть Интернет. Действительно, попытки приобщить северокорейское общество к высоким технологиям предпринимались в рамках различных программ при поддержке ООН еще в 1970-х гг., когда на территории КНДР впервые был построен завод по производству интегральных микросхем (Korea Times 2007). К началу 1990-х Северная Корея уже не только производила 20000 компьютеров ежегодно, но и начала заниматься разработкой собственного программного обеспечения. В 1997 г., после целой череды неудач, постигшей сферу интернет-коммуникаций КНДР, в сети был зарегистрирован первый веб-сайт, созданный специально для Центрального новостного агентства Кореи (Korean Central News Agency, KCNA). 10 октября 1999 г. был

запущен первый коммерческий веб-сайт Korea Info Bank, расположенный на одном из серверов Китайской Народной Республики (КНР). Однако в то же самое время подключение к Интернету на территории КНДР обеспечивалось вплоть до недавнего времени китайской телекоммуникационной компанией ChinaNetcom. Начиная с 2012 г., за подключение Северной Кореи к глобальной сети стала отвечать StarJointVentureCo., которая является совместным предприятием Министерства почтовой связи и телекоммуникаций и таиландской компании Loxley Pacific. Помимо этого КНДР имеет возможность подключения к Интернету посредством спутниковой связи, предоставляемой российской спутниковой компанией Sat Gate (Max Fisher, Vox 2014). Правда, примечателен тот факт, что Star Joint Venture Co. по сути является единственным действующим интернет-провайдером на территории КНДР, во всех отношениях монополистом в сфере интернет-коммуникаций.

Октябрь 2001 г. также ознаменовался запуском Silibank.com, расположенном также на одном из китайских серверов сайтом, обеспечивающим обмен электронной почтой на международном уровне. В 2003 г. в глобальной сети появился первый ресурс, который использовал северокорейский домен верхнего уровня «.kp» (Science and Technology Exhibit Hall, stic.ac.kp).

Изучение дальнейших этапов развития инфраструктуры Интернета в Корейской Народно-Демократической Республике способно пролить свет на особенности государственного регулирования национального сегмента глобальной сети, в следствие чего и вызывает большой интерес со стороны множества исследователей по всему миру. Дело заключается в том, что северокорейское общество, на протяжении нескольких десятилетий существовавшее в «добровольной» изоляции от остального мира, придерживаясь идеологии Чучхе, было явно не готово к приобщению к такому достижению науки и техники, как Всемирная паутина, поскольку это могло оказаться губительным как для идеологии, так и для существующей государственной системы в целом. Правительство КНДР, стремясь развивать интернет-коммуникации на своей территории ради обеспечения технического прогресса, вполне осознавало деликатность сложившейся ситуации и пыталось найти компромиссное для себя решение, каким стало создание в пределах государственных границ отдельного, внутреннего сегмента глобальной сети, который бы не был подключен к «настоящему» Интернету. Примечательно, что на сегодняшний день большинство населения КНДР, имеющее доступ к компьютеру, воспринимает в качестве Всемирной паутины именно этот внутренний сегмент (Max Fisher 2014). За запуск и функционирование внутренней сети отвечает Центральное научное и технологическое информационное агентство Кореи (Central Scientific and Technological Information Agency, CSTIA), которое завершило работу над этим проектом в 2002 г. Особенность внутренней северокорейской сети, которая получила гордое название «Kwangmyong» (переводится как «Яркая звезда») заключается в том, что за исключением довольно узкого круга государственных институтов и

организаций остальная часть населения имеет доступ только лишь к строго определенным правительством электронным ресурсам. К числу счастливых, имеющих полномочия по доступу в глобальную сеть, относятся, в частности, Корейская академия наук (Academy of Science), Университет им. Ким Ир Сена (Kim Il Sung University), Корейский технологический институт (**Kim Check Institute of Technology**), а также **Компьютерный центр Кореи** (Korea Computer Center). Помимо этого, разумеется, члены Корейской партии рабочих (Korean Workers' Party), занимающие в ее иерархии руководящие должности, также находятся по другую сторону существующих правил и ограничений и имеют возможность выходить в Интернет. Примечательным в этой связи является пример нынешнего Высшего руководителя, лидера партии, армии и народа Ким Чен Ына, который, по его словам, любит заниматься интернет-серфингом и даже был замечен за работой на новеньком iMac (The Telegraph 2015), несмотря на существующие санкции со стороны США на ввоз в Северную Корею подобных продуктов. Остальная же часть населения страны вынуждена довольствоваться светом «Яркой звезды», которая включает в себя поисковую систему, почтовую службу, ряд новостных ресурсов и, собственно, интернет-браузер. По приблизительным данным, пространство Kwangmyong насчитывает сегодня примерно 5000 различного рода электронных ресурсов, которые время от времени дополняются новыми веб-сайтами (The Telegraph 2015). Разумеется, каждый из таких сайтов предварительно проходит через процедуру очистки со стороны CSTIA, которое в первую очередь сохраняет страницы, осуществляет отсеивание политически чувствительного контента, и затем размещает данные во внутренней сети (Reporters without borders 2014).

При изучении вопросов, связанных с особенностями интернет-цензуры в Северной Корее, стоит уделять также внимание и другим факторам, так или иначе оказывающим влияние на успех государственной политики по ограничению доступа граждан к нежелательному контенту. В частности, на ограничении доступа северокорейцев к глобальной сети сказывается также и уровень проникновения внутренней (в данном, отдельно взятом случае) сети, а также степень распространения персональных компьютеров среди населения. В случае с первым фактором показатели являются вполне приличными (по меркам Северной Кореи): если в мае 2001 г., спустя некоторое время после первого запуска внутренней сети «Kwangmyong», зона ее покрытия охватывала всего 100 институтов и организаций, то к октябрю 2002 г. сеть охватывала уже 1300 институтов.

Если говорить о показателях, связанных с распространением персональных компьютеров среди жителей КНДР, то перед нами предстает несколько иная картина. По приблизительным данным, приводимым различными новостными агентствами в Интернете, на территории Северной Кореи около 2 миллионов человек имеют персональные компьютеры (Reporters without borders 2014). Для сравнения, население КНДР насчитывало в 2013 г. свыше

24 миллионов человек (U. S. Department of Commerce). Получается, не более 10% населения страны можно причислить к пользователям внутренней сети. Однако и с этой десятой частью граждан дела обстоят отнюдь не однозначно. Дело в том, что согласно внутривнутриполитическому курсу, которому придерживается правящий режим, его выживание полагается на возможности контролировать доступ граждан к информации, будь то посредством радио, телевизионных передач или внутренних информационных и коммуникационных сетей. Помимо этого и сам компьютер в северокорейском обществе всегда воспринимался не в качестве персонального гаджета, а в качестве инструмента, необходимого для работы в офисе или промышленном секторе. Получается, на практике мы имеем ситуацию, когда приобретение персонального компьютера должно предваряться официальным разрешением CS-ТИА на покупку (ссылка). После получения такого разрешения информация о вашей покупке заносится в базы данных местной полиции, после чего за вашими действиями в «Kwangmyong» устанавливается наблюдение вплоть до индивидуального просмотра пересылаемых сообщений на предмет запрещенной информации (Martyn Williams 2010).

А как в тоже самое время обстоят дела с пользователями «настоящего» Интернета в таких государственных институтах, как Корейская академия наук или Институт им. Ким Ир Сена? Как сохранить функционирование Интернета на территории КНДР хотя бы в существующем виде и при этом избежать пагубного влияния поступающей извне информации? Дело в том, что в государственных заведениях такого уровня доступ в глобальную сеть предоставляется не для повседневных нужд, а с целью обеспечения доступа к информации, необходимой для поддержания технического прогресса в стране. Следовательно, как альтернатива политике полного контроля и запрета используется политика предоставления привилегий и поощрений сотрудникам, занимающим высокие посты (ссылка). Они получают зарплаты, намного превышающие средние по стране, живут в дорогих квартирах в престижных районах и, более того, имеют возможность выходить в не цензурируемый правительственными органами Интернет.

Помимо прочих особенностей развития инфраструктуры глобальной сети на территории Корейской Национально-Демократической Республики, стоит обратить также внимание и на такой показатель, как размер адресного пространства сегмента Всемирной паутины северокорейского общества. По данным Корпорации по распространению имен и номеров в Интернете (ICANN), адресное пространство КНДР насчитывает всего 1 024 IP-адреса (Matthew Sparkes 2015). Этот показатель даже ниже, чем у таких стран, как Демократическая Республика Конго (21 248 IP-адресов) и Эфиопия (32 768 IP-адресов), не говоря уже о Великобритании (123 миллиона IP-адресов) (Matthew Sparkes 2015). Конечно, столь малое по своим размерам адресное пространство может быть вызвано и крайне низким спросом со стороны самой КНДР, однако сложившаяся ситуация безусловно накладывает отпе-

чаток на развитие таких аспектов современного Интернета, как, например, беспроводные сети Wi-Fi. Вплоть до недавнего времени посольства также относились к числу привилегированных институтов, которые сохраняли за собой право беспрепятственного обмена информацией с внешним миром посредством Wi-Fi. **Однако начиная с 2013 г. в Пхеньяне обнаружилась тенденция на значительное подорожание жилых домов, находящихся в непосредственной близости от посольств зарубежных государств.** Поскольку на территории посольств (и вблизи ее пределов) функционировали беспроводные сети с довольно сильным сигналом, которые зачастую вовсе не были защищены паролями, центральные районы столицы КНДР стали моментально стали самыми популярными местами среди граждан. В частности, известный случай, когда не защищенная паролем беспроводная сеть одного из ближневосточных посольств позволила студентам Пхеньянского университета науки и технологии (Pyongyang University of Science and Technology, PUST) беспрепятственно выходить в Интернет и получать доступ к нежелательному контенту (Tae-jun Kang 2014). Изначально правительство КНДР выступило с призывами к посольствам стран установить пароли на свои беспроводные сети, однако несмотря на это ряд полномочных представительств продолжил осуществлять «вещание» на территории Пхеньяна. В начале 2015 г. властями было объявлено, что предоставление посольствам возможности использовать подключение к Интернету посредством беспроводных сетей будет приостановлено (The Telegraph 2015).

Не меньшего внимания заслуживает также и сфера мобильных интернет-технологий, получивших за последние несколько лет широкое распространение в Северной Корее. В 2009 г. правительству КНДР удалось подписать соглашение с египетской компанией OrascomTelecom с целью создания на территории корейского государства мобильной сети 3G через подключение к Koryolink (Reporters without borders 2012: 28–29). **В 2011 г. произошла очередная встреча Ким Чен Ына с главой OrascomTelecom, которая была расценена как стремление правящей элиты КНДР обеспечить более широкое использование мобильных сетей на территории страны.** На сегодняшний день в Корее насчитывается примерно 1,7 миллионов пользователей мобильных телефонов с поддержкой 3G связи (Matthew Sparkes 2014). **Однако и в данной сфере преобладает стремление правительства к изоляции и строгому контролю за деятельностью пользователей: сеть 3G функционирует только в пределах национальных границ КНДР и обеспечивает доступ только к информации, прошедшей через цензуру CSTIA. Помимо официально предоставляемого подключения к сети жители пограничных с КНР районов КНДР могут также использовать нелегальные подключения, предоставляемые китайским интернет-провайдерами.** Комичность данной ситуации состоит в том, что, воспользовавшись этим нелегальным подключением, граждане Северной Кореи смогут попасть в китайский сегмент Всемирной паутины, который является на сегодняшний день самый цензурируемым националь-

ным доменом сети Интернет (Reporters without borders 2012). Не говоря уже о том, что в случае обнаружения нарушителю грозит серьезный штраф в размере 1 миллиона вон, а также заключение под стражу сроком на неделю.

В последние годы наблюдаются качественные перемены во взглядах правящей партии КНДР в вопросах дальнейшего развития инфраструктуры глобальной сети на своей территории. Если в предыдущие годы, вплоть до конца первого десятилетия 2000-х, отчетливо проявлялось стремление властей обеспечить максимальные выгоды от внедрения интернет-коммуникаций и одновременно минимизировать возможные политические риски, то начиная с 2010 г. обнаружился совершенно новый подход в использовании Всемирной паутины. В указанный нами период происходит значительное усовершенствование средств онлайн-пропаганды КНДР, и в особенности пропаганды внешней, направленной на воздействие на аудиторию, находящуюся за пределами территории Северной Кореи. Основными источниками такой пропаганды становятся те же самые веб-сайты, содержащие в себе информацию, в выгодном свете представляющую северокорейское общество. Эти сайты, в отличие от многих прежних, находятся не на серверах иностранных интернет-провайдеров, они используют домен верхнего уровня «.kp». На сегодняшний день в сети насчитывается по крайней мере 30 подобных ресурсов (Reporterswithoutborders 2014). В январе 2012 г. партийная газета Rodong Sinmun запустила свой личный сайт на английском языке, основным источником информации для которой является Корейское центральное новостное агентство (Korean Central News Agency, KCNA). С целью расширения влияния на аудиторию в сентябре того же года начало свое вещание радио Voice of Korea. На сегодняшний день вещание производится на 9 языках, включая английский. В добавок ко всему этому начиная с августа 2010 г. Северной Кореей был зарегистрирован аккаунт в Twitter и запущен целый ряд каналов на YouTube (Clark Boyd 2010).

Основываясь на приведенных выше фактах, можно сделать следующие выводы:

- на территории Корейской Народно-Демократической Республики действительно успешно осуществляется интернет-цензура и контроль доступа граждан в сеть путем создания внутреннего сегмента, существующего изолированно от Всемирной паутины;
- несмотря на это, государство в своей политике преследует цели повсеместного распространения информационных сетей, предоставляя своим гражданам свободный доступ к «Kwangmyong» и мобильным сетям 3G, функционирующим на территории Северной Кореи;
- несмотря на очевидное присутствие цензуры, существует небольшая прослойка, состоящая из технократов и партийного руководства, которая имеет возможность получать доступ к свободному от фильтрации контенту Интернету. Для сравнения, в той же Южной Корее и, в

частности, в Китайской Народной Республике в той или иной степени осуществляется фильтрация контента для всех пользователей;

- в КНДР, безусловно, существуют контролирующие органы, регулирующие деятельность своих граждан онлайн, так же как они существуют и в Республике Корея, где любое позитивное высказывание в сети в адрес северного соседа преследуется по закону;
- повсеместное распространение мобильных сетей 3G в далекой перспективе может заложить основу для создания более открытого Интернета в Корейской Народно-Демократической Республике.

Литература

- Boyd Clark*, North Korea creates Twitter and YouTube presence. [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-11007825> (дата обращения: 15.02.2015).
- Fisher Max*, Yes, North Korea has the internet. Here's what it looks like. [Electronic resource]. URL: <http://www.vox.com/2014/12/22/7435625/north-korea-internet> (дата обращения: 15.02.2015).
- Lankov Andrei*, Surfing Net in North Korea. [Electronic resource]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2009/02/166_13540.html (дата обращения: 15.02.2015).
- Sangju Park*, Current Status and Open-Door Trend of the Internet in North Korea (Democratic People's Republic of Korea), [Electronic resource]. URL: <https://sites.google.com/site/internethistoryasia/country-region-information/north-korea-korea-democratic-peoples-republic-of> (дата обращения: 15.02.2015).
- Sparkes Matthew*, Internet in North Korea: everything you need to know. [Electronic resource]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/technology/11309882/Internet-in-North-Korea-everything-you-need-to-know.html> (дата обращения: 15.02.2015).
- Tae-jun Kang*, Wi-Fi Access Sparks Housing Boom in Pyongyang. [Electronic resource]. URL: <http://thediplomat.com/2014/08/wi-fi-access-sparks-housing-boom-in-pyongyang/> (дата обращения: 15.02.2015).
- Williams Martyn*, North Korea moves quietly onto the Internet. [Electronic resource]. URL: <http://www.computerworld.com/article/2518914/enterprise-applications/north-korea-moves-quietly-onto-the-internet.html> (дата обращения: 15.02.2015).
- Reporters Without Borders, North Korea: the Web as a pawn in the power game. [Electronic resource]. URL: <http://12mars.rsf.org/2014-en/2014/03/10/north-korea-the-web-as-a-pawn-in-the-power-game/> (дата обращения: 15.02.2015).
- Reporters Without Borders, Internet Enemies Report 2012. [Electronic resource]. URL: <http://12mars.rsf.org/2014-en/2014/03/10/north-korea-the-web-as-a-pawn-in-the-power-game/> (дата обращения: 15.02.2015).

Г. А. Меньшикова

Административные реформы: сравнительный анализ опыта Южной Кореи и России

Трудно найти более злободневный повод для изучения Южной Кореи россиянами, чем административная реформа. Привлекательность тематики усиливается еще и рядом других обстоятельств. Прежде всего это общность исходных целей (посылов) к реформам — низкая эффективность государственного управления и коррупция. Во-вторых, первенство Южной Кореи по срокам проведения (реформа гос. служб в Корее началась в 1998 г.) и превосходство по полученным результатам делает опыт крайне актуальным. Изучив весьма многочисленные публикации, в которых освещается южнокорейский опыт, можно сделать следующие выводы. Главными преимуществами Южной Кореи являются высокий уровень публичности современного корейского общества, что нашло отражение в прозрачности информации о реформе (ее ходе в разных регионах и многообразии форм проявления), заинтересованность жителей Кореи в процессах реформирования и их активное в них включение. Пути, которые обеспечили успешность реформ в Корее, являются: доступность информации о реформах всем и каждому, внедрение новых принципов отбора персонала на гос. службу, трансформация культуры населения вообще и чиновников в частности, что реализуется в разработке и «насаждении» морально-этических норм честности и эффективности трудовой деятельности вообще и на гос. службе, повсеместная и открытая борьба с коррупцией. Осознанно или нет, но опыт Ю. Кореи уже применяется в России. Так, основными локомотивами роста российской экономики стали гос. корпорации (чеболы по корейски). Внедрены и широко применяются в деятельности гос. служб регламенты обслуживания. Развивается система электронного правительства.

It is difficult to find out something more actual for Russian researches than the experience of South Korean's administrative reforms. The issue is even more attractive because of definite circumstances. Both countries have common goals (motives) of reforms, which are the low level of state management's effectiveness and corruption. Then of great importance is the fact that South Korea began reforms earlier (in 1998) and has been more successful than Russian Federation. Having analyzed not numerous publications devoted to South Korean's reforms one can make such conclusions. The main advantage of Korea is the high level of modern society's public culture. This issue is reflected in the system of informative transparency about reforms, including

the situation in different regions of Korea and directions of reforming. The citizens of Korea are interested in this process and actively participated in it. The routes provided Korea's success are the availability of information about state services activity to everyone. Great changes took place in the system of state staff's recruitment. Most essential to our opinion is the transformation of behavior culture of Koreans in general and officials in particular. It means the imposition of rules based on honesty, effective labor, social obligations and duties of both: citizens and officials. Consciously or not but some Koreans ideas are already introduced in Russian Federation. So, the engines of growth for Russian economy had become state corporations (chebolls on Korean language). Regulations named as reglaments are introduced and widely applied. E-government functions had become obligatory for state organizations.

Административные реформы — процесс, имеющий место в большинстве стран. Совершенно справедливо он осознается исследователями как обязательный и перманентный процесс, предполагающий постоянное совершенствование системы государственного управления.

Административные реформы — важное поле для научных исследований, и в первую очередь социологических, поскольку они напрямую влияют на эффективность функционирования социума. Улучшения в обществе соответственно являются их целью и аргументами при оценивании результатов. Современный этап в изучении административных реформ отражает переход к качественно новой методологии исследования. На смену разовым точечным замерам приходит система продуманного, постоянно проводимого и открытого для исследователей мониторинга фактов и показателей. Множество факторов, характеризующих систему управления, сопоставляются с результатами: уровнем удовлетворенности институтами власти жителей страны, приростом экономических показателей, оценками качества жизни и т. д.

Понятно, что каждая страна имеет свои особенности, а ее жители по своему понимают ее благополучие и соответственно ставят свои, особенные цели перед правительством. Мало полезно и даже вредно сравнивать страны по достигнутым результатам, поскольку важен исходный уровень преобразований, особенности гражданской культуры населения, степень демократичности органов власти и управления. С тем чтобы на научной основе производить сравнения, активно разрабатывается новая область социологической науки — сравнительная социология. Еще более опасно тиражировать успехи отдельных стран, навязывая другим их опыт.

Современные исследователи фокусируют внимание на выявлении общих закономерностей административных реформ: пытаются понять почему одни и те же меры в разных странах осуществляются по-разному. Они пытаются выявить и систематизировать факторы, выделив те, которые способствуют/препятствуют успешности реформирования.

В рамках методологии сравнительной социологии крайне интересно сравнить опыт административных реформ в Южной Корее и России. Обе

страны можно охарактеризовать как страны с «азиатской» культурой ценностей. В них обеих имеет место приоритет общих интересов над личными, высокая готовность населения к подчинению правительственным решениям, относительно низкие жизненные стандарты. В конце 90-х годов XX в. оба государства признали низкий уровень эффективности государственного управления. Коррупция в обеих странах была признана массовым явлением, что оценивалось как важнейшее зло социальной системы, причем уже не только населением, но и самой властью. Учитывая роль коррупции как главного отличительного фактора, формирующего суть современной системы государственного управления обеих стран, остановимся в статье именно на нем.

Для обеих стран, коррупция является уже не просто социальным злом, но и основой механизма хозяйствования и политического устройства. Обе страны, по мнению исследователей (Русецкий 2009) отличает особый тип экономики — коррумпированный, являющийся «теневым отражением существующей официальной структуры общества». Масштабы теневого сектора, порождают «коррупционную экономику» и России, и Южной Кореи. При этом причины, порождающие коррупцию в этих странах различны. Так, в Южной Корее это -регионализм, клиентизм, «Чеболи» (крупные гос. корпорации), а в России — не развитое предпринимательство, а огромная и практически бесконтрольная роль государственных структур.

В обеих странах коррупция перешла на новый уровень: из отдельных разовых проявлений она превратилась в полулегальную политико-экономическую систему (Русецкий 2009: 9). В Южной Корее чиновники, депутаты, лидеры партий фактически перешли на содержание крупного бизнеса. Крупный капитал совместно с государством создал сеть политических фондов, ставших источником политического лоббирования, подкупа, взяток и т. д. Во взяточничестве неоднократно были замечены руководители крупных Чеболей: Самсунг, Daewoo, Hyundai, Kia и др. В России механизм формирования коррупционных коммуникаций изучен плохо — что первично: бюрократия или крупный бизнес (национальные корпорации, например, Роснефть, ОАО «Российские железные дороги») остается открытым.

По данным Transparency International, по уровню восприятия коррупции (CPI или ИВК) Республика Корея в 2013 г. занимала 46-ое место в мире (в 2012 — 45-е, 2011 — 39-е), с индексом коррупции за этот год в 5,6 баллов из 10 возможных. По данным этого же центра, Россия занимает 143 из 183 возможных мест, при ИВК — 2,8 (чем больше, тем лучше), в 2012 — 133 из 174 стран. В обеих странах фиксируется ухудшение ситуации.

Актуальность проблемы, признание ее значимости мировой наукой, а также призывы руководителей государств к ее преодолению, сделали тематику привлекательной. О коррупции и путях противодействия ей написано немало трудов в США (А. де Токвиль (1964), Г. Бенсон (1978), П. де Леон (1993), М. Джонстон (1982), А. Рогов и Н. Доссуэл (1963), Дж. Скотт (1972) и др.), в

Европе, Корее и России. Так, ведущими исследователями в Корее являются Чой Ен Хо, Ли Ен Хо, Ли Хак Чон, Нам Чан Хи, Чон Гу Хен и др. Количество публикаций по теме коррупции в России только за последние 5 лет превышает 300 наименований, что отражает крайне высокий уровень привлекательности тематики. В примечании статьи приведены некоторые из них.

Сравнивая Южную Корею и Россию, можно увидеть, что страны отличаются уже самым пониманием коррупционного действия. Под актом коррупции в Южной Корее, исходя из текста Антикоррупционного Акта, понимается «действие государственного служащего, направленное для извлечения выгоды для себя или третьей стороны, посредством злоупотребления занимаемым положением или своей властью либо посредством нарушения законов и подзаконных нормативных актов в связи со своими обязанностями; а также действие, наносящее вред собственности любого государственного органа в нарушение законов и подзаконных нормативных актов в процессе исполнения бюджета соответствующего государственного органа, приобретения, управления или распределения собственности соответствующего государственного органа, либо заключения и исполнения контракта, по которому соответствующий государственный орган является участвующей стороной» (Пчелинцев 2009: 168).

В соответствии со ст. 1 ФЗ РФ «О противодействии коррупции» коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп или иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Очевидно, что перечень форм коррупционного поведения в Южной Корее шире. Он включает в себя не только факты обогащения физических (юридических) лиц, но и принесение урона собственности любому органу государственной власти.

Антикоррупционные меры — важная составляющая административных реформ в обеих странах. Так, в Южной Корее начиная с 1997 г. — их официального начала — все 4 Президента, находившиеся у власти, в целом поддерживали демократический путь и в меру своих сил пытались осуществлять антикоррупционные меры. Основные принципы их действий изложены в концепции «синхагук» (путь построения новой Кореи). Проследим конкретные шаги и меры, его воплощающие.

Ким Тэ Джун (1997–2002) — первый президент, мирным путем пришедший из оппозиции, попытался усилить представительную и Президентскую власть. Он обеспечил кадровое обновление чиновников, омолодил их состав. Понятно, что он столкнулся сильнейшим противостоянием бывшей

правящей (консервативной) партии, но благодаря поддержки народа ему удалось принять антикоррупционный закон и создать комиссию.

Антикоррупционная стратегия Ким Тэ Джун реализовалась в следующих 6 направлениях: принятие Антикоррупционного закона и создание специальной комиссии; принятие Кодекса поведения; повышение оплаты труда чиновника; обязательная огласка всех случаев коррупции, выявленных комиссией; формирование новых культурных ценностей; актуализация внимания на сферы, где коррупция особенно процветала: налоги, строительство, жилищная сфера, полиция и др.

Но Му Хен (2002–2008) — «Президент от народа», в рамках борьбы с коррупцией актуализировал направление, предполагавшее преодоление регионализма. Считается, что ему удалось снизить влияние Чеболи (крупных корпораций) как оплота коррупции (Русинов 2006: 12). Он искал новые направления и формы борьбы, в частности создал институт специальных прокуроров.

Менее эффективно оценивается антикоррупционная деятельность Президента Ли Мен Бака (2008–2013) — представителя консерваторов (партия Великой страны). Он направил свою активность на совершенствование системы государственного управления, справедливо считая, что лучшими мерами являются высокая оплата труда, институционализация системы противодействия коррупции изнутри, т. е. профилактика негативного неэффективного поведения чиновника.

Ныне действующий президент (с 2013 года) — Пак Кын Хе, опять представляет консервативную партию (правда в реструктурированном виде и под новым названием — Сэнури). Пак Кын Хе — дочь Пак Чон Хи, Президента РК с 1963 по 1979 гг., одного из основоположников экономических реформ. Основой ее избирательной программы было развитие информационных технологий, что трактовалось ею не только как стержень корейской экономики, но и основа нового типа социального управления. Она сделала ставку на внедрение «Открытого правительства».

Традиционно антикоррупционные меры (в рамках рекомендаций ООН) предполагают комплекс мероприятий, включая законодательное оформление прав и обязанностей чиновников и принятие Кодекса их поведения (1), усиление контроля за деятельностью чиновников (2), становление системы открытости информации о государственной службе (3). В Южной Корее внедрялись все эти меры, но к ним добавлялась еще одна — трансформация культуры государственного управления, что предполагало неприятие норм коррупционного поведения, с одной стороны, и активность населения в коммуникации со властью, реализующей принципы Открытого правительства, с другой. Рассмотрим мероприятия по антикоррупционной деятельности в Южной Корее в обозначенной последовательности.

Антикоррупционный закон в Республике Корея был принят в 2001 году. Он считается эталонным, т. е. получившим особое международное призна-

ние, поскольку дает право начать антикоррупционное расследование любому жителю страны, достигшему совершеннолетия. Факты, закрепленные процедурой подачи заявления, обязаны быть расследованы комитетом по аудиту и инспекции. Данные должны фиксироваться на сайте, что соответствует принципу открытого правительства.

Стержнем антикоррупционной деятельности является Корейская независимая комиссия по борьбе с коррупцией — КНКБК, созданная в 2002 г. Правда, в 2008 г. она была разукomплектована и вошла в состав Комиссии по правам человека как его подразделение. Первоначально в состав комиссии входили 9 специально уполномоченных Комиссаров, по три от каждого из ведущих социальных институтов Республики Корея, т. е. три от Национальной Ассамблеи (Однопалатного Парламента), три от Верховного Суда и три от Президента страны. Их нельзя было ни освободить, ни уволить, что делает их положение защищенным, а действия более решительными.

Главным направлением деятельности комиссии, после того как были разработаны и вступили в действие Законы, регламентирующие деятельность чиновников, стал контроль, основой которого являлся сбор информации о случаях коррупции и нарушениях. Информация систематизировалась (проверялась), ежегодно обобщаясь в форме рейтинга служб и подразделений, который в Корее называется индексом восприятия чистоты (ИБЧ).

Параллельно комиссия занималась реформированием всей системы государственной службы, что выразилось в создании превентивных мер, противостоящих коррупционному поведению, в частности:

- повышении эффективности политической системы;
- внедрении системы вознаграждений за раскрытие случаев проявления коррупции, фактов укрываия налогов и других нарушений;
- развитии системы прозрачности торгов при гос.закупках;
- усилении надзора за частной практикой на уровне местной власти, особенно применительно к школьному обучению

Деятельность комиссии оказалась достаточно эффективной, что проявилось в положительном изменении Индекса восприятия чистоты, который достиг к 2008 значения 8,89 при 10 допустимых. Правительством было принято решение перепрофилировать ее деятельность, направив ее действия на повышение качества управления. Она была соединена с Комиссиями по правам человека и развития административных реформ с сокращением численности служащих.

На данный момент подразделение, ответственное за проведение антикоррупционных мер, составляет 210 человек. Оно проводит постоянную работу по формированию стратегии антикоррупционной деятельности в стране и проведению мониторинга по сбору информации, включая разработку антикоррупционных программ (1), осуществляет аналитические исследования уровня коррупции в различных институтах власти (2), реализует анализ и выявление установок в поведении государственных служащих (3), форми-

рует раз в полугодие «Индекс восприятия чистоты» по подразделениям и службам гос. власти (4).

В целом Комиссия по правам человека и антикоррупционным действиям призвана осуществлять институциональные преобразования органов власти, своевременно выявляя институты и практики, провоцирующие коррупционное поведение (1), предлагать направления по совершенствованию реформ гос. службы (2), внедрять в жизнь корейского общества ценности новой культуры (3). Ее деятельность сводится к таким мерам, как составление сводных отчетов по обобщению информации о случаях коррупции и нарушениях (1), защите информаторов (2), выплате им вознаграждений (3), предъявление обвинений крупным чиновникам-коррупционерам (4), выявление случаев дискриминации осведомителей и восстановление справедливости (5). Комиссия проводит активную международную деятельность, сотрудничая с зарубежными организациями и сравнивая свой опыт с мерами в других странах. Ею проводится методическая работа по составлению разнообразных учебных программ по внедрению принципов Гражданского общества для жителей Кореи, включая описание зарубежного опыта.

При комиссии существует Центр сбора коррупционных донесений. Он открыт 24 часа, гарантирует конфиденциальность осведомителям. Забота об этом — важнейшее условие успешности антикоррупционных действий. Ни один следственный орган не может не то что показать, но даже намекнуть на личность человека, сообщившего о проблемной ситуации. В случае утечки подобной информации, ее виновник попадает под антикоррупционное наказание. При необходимости информатору предлагаются меры физической защиты со стороны полиции.

По корейским законам граждане обязаны докладывать о проявлениях коррупции и некачественном исполнении чиновниками обязанностей. Предлагаются любые формы донесений, включая личное общение, телефонные звонки, использование почтовых сообщений и веб-сайтов. Для облегчения действий информаторов Комиссия разработала для них специальную методичку, в которой на 18 страницах описывается правильная последовательность их действий, включая подачу заявления и получение вознаграждения.

Важной мерой, инициирующей разглашение информации, является материальное поощрение. Величина вознаграждения устанавливается специальным Совещательным органом на основании заявления осведомителя. Оно может составлять до нескольких миллионов долларов, что достаточно существенно их мотивирует.

Разработана система «дорожной карты» прохождения информации, максимальный срок проверки информации составляет 60 дней. Понятно, что в зависимости от уровня лица, обвиненного в коррупционных действиях, меры комиссии различны. В случае, когда в поле действия комиссии попадают нарушения чиновников высокого ранга, она передает дело в следственные

органы и Прокуратуру. В случае получения неудовлетворительного ответа, комиссия может направить заявление на дополнительное расследование.

Важным направлением деятельности комиссии является научный анализ фактов и общей ситуации с коррупцией в стране. Она обязана ежегодно представлять информацию о своей деятельности, выявляя основные причины и новые практики коррупционного поведения, равно как и обозначая новые направления противодействия, предопределяя Программу действий на следующий период. Вся полнота информации о комиссии содержится на ее сайте, который доступен каждому жителю страны в полном объеме.

Интересный опыт борьбы с коррупцией разработан и применяется в Сеуле. Его инициатор — мэр города Гох Кун. Он разработал и внедрил в городе программу «OPEN», исходя из которой на сайте правительства Сеула открыто фиксируются все обращения граждан, разбитые по направлениям обслуживания: жилье, обучение, здоровье и т. д. Всего сфер — 54. Случаи несоответствия сроков выполнения гос. услуг с нормативными рассматриваются как акты некачественной работы чиновников. Программа реализует принципы **on-line контроля, что минимизирует возможности личной коммуникации** и сокращает сферу взяток. Массовые проявления некачественного обслуживания конкретным лицом или подразделением рассматриваются как коррупционное поведение, напомним, что определение коррупции в Корее несколько иное, чем в России. Помимо самих граждан, контроль за сайтом осуществляет отдел аудита.

Развитие программы «OPEN» можно проследить по динамике количества обращений. В 1999 г. их было чуть менее 50 тыс., в 2000 — 10 млн. Социологический опрос более 1000 человек показал, что 84,3% опрошенных граждан доверяют программе, 72% рассматривают ее как удовлетворяющую интересам Кореи. Исследователи, положительно оценивая программу, в частности, сравнивая ее с итальянским опытом «чистые руки», отмечают ее акцент на профилактику правонарушений чиновниками. Успех системы также связывается и с повышением уровня гражданской грамотности населения, поскольку она сопровождалась разработкой специальных брошюр и проведением специальных лекций.

В Корее, как и в Европе, доноительство рассматривается как полезное обществу социальное действие, поэтому допускается подача и анонимных сообщений. Вышеприведенные данные, заимствованные из литературных источников, несколько диссонируют с их оценкой статистиками. Так, из полученных в 2007 г. 2544 сообщений информаторов, до суда было доведено лишь 92 случая, т. е. 3,8% (Пчелинцев 2009: 171).

Примером конкретных мер, характеризующих социальную практику, можно назвать кампании-месячники, реализующие антикоррупционные проверки. Обычно они проводятся перед Новым годом, чтобы отследить факты вручения подарков, выявить случаи застолий и посещений чиновниками казино. Специальные сотрудники отслеживают посетителей «Канвон

лэнда», единственного казино, разрешенного для посещения жителям Южной Кореи. В ходе такой проверки, например в 2011 г., было выявлено до 400 случаев посещения их чиновниками, причем отдельные лица посетили его свыше 60 раз. Именно высшие чиновники являлись членами vip-зала, обслуживание которого допустимо только для владельцев свыше 30 млн вон (27 тыс. долл.)

Подытоживая, выявим успехи и недостатки в организации антикоррупционной деятельности, присущие Южной Корее и России. В качестве успехов, по нашему мнению, можно назвать некоторое сужение сферы коррупционного поведения за счет вывода из нее системы учреждений государственного обслуживания, включая правительство среднего уровня. Высокая (достойная, т. е. на уровне средней по региону) оплата труда работников, престижность, социальные льготы, а главное институционализированная организация контроля за дисциплиной и качеством работы чиновников — сделали коррупцию в этой сфере редким явлением.

При этом размер коррупции на высших уровнях власти и управления остается по-прежнему высоким. Размер взяток растет — средняя взятка по Москве на начало 2015 г. составляет 370 000 руб. Практика «откатов» остается повсеместной, иногда сменяя формы денежного воплощения на услуги сетевого характера. Как в Южной Корее, так и в России медленно внедряется практика открытых аукционов при гос. закупках (заказах).

Обе страны столкнулись с практикой низкой активности населения в антикоррупционных действиях. Так, в России, несмотря на всю очевидность предлагаемых мер и полную безопасность участия в акции «За ратификацию 20-й статьи Конвенции ООН», инициаторам так и не удалось собрать требуемые 200 тыс. подписей, чтобы внести законопроект на обсуждение в Государственную Думу.

Все страны мира ищут механизм стимуляции «разоблачений с мест», т. е. способ мотивации работников, знающих о случаях взяток и откатов, сообщать о них в соответствующие органы. В практике США применяется норма — 10% сумм, выявленных потерь или взяток, перечисляется осведомителям. В Корее — 20%. При этом в обеих странах создан институт защиты служащих, сообщивших о нарушениях. Однако, эти меры не сделали антикоррупционную активность массовой. В нашей стране механизм активизации чиновников (жителей, получивших достоверную информацию о коррупционном поведении) только формируется. Более того, многие исследователи выступают против него, оценивая его как возврат к сталинским системам доноительства.

Представляется более разумной активизация деятельности антикоррупционного комитета по контролю за доходами, имуществом и вредными привычками представителей высшей власти и управления. Пока его потенциал сдерживается несовершенством закона. Именно в ужесточении норм Закона о коррупции, включение в него мер, предусмотренных в ст. 20 ООН, а также

доказывающих факты некачественного исполнения обязанностей, видится ближайшая задача. Второе направление — развитие института общего социального контроля за качеством управления. При необходимости публично (ежегодно) отчитываться о результатах работы, чиновники высшего уровня: губернаторы, главы министерств, сами станут инициаторами искоренения коррупции на местах. Третье — внедрение ценностей честного и социально полезного труда, а также активного гражданства в моральный Кодекс россиян. Четвертое — формирование независимых научных подразделений, повсеместно оценивающих качество управления. Именно эти профессиональные научные исследования могут зафиксировать реальную картину функционирования общества: включая качество работы правительства (по уровням и регионам). Независимая информация должна стать обязательной частью СМИ и Интернета, она должна участвовать при формировании общественного мнения россиян.

Литература

- Benson G. *Polytical Corruption in America*, 1978.
- Bun Woong Kim, Pan Suk Kim, B.Guy Peters *Korean Public Administration: managing the uneven development*, Seoul, 1999.
- Johnston M. *Political Corruption and Public Policy In America*, Monterey, 1982.
- Leon De-P. *Thinking about Polytical Corruption*, N.Y., 1993.
- Quah J.S.T. *Curbing corrufition in Asian countries: an impossible dream?*, Bingley, 2010.
- Rogow A., Lasswell H.D. *Power, corruption and Rectitude*, Englewood Cliffs, 1963.
- Tocqueville De A. *Democracy in America*, N.Y., 1946.
- Young Jong Kim. *New Korean public administration and corruption studies*, Seoul, 2003.
- Артемьев А.Б. *Антропология коррупции*. СПб, 2011.
- Афанасьев М.Н. *Клиентизм и российская государственность*. М., 1997.
- Волженко Б.В. *Коррупция*. СПб, 1998.
- Глуценко В.В. *Коррупциология: системно-управленческий подход*. М., 2011.
- Бахарев А.В. *Коррупция в современной России: проблемы теории и практики*. М., 2014.
- Идрисов Э.З. *Коррупция в российском обществе: проблема гражданского контроля*. М., 2013.
- Кузовков Ю.В. *Мировая история коррупции (в 2-х т.)*. М., 2010.
- Кампоас Э., Прадхан С., Бхаргава В. *Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления*. М., 2010.
- Роуз-Аккерман С. *Коррупция и государство: причины, следствия, реформы*. М., 2010.
- Русецкий Е.А. *Влияние коррупции на политический процесс Республики Корея: автореферат дис. ... канд. полит. наук*. Владивосток, 2009.

В. А. Малышев, Н. А. Прюель

Совершенствование работы государственных служб как актуальная проблема развития Южной Кореи и России

Несмотря на то что Южная Корея территориально гораздо меньше России, упорядочивание работы органов власти и управления к концу XX в. стало и для нее важнейшей задачей. Традиционные восточные ценности в виде институтов родственных связей, коррупции, авторитаризма пришли в противоречие с требованиями экономики. Административные реформы 1990-х годов, которые затронули все страны, включая Южную Корею, показали роль, а главное — возможность управления страной по новому, т.е. во имя интересов населения и четко ориентируясь на его запросы. Как и большинство стран мира, Южная Корея стала перестраивать систему своего государственного управления, постепенно изменяя его роль, преобразуя ее из стержня и доминанты управления в систему, обслуживающую запросы населения. Этому способствовали, по нашему мнению, следующие обстоятельства: высокий уровень образованности населения, его компьютерная грамотность и экономическая эрудиция. Главным фактором, однако, является осознание властью необходимости и возможности управлять страной по-новому. Ставший в феврале 2008 г. Премьер-министром страны Ли Мен Бак провозгласил новые принципы работы чиновников: прозрачность их деятельности, конкурсность их отбора, борьбу с коррупцией как «комплексной болезнью государственной службы». С аналогичными, но еще более значимыми, в силу масштабности территории страны, сталкивается и Россия, что делает изучение опыта Южной Кореи крайне важным. Несколько позднее, в начале XXI в. административные реформы начались и у нас. Можно говорить об успехах: внедрено электронное правительство, разработаны законы, регламентирующие деятельность чиновников, используются регламенты и т. д.

Despite the slight territory, the necessity to regularize the work of Southern Korea's officials was estimated as national problem. Beginning from the end of XX-th century traditional eastern values (such as institutions of family relationship, corruption, authoritarianism) came to contradiction with demands of economic growth. Administrative reforms of 90-ies, which spread all over the world, including Korea, perfectly demonstrated the role and what is more important — the possibility to rule the country according to new principles and aims. Like most of developed countries, South Korea began to

reconstruct its state management on ideas of servicing to people. This new principles became able because of following circumstances, f. e. high level of citizens education, people's computer skills and economical competences. But the main factor, on our mind, is the awareness of the power of necessity and possibility to lead the country on a new way. After the February 2008, when the Prime Minister of South Korea had become Li Men Buck, there were proclaimed the new principles of official's work. They were: transparency, competition in selection of working stuff, fight against corruption. Similar problems take place in Russian Federation. They even are of greater importance because of country's territory scale. All these make more than actual the study of Korean experience. Russian reforms started later than in Korea, only at the beginning of XXI century. Since that time e-government was introduced, system of new laws concerning administrative reforms was adopted. Regulations are used to limit the official's duties and rights.

Реформы государственной гражданской службы являются одним из наиболее актуальных и одновременно трудно реализуемых направлений в системе административных преобразований. В той или иной мере они не могли не затронуть большинства стран мира, учитывая общие цивилизационные изменения, такие как повсеместное и системное становление принципов демократии и равенства, развитие компьютерных коммуникаций, повышение грамотности населения и т. д.

Трудность в реализации реформ государственной службы обусловлена как человеческим фактором, который является для нее стержневым, так и многообразием культурных традиций и специфических условий стран, что затрудняло единообразие в подходах к проведению и оцениванию преобразований. Реформы гос. служб в разных странах начались в разные периоды, были вызваны своими особыми обстоятельствами, однако, как правило, можно выделить общие цели, которые они преследовали. Исследователи (Мэннинг, Парисон 2003: 41–43) называют следующие направления:

- поиск оптимального соотношения между политическими «назначенцами» и подготовленными профессионалами управления;
- достижение баланса между динамизмом преобразований и стабильностью функционирования структур власти;
- развитие принципов открытости за счет становления электронного правительства;
- формирование и реализацию идеологии «служения» правительства народу;
- «менеджеризация» государственной службы, что проявляется в обособлении департаментов, их становлении как автономных, но подконтрольных единиц управления;
- расширение практики конкурсного набора и постоянных оценочных процедур для персонала, работающего в органах власти и управления;

- упорядочивание системы финансирования государственных служб, что выражается в сокращении численности персонала, упразднении льгот и привилегий, ими получаемых, при росте заработной платы.

Учитывая, что реформы государственной службы в разных странах имеют свои траектории развития, для многих стран, помимо названных направлений, можно выделить и такие направления, как борьба с коррупцией и коррупционным поведением. Другие страны, наоборот, актуализируют внимание на организации защиты принципиальных и креативных работников от необоснованных жалоб коллег и притеснения руководителями, неготовыми к качественной работе.

Реформы государственных служб прошли несколько этапов, которые отразили локальные и временные импульсы преобразований в системе регулирования государственной службы. Так, считается, что начало реформированию государственных служб положил доклад Норткота-Тревильяна, представленный Парламенту Великобритании в 1854 г. Его суть заключалась в обосновании необходимости реформирования государственной службы страны путем укомплектования ее профессионально подготовленным персоналом, отбираемом на основании экзаменов и по решению специальной комиссии. Великобритания была также инициатором внедрения менеджериального подхода, что сократило размеры гос. служб за счет передачи части департаментов на аутсорсинг коммерческим службам. В 60–90-х г. XX в. общим вектором реформ было внедрение электронного правительства. Многие страны тогда же обозначили как цель реформ — сокращение затрат на государственное управление, что позднее было признано не верным и заменено на «оптимизацию финансирования».

Представляется, что можно говорить о некоторых **a-priori** заданных направлениях, присущих европейским и восточным преобразованиям системы государственной службы. Так, для европейцев более значимым видится цель — повышение эффективности работы чиновников и регулирование соотношения между политическими назначенцами и кадровыми подготовленными работниками. Для азиатской системы таким мейнстримом преобразований является становление новой культуры ценностей: отказ от семейственных (сетевых) обязательств, борьба с коррупцией, внедрение конкурсных процедур при найме на работы и проведение периодических аттестаций персонала.

В этом плане российская модель ближе к азиатской, поэтому изучение опыта Южной Кореи крайне полезно для российских исследователей. В целом наши государства имеют общую основу управления — Президентскую форму правления, в рамках которой основные полномочия распределены между Президентом страны и Парламентами. В Южной Корее это Национальное Собрание (Ассоциация), состоящее из одной палаты. В нем 253 депутатов и 46 членов, представляющих следующие партии: Партию Великой страны (с 2012 г. преобразована в Сэнури), Объединенных либеральных де-

мократов и Демократической партии нового тысячелетия, Нашей открытой партии, Демократической партии труда. Общим для обеих стран является сильная президентская власть, которая, правда, в Республике Корее ограничена одним сроком — 5 годами.

Ход реформирования системы государственного устройства двух стран имеет существенные различия. Так, представляется, что успехи и активность реформ государственной службы Южной Кореи связаны с бизнесом, который, достигнув больших успехов в экономике, столкнулся с устарелой системой организации власти. Он начал и до сих пор инициирует ее преобразования. В России экономические успехи отсутствуют, главным актором в системе управления являются политики, сгруппированные вокруг Президента страны. Здесь принимаются основные решения, формируются и распределяются финансовые потоки, аккумулируется кадровый потенциал страны.

Опишем кратко основные вехи реформ государственной службы в Южной Корее. В целом административные реформы здесь начались несколько позднее, чем в странах Европы и США. Их инициатором стал пришедший в декабре 1997 г. Ким Дэ Чжун, кандидат от оппозиции, первый в истории Кореи представитель не правящей партии, что знаменательно. Его победа была нелегкой, но еще более сложным оказалось для него реализовать намеренные обещания, поскольку в правительстве роль бывшей правящей партии — Партии великой страны — была значима.

Реформы государственной службы проводились Ким Дэ Чжуном трижды, все время углубляя преобразования. Так, в 1998 г. была проведена реструктуризация комитетов, что сгруппировало ресурсы вокруг Президента. В 1999 г. была сделана попытка качественных изменений в организации управления органами власти, что выразилось в формировании агентств, например, государственного информационного агентства, а также создании особой Комиссии по государственной службе, подчиняющейся Президенту страны и призванной внедрить новые принципы назначения персонала. Ее численность составила 400 человек. Она была призвана организовать и обеспечить кадровую политику по новым принципам, утвердить систему квалификационных требований к содержанию и оплате труда работников, повысить уровень оплаты труда работников, особенно высших должностей, что должно было обеспечить привлечение к работе лиц самой высокой квалификации и высоких моральных качеств. Комиссия просуществовала до 2008 г., когда была включена в кадровую службу. Считается, что основную задачу она выполнила, поэтому статус ее работников может быть снижен.

Третья волна (2001 г.) была направлена на качественные изменения работы органов власти. Уже в 1999 г. была создана, но практически не действовала система открытых должностей, т. е. открытый конкурс на освобождающиеся вакансии высших должностей правительства. Параллельно была изменена система оплаты труда чиновников. На смену системе льгот и привилегий пришла законодательно утвержденная система оплаты, прописыва-

ющая виды вознаграждений и их размер в зависимости от достигнутых результатов. Для руководителей полуавтономных подразделений была введена система трехлетних контрактов, напрямую увязывающая размеры оплаты труда с достигнутыми результатами работы соответствующих служб.

Центром и итогом деятельности этого этапа можно считать принятие Устава государственной службы. Почти 300 органов центральной и местной власти параллельно опубликовали свои уставы, которые зафиксировали обязательные требования к работникам гос. служб, сформировали стандарты качества обслуживания, разработали компенсации в случае их неисполнения. Внедрение новых принципов работы было усилено созданием Консультативного совета по борьбе с коррупцией.

С 2002 г. Премьер министром страны был избран Но Му Хен. Он, как и прежний Президент, представлял Демократическую партию нового тысячелетия, в частности ее левое крыло. Его кредо — становление профсоюзного движения и поддержка интересов трудящихся, что во многом не разделялось депутатами Национального собрания. Несмотря на то, что Но Му Хен хорошо знал систему государственного управления, он работал в ней с 1988 г., когда был избран депутатом Национального собрания, главная проблема ему виделась не в ней, а в защите людей труда, равно как и продолжении «политики солнечного тепла» — поддержание добрососедских отношений с северной Кореей. При этом в 2002 г. им был инициирован антикоррупционный закон, который положил основу формирования корейской комиссии по антикоррупционным мерам, которая стала центром этой работы.

На основании работы комиссии, но по инициативе Президента был (2003 г.) разработан и принят Кодекс поведения государственных служащих. Его отличительным признаком является императивный характер, т.е. включение не только обязательных норм поведения, но и перечня наказаний за их несоблюдение. Приведем основные его моменты (Пчелинцев, 2008: 173): государственные служащие могут отказаться от исполнения своих обязанностей без объяснения причин (1); они обязаны отказаться от исполнения обязанностей, если видят в этом конфликт интересов (2); они обязаны докладывать вышестоящему руководителю о случаях незаконного внешнего давления, а руководители обязаны принимать соответствующие меры (3); работники обязаны отказаться от приема денег, подарков, разного рода услуг, включая застолья, хотя практика последних отражает вековые традиции Кореи (4). С. В. Пчелинцев оценивает Кодекс поведения как технологию защиты, поскольку регулирует отношения между руководителем и подчиненными (1), как вспомогательный механизм, регламентирующий правила поведения в конкретных ситуациях, например, когда предлагаются подарки, когда руководитель издает несправедливые или неправильные распоряжения (2); руководство по профессиональной этике, где сформулированы принципы и компетентности (3), как условие конкурентоспособности структура власти, поскольку на его основании формируются рейтинги доверия к ним населе-

ния (4). Но Му Хен покончил жизнь самоубийством, обвиненный в 2009 г. в получении взятки в 6 млн. долл. от предприятия.

В конце 2008 г. президентом страны стал Ли Мен Бак — представитель консерваторов. Он был первым в Корее представителем деловых кругов, воплощением национальной мечты, поскольку прошел путь от рядового сотрудника одного из крупнейших чеболов — «Хендэ» до его ведущего менеджера. Понятно, что как представитель крупного менеджмента, Ли Мен Бак провозгласил идею компактного, но эффективного правительства, что по обещаниям предполагало сокращение численности гос. аппарата на 30%. Он осуществил приватизацию Национальной почтовой службы (почти 40 тыс. занятых), провел структурные реформы правительства.

С февраля 2013 Президентом страны является Пак Кын Хе, лидер партии Великой страны, дочь Пак Чон Хи (Президента РК с 1963 по 1979 г.), одного из основоположников экономических реформ. Основой ее избирательной программы было развитие информационных технологий, что трактовалось ею не только как стержень корейской науки и экономики, но и как способ формирования единой коммуникационной системы.

Южная Корея является мировым лидером ИКТ, 97% домохозяйств имеют интернет, поэтому Президент поставила задачу реализации его возможностей для построения новой системы социального управления. Корея стала лидером в использовании компьютеров в сфере образования и здравоохранения, а бесплатный Wi-Fi стал **обязательным для всех общедоступных мест**. 13,5% корейского населения относятся к так называемым «цифровым аборигенам», молодежи, которая повсеместно и непрерывно включена в компьютерную сеть. Для примера, в США таких 5,3%. К 2015 г. в Корее ожидается начало функционирования особого город будущего (для 65 тыс. жителей) — Нью-Сонгдо-Сити, где все виды оплат будут осуществляться с помощью единой смарт-карты при максимальной автоматизации домашнего хозяйства, основанного на компьютеризации услуг. Таким образом, представляется, что именно совершенствование электронного правительства является стержнем управленческих реформ Пак Кын Хе.

Проследив основные вехи на пути становления современной государственной службы Республики Корея, выявим ее современную структуру. В настоящее время к ней относят всех работников, финансируемых из бюджета. Персонал делят на общий (или непосредственно реализующий управленческие функции), специальный (занятых в бюджетных отраслях: образование, полиция, армия, дипломатия и т.д.) и технический (обслуживающий).

Общие служащие делятся по 9 чинам. Самый нижний — 9-й. Начиная с 5-го чина, назначения осуществляет Президент страны. Правовой основой работы Государственной гражданской службы являются законы: «О государственных служащих», «О пенсиях для государственных служащих», а также профильные акты: «О дипломатических работниках», «О служащих противопожарной службы» и т. д. Особое место занимают законы, описыва-

ющие этические нормы: «О служащих местных органов власти», «Об этике государственных служащих» и др.

Отличительной особенностью условий работы в корейском государственном аппарате является защищенность места работы чиновников от перемен в правительстве. В целом при отсутствии взысканий и дисциплинарных нарушений система гос. службы в Корее отражает принцип пожизненного найма. Причем с учетом не очень высокой оплаты труда, в Корее она составляет от 1,5 до 3 тыс. долл., что существенно ниже, чем в коммерческом секторе, именно получение пенсии обеспечивает материальную привлекательность профессии. Стандартный размер пенсии — 50% оклада, получаемого за последние 3 года работы. Чтобы получить высокую пенсию (т. е. для высших чинов), необходимо иметь стаж по соответствующей занятости более 20 лет.

Наряду с пенсией мотивирующую функцию выполняют и разного рода социальные бонусы: медицинская страховка, возможность бесплатной учебы детей в вузах, выходное пособие при увольнении, гарантия сохранения уровня оплаты при инфляции. Делаются попытки повышения заработной платы, но, как это положено по принципам административной реформы, акцент делается на премирование по результатам, хотя критерии не разработаны. Основой оплаты труда в Корее остаются оклады, чем она существенно отличается от РФ. В нашей стране оклады составляют до 20% оплаты труда, что создает основу для социального конфликта: эффективность управления не видна, а заработная плата (особенно с учетом больших премий) чиновников — растет. Между странами в системе оплаты труда есть и общее — роль стажа. Постоянные и гарантированные надбавки к оплате за каждый год работы имеют место в обеих странах, причем в нашей стране они выражаются даже более многообразно, включая еще и дополнительные дни к отпуску за каждый год работы.

Сравнивая систему премирования, видно различие в подходах. В Корее — главный акцент делается на оценку вклада работником его непосредственным руководителем. Ежегодно (допускается поквартальный разрез) он относит работника к одной из 4 оценочных категорий: инициатор инноваций, незаменимый сотрудник, важный работник, ответственный исполнитель. Законодательно оговорено соотношение в численности персонала по оценкам: 10, 20, 30 и 40%. Соответственно, для первых категорий, учитывая их меньшую численность, размер премий больше. В России — применяется система централизованного оценивания, когда в зависимости от объективных оценок (проведение конкретных новаций, их оценка общественностью, Парламентом или Президентом) устанавливается надбавка в виде количества дополнительных окладов.

Учитывая стабильность заработной платы, ее привязку к окладам и незначительность отклонений между заработной платой работников, в Корее не принято подавать сведения о полученных доходах. Исключение составляет необходимость предоставления информации об имуществе, включая собственность супруга и детей, особенно это касается дорогостоящей собственности за границей.

В Республике Корея достаточно жестко отслеживается возрастной ценз: для высших чинов (с 5-го по 1-й) он составляет 60 лет, для низших (с 9-го по 6-й) — 57. Для служащих, занятых в области социального обеспечения — это 54 года. Готовится реформа повышения пенсионного возраста до 60 лет для всех государственных служащих.

Различие в ценностях проявляется в системе отпусков и выходных. В России, в соответствии с европейскими нормами, работники высоко ценят выходные дни и продолжительность отпуска. В Корею, учитывая также и доминирование работников-мужчин, продолжительный отпуск (максимум установлен в 20 дней в году) рассматривается как проявление нелояльности.

Общим моментом в организации труда является постоянно проводимая аттестация работников и принцип конкурсного набора персонала. В Корею имеет место система открытых должностей, т. е. обязательно публикуемые вакансии. В России публикация вакансий на сайте соответствующих служб также имеет место, однако их обязательность касается рядовых должностей. Конкурсы на руководящие должности не проводятся, а вакансии не объявляются.

Огромную роль в организации контроля за работниками государственной службы в Корею играет Открытое Правительство. Характерным и тиражируемым как показательный, является опыт мэра Сеула г-на Гон Куна, которые предложил жителям фиксировать все свои обращения в городское правительство на соответствующем сайте. По каждому обращению отслеживалось «дорожная карта», т. е. соответствие реального движения нормам обслуживания. Подразделения и работники, по вине которых сроки нарушались чаще других, становятся объектами обсуждения и при необходимости — наказания. Ход и результат обсуждения осуществлялся гласно, а протоколы работы комиссии вывешиваются на сайте.

Опишем кратко особенности организации государственной службы в России. В нашей стране она проводилась в два этапа: ее формирование как действующего института (1990–2000 гг.) и ее развитие в соответствии с требованиями административной реформы. Основными мероприятиями первого этапа можно считать следующие.

В период с 1990 по 1995 г. было создано новое подразделение «Роскадры», структурно похожее на зарубежные органы государственного управления. Параллельно в вузах начали готовить специалистов-профессионалов в области государственного управления. Была создана Академия государственной службы при Президенте РФ с филиалами в регионах. Принципы реформ были закреплены в Законе «Об основах государственной службы РФ» 2004 г., в котором устанавливались требования к чиновникам и обозначались особые условия их труда (социальная ориентированность, более жесткие режимные условия труда, обязательная иерархия по чинам и званиям).

В период с 1995 по 1999 г. была подготовлена концепция административной реформы, направленная на системное изменение государственной службы, равно как и государственного управления в целом. Учеными и эк-

спертами был разработан Кодекс государственного служащего, который, однако, не удалось принять.

В результате реализации первого этапа реформ в 1990-е годы была создана новая структура — государственная служба РФ, однако принципы ее работы не соответствовали требованиям времени, а механизм ее функционирования остался по сути бюрократическим.

В XXI в. были реализовано четыре группы мероприятий, направленных на совершенствование системы государственной службы:

- 1) 2000–2002 годы — формирование Концепции реформирования государственного управления;
- 2) 2003–2004 годы — законодательное оформление государственной службы: приняты 2 федеральных закона и 9 Указов Президента страны. В них включены такие темы, как понятие и структура государственной гражданской службы РФ, ее кадровое обеспечение или критерии отнесения и распределения работников по уровням управления, требования к их материальному обеспечению, условия и размеры пенсий и др.;
- 3) 2003–2007 годы — разработка мер по повышению эффективности и качества работы государственной службы, включая регламенты, «дорожные карты» документов и т.д.
- 4) с 2008 г. — коррекция программно-целевой организации государственной службы: создано «Открытое правительство», закреплён принцип ориентации на профессионализм при подборе персонала, внедряются меры по повышению эффективности и результативности служебной деятельности работников; разработаны критерии их оценки, внедрён принцип оплаты труда по результатам.

При этом в России отсутствует Кодекс поведения чиновников. Предпринимались отдельные попытки его составления. Первую из них предпринял В. Н. Южаков. Этот проект, почти единогласно принятый в первом чтении, встретил серьёзный отпор со стороны и работников, и экспертов. Замечания последних сводились к необходимости дифференцировать нормы поведения по видам служб: военная, дипломатическая и т. д.; предлагалось также прописать способы контроля за соблюдением норм, без чего принятие Кодекса бессмысленно.

Исследователи отмечают нежелание, а соответственно и всемерное противодействие российских чиновников, принятию Кодекса поведения. Так, по данным В. Б. Слатинова (Слатинов 2006: 20), к демократически настроенным чиновникам можно отнести лишь 14%, причем на уровне государственной власти их 11, а на региональном — 16%. Доминирующим типом является бюрократический, ориентированный на примат интересов государства при вторичности роли населения и общества. Российский чиновник, особенно верхнего уровня, склонен к закрытости деятельности, нетерпимости к СМИ и разного рода критике.

Подведем некоторые итоги, фиксирующие различия между Южной Кореей и РФ.

1. В то время как в ЮК формирование честности, открытости и добросовестного труда рассматривается как важнейшая идеологическая и культурная задача, причем как для всего общества, так и государственных служащих, в России не принят Кодекс работников государственной службы.
2. Открытое правительство стало нормой обоих государств, но в Корее оно меняет суть государственного управления, а в России — нет. У нас пока находятся средства имитации открытости и активности, что возможно при отсутствии контроля сверху, а также низкой активности населения, менее грамотного и менее уверенного в правомочности общественного контроля за властью.
3. В России можно говорить о трех уровнях реформ государственной службы. На нижнем уровне (МСУ) административная реформа лишь началась, но при отсутствии инициативы сверху и со стороны (общества) она практически затухла. Все положительные нормы активно внедряются и реализуются на местах, особенно в регионах. Наверху, на уровне Правительства страны и Парламента, идет имитация реформ, поскольку органы, ответственные за контроль, практически отсутствуют, а правомочность их действий лишена законодательной базы.
4. Среди положительных успехов в РФ можно отметить наличие базовых законов, внедрение норм открытого правительства, разработку и внедрение регламентов.
5. Южная Корея находится на более высоком уровне постановки задач — здесь речь идет о формировании новой идеологии. Несмотря на ее сложность, особенно учитывая необходимость преодоления культурных устоев, думается, что в силу высокой грамотности и компьютерной компетенции населения, эта задача вполне по силам для корейского общества.

Литература

- Мэнинг Н., Парисон Н. Реформы государственного управления. Международный опыт. М., Весь мир, 2003.
- Пчелинцев С. В. Некоторые особенности реформирования системы государственной власти Республики Корея // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 3. С. 167–177.
- Слатинов В. Б. Административная реформа в России: промежуточные итоги // Вестник Московского университета. Серия 21 «Управление: государство и общество», 2006. № 4.
- Южаков В. Н. Отчет о работе Круглого стола на тему «Кодекс служебного поведения должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления» // Интернет-газета «Чиновник» // uara.ru. 2003. Вып. № 3 (25).

РАЗДЕЛ 3

Новые тенденции социального и экономического развития в корейском и российском обществах

Ж. Т. Тощенко

В России появился новый класс — прекариат¹⁰

Обосновывается появление нового социального класса — прекариата, дается объяснение причин его возникновения, его структура и основные его характеристики. Показывается, как созрели идеи о прекариате в недрах научной мысли, в мировой и отечественной социальной практике. Выявляются главные черты этого класса, осуществляется сравнение с другими социальными группами. Раскрывается специфика этого класса, его место и роль в современном разделении труда, его положение на рынке труда, первые ростки его осознания как «класса для себя». Выясняются последствия существования и функционирования прекариата.

The main focus in this paper made on the formation of the new social class — precariat. The author explains the reasons of evaluation of new stratification system, stucture and most important characteristics of this new class. Consequences of new relations at labour market are also considered as well as features of «new class» self-consciousness.

«38 млн. трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что представляет серьезную проблему для всего общества»

О. Голодец, вице-премьер правительства РФ

¹⁰ Выполнено в рамках проекта РНФ № 14–18–00318.

Понятие «прекариат» образовано от двух слов: лат. *precarium* — «неустойчивый, нестабильный, негарантированный» и слова *пролетариат*, который в свое время представлял класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса — буржуазии. Прекариат — принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счете и качества жизни. В эти группы входят те, кто занят временной, эпизодической работой, вовлечен в теневую, или, как выразилась О. Голодец, «нелегитимизированный», сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая от 30 до 40% численности трудоспособного населения. Таким образом, мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо современных обществ. Остановимся на этом подробнее.

Этот феномен возник постепенно, не сразу. Мы не будем останавливаться на исторических предшественниках прекариата. Люди с временной занятостью и сезонной работой в той или иной мере всегда были в истории каждого общества во все периоды своего существования. Проанализируем современный период, когда эти группы стали представлять не эпизодическое, а устойчивое и все увеличивающееся преобладание специфических форм использования трудоспособного населения и формирования специфических социально-экономических отношений. Эти группы начали складываться под воздействием идей и политики неолиберализма в 1960–1970-е годы XX в. Неолибералы категорически отрицали роль государства в решении экономических проблем, на дух не переносили идеи централизованного планирования и регулирования. Они характеризовали мир и страны рыночной экономики как свободное пространство, в котором трудовая занятость, прибыль и соответственно инвестиции без всяких ограничений перетекают туда, где для капитала нет никаких ограничений. Более того, они категорически выступили против социал-демократической политики, которую в той или иной мере исповедовали в послевоенное время большинство стран Западной Европы. Неолибералы были убеждены, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, ускорению де-индустриализации, понижению эффективности производства. Они также доказывали, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счете эта установка реализовала основную цель неолибералов — переложить бремя рисков, все заботы об обще-

ственной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей. Либералы отказывались обращать внимание на тот факт, что такая организация жизни экономики повышает уязвимость людей, делает их зависимыми от обстоятельств, на которые они не могут повлиять. Этой политикой неоллибералов была порождена изощренная эксплуатация трудовых ресурсов, которая максимально освобождает собственника от ответственности за нормальное существование миллионов людей и их семей. В результате возник класс, который вправе стали называть прекариатом.

Из чего состоит современный прекариат? Во-первых, это часть трудоспособного населения, постоянно занятого на временной работе. Эта социальная группа, насчитывающая в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40 % трудоспособного населения, ограничена и лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Члены этой группы, как правило, не обладают социальными правами, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детстве становится их личным делом, так же как и получение образования и повышения квалификации. Это дополняется тем, что у временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, профессиональной карьеры. И главное — временная занятость становится постоянно действующей величиной, которая начинает сопровождать человека всю жизнь.

Во-вторых, прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или пробивающихся сезонными и случайными приработками. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день. Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что они подвергаются большей эксплуатации и самозаэксплуатации, которая неадекватна вознаграждению за их труд.

В-третьих, прекариат представлен также безработными, численность которых также значительна. Особенно она обостряется в годы кризиса. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в пределах 3,5 до 7 раз. Академик и советник президента РФ С. Глазьев считает, что «скрытая безработица составляет до 20%» (цит. по: Истомин 2015: 17). Причем следует особо отметить, что скрытая безработица часто маскируется под нежелание регистрироваться, под случайные приработки, под эпизодическую занятость в личном, особенно сельском хозяйстве. Ожидается, что 2015 год принесет значительное увеличение безработных. Об этом прямо заявил вице-премьер И. Шувалов, выступая в Давосе: «Нужно готовиться к росту безработицы».

В-четвертых, в прекариат мы включаем и людей так называемых свободных профессий — специалистов по информационным технологиям, про-

граммистов и др., которые заняты фрилансом. Их иногда представляют приверженцами свободолобного духа, независимых от строгой и мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций (Давыдов 2014: 139–141). Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачивается тем, что эта показная и иногда в чем-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, как и весь прекариат — беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем.

В-пятых, аналогичные характеристики можно отнести и к занятым заемным трудом, суть которого заключается в найме в свой штат работников, которые выполняют заказы или оказывают услуги другим фирмам (предприятиям, организациям).

В-шестых, к прекариату примыкают, на наш взгляд, часть мигрантов, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение также характеризуется как ситуация, в которой многие их ущемлены в правах, они ниже оплачиваются по сравнению с официальными гражданами, им не гарантируются многие социальные блага. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации.

И наконец, прекариат пополняют стажеры и часть студенчества, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение. Эта часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий занять достойное место в жизни.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX — начале XXI в. появился новый социальный класс — прекариат, который характеризуется временной или частичной занятостью, носящей непреходящий, постоянный и устойчивый характер. Причем необходимо отметить, что его численность постоянно растет, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и которых часто относят к среднему классу.

Основные черты прекариата

Прежде всего для прекариата характерна неустойчивое социальное положение, ведущее к «деинтеллектуализации труда» (Гринберг 2009: 4), деформации трудового процесса. Это касается не только мелких и средних производителей, но и таких гигантов как Газпром, Роснефть, IBM. Последняя уже объявила в конце 2014 г. о сокращении штата работающих почти на одну четверть, что коснется 110 тыс. работников.

Особо подчеркнем, что массовое лишение рабочих мест коснется не только рабочих, но и всех слоев населения и даже части среднего класса, который нередко представляется как образец стабильности и ориентир для подражания.

Провозглашаемая неолибералами гибкое использование трудовых ресурсов оборачивается для работника потерей или снижением социального статуса. И эта угроза понижения социального статуса серьезно волнует людей. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, 2012 г., 12 регионов, 1207 чел.) 31,2% считают, что существует реальная (полностью и частично) возможность лишиться работы.

В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, которые по своим потенциальным возможностям и способностям вправе претендовать на соответствующую занятость, вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает статусный диссонанс. Особенно он характерен для молодежи, которая начинает свой жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, но в то же время с надеждой, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Но уже и в этом случае в сознание этой группы закладывается ощущение несправедливости, которая может подтвердиться, исходя из собственного опыта и наблюдая отнюдь не вдохновляющие их ситуации.

Не менее важной характеристикой прекариата является его социальная незащищенность, лишение его многих социальных гарантий. Это проявляется не только в более низкой оплате труда — прекариат лишен гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, в организации отдыха. Как правило, этим людям «не грозят» не только регулярные, но и эпизодические поощрения. Именно статус временного работника освобождает работодателя от излишних затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает его издержки, повышает доходность и главное (мечта неолибералов) перекладывает заботу о нынешнем положении и о будущей жизни на плечи самого работника «в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности». Прекариат, как правило, не имеет никакой правовой защиты (или она минимальна, урезана), что могло бы обеспечить гарантии занятости в обмен на согласие подчиняться, выполнять общепринятые требования и соблюдать определенную лояльность. По данным всероссийского исследования (1207 чел., в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012г., РГГУ), только 20,2% признали, что их работа по найму и/или дополнительная работа были официально оформлены трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом (подробнее см.: Тощенко 2014).

Прекариат лишен перспективы, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, от профессионального роста, от профессиональной пер-

спективы. Признание и отказ от этой установки в жизни дополняется тем, что доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от самых различных обстоятельств. Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, на ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения. В этой ситуации для людей возможны различные варианты поведения: а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению; б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей жизни; в) выступить с активными действиями, начиная от акций против правящего режима или окупиться, вступить в криминальную среду.

Прекариат по сути депрофессионален, ибо ему присуща частая смена мест приложения труда. И это не внутренняя потребность, а навязанная линия поведения неолиберальной экономикой, что касается огромной массы людей, которые во все большей мере работают не полученной специальности. По выборочным исследованиям, если в 1995 г. только 17,6% не могли устроиться по своей профессии, то в 2002 г. их было 37%, а в 2013 г. — уже 49,1% (Воловская и др. 2015). Каждый раз, теряя прежнее место работы, человек в большинстве случаев получает иную сферу приложения труда, требующего некоторого усредненного знания и определенного набора навыков, чтоб выполнять поручаемую ему работу. Это особенно наглядно проявляется в судьбе выпускников университетов и других учебных заведений. И в этой ситуации, несмотря на различие в целях добиться хотя бы какой-нибудь занятости, у всех представителей прекариата есть нечто общее — ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадежная (Бизюков 2014).

При определении имманентных качеств прекариата надо обязательно обратить внимание, что его положение характеризуется просто удивительным и поразительным обстоятельством — многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организации или предприятия, на которых они работают, не знают ни их планы по развитию или существованию, ни их будущее. То есть это положение, отличное от пролетариата, делает прекариат абсолютно отстраненным от всякого возможного влияния и воздействия на те органы управления, которые руководят ими. Это удивительным образом совпадает с реалиями российской действительности.

Все это позволяет сделать вывод, что мир столкнулся с новым видом отчуждения, с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. Место пролетариата занял прекариат, который во многом схож с тем положением, который занимал рабочий класс в XVIII–XX вв. Прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоев современного общества, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние.

Место прекариата в структуре понятий о стратификации.

Напомним, что в течение более чем двух столетий социальная мысль оперировала понятием «классовая структура». Основными классами были пролетариат (рабочий класс), буржуазия, крестьянство. Эта марксистская трактовка была несколько трансформирована в советский период: классами объявлялись рабочий класс, колхозное крестьянство с прослойкой — интеллигенцией и служащими.

Однако современный мир стремительно меняется. И не только в технико-технологическом, экономическом и политическом смысле. Меняется его социальная структура. Марксово представление о классах, в основе которого лежат отношение к собственности (средствам производства) и место человека в процессе труда, не в полной мере характеризуют современное устройство общества. Однако классовая структура никуда не исчезла — она приобрела иной вид и иные параметры. А так как прежние ориентиры исчезли, начался поиск новых определений того социального состояния, которое характерно для большинства существующих в настоящее время обществ.

Реальная жизнь все же требует ответить на вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение: а какова социальная структура современного общества, в том числе и российского?

Среди этого многообразия поиска ответа на вопрос о социально-классовой структуре особое место заняла концепция среднего класса. Она приобрела особую популярность и получили значительное развитие (подробнее см. работы Л. А. Беляевой, М. К. Горшкова, З. Т. Голенковой, Н. Е. Тихоновой и др.). Этому классу приписывалась сравнительно высокая материальная обеспеченность, стабильный потребительский спрос, социальный престиж, гарантированная занятость, чувство автономности существования.

Наряду с таким подходом в трактовке социальной структуры стали созреть иные представления, которые в основу ее классификации ставили не доход и социальный престиж, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищенности, сохранения профессиональной идентификации и уверенность в будущем. Это становилось чрезвычайно важным хотя бы потому, что слои населения, обладавшие этими характеристиками, стремительно увеличивались за счет не только рабочего класса и крестьянства, а за счет всех слоев населения.

Однако такое осознание возникновения нового класса/слоя произошло не сразу.

Принципиально иной подход к осмыслению изменений в социальной структуре осуществили французские социологи в 1980-е годы, исследуя положение сезонных рабочих. П. Бурдье расширил представление об этой группе, включив в анализ все расширяющуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово «прекариат», которым обозначали слой работников, который характе-

ризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций (Bourdieu 1998).

К пониманию новой ситуации подошли и отечественные исследователи (Голенкова 2013; Бизюков 2014; Давыдов 2014), коллектив кафедры социологии Казанского университета, публицисты (Мельник 2007; Механик 2014; Мармер 2009), которые по-разному трактуют феномен прекариата, но все сходятся на том, что он представляет новое явление, с которым невозможно не считаться.

Все это позволяет утверждать, что наличие такого количества людей говорит не о некоторых издержках развития, а об устойчивой тенденции по формированию нового социального класса — прекариата.

Прекариат — жертва или дитя неолиберальной политики?

Появление прекариата на исторической арене означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по своему значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и долго действующие последствия.

В чем это проявляется?

С появлением и распространением политики гибкой занятости стало резко усиливаться социальное неравенство. Классовая структура, характерная для индустриального общества, уступила место более сложному, но не менее классово обусловленному. Все материальные и финансовые ресурсы во все большей мере сосредотачиваются в руках небольшой группы людей — как в мире, так и в России. Так, в распоряжении 110 олигархов находится 35% активов.

Продолжается рост незащищенного или слабо защищенного населения. По данным всероссийского исследования экономического сознания (октябрь 2012, 1207 чел.), 8% боятся увольнения, а еще 23,3% подтверждают, что такая угроза для них реально существует. Все большее и большее количество работников переходят в подвешенное состояние, образуя некую рыхлую, неопределенную и неустойчивую массу, которую волнует все возрастающая нестабильность и неустойчивость ее социального положения.

В силу такого состояния этот класс не станет и не будет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своем положении удовлетворяющее его социальное положение, которое обусловлено размытостью и неопределенностью социального статуса. Прекариат непременно будет искать, сначала стихийными, а в будущем и организованными действиями, выход из неопределенности своего положения. Одним из таких путей постепенного осознания своего положения станет его роль в олицетворении социальной напряженности. И хотя прекариат не

осознал еще «классом для себя», но это может произойти точно таким же образом, как это случилось и с пролетариатом, долгое время бывшим «классом в себе».

Кроме того, у прекариата нет еще внятной политической программы, неясны еще лидеры, которые бы сплотили эти разношерстные ряды и подсказали средства и методы отстаивания своих интересов. Но несомненно одно — уровень недовольства в обществе питается в основном из этих рядов, а не из андеркласса и пауперизованных слоев населения. Стоит особо подчеркнуть, что недовольство копится также среди той части молодых интеллектуалов, которые внешне благополучны и устроены, но не чувствуют гарантированной стабильности, возможности строить профессиональную карьеру и обеспечить себе защищенное будущее.

Есть и другие негативные последствия, касающиеся в основном личной жизни людей. Прекариат не имеет отчетливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости после завершения трудовой занятости. В этой ситуации изменяется отношение к труду, к служебным обязанностям. Стремясь сохранить свои рабочие места, часть работников для того, чтобы удержаться на плаву, трудятся на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, свою значимость и пользу, свою приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к профессиональным заболеваниям, потерей здоровья и истощением моральных и физических сил человека.

Происходит и духовно-нравственная деградация личности, потеря идеалов, веры в справедливость и правильное устройство мира.

Такая неуверенность в своей нынешней и будущей жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на «потом», когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Прекариат в значительной степени испытывает неуверенность в своем нынешнем и будущем положении. Отсюда страх, неверие, разочарование и отрицание официальных структур. Многие ощущают себя жертвой обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. Именно такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает 4-е место в мире. Только за 11 месяцев 2014 г. покончили с жизнью 24 690 человек.

Все это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием — прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные группы не выработали еще чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей, а только еще смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат все еще есть «класс в себе», который стоит на пороге превращения в «класс

для себя». Он уже образует устойчивое социально-классовое образование, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию для превращения в потенции в опасное образование — будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьбы страны.

Литература

- Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру, 2014, 1 мая.
- Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В. Иноземцева А. В. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования, 2015, № 5.
- Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013, № 3.
- Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета, 2013, 3 апреля.
- Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
- Гринберг Р. С. Великая трансформация: невученные уроки. М., 2009.
- Давыдов А. П. Зинаида Голенкова и российская социология // Философские науки. 2014, № 10.
- Зайцев Л. Н., Викулин Я. Н. В сейфах богачей и «народной казне» // Советская Россия, 2015, 24 января.
- Истомин В. Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия, 2015, № 3.
- Мармер Э. Что такте прекариат // NeueZtiten. 2009. № 05.
- Мельник Е. Прекариат всех стран, соединяйся! // Еженедельник 2000 — Свобода слова, 2007 № 48, 30 ноября — 6 декабря.
- Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт, 2014, № 1.
- Российский статистический ежегодник: 2012. Стат. сб. М., 2012.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- Тощенко Ж. Т. Экономическое сознание россиян: 25 лет спустя // Социологические исследования, 2014, № 7.

А. С. Гонашвили

Социальное неравенство в России в начале XXI века и основные тенденции его изменения

В статье автором анализируются принципы социального неравенства Российского общества: его исторический контекст, его становление и формирование к началу XXI века. Также автором были выявлены причины социальной нестабильности современного Российского общества.

In the article the author analyzes the principles of social inequality in Russian society: its historical context, its formation, and contemporary state in the beginning of XXI century. Special attention is given to the causes of social instability in modern Russian society.

Современное общество — общество многообразия, в нем живет множество людей различающихся в плане их социальных качеств, как говорят философы, по форме и содержанию. В своей сущности неравенства бывают естественными и социальными. Естественные неравенства — это то многообразие форм, которые мы видим каждый день в людях (рост, вес, возраст и т. д.). Но не всякое различие есть неравенство: так, различия по возрасту или полу не неравенства, но они могут служить условием неравенства при определенных обстоятельствах, например когда в общественном транспорте уступают место пожилому человеку из-за его возраста. Социальные неравенства — это внешнее отражение внутреннего содержания. Иначе говоря, это те неравенства, которые отражают место человека в социальном пространстве нашего общества, и поэтому учитывают совокупность сложившихся социальных отношений.

В социальных науках, как пишет Е. И. Изотова, под понятием социального пространства принято подразумевать сложно структурированную систему отношений с множеством различных координат, базирующихся на пространственно-временной плоскости. Одной из теорий изучения социального пространства является теория стратификации П. А. Сорокина, которая была взята из геологии, где термин страта в переводе с латыни обозначает пласт или слой. Так, Питирим Сорокин в качестве социальных позиций выделял страты (социальные группы), наделенные возможностью вертикального и горизонтального передвижения, что обеспечивает их социальную мобильность. С его точки зрения, социальная стратификация — это некоторое пространство, в котором нечто располагается и движется друг относительно друга. Движение внутри этого пространства было названо им социальной мобильностью (Изотова 2013). Давая определение социальному пространству в рамках теории Питирима Сорокина, можно сказать, что

социальное пространство есть систематизированные пересечения связей между социальными позициями, обладающими силовым воздействием на людей, занимающих данную социальную позицию (Сорокин 1992: 373).

Говоря, о стратификации российского общества можно выделить три основных тенденции стратификации общественных неравенств в России:

- 1) экономическое неравенство, выраженное в доходах, которое является наиболее фундаментальным базисом дифференциации общественного строя;
- 2) политическое неравенство, которое выражены в формах и рычагах воздействия в обществе посредством власти;
- 3) социально-образовательное неравенство, выраженное в доступе к образованию или включения в ту или иную социальную группу.

Как пишет Т. И. Заславская в своей работе «Социальная структура современного российского общества», основной задачей социологии в изучении социального неравенства выступает описание общества как целостной системы, трансформирующейся, прежде всего под влиянием внутренних движущих сил. В своей концепции она выделяет важное место иерархической шкале социальных статусов, а критерии социального статуса у Т. И. Заславской определяют следующее: «Основными критериями статуса общественных групп, а соответственно, и социальной стратификации общества принято считать: политический потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; экономический потенциал, проявляющийся в масштабах собственности, доходов и в уровне жизни; социокультурный потенциал, отражающий уровень образования, квалификации и профессионализма работников, особенности образа и качества жизни, и, наконец, социальный престиж, являющийся концентрированным отражением названных выше признаков. Все эти критерии в известной степени взаимосвязаны, но вместе с тем они образуют относительно самостоятельные «оси» стратификационного пространства» (Заславская 2000: 5).

Если перейти непосредственно к социальной стратификации и социальным неравенствам в российском обществе, то можно подчеркнуть, что за последние годы социальное неравенство стала формироваться устойчивая структура социального расслоения. Как отмечает Н. Е. Тихонова в своей статье «Низший класс в социальной структуре российского общества», «к настоящему времени практически завершился период «транзита», который в течение более чем двадцати лет переживало в связи с реализовывавшимися в нем масштабными реформами российское общество. Завершается и процесс формирования его новой социальной структуры, модель которой будет оказывать влияние не только на стабильность, но и конкурентоспособность России на международной арене. Краеугольным вопросом при оценке, характера этого влияния является вопрос о типе складывающейся сегодня в России социальной структуры» (Тихонова 2011: 24).

За последнюю четверть века после точки бифуркации политического, экономического и прочих структур, а именно в период распада Советского Союза с присущими ему специфическими нормами распределения и показателями иерархии, в российском обществе произошла активная фаза процесса подчинения функционирования социальной системы закономерностям капиталистического развития. Российское общество пошло по пути капитализма посредством изменения отношений собственности, а также разрушения прежних социальных институтов социалистической направленности и замены их новыми. В 1990-е годы в России прежние социальные границы существовавших групп, слоев и классов стерлись, уступив место новым социальным отношениям и практикам социального взаимодействия на базе нового режима распределения прав собственности. Если перейти непосредственно к рассмотрению социальной стратификации российского общества в наше время, то можно сказать, что в процессе кардинальных изменений, повлекших распад Советского Союза, стали формироваться новые структурные характеристики общества, прежде всего связанные с экономикой. А именно, изменилась структура экономики, ее внешние связи, особенно производственный комплекс, изменились отношения по поводу собственности на средства производства, изменилась политическая структура, идеология, психология и пр. С течением определенного времени экономика России стала приходить в состояние, типичное для капитализма, что позволяет нам изучать социальную структуру общественного распределения, с помощью знаний о начале и направлении социально-структурных изменений.

Н. Е. Тихонова в своей работе по изучению социальных классов с позиции структурно-функционального подхода пишет о том, что «... экономически активное население России разделено сегодня на четыре практически равные части» (рисунок 1).

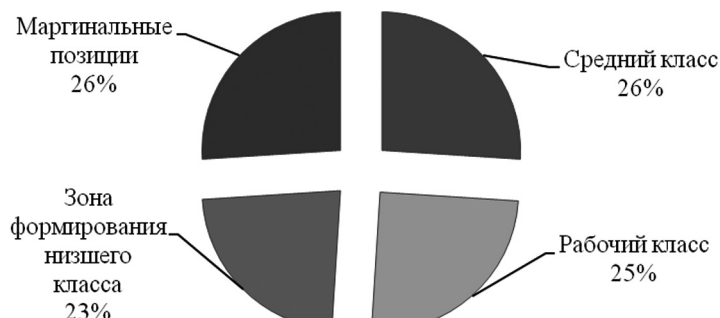

Рисунок 1. Типы социальных позиций, занимаемых экономически активным населением России (%)

При этом значительная доля тех, кто находится на маргинальных позициях, свидетельствует о том, что процесс формирования новой классовой структуры в российском обществе еще будет активно продолжаться. Уровень доходов, профессиональные позиции и те активы, которые находятся в распоряжении граждан, далеко не всегда соотносятся в России между собой так, как это присуще западным обществам с более старой рыночной экономикой. В России даже для работающего населения огромную роль в определении масштабов социальных неравенств играют характеристики внеклассового характера, связанные прежде всего с регионом проживания, отраслью занятости, типом населенного пункта и т. п. Тем не менее четкая идентификация классовых позиций практически трех четвертей экономически активного населения страны говорит о применимости классовой модели капитализма для анализа социальной структуры современной России» (Тихонова 2011: 27–28).

Под определением классов Н. Е. Тихонова понимает определенную социальную группу индивидов, занимающую примерно равную структурную позицию, которая характеризуется определенной чертой характера распоряжения активов, таких как собственность, социальный ресурс, власть и т. д. Она выделяет следующие классы:

- 1) класс капиталистов, который является в её иерархии высший или верхний класс, который включающий в себя верхнюю часть среднего класса;
- 2) традиционный средний класс, который включает «... ту часть высококвалифицированных рабочих и техников, которые обладают уникальными для представителей физического труда навыками и квалификацией, что позволяет им получать доходы и на эти виды своих активов» (Тихонова 2011: 25);
- 3) традиционный рабочий класс;
- 4) низший социальный класс. Данный класс, как она отмечает, начал изучаться социологами с середины 60-х годов XX века (прежде всего у западных социологов).

Таким образом, возвращаясь к рисунку 1, можно сказать, исходя из определения социальных классов, что зона формирования низшего класса — это та категория людей, которые имеют среднее специализированное образование с низким уровнем жизни и со средним доходом на душу населения в семье, при этом они являются ниже социального уровня, маркированного в стране. А под маргинальной позицией понимается отчужденность устойчивой социальной позиции того или иного класса. «К среднему классу отнесены те, кто характеризовался совмещением одновременно таких критериев, как: нефизический характер труда; наличие как минимум среднего специального образования; показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по

населению в целом; самооценка индивидом своего положения в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов. В составе рабочего класса — те лица физического труда, кто не попал в зону формирования низшего класса» (Тихонова 2011: 34).

Подводя итог, можно сказать, что российское общество продолжает находиться в состоянии видоизменения социальной структуры (что иллюстрирует в своей работе Е. Н. Тихонова, выделяя категорию граждан, находящихся в маргинальной позиции) советского типа, характерную для капиталистических стран с рыночной экономикой и частной собственностью. Движение это еще не закончилось и может попадать под влияние разнообразных тенденций, которые чаще всего сложно предвидеть. Россия по уровню экономического развития и благосостояния еще не достигла уровня наиболее развитых капиталистических стран, но и не перешла в состояние «капиталистической периферии». Динамика социальных процессов в России может значительно увеличиваться в ближайшие десятилетия, что зависит как от места страны в глобальной капиталистической системе, так и от направлений развития экономики страны. В процессе становления капитализма в России были практически утеряны классовое самосознание, классовая солидарность, а также идеологическая система, которая включает моральные практики советского образца, имеющие значение в контексте идентичности любого социально-экономического класса и классовой системы в целом.

Литература

- Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология: учебник для вузов / под ред. проф. В. И. Добренкова. М.: Гардарики, 1998. — 432 с.
- Гонашвили А. С. Социальная стратификация российского общества // Общество: социология, психология, педагогика № 1. 2015. С. 13–16.
- Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/820/840/1231/002Zaslavskaya.pdf> (дата обращения: 15.02.2015).
- Изотова Е. И. Дифференциация социального пространства в юношеском возрасте: на пересечении идентичности и самоотношения. Психологические исследования, 2013, 6 (30), 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.02.2015).
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.13 / Ред. Тер-Акопян Н. Б. 2-е издание. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность. // Питирим Сорокин. «Человек. Цивилизация. Общество» / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М. Политиздат, 1992. URL: <http://www.twirpx.com/file/519798/> (дата обращения: 15.02.2015).
- Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. № 5. 2011. С. 24–35.
- Тихонова Н. Е. Социальная стратификация современной России: опыт эмпирического анализа. М. 2007.

З. В. Сикевич

Этнический фактор в современном российском обществе

Текст посвящен теоретическому анализу воздействия этнического фактора на социальные и, в частности, политические процессы в современном обществе. Автор обращает внимание на парадоксальность ситуации, когда в условиях глобализации и универсализации системы ценностей этнические процессы не затухают, как ранее предполагалось, а, напротив, идеологизируются, что выражается в стремлении этнических групп, не обладающих государственностью, к политическому обособлению и сепаратизму.

The paper presents theoretical analysis of ethnic factor impact on the social and political processes in a contemporary society. The author explores the rise of ideological elements in ethnic processes in the time of globalization and universalization of values. It results in such phenomenon as political separatism of ethnic groups that previously have not been organized in the nation states.

Несмотря на общий процесс глобализации и постепенное утверждение в массовом сознании ценностей современного общества, этнический фактор продолжает заметно влиять на течение социальных процессов и характер межэтнических отношений, причем не только в постсоциалистических или развивающихся обществах, но и в стабильном европейском сообществе, где в связи с почти непреодолимой сепарацией инокультурных мигрантов усугубляется проблема интеграции национальных меньшинств. Это явление еще в 80-е гг. XX века Г. В. Старовойтова назвала «этническим парадоксом современности».

Особый накал и специфическую форму приобретают этносоциальные процессы и отношения на постсоветском пространстве, что обусловлено формированием вновь образованных национальных государств в условиях смешанного проживания бывших советских народов, а также поиском идеологических символов, способных сплотить людей разного этнического происхождения на основе гражданской, общенациональной идентичности.

Радикализация национальных движений как на территории бывшего СССР, так и за его пределами обуславливает переход этнических конфликтов из латентной фазы скрытых противоречий в открытое противостояние, нередко сопровождаемое силовыми действиями.

Все это предопределяет особую значимость этнического фактора на постсоветском пространстве, причем фактора именно «этнического», а вовсе не «культурного», так как именно в культурном отношении в годы советской власти произошла заметная унификация как ценностей, так и норм бытово-

го поведения. И сегодняшний всплеск этнической активности связан почти исключительно с процессами социальными или психологическими, и лишь в слабой мере — с культурными: религия как основа культурной традиции на постсоветском пространстве влияет на этнические отношения значительно слабее, чем в странах ЕС.

Если отвлечься от идеологической зашоренности и постмодернистских стереотипов, ясно, что в современном обществе значимость этнического фактора не только не снижается, но даже, как это и не парадоксально, возрастает. Это происходит несмотря на то, что культурные границы — как в области материальной, так и духовной культуры — на наших глазах «размываются», и для их сохранения требуются немалые усилия интеллектуальных элит.

Отсюда следует, что «этнические границы» не равнозначны «культурным границам». И это первая посылка наших рассуждений. Этнический фактор сегодня, имея не только социальную, но и глубинную, не до конца осознаваемую, психологическую мотивацию, чаще всего идеологизируется, превращаясь в одно из действенных орудий политического антиглобализма. Таким образом, становится предметом не столько культурной антропологии, сколько этнополитологии, политической социологии и конфликтологии. И это вторая посылка наших рассуждений

Понятная, удобная и благородная идея объединения как бы провоцирует разделение, и наряду с процессом строительства глобального общества мы являемся свидетелями расчленения единых государств. Причем вовсе не только в Центральной или Восточной Европе, где подобный ход событий удобно объяснять ошибками национальной политики прежних режимов, но и в стабильном, вполне благополучном западном обществе, оберегающем права национальных меньшинств.

Конечно, можно подобные центробежные этнические процессы в соответствии с теорией «нормального» устойчивого развития сводить исключительно к проблемам регионалистики или экономической конкуренции, однако даже неспециалисту очевидно, что вряд ли как-то особенно нарушаются экономические или региональные права «части» единой нации, ведь положение и франкоговорящих канадцев, и шотландцев, и басков ничем не отличается от положения национального большинства этих стран, как в правовом отношении, так и в государственной практике.

Вывод очевиден: этнический фактор в начале XXI века продолжает влиять на социальное развитие в глобальном масштабе, включая западное общество «постмодерна».

Из этого общего положения следуют ряд частных выводов, которые, на наш взгляд, удобнее формулировать от «противного».

- Негативная этническая мобилизация (сепаратизм) прямо не обусловлена типом общественного устройства (ср., например, Испанию /баски/ и Грузию /абхазы и осетины/). Ситуация реформирования и

социальных изменений просто обостряет «накал» этнических процессов, но не является первичным мотивом их возникновения.

- Стремление к сецессии как один из результатов процесса «нациообразования» (параллельно с формированием национального самосознания) напрямую не зависит от экономического благосостояния данного общества. Очевидно, что качество жизни среднего баска на порядок лучше экономического положения среднего абхаза, тем не менее и тот и другой, выступают за государственное «оформление» своей этничности.
- Направленность этнической мобилизации слабо соотносится с вероисповеданием (конфессиональной принадлежностью) членов этнической группы. Склонность к силовому решению этнических споров характерна и для христиан — католиков (баски, корсиканцы и др.), православных (абхазы, осетины и др.), и для мусульман (чеченцы, козовские албанцы и др.).
- В полиэтнических государственных образованиях (более одного «титального» народа) по сравнению с моноэтническими сообществами выше вероятность центробежных процессов в силу латентной этнической конфликтогенности.

На фоне общих закономерностей функционирования феномена этничности в современном обществе нельзя не заметить его специфических проявлений в конкретной социальной и культурно-исторической ситуации. В этом смысле особенно интересна Россия, где этносоциальная стратификация напрямую подкрепляется наличием национальных субъектов федерации..

Этнический фактор в нашей стране в полной мере проявляется на уровне государства (это исследовательское поле этнополитологии), общества (это предметная область этнической социологии) и индивида (это сфера интересов этнической психологии).

Рассмотрим наиболее острые проблемы каждой из этих научных дисциплин применительно к России.

Государство

- Россия никогда не была моноэтническим государством, исторически отторгая эту модель, наиболее распространенную в современном мире. Формирование русской нации (именно нации, а не этноса) происходило за счет длительного «смешения» чуждых друг другу по расово-этническому происхождению, но соседствующих территориально этнических групп (восточных славян, финно-угров, тюрков, скандинавов и др.). Даже в имперский период в основе национальной политики (доступ к государственной карьере, привилегии, с одной стороны, и ограничения, дискриминация — с другой) лежала не

этническая, а конфессиональная принадлежность. Иными словами, «выгодно» было быть православным, а не русским.

- В отличие от Британской империи или Франции, где все колонии были «заморскими», а представители титульных народов, за исключением чиновников, солдат и коммерсантов, обитали главным образом на территории метрополии, Россию всегда отличало смешанное проживание народов, и прежде всего русских. «Русские» земли (территории с подавляющим большинством этнических русских) плавно и незаметно переходили в татарские, украинские или казахские «земли». Этот тип расселения в годы советской власти, но особенно в ходе распада СССР сыграл с русскими злую шутку: границы РСФСР в момент образования СССР (1922 год) были определены достаточно условно, и эти же приблизительные границы унаследовала современная Российская Федерация. В ряде случаев границы между союзными республиками прочерчивались исходя из идеологических соображений. Именно поэтому, в частности, в состав УССР по распоряжению Ленина был включена промышленная Новороссия, с тем чтобы сбалансировать соотношение долей рабочих и крестьян в социально-демографическом составе союзной республики. Столь же волюнтаристски были обозначены границы между республиками Средней Азии, РСФСР и Казахстаном.

Следует заметить, что именно смешанный тип расселения всегда провоцирует латентные и открытые территориальные конфликты и лежит в основе всех кавказских конфликтов (в частности, карабахского и осетино-ингушского), этнической войны на территории Югославии и скрытого конфликта между вновь образованными государствами Средней Азии.

- Титульный народ — русские во все исторические периоды существенно превышал по своей численности другие этнические группы, представляя собой, таким образом, национальное большинство не только в правовом, но и в количественном отношении. В то же время, например, англичан в период расцвета Британской империи было по сравнению с народами колоний всего лишь несколько процентов. Именно это (смешанное расселение и численный «перевес» русских) позволяет говорить о метрополии и колониях применительно к периоду Российской империи лишь с большой долей условности.
- Русификация «окраин», начиная с XVIII века, после провозглашения Петром I России империей, имела одновременно и отрицательные и положительные последствия. К отрицательным можно отнести частичную ассимиляцию близкородственных (украинцы, белорусы) и малочисленных (коренные этнические группы Крайнего Севера и Сибири) народов России, к положительным — опосредованную русской культурой европеизацию «окраин». Сегодня феномен «культурного

влияния», всегда в определенной мере насильственного, оценивается по-разному, однако неоспорим тот факт, что русский язык и русская культура в целом во все времена служили, и до сих пор еще служат, мощным объединяющим началом для всех народов, оказавшихся в разные периоды в составе России, в ареале «русского мира».

- Федеративное устройство современной России носит ассиметричный характер, сочетая в себе территориальный и национальный тип политической субъектности. Сама по себе эта асимметрия уже конфликтотенна, к тому же следует иметь в виду, что отдельные республики, несмотря на все усилия властей унифицировать их права относительно центра, обладают различным объемом властных полномочий, что приводит к скрытой этнической конкуренции за привилегии.
- Повышенная этническая конфликтотенность на Северном Кавказе обусловлена целым рядом причин, сложившихся постепенно, в ходе формирования этноконтактной среды всего кавказского региона. К числу важнейших из них можно отнести следующие причины:
 - 1) историческую (первая кавказская война XIX века, сталинские депортации середины XX века);
 - 2) экономическую (природные богатства Каспия и прилегающей территории на фоне массовой безработицы мужского населения региона);
 - 3) этнокультурную и конфессиональную (существенная культурная специфика на фоне мнимой схожести «лиц кавказской национальности», а также явное и скрытое противостояние приверженцев христианства и ислама);
 - 4) геополитическую (исторически «спорная» зона столкновения стратегических интересов мировых держав, включая Россию).

Общество

- Институционализация этничности в период советской власти была инициирована национально-территориальным устройством Советского государства и формированием этнонациональных элит, впоследствии принявших деятельное участие в развале Советского Союза. Этничность в форме «кровной» принадлежности к той или иной этнической группе начинает играть несвойственную ей регулятивную функцию, а этническая группа превращается по своей сути в референтную группу для всех ее членов. Неявная институционализация этничности сегодня наблюдается в большинстве национальных субъектов, что не может не расшатывать толерантные межэтнические отношения, провоцируя конфликты на этническом основании.
- Этносоциальная стратификация, присущая российскому обществу, не свойственна периоду постмодерна. Сложная система этнических

статусов, обусловленная этнической принадлежностью (членством в титульной или не-титульной группе, принадлежностью к национальному большинству или меньшинству), а также местом проживания (в «своем» национальном субъекте или на «чужой» территории) расширяет социальную дистанцию между представителями разных народов, провоцирует усиление этнической конфликтности. Так, совершенно очевидно, что статус русского в Москве или в Казани различны, несмотря на принадлежность к титульному народу и национальному большинству всего государства.

- Российское общество характеризует сложная этносоциальная структура, обусловленная во-первых, наличием коренных, имеющих политическую субъектность, этнических групп и некоренных народов, лишенных таковой (в частности, российские немцы, греки, корейцы и т. п.). Во-вторых, крупных, средних и малых по численности народов, равных в правовом отношении, но неравных в реальной жизни. В-третьих, выходцев из смешанных браков, нередко превращающихся в культурных «маргиналов». Очевидно, что внутренняя противоречивость этой структуры может быть преодолена за счет доминирования общероссийской идентичности, однако этот, безусловно, оптимальный выход остается все еще отдаленной перспективой как раз в силу институционализации этничности, о которой говорилось выше.
- Российское общество в целом отличает феномен «культурного запаздывания», когда политические и экономические изменения существенно опережают ценностную и психологическую готовность людей к радикальным переменам в их жизни. Применительно к нашей теме важно то, что размер этого «запаздывания» различен для каждого из народов, входящих в этносоциальное пространство России. Очевидно, что темп адаптации к новым жизненным реалиям, например, у евреев или у русских выше, чем у якутов или мордвы. Кроме того, в силу ментальной специфики и укоренившихся традиций отдельных народов России приспособление к новой жизненной ситуации, прежде всего экономической, принимает преимущественно негативный, маргинальный характер, граничащий с нарушением закона. Свобода выбора — высшее достижение демократического общества — нередко интерпретируется как своевольное самоутверждение в духе известной русской пословицы: «что хочу, то и ворочу».

Человек

- Этническая самоидентификация представителей отдельных народов России различна в силу ряда очевидных обстоятельств.
Во-первых, этническая мобилизация, проявляющаяся повсеместно, у отдельных этнических групп обнаруживает различную интенсив-

ность и конфликтную напряженность — так, в частности, несопоставимы социально-психологические последствия этнической мобилизации на Северном Кавказе, с одной стороны, и в республиках Поволжья — с другой.

Во-вторых, содержание и «насыщенность» этнической идентичности членов тех или иных этнических групп напрямую зависит от традиций и норм обычного права, присущих этому народу. Ясно, что по этому критерию этническая идентичность, например, чеченцев или ингушей не может не отличаться от этнической идентичности калмыков или бурятов, не говоря уже о русской самоидентификации, которая имеет совершенно особый тип, прежде всего в силу численного состава и сложной исторической судьбы этого народа.

Вследствие этого чрезвычайно трудно сформировать единую общенациональную идентичность, которая носила бы вне-этнический и над-этнический характер, хотя без него никакая подлинная, а не декларативная, интеграция российского общества попросту невозможна.

- Социально-психологическое сходство в содержательной структуре этнической идентичности граждан России различного этнического происхождения носит нередко негативную направленность и выражается в увеличении этносоциальной дистанции по критерию «мы» и «они» («не-мы»).

Для немалого числа людей неприязнь к этническим (например, «лицам кавказской национальности») или религиозным (мусульмане) «чужакам» составляет чуть ли не ядро этнической идентичности, что не может не вызвать обоснованной тревоги. Силовые акции радикальных националистов вдвойне страшны тем, что они пользуются молчаливой поддержкой вполне благопристойных обывателей, каждый третий из числа которых, судя по данным нашего исследования (2010 г., 593 чел., квотная выборка Петербурга), испытывает неприязнь к отдельным, в основном кавказским, народам или отвергает всех «иностранцев» вкупе (в частности, особенно антипатичны «южные народы», «восточные народы», «азиаты» и «все, кто не любит нас»). Нельзя не отметить, что сходная тенденция, только еще в более радикальном и массовом проявлении, отличает современное украинское общество с жестким делением на «своих» и «чужих», не разделяющих этнонационалистскую риторику украинских элит, эксплуатирующих идеологические стереотипы Галичины.

- Этническая идентичность русских в силу их многочисленности и особого статуса в Российском государстве заметно структурирована.

Так, ее содержание, по данным наших исследований, прежде всего обусловлено уровнем образования, местожительством (столицы — глубинка) и политическими пристрастиями, в меньшей степени полом, возрастом и профессией. Тем не менее, судя по данным наших исследований, возмож-

но вычленить определенное ядро русской идентичности, которая с большей или меньшей интенсивностью проявляется у большинства русских людей.

Это этатизм («за державу обидно»), патернализм (ожидание решения своих личных проблем от государства, выполняющего функцию отца), прогрессирующее «антизападничество» и, этническая интолерантность. Примечательно то, что «антизападничество» есть своего рода оборотная сторона державности, в восприятии которой значимее то, против чего, а не во имя чего мы объединяемся. Впрочем, это характерная, почти не подвластная времени, черта русского самосознания, равно воспетая и осмеянная нашими поэтами и мыслителями еще в XIX веке.

Установка «антизападничества» фиксировалась нами, начиная с исследования 1996 года, посредством следующего вопроса: «по Вашему мнению, в интересах Запада России помочь или Россию ослабить». Если в 1996 году антизападную позицию разделяло около четверти опрошенных петербуржцев, в 2001 и 2009 гг. — чуть более половины (соответственно 52% и 54%), то осенью 2014 г. число сторонников этой точки зрения приближается к 80% (78,3%). Выборки по всех случаях сопоставимы.

Что же касается этнической интолерантности, то эта установка чаще всего скрыта под показной нормативной толерантостью и проявляется в социальном поведении, которое можно обнаружить посредством косвенных проективных ситуаций. Так, по данным исследования 2009 г., примерно две трети респондентов полагают, что к людям другой национальности следует относиться так же, как и к «своим». Однако лишь 24% из их числа отнеслись бы положительно к тому, чтобы их близкий родственник вступил в брак с представителем другой национальности. Таким образом, декларируемая толерантность вступает в противоречие с латентной интолерантностью, которую можно обнаружить лишь посредством специальных методик, в частности, тестов.

Пересечение трех уровней функционирования этничности в России, а именно государственного, общественного и социально-психологического, наиболее наглядно и выпукло предстает в ходе этнического конфликта, причем как в его идеологическом обеспечении, так и в практической реализации.

Обратимся в качестве примера к чеченскому конфликту, который по своим последствиям выплеснулся за пределы не только Кавказа, но и России в целом, влияя на восприятие нашей страны за рубежом.

Приверженность чеченцев исламу всегда прямо или косвенно влияла на их положение в российском обществе. В имперский период церковь стала фактически составной частью политической структуры, и «не-христиане», иноверцы рассматривались как подданные второго сорта. При советской власти антиклерикализм был, конечно, направлен против любой религиозности, а не только ислама, однако именно мусульманами гонения на их веру традиционно рассматривались в контексте планомерного уничтожения их

идентичности и унижения национального достоинства. Причем последнее обстоятельство особенно нестерпимо для представителя любого кавказского народа.

Как и территория всей России, Чечня до начала конфликта отличалась смешанным проживанием представителей различных этнических групп: города, особенно Грозный, основанный терскими казаками, были преимущественно русскими, а сельская местность (аулы) считались вотчиной коренных горцев. После присоединения по инициативе Н. С. Хрущева к Чечено-Ингушской республике двух равнинных районов на левом берегу Терека, населенных почти исключительно казаками и русскими, этнический состав населения автономии приобрел еще более конфликтотенный характер. Именно его в начале 1990-х гг. в канун силовой стадии конфликта Джохар Дудаев и его окружение пытались преодолеть, открыто выдавливая «не-чеченцев» за пределы республики.

Первая Кавказская война и депортация чеченцев в 1940-е гг. по обвинению в пособничестве «немецко-фашистским оккупантам» не забылись за давностью лет, а сохранились, взлелеянные в исторической памяти народа как акты насилия и несправедливости, требующие возмездия. Подобная установка полностью соответствует букве горского адата и фактически является нормативной.

Потеря родного языка в годы депортации идеологизировала самосознание чеченцев, придав этнической мобилизации конца 1980-х гг. XX века почти исключительно политический импульс, на фоне которого восстановление культурной традиции ушло на второй план, как нечто несущественное и архаичное.

С начала 1990-х гг. этнический фактор в Чечне становится основным регулятором социальных отношений, когда все происходящее начинает рассматриваться вначале элитами, а позже, под их влиянием, и рядовыми людьми исключительно сквозь призму соответствия или несоответствия национальным интересам.

Этносоциальная стратификация приобретает жесткий, регламентирующий характер. Этнический статус русских по сравнению с советскими временами стремительно падает с одновременным ростом статуса коренного жителя автономии. Статусная дистанция влечет за собой усиление значимости социального дистанцирования по критерию «мы» — «они» /»наши» — «чужие».

Феномен «культурного запаздывания» применительно к чеченскому обществу проявляется особенно остро. В сознании любого чеченца сосуществуют, конкурируя между собой на уровне установки и реального поведения: во-первых, советский образ жизни с присущими ему ценностями, во-вторых, традиционный для горского сообщества неписаный адат (система норм по «обычаю»), предписывающий, в частности, кровную месть и, в-третьих, мусульманский шариат в его ортодоксальном звучании. Очевидно, что од-

новременное следование всем трем нормативным системам невозможно, поэтому как индивидуально-личностное, так и групповое сознание чеченцев представляет собой «поле сражения» взаимно исключающих предписаний и стандартов.

Этническая идентичность чеченцев, с одной стороны, и русских — с другой, по своему содержанию и направленности разительно не схожи. Субъективный фактор — взаимное непонимание, прежде всего мотивации, смысла и цели действий противоборствующей стороны в ходе чеченского конфликта, — усугубляли объективные причины формирования конфликтной ситуации, влияние которых легче минимизировать посредством поиска компромиссных решений. Что же касается сознания, не говоря уже о «коллективном бессознательном», присущем традиционному сообществу, его можно разве что насильно сломать, что и пытались сделать при советской власти, никакой рациональной коррекции («вам же лучше будет») этническое самосознание не поддается.

Частично сходная мотивация может быть экстраполирована и на украинский конфликт, несмотря на то что он носит по преимуществу гражданский (политический), а не этнический характер.

Во-первых, деление по признаку наши и не-наши (с одной стороны, «укропы», с другой стороны, «ватники» и «колорады»). Неважно, что к символическим «москалям» могут быть отнесены и этнические украинцы.

Во-вторых, частичная языковая денационализация, которая превращает проблему государственного закрепления украинского языка как единственного официального средства общения на территории Украины в орудие этнополитики.

В-третьих, этнорегиональный статус выходца из Западной и Центральной Украины неизмеримо выше статуса жителя исторической Новороссии, несмотря даже на его этническую принадлежность.

В-четвертых, институциональная манипуляция исторической памятью в сфере образования и СМИ, сопровождающаяся зеркальной сменой нормативной национальной символики.

Таковы вкратце основные особенности функционирования этнического фактора в современном обществе на уровне общих и специфических закономерностей.

А. П. Садохин Методологические ресурсы формирования общероссийской идентичности в процессе становления гражданского общества

Рассматривается состояние современных межэтнических отношений в России, пути достижения гражданской интеграции различных

этносов и формирования «российскости» как формы гражданского и национального единства страны.

The author is reviewing the multicultural relations in the modern Russia and ways to achieve social integration across various ethnic groups. He also analyses the local integrity factors in the Russian society.

История многих полиэтнических стран и государств мира убедительно свидетельствует, что достижение общегражданской идентичности в них во все времена представляло актуальную и трудно решаемую проблему. Данное утверждение в полной мере относится и к современной истории России, где в настоящее время происходит сложный и противоречивый процесс формирования гражданского общества и общероссийской идентичности («российскости»). В этом процессе без утверждения чувства общероссийской идентичности все дебаты и декларации о гражданском обществе в России становятся бессмысленными, поскольку в этом обществе будет отсутствовать общее основание, объединяющее и скрепляющее все слои, этносы и группы в одну нацию и одно общество.

Вопрос о формировании чувства общероссийской идентичности следует начинать рассматривать, на наш взгляд, с публичного дискурса по данной проблеме, поскольку именно в публичной сфере рождается образ нации, который воспринимается и принимается рядовыми гражданами. Этот образ чаще всего окрашен эмоционально («а мы вот такие»), чем научно обоснован, но именно через такие образы рядовой обыватель и постигает социально значимые понятия: что есть гражданин, гражданская солидарность, чувство национальной гордости, патриотизм и т. п.

Формирование чувства российской гражданственности предполагает более четкое обозначение феномена общероссийской идентичности, который, по нашему мнению, представляет собой многослойное образование.

Во-первых, основополагающим компонентом общероссийского национального самосознания (идентичности) является русский язык, который выступает основой российской нации, а потому служит фундаментом «российскости». Не исключая значения других языков народов России русский язык выступает как важнейший инструмент индивидуальной социализации в единой российской культуре. Дело в том, что культурные процессы, происходящие в настоящее время в России, предполагают понимание общероссийской идентичности не «по крови» или «по этничности», а по культурной общности, в которой русский язык выполняет главную интегрирующую функцию. Концепция «российскости» трактует ее как тип общности людей, объединенных общей культурой, общими законами и территориальным гражданством, историей и обычаях.

Во-вторых, другим компонентом общероссийской идентичности является национальный характер, представляющий собой совокупность поведенческих типов, формирующих образ соответствующего народа. Из сово-

купности этих поведенческих типов складывается стереотип национальный россиянина. При этом черты характера, образующие данный стереотип, свойственны не только русским, но и в той или иной мере характеризуют представителей всех народов и культур России.

В-третьих, феномен общероссийской идентичности включает в себя компонент «исторической памяти», т. е. тех реальных событий прошлой истории, которые считаются жизненно важными для жизни всех народов страны. На основе общей интерпретации исторического прошлого и политической практики настоящего формируется идея общероссийской идентичности — теоретическая конструкция, декларирующая необходимость формирования, поддержания и защиты российского национального духа, российского национального характера и российского государства.

Исходя из описанных компонентов, дискутировать по поводу того существует или не существует российская нация, на наш взгляд, не имеет смысла, ибо Россия есть влиятельный член Сообщества наций, но более важно то обстоятельство, что критерием принадлежности к нации является категория гражданства. Если есть граждане, то есть и нация. Категория гражданства выражает отношения между государством-нацией и отдельным человеком, через нее определяется комплекс прав и обязанностей индивида, через нее должно формироваться политическое единство населяющих страну жителей.

В настоящее время в отечественной политологии и юриспруденции гражданство чаще всего понимается в двух смыслах: *во-первых*, как принадлежность человека к нации в качестве гражданина, наделяющее его правами и обязанностями гражданина; *во-вторых*, как принадлежность к той или иной культуре, фиксируемую через категорию национальность. Второе понимание гражданства нередко трактуется как нечто природное, естественное и здесь очевидно происходит столкновение республиканских принципов равенства и свободы и скрытого примордиализма, пытающегося представить названную категорию врожденной культурной характеристикой.

Здесь следует обратить внимание также на то обстоятельство, что политическое единство может быть сугубо формальным, а потому нации обязательно необходима определенная степень культурного единства. Именно здесь и возникают проблемы, в том числе и проблемы, связанные с пониманием природы нации. В сложных полиэтнических сообществах, к каковым относится и Россия, где на одной территории сосуществуют самые различные этнические и религиозные группы, где уровень экономического развития разных территориальных единиц существенно различается, где не всегда есть прочные внутренние связи, добиться реального культурного единства практически невозможно. И, кроме того, вполне естественно возникает вопросы, как понимать культурное единство нации, как формировать это единство? Какие культурные меры допустимы, а какие нежелательны (или недопустимы) в процессе формирования гражданского общества?

В ходе дискуссии по данным вопросам было высказано мнение, что российской нации вообще не существует. Сторонники этой точки зрения не хотят признавать ее как данность, а в обосновании своей позиции исходят из двух тезисов.

Первый заключается в том, что нация есть высокоорганизованное политическое сообщество, где права гражданина полностью защищены и равенство прав граждан оформлено не только юридически, но и является важнейшим политическим принципом гражданского общества. В России, с ее многочисленными формальными и неформальными привилегиями для высших чиновников, с произволом правоохранительных органов, нет оснований утверждать, что данный политический принцип имеет решающее значение в общественной жизни.

Второй тезис касается культурного единства граждан. Здесь есть два возможных понимания этого единства. Первый — это восприятие культурного единства как некой культурной гомогенности, которая проявляется через общие для всех формы культурного потребления и поведения. Второй — это понимание культурного единства как разделяемые большинством населения представления об общих культурных идеалах и символах, как системы общих культурных образов и мифов. И в этом смысле тоже есть сомнения, хотя у россиян, безусловно, есть общая история, общий пантеон героев, общие бытовые традиции. Нередко их, правда, оспаривают, но сами россияне в своем большинстве признают наличие неких общих черт в культурном облике сограждан.

На наш взгляд, идею общероссийской идентичности надо пропагандировать не посредством трансляций телевизионных дискуссий интеллектуалов, а через ясные и осязаемые культурные образы. Национал-радикалы в использовании таких образов преуспели больше, чем официальные идеологи. Здесь характерным примером может служить ставший в свое время широко известным ролик политического объединения «Родина» перед выборами в московскую городскую думу предыдущего созыва «Понаехали тут». С точки зрения пропагандистской и с точки зрения формирования культурного образа ролик этот был сделан профессионально, но официальная социальная реклама таким профессионализмом похвалиться не может, что является еще одним свидетельством неэффективности современной политики формирования общероссийской идентичности.

По нашему мнению, в процессе формирования общероссийской идентичности важны не столько политические заявления лидеров государства и официальные программы, сколько то, как на местах осуществляется этнополитика и как там понимают процессы формирования общероссийской гражданской идентичности, т. е. важен анализ этнополитических практик этого процесса. В этой связи мы в данной статье считаем необходимым обратить внимание, с одной стороны, на некоторые этнополитические реалии современной России, а с другой — на стратегию и практики процесса формирования общероссийской идентичности.

На наш взгляд, формирование гражданской солидарности и российской идентичности возможно, если будут задействованы все средства воздействия: школа, система высшего образования, СМИ, культурные институты, управленческие структуры, социальные службы. В каждой из названных социальных сфер должны быть разработаны свои средства и программы реализации общей интеграционной программы, но главное — это системность согласованности действий названных институтов и понимание ими самой сути, решаемой проблемы. Это очень важное условие успешности процесса формирования общероссийской идентичности и акцент на понимании политических элитами значимости гражданской интеграционной политики сделан нами не случайно.

Сошлемся только на один конкретный пример. Он связан с тем, что заявления лидеров правящей партии и государства, которые прозвучали после известных событий на Манежной площади в Москве и ряде других городов, до сих пор диссонируют с политическими заявлениями региональных лидеров (несмотря на действующую вертикаль власти). Так, на конференции «Единой России», которая состоялась 15 января 2011 г. в Сыктывкаре, прозвучало программное выступление главы республики В. Гайзера, которого можно причислить к политическим прагматикам и достаточно эффективным политикам регионального уровня. Однако, на указанной конференции по поводу региональной этнополитики он заявил следующее: «Наш приоритет — интересы коренного народа». Очевидно, что попытка сделать приоритетом региональной этнополитики интересы лишь титульной этнической группы не может быть оправдана ни с позиций права, ни с позиций политической логики. Конституции РФ и Республики Коми однозначно гарантируют равенство прав всех граждан и в этом объявлять о приоритете интересов отдельной группы недопустимо. Концепция государственной национальной политики РФ, утвержденная указом Президента РФ в 1996 г. и до сих пор являющаяся главным политическим документом, регламентирующим отношения государства и этнических групп, основывается на идее, что в сферу этнополитики должны быть вовлечены все народы страны. И с этой точки зрения утверждение главы Коми выглядит политически не очень корректно.

Однако помимо простого непонимания сути этнополитики и государственных интересов в указанной сфере есть еще и очевидная проблема клановости при формировании региональных политических элит. Эта ситуация характерна для ряда республик Поволжья, Якутии, Северного Кавказа. Вероятно следует согласиться с тем утверждением, что «этнократия и этнический национализм стали источником силы региональных элит, их аргументом в торге с федеральными властями и способом защиты от «чужих» на своей деланке» Активная поддержка региональными элитами этнонациональных организаций, и особенно их политизированных мероприятий типа съездов и конгрессов, связана с тем, что идеология этих организаций базируется на двух ключевых положениях, которые полностью отвечают интересам мест-

ных замкнутых кланов: противопоставлении этничности и гражданства, а также первенстве групповых прав над всеми остальными правами (прежде всего правами человека).

В последние двадцать лет под предлогом необходимости усиления внимания к развитию языка и культурных традиций различных народов РФ фактически был разрушен фундамент советского интернационализма. При этом происходила последовательная сегментация российского общества, разделение его на этнические и этноконфессиональные сектора. Этничность превратилась в эффективный политический инструмент и важный социальный маркер. Не случайно происходит не только ослабление гражданской солидарности, но и прослеживается очевидный рост ксенофобских настроений, о чем свидетельствуют как данные многочисленных исследований, так и простое обращение к материалам сайта Московского бюро по правам человека.

Первой задачей интеграционной гражданской политики является определение той политической цели, к которой стремится общество в целом и политическое руководство страны в частности. Такая цель, безусловно, не может отвечать интересам только одной части населения, как это имеет место, например, в Эстонии, где, фактически, вся политика интеграции сводится к расширению сфер применения эстонского языка и превращению этого языка в основное средство общения для всех этнических групп населения страны, т. е. цель определяется культурными интересами доминантного культурного сообщества. С другой стороны, не может она быть ориентирована исключительно на мигрантов, как в Германии, где интеграционный курс предназначен для натурализации мигрантов в качестве граждан ФРГ, а его цель состоит в передаче «информации о правопорядке, языке, культуре и истории Германии».

Вероятно, интеграционная политика в России должна быть двуединой: добиваться консолидации российского общества и укрепления гражданско-го согласия, с одной стороны, и стремиться к интеграции всех ее территориальных, этнических составляющих в единое политическое пространство, в единое сообщество — с другой. В этой связи одной из первоочередных задач интеграционной политики является формирование культурного образа (скорее образов) российской нации, а точнее, проблема визуализации этого образа, превращение политической идеи в зримые и привлекательные «продукты», являющиеся результатом художественного (а также и научно-го) творчества. Очевидно, что этот образ, скорее всего, будет синтетичен, складываться из некой мозаики смыслов, значений, исторических фактов и современных символов, но вся эта мозаика будет складываться в достаточно определенное понятие «мы-россияне».

Представляется также, что назрела необходимость широкого обсуждения новых образов и символов российской нации, необходимость их последовательного внедрения в сознание россиян. Конечно, чувство российской

идентичности у граждан страны формируется и без социальной рекламы, ибо многовековые традиции совместного проживания различных этнических групп в одном государстве не могут не формировать некой общей гражданской идентичности. Но, во-первых, «российскость» формируется стихийно, во-вторых, параллельно идет процесс этнизации все более широких сфер социального пространства за счет вытеснения гражданских идеалов (свидетельством чему служит высокий и устойчивый уровень ксенофобии и интолерантности в российском обществе). Отсутствие последовательной работы в деле укрепления гражданской солидарности и гражданских идеалов будет и далее сохранять ксенофобские настроения в российском обществе, с одной стороны, и отторгать идеи общероссийской идентичности — с другой. При этом этничность может трансформироваться в форму агрессивно-оборонительной и агрессивно-конфликтной солидарности, с помощью которой отдельные этнические группы консолидируются, но все более очевидно противостоят другим группам и всему обществу.

Примером может служить такое явление как «этнодансинг», суть которого в современной российской действительности заключается в том, что молодые люди, представляющие народы Северного Кавказа, демонстративно танцуют лезгинку прямо на проезжей части улиц в городах или поздно вечером под окнами многоквартирных домов или в метро. Тем самым они с помощью языка танца как бы заявляют: «Мы здесь, мы тоже члены этого социума». Но одновременно они демонстрируют свою отличительность, пытаются путем подобных акций взять некий «реванш» за нанесенные соплеменникам обиды (реальные или мнимые), продемонстрировать, что они готовы противостоять большинству. Этнодансинг становится видимым индикатором общественных настроений, имеющих место в среде той части представителей кавказских народов, которые мигрируют в города, где преобладают представители других этнических групп населения страны.

Но более важно, что подобная форма самовыражения молодежи, на наш взгляд, свидетельствует о том, что как на уровне семейного воспитания, так и в школе общегражданские идеи в сознании молодых людей практически не утверждались. Поэтому их этнокультурная граница для них оказывается важнее, чем гражданская солидарность и уважение к согражданам иной этнической и конфессиональной принадлежности. Отсюда логично вытекает задача необходимости усиления гражданских начал в школьном воспитании (проблема семейного воспитания требует отдельного обсуждения).

В школах должны, например, преподавать не историю, интерпретированную в этноцентричном духе (историю великороссов или историю вайнахов), а такую историю Отечества, которая дает картину исторических судеб всех основных народов страны и помогает вырабатывать у учащихся понимание того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и поликонфессиональное сообщество. В учебную программу всех школ страны должны быть включены уроки толерантности, которые призваны способст-

воваты улучшению межкультурного взаимодействия. Причем важно учесть опасения тех, кто говорит, что невозможно учить патриотизму или что нельзя, чтобы постижение культуры толерантности происходило как формальный учебный процесс, когда ученику выставляют оценки. При этом воспитание гражданина без школы невозможно и здесь вполне полезен опыт других стран, где есть уже отработанные методики воспитания повседневной толерантности и где самое серьезное внимание уделяется граждановедению.

Это особенно важно, поскольку в российских школах сегодня массовым «поветрием» стала этнопедагогика, которая многими учителями трактуется весьма однобоко. Детям рассказывают о том, как хороши традиции того или иного народа, об «уникальности» этнической культуры предков и тем самым невольно воспитывают в них этноцентризм, поскольку о традиции других народов забывают, хотя другие народы нередко имеют сходные культурные традиции или, во всяком случае, их культура не менее интересна. Сама по себе абсолютизация уникальности этнической культуры есть прямой путь к культурному расизму.

Серьезное внимание в формировании гражданской интеграции следует уделить также высшей школе, ибо массовое сознание студенчества не внушает особого оптимизма. Видимо, стоит подумать о том, чтобы курс этнополитологии был введен в высших учебных заведениях либо как самостоятельный предмет, либо как часть учебной программы по политологии.

Не менее сложной задачей является и изменение роли СМИ в процессе общероссийской идентичности. В первую очередь необходимо, чтобы сами журналисты отказались от языка вражды, который стал характерен для многих российских периодических изданий. И такое понимание в журналистской среде есть, хотя порой стремление привлечь читателя доминирует над этическими соображениями. Есть и другая опасность — опасность этнизации прессы. В России уже действует Гильдия межэтнической журналистики, и ее председатель Маргарита Лянге считает, что «сама тематика этнической журналистики очень позитивна, потому что имеет дело с вековыми традициями народов». Ориентируясь на такую позицию, как уже сказано выше, создана ассоциация финно-угорской журналистики, регулярно проводятся семинары «финно-угорских журналистов». Но вместе с тем сам опыт «финно-угорской журналистики» показывает, что «пресса является одним из основных инструментов производства и трансляции толерантных либо конфликтных этнических образов» и этому способствует, на наш взгляд, сам статус этнической прессы, ибо логика этнизации ориентирует журналиста именно на освещение жизни лишь собственной этнической группы, заставляет конструировать и пропагандировать не просто позитивный образ группы, но и их отличия от других. Здесь неизбежно возникает потребность в акцентировании культурных дистанций, культурных границ и противопоставлении своей группы другим.

Представляется, что порочен сам термин «этническая журналистика», ибо публичность СМИ подразумевает ее ориентацию на гражданские идеалы, на общественные интересы, т. е. как на проблематику, которая имеет сугубо общественное значение, пусть она и связана с интересами отдельной личности. Клановость, местечковость, этничность подрывают миссию прессы как проводника общественных интересов. И если у нас проводятся семинары для «этнических журналистов», то на них необходимо отстаивать идею того, что этническая проблематика ни в коем случае не должна заслонять собой общественные интересы и общественную солидарность, а журналисты, пишущие на темы, связанные с межэтническими отношениями, должны строго руководствоваться кодексом журналистской этики, в котором акцент на уважительное отношение к представителям любой этнической группы должен дополняться требованием к выполнению гражданского долга журналиста.

Помимо действенного кодекса журналистской этики необходимо и действенное реагирование со стороны судебных органов на каждый случай публикации материалов, разжигающих вражду между этническими и конфессиональными группами. Необходимо также, чтобы «лицо» общероссийских телеканалов (прежде всего дикторы) отражало этническое многообразие России, а сама информационная политика была ориентирована на пропаганду «русскости». При этом надо прямо говорить и о проявлениях ксенофобии со стороны доминантных групп, и об этническом эгоизме меньшинств, когда подобные случаи имеют место.

Конечно, важная и значимая роль в создании нового образа страны и нового образа российского гражданина должна принадлежать институтам культуры. Здесь, как уже отмечено выше, и создание новых визуальных образов, новых символов, но главное — переложение на язык художественных образов общероссийской идентичности и создание российской эстетики, «бренда» Страна Россия. Очевидно, что в рамках масштабного интеграционного проекта для деятелей культуры открывается огромное поле для художественного творчества.

Необходимо будет, очевидно, перестраивать работу многих социальных служб, органов правопорядка, которые и поныне широко практикуют селективный контроль за гражданами, ориентируясь на фенотипические данные. Такая практика должна быть искоренена. Кроме того, как показал недавний опыт, особенно важно добиться от правоохранительных и судебных органов, чтобы любые случаи, когда на них оказывают давление руководители «национальных республик», авторитеты этнических криминальных группировок, этнические предприниматели или лидеры этнических землячеств не только сурово пресекались, но и становились предметом служебных разбирательств с обязательными последствиями для тех, кто не может им противостоять. Должностные лица национальных республик, допускающие давление на правоохранительные или судебные органы с целью поддержать

своих соплеменников в ходе судебных разбирательств, где их интересы сталкиваются с интересами представителей других этнических групп, должны немедленно лишаться своих должностей, ибо такого рода действия есть фактически намеренное провоцирование межэтнического противостояния и межэтнической конфликтности. Недопустимо также, когда кадровая политика местных властей ориентирована на клановость и этническую избирательность.

Особого внимания заслуживает ситуация в армии. Общественность много и справедливо уделяет внимания проблеме дедовщины, ибо данное социальное явление есть свидетельство очевидного неблагополучия в армейских частях, отсутствия в них армейской дисциплины и армейского порядка. Но довольно мало говорится о другой проблеме, которая также серьезно сказывается на привлекательности военной службы, авторитете командиров и армии как социального института в целом. Речь идет об этническом насилии в армии, когда молодые люди формируют этнические группировки в частях и, опираясь на этническую солидарность, начинают терроризировать своих иноэтнических сослуживцев, а порой и противостоять приказам и распоряжениям командиров. Многие офицеры просто не знают, как противостоять названному явлению, а потому закрывают на него глаза, что крайне негативно отражается не только на самой армии, но и на всем российском обществе. В результате здесь формируются (а чаще просто усиливаются) негативные установки и стереотипы у представителей одних этнических общин в отношении других.

Армия — один из важнейших институтов социализации, воспитания патриотизма и до тех пор, пока в стране сохраняется всеобщая воинская повинность, она сохранит это значение. В СССР гражданская интеграция в немалой степени осуществлялась не столько за счет официальной пропаганды, сколько посредством армейского братства, формировавшегося у представителей разных народов за годы службы в вооруженных силах страны. Сегодня эта функция вооруженных сил явно недооценивается. Представляется необходимым, чтобы подготовка офицерских кадров осуществлялась с учетом того, что им предстоит управлять полиэтническими и поликонфессиональными коллективами. Офицерский корпус не только должен владеть необходимым минимумом знаний о культурных различиях народов РФ (и сам формироваться по поликультурному принципу), но и понимать, что воинская служба призвана готовить защитников Отечества, а такими защитниками могут быть лишь те, кто понимает, что отечество не кончается за границами их села, города или республики.

Особое значение для процесса гражданской консолидации российского общества имеет сбалансированная региональная политика, которая опираясь на стимулы и специальные программы развития должна способствовать интеграции всех регионов страны в единое социально-экономическое и культурное пространство. Пока здесь наблюдается очевидный дисбаланс:

одни регионы оказываются в зоне приоритетного внимания федерального центра в силу этнического состава их населения и очевидных социально-экономических проблем; другие, наоборот, в силу тех же самых причин оказываются вне зоны внимания политического руководства страны. Примером может служить ситуация на Северном Кавказе и на Русском Севере. Для первого региона разрабатывается специальная программа развития, и выделяются значительные средства, а для второго ни аналогичной программы, ни дополнительных финансовых вливаний в его развитие не предусматривается. Между тем проблема деградации северных территорий все активнее обсуждается специалистами, а анализ современных социальных и культурных процессов доказывает, что региону требуется особое внимание. При этом стоит заметить, что Русский Север есть не просто историческая провинция России — он воспринимается как культурный символ.

Очевидно, что избирательная политика в отношении крупных регионов страны, не является удачным образцом региональной политики и, более того, подобная избирательность создает условия для роста межэтнической напряженности, поскольку фактически означает перераспределение общенационального богатства в пользу отдельных этнических групп. Такой несбалансированностью политики уже пытаются пользоваться русские националисты, организуя (пытаясь организовывать) акции под лозунгом «Хватит кормить Кавказ!».

Конечно, не менее значимым для успеха формирования общероссийской идентичности является общий экономический подъем страны, формирование современной открытой экономики, благоприятных условий для предпринимательства и творчества, преодоление бедности и коррупции, т. е. процессы формирования общероссийской идентичности органически вписываются в задачи экономической, политической и социальной модернизации страны.

В заключение отметим, что настало время принятия конкретных решений в сфере этнонациональной политики, что уже невозможно заменять эту политику «кулинарным интернационализмом» и декоративными фестивально-ярмарочными мероприятиями, как это делалось во многих регионах в предыдущие годы. Этнонациональная политика — это не праздники национальной кухни и не фольклорные фестивали, на которые потрачены уже огромные средства и которые никак не меняют общественные настроения. Главной целью этнонациональной политики в РФ должно стать формирование единой российской нации, укрепление российской идентичности и гражданской солидарности в стране. Реализация этой цели сложна, поскольку здесь не только необходимо решить серьезные организационные вопросы, но и преодолеть серьезный идеологический конфликт, который, как свидетельствуют приведенные выше материалы, достаточно очевиден. Это конфликт между идеей российской нации и этническим национализмом, т. е. конфликт между гражданским и этническим национализмом. Решить

этот конфликт можно путем усиления значимости гражданских идеалов в российском обществе и последовательных усилий по его консолидации, для чего целесообразно начать реализацию Государственной программы интеграции.

При этом региональная этнополитика должна быть тесно интегрирована с федеральной. Часть ответственности за гражданскую консолидацию должны взять на себя политические партии, общественные институты, которые также необходимо активно привлекать к реальной этнополитике, т. е. формирование нового облика российского общества есть не политический лозунг момента, проект отдельной политической партии или каких-то элитных группировок, — это должен быть общенациональный проект.

О. А. Пикулёва

Региональная модель социальной и культурной адаптации трудовых мигрантов (на примере Ленинградской области)

В статье представлен региональный опыт системного подхода региональных и муниципальных органов власти к социальной и культурной адаптации трудовых мигрантов из среднеазиатских стран исхода (Узбекистан, Таджикистан). Дается краткое описание результатов проекта «Школа для мигрантов «Вы приехали в Ленинградскую область», а также результатов социологического исследования, проведенного в регионе с целью выявления наличия межэтнической напряженности в муниципальных образованиях между местным населением и трудовыми мигрантами.

The article presents a regional experience of system thinking of regional and municipal authority to social and cultural adaptation of labor immigrants from the Central Asian countries (Uzbekistan, Tajikistan). There is a short description of project «School for migrants “You arrived to Leningrad region”» results and also results of sociological research conducted in the region in order to discover the existence of interethnic tension between local population and labor migrants in municipal units.

Миграционная составляющая на российском рынке труда, так же как и миграционная обстановка в регионах России, сегодня чрезвычайно динамична и зависит от многих факторов, в первую очередь от геополитической обстановки и экономического состояния региона.

По результатам проведенного нами в 2013 году социологического исследования ожидания населения от деятельности органов власти в сфере национальной политики, сводятся к двум направлениям:

- 1) контроль и регулирование миграции;
- 2) формирование комплексной программы, снижающей межнациональное и межконфессиональное напряжение в обществе, формирующей толерантность.

Ввиду динамичного изменения национального состава Ленинградской области, прежде всего из-за наполнения миграционных потоков, пересекающих регион, в том числе учитывая приток населения из восточных областей Украины, важной составляющей мероприятий в межнациональной сфере для органов исполнительной власти стало создание и совершенствование условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. В октябре 2013 года Правительство Ленинградской области разработало и приняло государственную программу «Устойчивое общественное развитие

в Ленинградской области на 2014–2016 годы», в рамках которой реализуется подпрограмма «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ленинградской области», одним из основных мероприятий которой является организация проведения мероприятий, направленных на социально-культурную адаптацию мигрантов в Ленинградской области.

Найти самую эффективную модель инкультурации мигрантов (полагаем сегодня обоснованным использовать этот термин для практики), по сути, еще не удалось найти ни одной стране мира. В этом сложнейшем процессе много культурных и политических нюансов и поэтому единственно правильных технологий, в общем-то не существует. Каждый регион имеет свою геокультурную специфику и потому должен выработать оптимальную для СЕБЯ модель инкультурации мигрантов.

Администрация Ленинградской области отработывает эту модель в поисках наиболее эффективных технологий и инструментов работы с прошлого года и сегодня уже ясно, что модель эффективного взаимодействия между субъектами в сфере миграционной политики требует вовлечения различных общественных институтов и всех уровней власти в систему активного сотрудничества.

Осенью 2013 года в 6 муниципальных районах области, наиболее приближенных к Санкт-Петербургу (Всеволожский, Выборгский, Гатчинский, Кингисеппский, Ломоносовский и Тосненский) комитетом по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области был впервые реализован пилотный проект «Школа мигранта «Вы приехали в Ленинградскую область». Это проект состоял из двух модулей — для муниципальных специалистов и для самих трудовых мигрантов.

Первый модуль был реализован для подготовки специалистов, работающих в сфере социально-культурной адаптации мигрантов (25 человек в каждом муниципальном районе), он включал в себя два блока:

- 1) проведение методических семинаров для специалистов. Программой было предусмотрено: обучение методике проведения занятий с мигрантами; обучение проведению интерактивных занятий по межкультурной коммуникации; разбор коммуникативно-языковых упражнений и культурных ассимиляторов;
- 2) издание методического пособия для специалистов «Школа мигранта «Вы приехали в Ленинградскую область», включающего в себя культурные ассимиляторы и методику проведения занятий «Вы приехали в Ленинградскую область». Важно отметить, что в рамках данного проекта были специально разработаны культурные ассимиляторы (представляют собой описание какой-то сложной ситуации, в которую попал представитель другой культуры; предлагается 4 варианта ответов с объяснением поведения и выходом из ситуации — один из вариантов правильный) для представителей народов Средней Азии.

Второй модуль был реализован для трудовых мигрантов. Он включал в себя три блока:

- 1) проведение интерактивных просветительских семинаров для мигрантов;
программой семинара было предусмотрено: предоставление информации, необходимой для адаптации в новых условиях; предоставление информации культурно-исторического и краеведческого характера о Ленинградской области и Санкт-Петербурге; ролевые игры: «Моя и чужая культура», «Как выйти из сложной ситуации и не попасть в нее», «Культурные ассимиляторы»; основы миграционного, административного, уголовного законодательства Российской Федерации;
- 2) проведение курсов русского языка для мигрантов;
- 3) издание справочника для мигрантов «Добро пожаловать в Ленинградскую область», содержащего информацию о Ленинградской области (ее истории, культуре и предприятиях); о правовых основах пребывания и трудовой деятельности в РФ; о местных традициях; о правилах поведения в общественных местах; сведения об учреждениях и службах (адреса, телефоны и др.); узбекско-русский, таджикско-русский и азербайджанско-русский разговорники.

Поскольку проект был пилотным, охват целевой группы мигрантов в рамках данного проекта был сравнительно небольшим — 50 человек в каждом районе-участнике, а всего, таким образом, было охвачено 300 мигрантов. Однако важным результатом данного проекта явилось то, что в процессе его реализации была проанализирована эффективность выбранных технологий, которые в этом году были скорректированы для достижения более высоких результатов с точки зрения эффективной инкультурации мигрантов и увеличения их численного охвата.

Этот проект продолжается в 2014 году, поставлена задача — увеличить в этом году охват целевой группы до 3000 человек. С этой целью были усовершенствованы формы работы с трудовыми мигрантами и увеличено число муниципальных районов-участников проекта.

Следует отметить, что в этом году в России появился новый вид временных мигрантов в Ленинградскую область, так же как в другие российские регионы, — с конца мая стали прибывать жители восточных областей Украины. И хотя проблем со знанием русского языка у данной категории мигрантов, как правило, не возникает, необходимо было продумать формы работы на муниципальном уровне по социальной адаптации украинцев, приезжающих в российские регионы и планирующих долгосрочное размещение, так как помимо проблем отсутствия у них материальных ресурсов, серьезной адаптационной проблемой является наличие посттравматического синдрома у прибывших из зоны боевых действий, что нельзя оставлять без внимания и корректирующей помощи специалистов.

В связи со всеми вышеперечисленными условиями в 2014 году мероприятия по социально-культурной адаптации мигрантов были разделены на два блока.

Первый блок можно назвать консультационным, поскольку в первом полугодии были организованы консультационные услуги для трудовых мигрантов в Выборгском, Всеволожском, Гатчинском, Ломоносовском, Кингисеппском, Тосненском районах и г. Сосновый Бор Ленинградской области. На территории этих районов в мае-июне работали мобильные консультационные пункты, специалисты которых на публичных встречах с мигрантами с участием переводчиков узбекского и таджикского языков разъясняли основы российского законодательства и оформления миграционных документов; пути решения социально-бытовых вопросов, в том числе здравоохранения, личной и общественной безопасности; правил и культуры общественного поведения.

Благодаря мобильному характеру выбранной технологии количество участников-мигрантов составило 1800 человек. Для организованного сбора мигрантов была осуществлена рассылка текста SMS-сообщений с кратким информационно-справочным содержанием по направлениям консультирования на узбекском и таджикском языках.

Кроме этого, для максимального информационного охвата были разработаны и распространены специальные памятки трудовому мигранту удобного формата (на узбекском и таджикском языках).

- Правила трудоустройства. Памятка содержит сведения о правилах въезда в Россию, миграционном учете, получении разрешения на работу, знаниях русского языка, медицинском страховании, адреса межрайонных отделов УФМС России по Санкт-Петербургу и Ленобласти;
- Правила общественного поведения. Памятка содержит информацию о принятых культурных нормах поведения в российском обществе, адреса межрайонных отделов УФМС России по Санкт-Петербургу и Ленобласти.

Во второй блок включен большой цикл мероприятий, направленных на социально-культурную адаптацию мигрантов в 7 районах Ленинградской области — как продолжение прошлогоднего проекта «Школы мигрантов «Вы приехали в Ленинградскую область». В их состав вошли:

- 1) Комплексный мини-курс русского языка для трудовых мигрантов, содержащий также занятия по освоению культурных норм и правил общественного поведения в России. Осуществлена закупка учебников русского языка для иностранных граждан (для использования в процессе занятий по обучению мигрантов русскому языку был выбран наиболее доступный для обучения учебник «Мы живём и работаем в России. Русский язык для трудовых мигрантов», автор А.В. Голубева) с дальнейшей передачей их в муниципальные районные библиотеки в районах-участниках проекта;
- 2) Организация пунктов оказания консультативных услуг по социальной адаптации граждан, прибывающих из восточных областей Украи-

ны. Планируется оказание социального и психологического консультирования, в первую очередь, детям, женщинам и пожилым гражданам, а также информирование о Ленинградской области, правовых аспектах и механизмах по вопросам проживания и трудоустройства, консультации с участием представителей УФМС, профильных комитетов Администрации Ленинградской области и Администраций муниципальных районов и городского округа Ленинградской области (по социальной защите, труду и занятости, здравоохранения, образования и т. д.);

- 3) Для органов местного самоуправления Ленинградской области разработаны практические рекомендации по организации работы в сфере социальной и культурной адаптации мигрантов в Ленинградской области (как в печатном, так в электронном виде).
- 4) Для мигрантов изготовлены более удобные виды информационной печатной продукции (карманного формата, а не книжного):
 - а) буклеты для трудовых мигрантов, включая разделы «О Ленинградской области», «Полезные адреса и телефоны», «Мини-разговорник».
 - б) для граждан, прибывающих из восточных областей Украины, — 3 вида буклетов: о способах саморегуляции в преодолении стресса; сведения о государственных учреждениях и службах помощи (адреса, телефоны и др.), включая вопросы социально-бытового и медицинского обслуживания.

Следует отметить, что органы местного самоуправления Ленинградской области принимают непосредственное участие в процессе адаптации и интеграции мигрантов. Именно на территории муниципальных образований мигранты живут и работают, вступая в сложную систему взаимоотношений с местным населением. Контроль за эффективностью проводимых мероприятий в районах осуществляет комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям, как «идеолог» и заказчик мероприятий, а также администрации муниципальных образований совместно с членами районных межнациональных советов, созданных в 2013–2014 годах при органах местного самоуправления Ленинградской области.

Сегодня очевидно, что все мероприятия органов власти в сфере социально-культурной адаптации мигрантов необходимо планировать с учетом индивидуальных особенностей каждой территории, социального настроения местного населения.

И именно поэтому в процессе реализации нашего проекта «Школа мигранта «Вы приехали в Ленинградскую область», для выявления наличия межэтнической напряженности в муниципальных образованиях между местным населением и мигрантами, в октябре-декабре 2013 г. в Ленинградской области впервые было проведено крупномасштабное социологическое исследование, охватывающее все муниципальные районы Ленинградской области.

В результате было выявлено, что отношение жителей Ленинградской области к мигрантам основано на этносоциальной дистанции по противопоставлению «своих» и «чужих» и обусловлено внешними поведенческими признаками «инаковости» — знанием русского языка и соответствием бытовым нормам социального поведения. Маркерами разделения жителей на «своих» и чужих» выступают язык, внешность, повседневные поведенческие практики, в некоторых случаях — длительность проживания на данной территории. Наиболее сложными с точки зрения «антимигрантских настроений» по вполне понятным причинам являются районы, приближенные к Санкт-Петербургу. Представляется важным отметить, что в данном случае не сами люди «неславянской» внешности, а их большее количество и консолидация в этнические группы являются раздражающим фактором для местного населения.

Определяя мигрантами в основном выходцев из Северного Кавказа и республик Средней Азии, респонденты назвали ряд причин формирования негативного отношения к приезжим из этих регионов.

Так, среди качеств мигрантов, вызывающих антипатию местного населения, на первом месте — несоблюдение норм поведения, принятых в России (36%). На втором месте — неприятная манера поведения — вызывающее/хамское поведение на словах (27%) и прямая агрессия в поведении (24%). Далее: нарушение закона — обман, воровство, подозрение в насилии любого рода (10%), внешняя неопрятность (8%), способность на жестокое поведение и насилие (7%), властное, самоуверенное поведение (7%), нежелание учить русский язык (6%).

Выявленные поведенческие маркеры неприятия мигрантов со стороны резидентов территории определяют сегодня настоятельную необходимость всем лидерам национальных землячеств, общин активно включиться в работу по культурному просвещению и образованию своих земляков. Для всех нас сегодня особенно важны мир и согласие в нашей стране, и критично важно не допустить взаимного неприятия по признаку национальности.

Очевидно, что все мигранты сталкиваются с трудностями при взаимодействии с представителями другой культуры, вхождение в новую культуру всегда является серьезным стрессом для человека. В нашем исследовании ряд респондентов указали на тот факт, что смена традиционной среды на новую зачастую сопровождается девиациями в поведенческих практиках трудовых мигрантов (в частности, алкоголизация мусульманской молодежи). Переезд из регионов с мусульманской культурой ведет порой к нарушению традиционных запретов.

Представляется интересным отметить выявленную в результате проведенных фокус-групп наиболее часто встречающуюся точку зрения — уважение традиций, культуры и верований приезжих возможно только в том случае, если сами приезжие будут вести себя уважительно по отношению к местному населению. При этом к механизму ожидания «первого шага»

(местные жители ожидают «поклона», мигранты — «признания») добавляется уточнение, каким должен быть первый шаг — это демонстрация дружелюбия / уважения со стороны приезжих. Отсутствие ее оценивается как агрессия, неуважение, высокомерие. Таким образом, поведенческие маркеры являются превалирующими в формировании негативного впечатления о мигрантах, что подтверждает необходимость включения сегодня всех ресурсов национальных и религиозных организаций по культурному просвещению граждан, приезжающих из регионов и стран с другими культурными традициями.

Конечно, ключевым условием для успешной адаптации мигрантов является знание языка носителей новой культуры, которое не только уменьшает чувство беспомощности и зависимости, но и помогает заслужить доверие местного населения. И конечно, очень важным фактором является установление дружеских отношений с местными жителями. Так, мигранты, имеющие друзей среди местных жителей, познавая правила поведения в новой культуре, имеют возможность получить больше информации о её нормах, правилах и ценностях.

При этом понятно, что взрослым мигрантам гораздо труднее обрести друзей среди представителей местного населения, нежели детям и подросткам, в силу не только их постоянной рабочей занятости, но и настороженно-негативного отношения местного населения по отношению к ним. В итоге взаимное неприятие значительно затрудняет адаптацию мигрантов, способствует консервации внутри собственной субкультуры и минимизации контактов с местным населением, что создает замкнутый круг.

Сегодня для обеспечения эффективной инкультурной адаптации мигрантов в современном российском обществе необходимо выполнение двух главных условий:

во-первых, это готовность принимающей стороны — местного населения равноправно взаимодействовать в повседневной практике с трудовыми мигрантами, на основе понимания неизбежности глобализации постсоветского пространства России (как и всего мира), важности мироопределяющей стратегии понимания и уважения «чужих» культурных традиций;

во-вторых, готовность трудовых мигрантов изучать русский язык, культурные правила и нормы поведения в российском обществе.

Европейский опыт со всей очевидностью демонстрирует нам сегодня, что процесс социальной и культурной адаптации мигрантов — это дорога с двусторонним движением и наиболее эффективной практикой снижения напряженности в этой сфере является опыт непосредственного взаимодействия представителей разных этнических групп в процессе совместной учебы, работы, проведения досуга. Поэтому наша общая задача — разъяснять, пропагандировать, культурно просвещать не только мигрантов, но и наше население.

Ким Хе Чжин

Культурная адаптация и особенности этнического самосознания русскоязычных корейцев, проживающих в Республике Корея

В последнее время усиливается приток иностранцев, желающих учиться, работать или создать семью в Корее. Среди них присутствуют зарубежные этнические корейцы. Исследование ставит задачу понять и проанализировать, кем ощущают себя русскоязычные корейцы, проживающие в настоящее время на исторической родине, как влияет опыт прибывания в Корее на их жизнь и этническое самосознание и какова степень адаптации к условиям данной среды.

Recently the influx of foreigners who wish to study, work or make a family in Korea has been increasing. There are ethnic Koreans overseas, including Russian speaking Koreans. The study aims to understand and analyze, who they feel themselves living in the historical homeland, how the experience of stay in Korea influences on their lives and ethnic self-consciousness, and how they adapt themselves to the new surroundings.

С наступлением эпохи глобализации увеличивается миграционная активность, а виды и характеристики миграции становятся более разнообразными. Это явление наблюдается и в Республике Корея. Уровень оттока населения из больших городов в провинции превышает уровень притока, что связано с переводом государственных учреждений из Сеула в такие города, как Тэчжон и Сечжон, а также с тенденцией к возвращению людей в родные города или в деревни, особенно заметной среди старшего поколения. Эмиграция корейцев за рубеж продолжается, но в последнее время усиливается приток иностранцев, желающих учиться, работать или создать семью в Корее. Среди них присутствуют зарубежные этнические корейцы. Корейское правительство предоставляет специальную визу F-4 зарубежным корейцам, чтобы они дольше работали на родине. Со временем увеличивается численность проживающих в Республике Корея мигрантов — этнических корейцев из России, Средней Азии и Казахстана.

Сейчас корейцы наиболее компактно проживают в Узбекистане (173 832 чел.) и Казахстане (105 483 чел.), а в России относительно плотно живут на Дальнем Востоке (41 011 чел.) и Сахалине (24 768 чел.) (МИД Республики Корея). Независимо от места жительства многие русскоязычные корейцы переселяются на историческую родину. По цели переселения в Корею мигрантов можно разделить на несколько групп. Так, молодые люди приезжают в Корею в основном за высшим образованием: фонд зарубженных корейцев и Корейское агенство международного сотрудничества предоставляют мо-

лодым зарубежным корейцам степени для обучения в корейских вузах. Вторую группу составляют рабочие, которые получают визу для зарубежных корейцев, отличающуюся по сроку действия от виз для иностранных рабочих или туристов. Последняя группа — репатрианты. Это — корейцы, мобилизованные Японским правительством в южную часть Сахалина в первой половине XX века, и их потомки. Сахалинские корейцы не прекращали усилий вернуться на родину, и создавали для этого различные организации. С конца 1980-х годов, когда наступило время гласности и перестройки, процесс репатриации наконец сдвинулся с мертвой точки. Первое поколение сахалинских корейцев, родившееся до 15 августа 1945 г., получило право на репатриацию. Корея и Япония совместно построили квартиры и санатории для репатриантов с Сахалина в Сеуле, Чунчхоне, Ансане, Инчхоне и др. С 1992 г. процесс репатриации начался, и в настоящее время более 4 000 сахалинских корейцев вернулись в разные города Кореи.

Исследование ставит задачу понять и проанализировать, кем ощущают себя российские корейцы, проживающие в настоящее время на исторической родине, как влияет опыт прибывания в Корею на их жизнь и какова степень адаптации к новым условиям среды проживания.

В настоящее время существует несколько исследований, объектом которых является русскоязычные корейцы, проживающие в Республике Корея. Таковы, например, работы Кён Сук Ким и Ын Хи Лим, «Эффект группового лечения садоводством для эго-интеграций сахалинских репатриантов» // Психоздоровье и Общественная Работа, 2012 г. Т. 40, № 1; Сон Чжон Ким, «Процесс обсуждения репатриатской политики сахалинских корейцев» // Исследования Северо-западной Азии, 2009 г. № 50; Чжэ Сун Чжо, «Повседневная жизнь и быт сахалинских репатриантов» // Корейское Научное Общество Жилища, 2009 г. Т. 20, № 4; Кенг Хак Ким, «Переселение средазиа́тских корейцев в Республику Корею и их обустройство: «Кореин Маыл» города Кванчжу» // Исследование международных регионов, 2014 г. Т. 17, № 4; Ён Сим Ли и Чжон Син Чой «Жилищные условия и быт российских корейцев, проживающих в Республике Корея — Анализ жилищных планов для трудовых мигрантов — российских корейцев в Корею. Корейцы в СССР» // Корейское общество семьи, 2008 г. Т. 46, № 8 и др. Объектом некоторых вышеупомянутых исследований были сахалинские репатриаты. Другие исследователи, особенно политики, рассматривают жизнь корейцев из России или Средней Азии на исторической родине с точки зрения миграционной политики.

В связи с малоизученностью данной темы автор посчитал целесообразным обратиться к анкетному опросу. Используемая в исследовании анкета состоит из двух частей: 1) вопросы, связанные с этническим самосознанием, и уровнем знаний об исторической родине; 2) вопросы, связанные с жизнью в Корею, степенью адаптированности и отношением к местным корейцам.

Методы исследования. Опрос проводился с 2013 г. по настоящее время. Нужно отметить, что автор проанализировал лишь часть из всех анкет, собранных до настоящего времени в рамках данной работы. В опросе приняли участие всего 77 человек в возрасте от 14 до 64 лет. Опрос проводился в основном в Сеуле и Ансане (провинция Кёнгидо). Анкета включала 35 вопросов, как закрытых, так и открытых. В случае большинства закрытых вопросов, респонденту предлагалось выбрать из нескольких вариантов ответа один, который наиболее соответствовал его мнению, или указать иной ответ. Несмотря на то, что многие респонденты не ответили на открытые вопросы по разным причинам, полученные ответы отражают существующие у респондентов мнения.

Общая характеристика респондентов. Всего было опрошено 77 человек, среди которых 61 чел. (около 80%) из Средней Азии (в частности, из Узбекистана), 14 чел. (18%) из разных регионов России (Приморский Край, Сахалин, Томск, Кабардино-Балкария). Кроме Средней Азии и России в опросе приняли участие респонденты из Украины и Беларуси. Среди опрошенных 41,5% (32 чел.) мужчин, 58,4% (45 чел.) женщин. По полу и возрасту опрошенные разделяются на следующие группы:

- 1) 13 чел. от 14–19 лет (1 мужчина, 9 женщин);
- 2) 20 чел. от 20–29 лет (10 мужчин, 10 женщин);
- 3) 20 чел. от 30–39 лет (10 мужчин, 10 женщин);
- 4) 10 чел. от 40–49 лет (5 мужчин, 5 женщин);
- 5) 10 чел. от 50–59 лет (5 мужчин, 5 женщин);
- 6) 4 чел. больше 60 лет (1 мужчина, 3 женщины).

Чтобы выявить разнообразие характеристик респондентов, им были заданы вопросы об их образовании, нынешнем роде занятий, семейное положение и вероисповедании.

Несмотря на то, что около половины респондентов не отметило род своих занятий, можно констатировать, что опрошенные работают в различных сферах: школьники и студенты, а также учителя и преподаватели, менеджеры, бухгалтер, бизнесмены, пастор и т. д.

70% опрошенных считали себя верующими, 17% — неверующими. Кроме одного буддиста, верующие обозначили свое вероисповедание как «христианское», назвались православными 15 чел., протестантами — 38 чел. Причина большого количества протестантов в том, что часть опроса проводилась в церквях корейских протестантов. Количество протестантов среди российских корейцев увеличивается в связи с активной и успешной миссионерской деятельностью корейских церквей в России и Средней Азии. Сначала российские и среднеазиатские корейцы посещали корейские церкви в основном для контактов со своими соотечественниками, из любопытства или из интереса к корейцам с исторической родины, а также из стремления выучить корейский язык, но со временем многие из них стали настоящими верующими, среди них появились даже пасторы.

Показатели этнического самосознания и знаний об исторической родине. В анкете был задан ряд вопросов о степени знания корейской истории, корейского языка и отношении к нему, о соблюдении корейских обычаев и др.

Подавляющее большинство (более 92%) респондентов ощущает себя корейцами. Национальность родителей оказывала важное влияние на их этническое самосознание. У большинства респондентов (более 88%) родители — корейцы. Около 5% респондентов родились в смешанном браке, среди родителей кроме русских есть казахи, узбеки. Но этот факт не сильно влияет на их осознание себя корейцами. Интересно, что некоторые, хотя и немногие, респонденты не считают себя корейцами или затрудняются определить свою этническую принадлежность после приезда в Корею, хотя раньше, проживая в России или старнах СНГ, они считали себя корейцами. Опираясь на результаты других опросов, можно заключить, что у этих респондентов имеются проблемы с адаптацией на исторической родине. Одним из них не нравится жизнь в Корее, они ощущают себя «аутсайдерами», независимо от срока проживания в ней, и не хотят оставаться в Корее или рекомендовать своим знакомым жить здесь. Они считают местных корейцев иностарнцами либо лишь партнерами по бизнесу. Другим нравится жить в Корее и их отношения с местными корейцами хорошие, но все-таки они испытывают проблемы с самоопределением. Однако есть и обратные случаи. Некоторые не ощущали себя корейцами раньше, начали считать себя корейцами после миграции в Корею. Им более комфортно в среде людей одной с ними этнической принадлежности, хотя язык и культура в Корее другие.

Также интересно, что этническое самоопределение мигрантов не совпадает со знанием корейского языка, несмотря на то, что язык является одним из объективных факторов, оказывающих влияние на этническую идентификацию. Лишь около 5% респондентов может свободно говорить по-корейски, 41,56% опрошенных — несвободно, но может общаться с местными корейцами. 50,65% респондентов знают лишь некоторые слова и выражения корейского языка, 1,3% совсем не знают. До приезда в страну менее 4% свободно говорило по-корейски, а более 75% плохо знали или совсем не знали корейский язык. Таким образом, данные опроса показывают, что знание родного языка не всегда совпадает со степенью этнического самосознания, а также что корейский язык несет скорее символическое значение для российских корейцев, чем практическое.

Далее, в анкете был задан следующий вопрос: знаете ли Вы свой бон (или пон, происхождение фамилии)? Одним из важных знаний, которое корейские родители обязательно передают своим детям, является «бон», указывающий на название места, из которого произошел род или семья. «Бон» — дополнительная характеристика отношений людей, определяющая родственники они или нет. Значительное количество (67,53%) от общего числа опрошенных знает свой бон. К тому же знание о своем «бон» не различается по возрастным группам.

До приезда в Корею большинство респондентов не знали хорошо историю, обычаи и современную культуру Кореи. Лишь незначительное число хорошо знали корейскую историю (менее 4%), обычаи (около 8%), современную культуру (около 8%). Они приобрели эти знания в первую очередь через родителей или родственников. Среди респондентов, знающих корейский язык, около 40% усвоило его от родителей, около 26% — в школе или ВУЗе, около 25% — через специальные программы корейских организаций. Что касается современной культуры, то мигранты они узнавали о ней через художественную литературу или кино (около 30%), через СМИ (около 20%). Таким образом, совершенно очевидно большее влияние родителей на знакомство с элементами национальной культуры по сравнению с такими институтами социализации, как учебные учреждения, специальные программы различных организаций.

В отличие от корейской истории корейская кухня более устойчиво сохраняется в семьях российских корейцев. Пища — это тот элемент материальной культуры, в котором больше других сохраняются традиционные черты, с ним заметнее всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время это явление повседневное, связанное с другими аспектами жизни и отражающее взаимоотношения людей, нормы и формы их поведения, традиционные для данного общества (Арутюнов и Воронина 2001: 10). Как видно из рисунка 1, свыше половины респондентов в семье готовят корейские блюда.

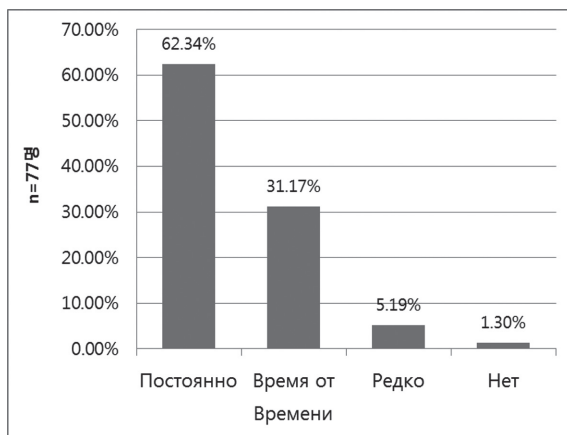

Рис. 1. Готовят ли у Вас в семье корейские национальные блюда?

Большинство опрошенных также стараются следовать корейским обычаям. Среди корейских обрядов и обычаев наиболее отмечаются «Толь — годовщина ребенка» (88,31%), «Хвангаб» — 60-летие (74,03%). Также похороны, «Чеса» — поминальная обрядность, соблюдается значительной частью респондентов (более 45% по каждому), а «Пэкил» — 100 дней ребенку и «Кохи» — 70-летие соблюдают меньше респондентов (около 17% и около 6,5% соответственно).

Таким образом, хотя степень влияния родителей разная по отдельным вышеуказанным компонентам национальной культуры, роль семьи, как источника знаний об исторической родине и традиции, безусловно, устойчива.

Степень адаптированности к жизни в Корее. Больше половины респондентов приехали в Корею по экономическим причинам (рис. 2). Молодые респонденты приехали в основном для учебы. Доля респондентов приехавших для бракосочетания с корейцами меньше. Среди других причин назывались семейные обстоятельства, желание увидеть историческую родину и познакомиться с корейцами.

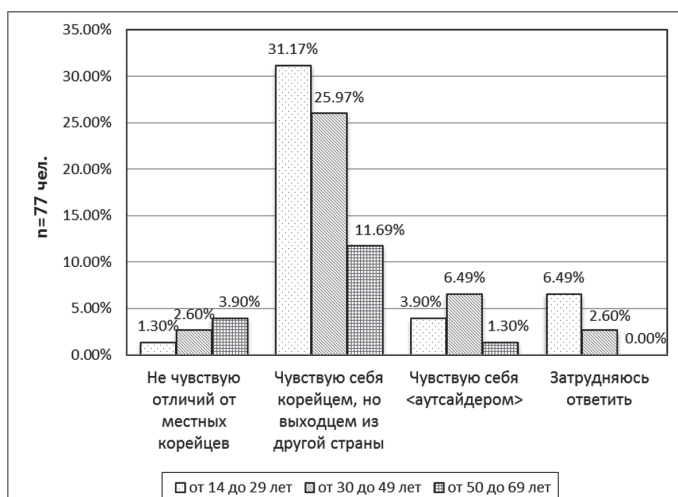

Рис. 2. По какой причине Вы приехали в Корею?

Вероятно, что у респондентов, независимо от причин миграции, был определенный выбор места проживания. Поэтому в опросном листе присутствовал вопрос «Почему вы выбрали именно Корею в качестве места проживания?». Более 40% респондентов выбрали Корею из-за интереса к Корее, ее

культуре, истории, около 25% — по совету близких людей. Более 6% приехали в Корею потому, что их специальность в ВУЗе была связана с Кореей. Давались также такие ответы, как возможность заработать или хороший заработок, легкость получения визы, по правительственной корейской программе или стипендии, для объединения семьи, просто нравится страна, не было выбора.

Более половины опрошенных приехали в Корею одни. Около 35% респондентов — с семьей или родственниками. При этом здесь не всегда имеется в виду целая семья. Некоторые приехали с всеми членами семьи, другие — с частью семьи. Более 6% приехали с друзьями.

Более 40% участников опроса живут в Корее 1–3 года. Около 27% — менее года, около 16% — больше 5 лет. В анкете был задан вопрос: «Оцените степень своей адаптированности к жизни в Корее по 10-балльной шкале (от 0 до 10-ти)». Свыше половины оценило степень своей адаптированности к жизни в Корее более чем на 5 баллов. 4 человек считает, что они адаптированы к жизни здесь на 100%. Языковой барьер является наиболее сложной проблемой при адаптации для большинства респондентов (около 80%). За ним следуют различия в культуре и в нормах общественного поведения (35%), недоброжелательное отношение местных корейцев к этническим корейцам из-за рубежа (14%), дискриминация со стороны местных жителей (12%), кухня (5%).

Ряд ответов на следующие вопросы доказывают, что срок проживания в Корее и степень адаптированности к жизни в ней не оказывают влияния на уровень удовлетворенности жизнью и желание остаться в Корее или рекомендовать своим знакомым жить в этой стране.

Большинству (87%) респондентов нравится жить в Корее. Больше всего им нравятся условия жизни, например высокий уровень жизни, инфраструктура, законы, дисциплина, качество медицинского обслуживания, возможность зарабатывать или хороший и стабильный заработок, система образования и обучения, удобства жизни, сервис, обслуживание в общественных местах. То есть им удобно жить. Два респондента ответили так: есть все для жизни, все можно купить. Респондентам также нравится стабильность, уклад жизни, быт, обычаи, порядок, безопасность, чистота, красивая природа, еда, круг общения, свобода действий, люди. Некоторые ответили, что им все нравится.

С другой стороны, им не нравится в первую очередь климат и погода (высокая влажность летом). Если положительные качества жизни в Корее больше всего связаны с условиями жизни, то отрицательные связаны с отношениями. Например, многие указывали, что им не нравится дискриминация или недоброжелательное отношение местных корейцев к корейцам из других стран или к иностранцам. 5 респондентов указали в ответе на этот вопрос, что плохо к ним относятся просто «корейцы». Учитывая, что среди отрицательных качеств местных корейцев назывались такие, как лице-

мерие, нетерпимость, менталитет, обычаи, становится понятно, что многие корейцы из стран СНГ испытывают проблемы или неудобства в отношениях с местными корейцами в Корее. Кроме этих ответов среди отрицательных черт жизни в Корее назывались быстрый темп жизни, повседневная суета, напряженный рабочий график, отличающаяся культура, некоторые блюда, отсутствие близких, то, что люди много работают или много пьют.

Проблема отношений с местным корейцами отражается в ответах на другой вопрос: «Как вы ощущаете собственное положение в Корее?» Около 69% опрошенных чувствуют себя корейцами, но выходцами из другой страны. Около 12% чувствуют себя «аутсайдерами», и примерно 8% не чувствуют отличий от местных корейцев.

Несмотря на существование таких отрицательных черт, примерно половина опрошенных хотели бы остаться в Корее при возможности, и этот процент особенно высок в группе от 20–29 лет. Также свыше 67% опрошенных рекомендовали бы своими знакомым жить в Корее.

Отношения к местным корейцам. Как уже отмечалось, отношения с местными корейцами является сложной проблемой в жизни корейцев из стран СНГ. По мере увеличения контактов с соотечественниками возникают и непонимание, расхождения, конфликты. Существование отличий между корейцами даже внутри бывшей территории СССР неизбежно, так как корейцы, проживавшие в различных местах с разным климатом и окружающей природной средой, в непростых и не одинаковых исторических условиях, безусловно, имеют неодинаковые понятия о допустимом и должном в повседневной жизни. В анкете был поставлен ряд вопросов, касающихся отношения к местным корейцам.

Большинство (88,3%) опрошенных чувствуют разницу между корейцами разных стран. В связи с этим в анкете был задан следующий вопрос в открытой форме: «Если Вы считаете, что отличия между ними есть, то в чем они проявляются?» Хотя не много респондентов ответило на этот вопрос, полученные ответы довольно многообразны. 23,38% участников считают, что отличия между ними проявляются в менталитете, около 20% опрошенных — в культуре, и 9% — в поведении и манерах. Кроме этих отличий существуют такие различные мнения относительно отличий между группами корейцев, как 1) в воспитании; 2) характере; 3) в образе жизни и в быту; 4) в соблюдении традиций и обычаев по местам исхода; 5) в стиле разговора (акценте, интонации, лексике); 6) в мировоззрении, мышлении, ценностях; 7) во всем.

Наряду с этим, перед респондентами был поставлен другой вопрос, об отношении к местным корейцам. Значительное число (менее 40%) опрошенных затруднились ответить, как они воспринимают местных корейцев. Лишь около 29% считают их близкими соотечественниками, 23% — просто иностранцами, около 5% опрошенных — только партнерами в бизнесе. Остальные не ответили или выразили другие мнения. Один респондент ответил что они — работодатели.

Также в опросном листе был вопрос, ориентированный на выяснение оценки самими корейцами из России и Средней Азии положительных и отрицательных черт корейского народа. Представление о чертах своего народа является одним из факторов этнического самоопределения. Хотя не все опрошенные корейцы сочли возможным дать ответ на вопрос о позитивных и негативных чертах национального характера российских корейцев, но среди полученных ответов можно обнаружить некоторые закономерности. На первое место среди положительных черт большинство ставит трудолюбие, доброжелательность, вежливость и уважение к старшим. Трудолюбие является характерной чертой для корейцев как раньше, так и сейчас. Кроме этого, встречаются такие разнообразны черты, как приветливость, отзывчивость, пунктуальность, порядочность, воспитанность, гостеприимство, законопослушность и т. д.

В качестве отрицательных черт многие корейцы перечислили замкнутость или скрытость, высокомерность, лицемерие. Кроме того, назывались эгоизм, жадность, предвзятость, ограниченный кругозор, хитрость, меркантильность и т. д. Интересно, что есть такие противоположные ответы, как сдержанность и несдержанность, открытость и закрытость, уважительное отношения и неуважение к людям, терпимость и нетерпимость, воспитанность и невоспитанность.

Заключение. Таким образом, мы рассмотрели отношение большинства корейскими иммигрантов из стран СНГ к различным сторонам жизни в Корее. Хотя у респондентов был довольно низкий уровень знания корейского языка, истории и культуры исторической родины, большинство из них ощущает себя корейцами. Результаты опроса показывают, что корейские национальные черты более всего проявляются и в соблюдении обычаев и кухне.

Проживая на исторической родине, многие корейцы из России и Средней Азии не могли не встретиться с такими разнообразными проблемами, как другой климат, языковой барьер, несхожесть культуры. Они ощущают отличия между собой и местными корейцами, особенно в менталитете, поведении, нормах. Некоторые испытывают со стороны окружающих негативное отношение или неприятие. Расширение знакомств с соотечественниками не всегда означает близость с ними.

Миграция корейцев из стран СНГ в Корею продолжается и в настоящее время. Процесс миграции, адаптация к новой среде, быстро изменяющиеся обстоятельства на исторической родине могут, с одной стороны, укрепить этническое самосознание, а с другой стороны, наоборот, вызывать хаос идентичностей и антипатию к родине. Судя по полученным данным, вместе с первым вариантом второй вариант представляется все более возможным несмотря на возрастающие контакты с соотечественниками. Для предотвращения этого необходимы более цивилизованное отношение корейского общества к зарубежным корейцам и их поддержка со стороны корейского правительства, в том числе через принятие соответствующих законов.

Литература

- Состояние зарубежных корейцев* // МИД Республики Корея. URL: http://www.mofa.go.kr/travel/overseacitizen/index.jsp?mofat=001&menu=m_10_40 (дата обращения: 27.02.2015).
- Ким Кён Сук, Лим Ын Хи.* Эффект группового лечения садоводством для эго-интеграций сахалинских репатриатов // Психо-здвоохранение и Общественная Работа, 2012. Т. 40. № 1.
- Ким Сон Чжон.* Процесс обсуждения репатриатской политики сахалинских корейцев // Исследования Северо-западной Азии, 2009. № 50.
- Чжо Чжэ Сун.* Повседневная жизнь и быт сахалинских репатриатов // Корейское Научное Общество Жилища, 2009. Т. 20. № 4.
- Ким Кенг Хак.* Переселение средазиатских корейцев в Республику Корею и их об-устройство: «Кореин Маыл» города Кванчжу // Исследование международных регионов, 2014. Т. 17. № 4.
- Ли Ён Сим, Чой Чжон Син.* Жилишные условия и быт российских корейцев, проживающих в Республике Корея — Анализ жилищных планов для трудовых мигрантов — российских корейцев в Корею. Корейцы в СССР // Корейское общество семьи, 2008. Т. 46. № 8.
- Традиционная пища как выражение этнического самосознания.* // под ред. Арутюнова С. А., Ворониной Т. А. — М., 2001.

L. V. Popova, S. F. Sutyurin, I. A. Korgun

Russia's Accession to the World Trade Organization: Public Perception of Possible Repercussions for Russian- Korean Economic Cooperation¹¹

Вступление России во ВТО — значимое событие. Но какое влияние оно окажет на экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и её зарубежными партнерами? Либерализация торговли, являющаяся ключевым компонентом обязательств, которые берут на себя страны, вступающие в ВТО, традиционно подразумевает создание дополнительных торговых потоков между новым участником и остальными членами международного сообщества. Однако отношения с отдельными торговыми партнерами могут различаться и варьироваться от более тесных до сокращенных. Для исследования траекторий экономического сотрудничества между Россией и Кореей в общем экономическом контексте зависит во многом от решений отдельных коммерческих субъектов, авторы проводили интервью с российскими и корейскими экспертами в академических и деловых кругах, с государственными служащими и журналистами. Результаты этих интервью приведены в данном исследовании и содержат интересные (часто уникальные) данные, способные помочь России и Корее лучше понять перспективы сотрудничества, а также позволяющие сделать более широкие обобщения о потенциальном влиянии членства в ВТО на сотрудничество между странами.

Russia's accession to the WTO is a significant event, but what impact will it have on economic collaboration between the Russian Federation and its foreign partners? Trade liberalization, a key component of commitments made by countries entering the WTO, is traditionally expected to generate extra overall trade flows between the newcomer and the rest of the international community. Yet relations with individual trading partners might differ, ranging from above-average growth to contraction. To investigate trajectories economic collaboration between Russia and Korea, that in a broader economic context largely depends upon decisions of individual commercial actors, authors interviewed Russian and Korean experts in academic and business communities, civil servants, and journalists. Outcomes of these interviews are given in this study and provide interesting (often unique) data that might help Russia and Korea to understand better prospects of bilateral cooperation as well as allow to make broader generalizations about the potential influence of WTO membership on cooperation between countries.

¹¹ This research was supported by the grant from Academy of Korean Studies AKS-2012-R-44.

Introduction

On November 10, 2011, the Working Party for Russia's WTO accession unanimously approved a set of documents defining commitments by the country within the World Trade Organization. One month later, on December 16, the Eighth Ministerial conference of the WTO (the highest decision-making body) again unanimously decided to accept Russia as a member. It was an end of a long accession process that at certain stages seemed almost hopeless or almost infinite in duration. In July 2012, the Federal Assembly of Russian Federation ratified the agreements and president signed the law "On ratification of the Protocol of accession of the Russian Federation to the Marrakesh agreement Establishing the World Trade Organization." After these important steps were made and the WTO was notified, on August 22, 2012 Russia became the 156th member of this international economic organization.

Many representatives of academic and business communities perceived Russian WTO membership as an important event with potentially serious effects on various aspects of economic collaboration between Russia and its foreign partners. Overall, trade liberalization (a cornerstone of commitments made by countries acceding to the WTO) is traditionally expected to generate extra overall trade flows between a newcomer and the rest of international community. At the same time, specific relations with individual trading partners might not automatically follow one path; we might eventually observe variation, from higher than average growth with some partners and contractions with others from a "trade diversion" effect. This paper explores one case: economic cooperation between Russia and South Korea (further Korea).

To investigate the concrete issue of Russian and Korean perceptions, and how they relate to existing institutions and the possibility of institutional change and new opportunities afforded by Russia's joining the WTO, the authors interviewed Russian and Korean representatives of academic and business communities, civil servants, and journalists who study cooperation between the two countries.

Theoretical background

This study explores perceptions of relevant actors as a corrective to other economic analyses that take business strategies and practices as fairly automatic responses to institutional contexts and costs/benefits. If specific trajectories of economic performance depend largely on decisions made by individual commercial actors, what guides these decisions? Immediate costs and benefits shaped by existing laws and institutions are part of the story, but business actors' own interpretations and expectations of how formal rules will be implemented and what kinds of outcomes are reasonably foreseen—which are anchored in past experiences and in part in frames of interpretation—also guide decisions, given bounded rationality of information costs and of human cognition (Simon 1997; Tversky and Kahnemann 1974, 1981; Williamson 1975, 1985).

All this seems relevant to possible repercussions of Russia's WTO accession on Russian-Korean economic cooperation. We suggest that we cannot simply presume the perceptions of relevant actors—in our case, Russian and Korean commercial actors and those who might inform or advise them—are mere extrapolations from institutional contexts and structural locations. Perceptions might be initially shaped by experiences and observations of institutional constraints (or problems), but perceptions have a stickiness to them, as they are shaped by past experiences and social learning and individuals tend to anchor expectations disproportionately on past experiences (Beltrán and Hass 2010). Thus, we suggest that perceptions about the present and future state of economic relations—in this case, Russia's entry into the WTO and Russian-Korean relations—should be open to empirical investigation. The authors interviewed Russian and Korean relatively large group of both Russian and Korean experts. This follows in the tradition in English-language and Russian scholarship using survey data to ascertain relevant actors' perceptions and expectations, and from there to make sense of what their strategies might be (Dolgopiatova 1995, 1996; Boeva, Dolgopiatova and Shironin 1991; Zimmermann 2005, 2009).

We used several theoretical assumptions and hypotheses as a basis for compiling the questionnaire. First, the bulk of existing literature in international economics usually argues that in general, various gains from trade exceed the costs of trade liberalization. In other words, the latter is expected to bring a positive net welfare effect, and expansion of trade should be treated as a win-win rather than a zero-sum game (WTO 2008, 27–80).

Second, the link between international trade (especially in goods) and international investments (primarily foreign direct investments/FDI) has been actively discussed by those specializing in international economics and international business (Antras and Caballero 2007; Vernon 1966). Under certain conditions, existing (even growing) tariff and non-tariff barriers to trade might provide extra incentives for investments and vice-versa. It is precisely from this perspective that export and FDI are frequently perceived as alternative foreign market entry strategies. At the same time, in many instances trade liberalization tends to generate additional opportunities for foreign investment, which in turn could stimulate extra trade flows. In this sense, foreign trade and FDI complement each other. The probability of a “complementarity scenario” appears higher in the case of a more long-term and more comprehensive macroeconomic approach to analysis.

Third, in contrast to its predecessor, GATT, the World Trade Organization provides legal coverage for a broader scope of issues. In addition to trade in goods, its current mandate includes trade in services, certain aspects of intellectual property rights, and investments (Hoekman and Kostecki, 2001). A newly acceding country (i.e. Russia) might expect growth in FDI inflows, which results from three factors: 1) A more stable, transparent, and predictable business environment constituted by accession commitments; 2) Liberalization of trade in services in line with GATT provisions, which is twice as significant if we consider that the major share

of services traded internationally is supplied to customers via so-called mode 3, “commercial presence”, i.e. via different forms of subsidiaries established abroad by mother-companies; 3) Better protection of intellectual property rights according to norms and procedures of TRIPS. Indeed, many potential investors (especially from high-tech industries) in previous years cited insufficient protection of property rights as one of the main barriers to large scale FDI projects in Russia.

Fourth, from its very first years WTO officials and many independent academics have expressed concerns over the uneasy coexistence of multilateral and regional tracks of trade liberalization (WTO 2011, 164–198; Baldwin 2010). Similar to the link between trade in goods and FDI, the connection between the regional and the global appears to be ambiguous. Theoretically speaking, both tracks complement each other with the same strategic goal of ensuring that trade is as smooth, predictable, and free as possible. Meanwhile, the actual performance of the international trading system does not always fit this ideal pattern. Many experts argue that the recent proliferation of preferential trade agreements (PTAs) presents serious challenges to successful implementation of Doha round negotiations. Under such circumstances, intra-PTA trade might expand at the expense of inter-PTAs. This issue looks relevant to Russian-Korean trade, as the Russian Federation over the last decade has paid close attention to “reintegration” of some former Soviet republics. The formation of a customs union between Russia, Belarus, and Kazakhstan is the most tangible result of these efforts. The Republic of Korea (South Korea), in its turn, has also actively participated in several regional initiatives.

Fifth, proponents of the paradigm of international political economy constantly emphasize that economic collaboration between members of the global community represents just one, albeit very significant, dimension of international cooperation in its broad sense. The general character and content of political, cultural, and scientific interstate relations constitute more than a mere neutral background for commercial interactions. Non-economic factors actively influence current trends and future prospects (Walter and Sen 2009).

Public perceptions about Russian-Korean cooperation: analysis of survey

Empirical data at the heart of this article were obtained from a survey of Russian and Korean respondents, as well as face-to-face interviews with leading experts from both countries. The purpose of the survey was to obtain an assessment on how Russia's accession to the WTO might affect the prospects of bilateral economic relations. The study also addresses the questions of what sectors and areas should expect an increase in business activity? How do Korean entrepreneurs and experts evaluate the initial results of economic integration between Russia, Belarus, and Kazakhstan under the Customs Union? According to Korean experts, in what direction will the international trading system develop—towards further regional integration or liberalization on a multilateral basis?

The survey was conducted from November, 2012 to March, 2013 in two Russian metropolitan areas, Moscow and St. Petersburg, and in two Korean cities, Seoul and Incheon. The sample included representatives of various social groups—scholars, business people, media representatives, and civil servants — which allowed a more comprehensive assessment of ongoing international processes in general, Russian-Korean economic cooperation in particular (table 1). The sample size was around fifty respondents, representing a high percentage of the overall number of experts in both countries in international trade and Russian-Korean relations. (In each country, the number of such experts is about 100 people.) The majority of Korean and Russian respondents are people involved in promoting bilateral relations either at the governmental level, or at the level of business entities and academic institutions. Respondents included Russian Federation Ambassador in South Korea and the Korean Consul General in St. Petersburg.

Representativeness of responses is also based on a survey of members of different age cohorts (from 20 to 70 years). Russian respondents are dominated by a younger group, mostly recent university graduates, while in terms of social status the target audience is largely represented by “public servants” (employees of different departments of central state and municipal administrations). A poll conducted in Korea focused more on the academic elite, covering respondents of an older age group.

Table 1. Social composition of respondents, % of the total

Professional occupation	Business	Academic	Education	Civil service	Mass media	Total
	Russian respondents					
	14,3%	28,5%	–	50%	7,2%	100%
	Korean respondents					
	20%	46,7%	16,7%	10%	6,7%	100%
Age	20–30 years	30–40 years	40–50 years	50–60 years	60–70 years	
	Russian respondents					
	50%	7,2%	21,4%	28,4%	7,2%	100%
	Korean respondents					
	3,3%	20%	43,3%	33,4%	–	100%

The first block of questions dealt with the general state of Russian-Korean relations, the place of the countries in respective foreign policies, the perception of Korea and Russia by the population of corresponding countries, and the impact of the countries' foreign priorities on the development of a mutual economic dialogue. The majority of respondents regarded the current state of Russian-Korean relations as “fair” (57% of Russian respondents and 74% of Koreans), and 36% of Russian respondents and 13% of Korean respondents regarded relations as “good” (figure 1), meaning overall Russians are more optimistic than Koreans interviewed. Koreans regard Russia as a friendly country in comparison with the U.S., Japan, and China.

The perception is especially typical for the younger generation of Koreans, who want to know more about their neighbor. One incentive for promoting friendly ties with Russia is the need for Korea to diversify its foreign relations and economic alliances, by establishing cooperation with new partners. The fact that our countries have no mutual claims and territorial disputes also can aid in enhancing bilateral ties. Recently, Korea and Russia have made significant progress in developing interstate relations, which were raised to the level of strategic partnership in 2008. Since then, bilateral meetings at the presidential level are held regularly. The countries possess an increasing capacity for interaction in different international formats, particularly in the framework of the G20.

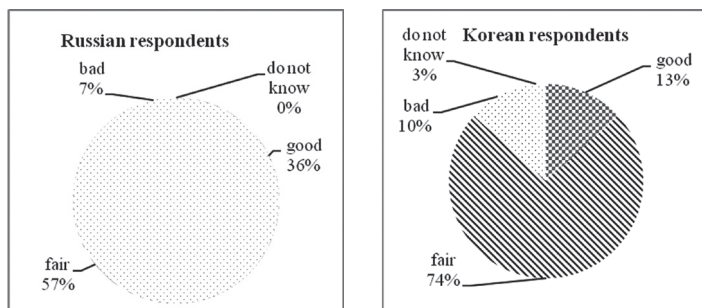

Fig. 1. An assessment of the current state of Russian-Korean relations by Russian and Korean respondents.

Source: made by Popova, L.

Meanwhile, Korean respondents suggested that political relations are developing more consistently and successfully than economic ties. Economic relations do not adequately support political alignment between the two countries, in part because of a lack of coordination and coherence between foreign policy and mutual business activity. Some respondents described this situation as follows: "Relations between Russia and Korea are going around in circles, as only one wheel (political) is spinning, while the second wheel is not working"; "economic and political relations between the countries are developing independently of each other"; "the potential of the two countries is not being used to its fullest extent."

Respondents were asked whether mutual relations are a priority for the two countries. Most Koreans responded affirmatively (60%), commenting that in the hierarchy of Korean foreign policy priorities, Russia is now among Korea's four most significant partners. (Forty percent of Korean respondents answered this question negatively). However, Russia is still lower in this hierarchy than the United States, China, and Japan. Russians' views on this issue are equally divided between "yes" and "no" (42.9% each).

Korean respondents identified four stages in the development of Russian-Korean relations since 1991. The first period, the first half of the 1990s, was associated with high hopes and expectations for establishing bilateral ties. This was followed by a period of cooling relationships and disappointments (cf. Meyer 1999). The third stage, in the first half of the 2000s, coincided with adaptation and the search for mutual interests, which finally ended when a strategic partnership between Korea and Russia was established in 2008, in the fourth stage.

Both countries need strong mutual relations to restrain China's growing expansion in Russian Far East and the CIS, as well as in the Korean Peninsula and to guarantee security in northeast Asia. China is Korea's largest trading partner and the most important destination for Korean OFDI. However, intense economic interaction has made South Korea overly dependent on its neighbor, and this is an incentive for diversifying external relations, for example towards Russia and CIS countries. Unlike Japan and China, which support Russia's orientation towards Europe, Korea is interested in strengthening Russia's position in northeast Asia, as this facilitates a balance of power in the region.

Among BRICS countries, the majority of Korean respondents (60%) put Russia in second place, after China, in terms of importance and prospective relations. A number of geopolitical and economic benefits, such as rich natural resources, geographical proximity, availability of scientific and technical resources, and a large domestic market account for Russia's significance for Korean businesses. Notably, almost 17% of respondents consider relations with Russia to be more significant than relations with other BRICS countries. For Koreans, Russia is closer than India (in third place) not only geographically but also psychologically, and so a majority of respondents claim India is less important for Korea's priorities. Brazil is in fourth place due to its geographical remoteness.

Russians and Koreans give different assessments to the role their countries' political elites play in developing bilateral relations. Korean respondents believe political elites play a crucial role in boosting interstate relations: 76% of all respondents rate them as high or very high, compared to 50% of Russians who do so (figure 2). Korean respondents suggest that the predisposition of the political elite (individual presidents) might hinder progress in interstate relations. Russia is in a secondary position in the Korean political elite's hierarchy of priorities, even though relations with Russia are growing in importance when compared to the previous decade. Many noted that their country's political elite (officials of the Ministry of Foreign Affairs and other key ministries) focus mainly on relations with the United States. Korean ministries and other state institutions lack a significant cohort of professionals focused on promoting better relations with Russia. The situation in Russia is similar: Russia's elite have traditionally focused on Europe, while the eastern vector of international relations gained importance only recently. At the same time half of Russian respondents believe bilateral relations are not developing solely by the will of both countries' political establishments. Rather, they cite other factors, such as geographical remoteness of the centers of economic activity in both

countries, the lack of an interest in promoting economic relations, cross-cultural compatibility, and other factors.

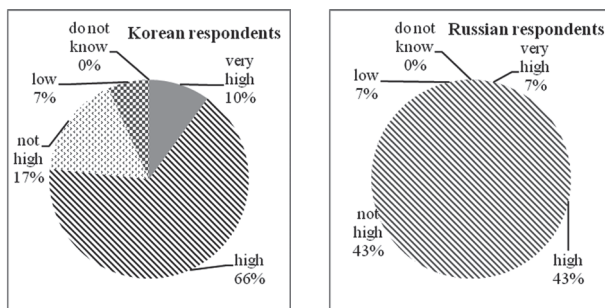

Fig. 2. Assessment of the role of political elites in promoting Russian-Korean relations.

Source: made by Popova, L.

Respondents were asked to indicate factors that hinder the development of Russian-Korean relations (figure 3). Both Russian and Korean respondents mentioned virtually the same factors but weighted them differently. Both sides claimed that the biggest hindrances included Seoul's foreign policy dependence on Washington, the poor state of inter-Korean relations, and that business and the general public in each country lacked awareness of the other. Other major constraints were language barrier and geographical distance, adverse business conditions (including corruption in Russia), the legacy of the Cold War. The development of bilateral economic relations is also constrained by a low level of diversification in the Russian economy.

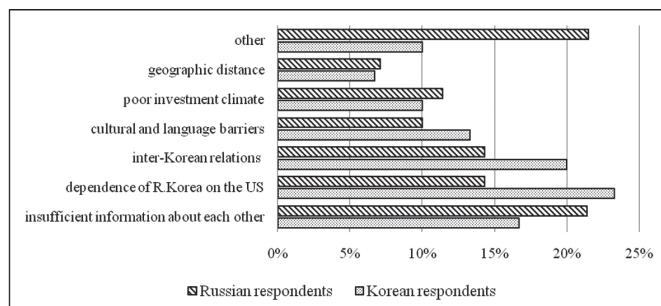

Fig. 3. Factors hindering Russian-Korean relations, % of respondents.

Source: made by Popova, L.

A second block of questions addressed economic exchanges between the two countries and an assessment of the business climate in Russia. The goal was to analyze motivations of Korean companies entering the Russian market, to classify challenges they face in Russia, and to identify the most promising areas for mutual cooperation. Russian and Korean respondents provided different assessments of current bilateral economic cooperation. The majority of Russians claimed that current economic relations are “good” (57.1%), while Koreans gave a lower — “satisfactory” (63.3%) — evaluation. When asked to choose which area of trade has grown the most rapidly—respondents were asked to choose between “trade,” “investment,” “cooperation in energy sector,” and “cooperation in transport and logistics” (Table 2) — the majority from both countries answered that trade in goods had expanded the quickest. Implementing investment projects in Russia has proceeded with difficulties; there is a small amount of Russian OFDI in the Korean economy. Both sides recognize that the existing potential for economic cooperation is far from realized and point out imbalanced development of relations.

Table 2. Areas of cooperation that are developing most rapidly

	Trade in goods	Investment	Cooperation, in energy sector	Cooperation, in transport & logistics	Other
Korean respondents	86,7%	3,3%	6,7%	3,3%	0.0%
Russian respondents	78,6%	14,3%	0.0%	0.0%	7,1%

Source: made by Popova, L.

Korean companies' interests in cooperation with Russia focus primarily on the large domestic market, abundant mineral and land resources, and scientific and technological potential (Table 3). Respondents were asked to use a seven-point scale, where “7” means “high profitability” and “1” means “low profitability,” to identify economic sectors in which cooperation with Russia would bring the greatest benefit to Korean companies. Average ratings are presented in figure 4. Korean respondents consider the energy sector (rating of 7), including construction of a gas pipeline, to be the most promising area for cooperation. This is followed by the automotive industry (rating of 6), which fully agrees with the ranking provided by Russian respondents. The third promising area for Korean business is cooperation in science and technology (rating of 5). This sector received its high rating because Korea is developing a national R&D base, and so Koreans have a keen interest in strengthening its innovative capacity via cooperation with Russia—which in turn has advanced technologies but lacks capacity for their commercial development and exploitation. Interestingly, the electronics industry received only a rating of 4, and agriculture was the next beneficial area for bilateral cooperation (rating of 3). While Korea is experiencing a shortage of land resources, Russia is leasing

arable land in the Far East to foreigners. Korean companies are also interested in the Russian construction industry and shipbuilding (both receiving a rating of 2). In addition to these options, Korean respondents indicated the chemical, oil (petrochemical), and wood processing industries, as well as service sector (retail, hospitality, utilities), to be areas with great potential for Korean activities in Russia.

Table 3. Factors that drive Korean companies to do business in Russia

		Russian respondents	Korean respondents
1	Size of the Russian market	38,7%	34,1%
2	Availability of natural resources	29,0%	29,2%
3	Technology and research potential	19,4%	19,5%
4	Skilled Russian labor	6,5%	4,9%
5	Labor costs	3,2%	0%
6	Other	3,2%	12,3%
	Total	100%	100%

Source: made by Popova, L.

The aerospace sector also holds promise for future cooperation, as well manufacture of automotive components, where Russian companies are expected to make FDI in Korea. Some Korean respondents suggested the following structure for specialization of tasks and investment for building a value chain for Korean businesses: R&D and product design in Korea; production and distribution hubs in Russia; and sales in the European market and in CIS countries.

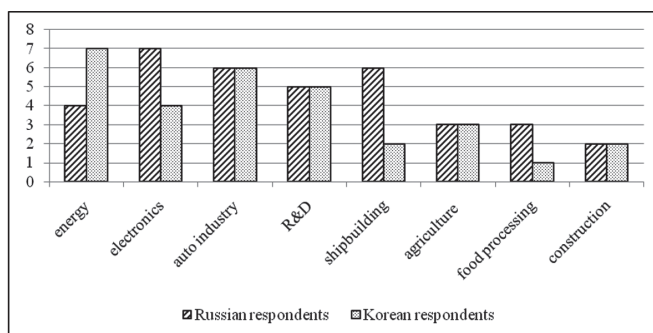

Fig. 4. Prospects for economic cooperation between Russia and R. Korea by sector.

7 — cooperation will benefit Korean companies the most

1 — co-operation is less profitable

Source: made by Popova, L.

Russian respondents unanimously replied that they expect Korean electronic appliances to have the greatest success in the Russian market (rating of 7), followed by automotive and shipbuilding industries (rating of 6). Third place went to joint activities in research and development (rating of 5), followed by energy (rating of 4), agriculture, construction, and food processing. Additionally, Russian respondents suggested that information technologies and software are promising areas.

Survey results repeatedly highlighted that Russia's business climate is significantly inferior to that of other BRICS countries such as China and Brazil. Half of the Korean respondents assess Russia's business climate as "uncomfortable," while over 40% consider it "satisfactory" and 6.7% of all respondents consider it to be "very bad." This is perceived as a major hindrance especially for Korean small and medium businesses. The business environment in Russia varies greatly by region: it is rather favorable in Moscow, St. Petersburg, and the Moscow and Leningrad regions, but quite unfavorable in the Russian Far East—which is especially disappointing to Koreans, as this region is geographically closest to Korea and offers opportunities for economic development. Respondents said that it would be advisable to set up special economic zones in the Russian Far East, including those primarily focused on attracting Korean investors, in order to provide a more comfortable environment for business activity.

Major complaints (by 43.5% of Korean and 25% of Russian respondents) are associated with Russian bureaucracy, lengthy procedures for approving investment projects, and difficulties in obtaining necessary certificates and permits (figure 5). In Korea, the experience of Lotte is well known: ten years wasted to obtain land rights and receive permission to build a hotel in the center of Moscow. Numerous complicated administrative procedures, as well as unpredictable regulations, hamper implementation of investment and impede initiating business. Corruption is among the main negative factors constraining foreign economic activity (as noted by 19.6% of Korean and 19.5% of Russian respondents), but this was coded as a by-product of bureaucracy.

Some quotes from interviews illustrate this well enough:

"...uncertain, unpredictable character of administrative regulation in Russia complicates planning activities and company profits."

"In Russia, an investment project requires a long period of coordination with administrative authorities with a large number of documents to be provided."

"Administrative regulations in Russia are like a spider's web."

According to 19.5% of the Russian and 8.7% of the Korean respondents, poor infrastructure, both physical (roads, ports, terminals, warehouses, hotels) and market (banks, etc.) along with bureaucracy, is particularly injurious to attracting investment in Russia. Respondents from both countries pointed out that other

negative aspects of Russia's business environment include frequent changes in tax rates, delays in providing information about amendments in tax regulation, time-consuming and costly procedures associated with taxpaying. Lengthy customs procedures and high costs of customs clearance also reduce the attraction of investing in Russia.

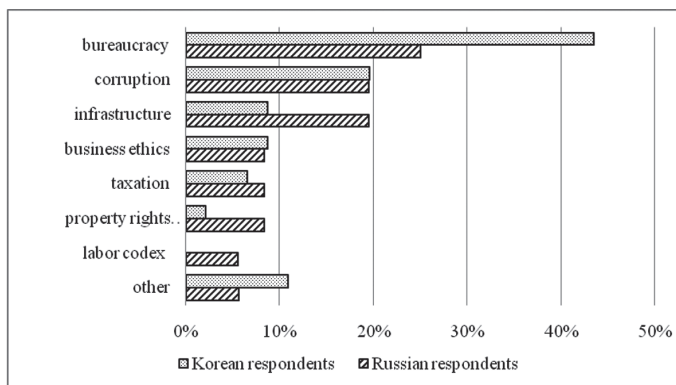

Fig. 5. Components of business climate in Russia causing greatest dissatisfaction with Russian and Korean respondents.

Source: made by Popova, L.

Different business ethics of Russian and Korean business could also help explain suboptimal investment activity by Korean companies in Russia, according to 8.7% and 8.3% of Korean and Russian respondents, respectively. In particular, Korean respondents mentioned the unreliability of Russian partners in enforcing contracts, and different paces of business and decision-making in the two countries. Among “other factors” are problems of foreigners’ personal safety in Russia, undeveloped antitrust regulation, difficulties in obtaining bank loans (particularly important for SMEs), and difficulties in finding reliable business partners.

The aim of the third block of questions was to identify the effect of the Customs Union (Russia, Belarus and Kazakhstan), as well as Russia’s accession to the WTO, on prospects of further Russia-Korea economic cooperation. In addition, Korean respondents were asked to identify the most preferable pattern of trade liberalization for Korea (multilateral level versus regional FTAs). The last question related to Korean and Russian respondents’ assessments of the possibility of creating a free trade zone between Russia and Korea.

Respondents held differing views on the likely repercussions of Russia’s WTO entry on Russia-Korea relations. Answers from Korean respondents’ had an almost equal distribution between “very positive, as it will further deepen the

mutually beneficial cooperation” (43.6%) and “positive, but will not have much effect on the level of economic cooperation” (46.7%). The forecast by the majority of Russian respondents was less optimistic: over 70% believe that fulfilling Russia’s obligations under the WTO will not have a significant impact on the development of economic relations between the two countries (Table 4).

Table 4. An assessment of the impact of Russia’s accession to the WTO on the Korean economy.

	Questions	Korean respondents	Russian respondents
1	Very positive, as it will further deepen the mutually beneficial cooperation	43.60%	0.00%
2	Positive, but not have much effect on the level of economic cooperation	46.70%	71.40%
3	Has low impact, because the priority is given to the development of Korea relations with China and other countries	3.30%	14.10%
4	May cause a decline in Russian-Korean economic cooperation due to the negative impact of the Russia’s accession on its economy	3.30%	0.00%
5	Do not know	3.40%	7.40%
6	Other	0.00%	7.10%
Total		100%	100%

Source: made by Popova, L.

Respondents, who answered this question positively, provided the following arguments. Russia’s accession to the WTO has great positive significance for Korean businesses because, as happened after China’s accession to the WTO in late 2001, this will contribute to the expansion of bilateral economic relations. Improving general conditions for doing business in Russia is also expected since Russia will play according to “general rules” and on par with other WTO members. Fulfillment of WTO obligations should increase market transparency. It was also argued that Russia’s entry into the WTO will change the balance of interests in the organization and increase the role of emerging countries and reduce the influence of the United States and the European Union. Russia and Korea may cooperate in the Doha Round negotiations on anti-dumping investigations, development problems, and access to markets in developing countries (figure 6). In many ways, Russia and Korea are on the side of less developed countries, as they are extremely sensitive to liberalization of services and agriculture and have a similar vision about the provision of subsidies. This segment of respondents also believes that the interest of Korean businesses and government in Russia’s accession is fully justified.

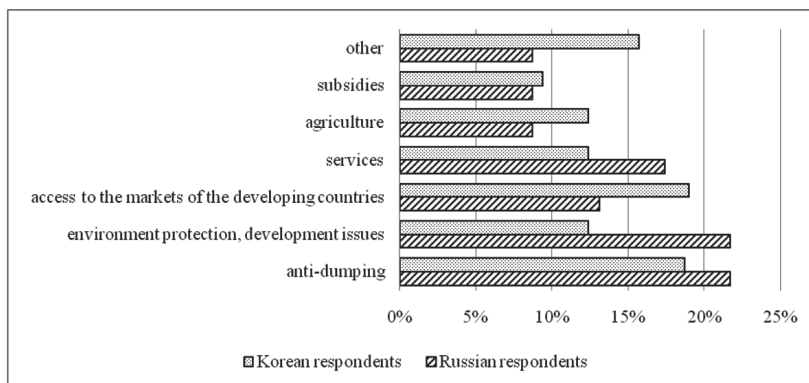

Fig. 6. Areas of potential Russia-Korean collaboration, Doha Round negotiations.

Source: made by Popova, L.

At the sametime, almosthalf of Koreanrespondents, while generallyappreciative of Russia's accession, believe itwill have no significantimpact on thelevel of economiccooperation between the two countries. Accordingly, these respondents, both in Russiaand inKorea, believe that any interest demonstrated byKoreanbusiness and governmentin Russia's accessionand expectations associated with it to be "unreasonably high" or "justifiablylow" (about 36% of respondents).The survey also revealed the opinion that Russia's accessionis prematurebecause of the lowcompetitiveness ofits manufacturing base. For Russia, it would be more reasonable not to liberalizethe market, which will lead to large economic losses, but rather to resort to protectionism to strengthenitsindustrial foundations.

The next question involved the future form of Russia-Korea relations: "In your opinion, will Russia's accession to the WTO increasingly contribute to the expansion of bilateral trade or the growth of Korean FDI in the Russian economy?" Respondents noted the complementarity of these forms of economic cooperation, stating that both a growth in mutual trade and investment flows should be expected. The majority of respondents (66.7%) believe that Russia's fulfillment of obligations regarding market liberalization will contribute to growth of bilateral trade and will facilitate Korean exports to Russia. For example, wood processing companies expect a 10% increase in exports to Russia in upcoming years. However, there are concerns about the possibility of a future imbalance in bilateral trade between the two countries. The greatest beneficiaries of Russian market liberalization will be the Korean companies in the automotive industry, electronics, shipbuilding, auto components, and chemical products. Thus, according to current projections, exports of Korean cars into Russia will double on account of a reduction in import duties. One-third of respondents believe that implementation of

WTO commitments will boost Korean FDI in Russia's economy. An increase in direct investment is expected in the Russian Far East, mainly in extraction of fuel resources and construction of energy infrastructure.¹

Respondents were asked to agree or disagree with the following statement: "Russia's accession into the WTO makes cooperation with the Customs Union of Russia, Kazakhstan and Belarus more attractive to South Korea." Korean respondents were generally positive about the formation of the Customs Union (CU). They believe it increases the attractiveness of the market for FDI, reduces costs of doing business by eliminating administration of export and import operations between CU countries, and facilitates building supply and value chains in this common space. After the formation of the Customs Union, larger Korean companies launched projects oriented to this market. Korean manufacturers operating in Russia who regularly import intermediate goods observed a decline in costs and delivery time, thanks to elimination of administrative procedures along internal borders. That Russia entered the WTO and is committed to market liberalization augments existing interests for Korean businesses to conduct activity in the RBC market.

Korea also does not rule out the possibility of forming an FTA with the RBC Customs Union; negotiations towards establishing a working group have already begun. Since 2013, Korea and Russia have moved towards a visa-free regime, which implies a higher level of trust between the two countries. In general, Korean respondents are quite optimistic about the possibility of forming an FTA with Russia (Customs Union). The only obstacle is the relatively small amount of bilateral economic exchange. In contrast, Russian respondents believe the conclusion of a free trade area between Russia (Customs Union) and Korea will be possible only in the distant future.

Conclusion

In sum, we should emphasize that the degree of uncertainty about the possible impact of Russia's WTO entry on the scale and scope of economic collaboration with Korea remains high. This is because it is extremely difficult (albeit possible) to separate the effects of accession from the entire package of other factors that affect trade and investment flows. The final result will reflect exchange rate fluctuations, which can dampen or strengthen the impact of trade policy liberalization. On the other hand, even if we assume we could isolate accession effects, it would be still difficult to predict exactly how economic actors in both countries would operate under new economic conditions. And much depends exactly on that.

At the same time, considering that the overwhelming majority of our respondents held generally positive expectations Russia's WTO accession and Russian-Korean cooperation, and considering that there are no visible, serious objective reasons for these relations to contract, one might argue for a moderately optimistic forecast.

Literature

- "Lee makes first moves in foreign policy...Next month visits US, China." (Lee oegyohaeng-bosidongnaedal mi jungbangmun). *MK Business News*, 4 September 2007, <http://news.mk.co.kr> (accessed 14 April 2013).
- "MB's foreign policy priorities US, Japan, China, Russia." (4-Gang Sunbangeun Mi-Il-Jung-Reosiasun) (MB 4-Gang Sunbangeun Mi-Il-Jung-Reosiasun). *MK Business News*, 27 February 2008, <http://news.mk.co.kr> (accessed 14 April 2013).
- Ahn, H. 2010. "Framing Energy Security Between Russia and South Korea? Progress, Problems, and Prospects." *Asian Survey*, 50, 3, pp. 591–614.
- Ahn, S. H. 2012 "Russian-South Korean Security Relations Reconsidered: The Lost two decades of Promise and Perils." *The Korean Social Science Journal*, 39, 2, pp. 27–53.
- Antras, P. and Caballero, R.J. 2007. "Trade and capital flows: a financial friction perspective." Working Paper 13241. Cambridge: National bureau of economic research, www.nber.org (accessed 26 April 2013).
- Baldwin, R. 2010. "21st Century Regionalism: Filling the gap between 21st century trade and 20th century trade rules." Working Paper No. 2010–31. Geneva, Geneva Graduate Institute.
- Beltrán, G. and Hass, J. 2010. "Illusions of Market Paradise: State, Business, and Economic Reform in Post-Socialist Russia and Post-1980s Crisis Argentina." *Laboratorium*, vol. 2, no. 3, pp. 123–154.
- Boeva, I., Dolgopiatova, T., and Shironin, V. 1991. "Strategii vyzhivaniia gosudarstvennykh i privatizirovannykh predpriatii promyshlennosti v perekhodnoi period". Moscow: Vysshaia Shkola Ekonomiki.
- Dolgopiatova, T. 1995. *Rossiiskie predpriatii v perekhodnoi ekonomike: ekonomicheskie problem i povedenie*. Moscow: Delo Ltd.
- Dolgopiatova, T. 1996. "Perekhodnaia model' povedeniia rossiiskikh promyshlennykh predpriatii (po dannym empiricheskikh issledovaniu 1991–1995gg.)." *Voprosy ekonomiki*, No. 11, pp. 119–130.
- Eyplanov, A. 2006. "Volume of Credits Given to Russians in 2007 Will Amount to 7% of GDP." *All Credits of Russia*, 24 October. www.allcredits.ru/1/66663/ (accessed 14 April 2013).
- Fedorovsky, A. 1999. "Russian Policy and Interests on the Korean Peninsula." In Chifrin, G. ed., *Russia and Asia-Pacific Security*, 19–21 February 1999. Stockholm SIPRI.
- Ko J. N., Eom G. H. (eds) *Future of Russia and the Korean Peninsula: Russia's Return to Great Power* (Reosiaui Miraewa Hanbando Reosiaui Gangdaegugeuroui Jaebusang). Seoul: Hangukhaksul Jeongbo, 2009. 501 p.
- Hoekman, B. and Kostecki, M. 2001. *The Political Economy of the World Trading System: The WTO and Beyond*. Second edition. Oxford Univ. Press.
- Ipsen, E. 1995. "Korean Firms Move into Europe." *The New York Times*, 20 July, www.nytimes.com (accessed 14 January 2013).
- KIEP. 2012. "Results of seminar discussion by specialists on Russia 11.09.2012", www.kiep.go.kr (accessed 12 May 2013).
- Lee, Ch. and Bradshaw M. 1997. "South Korean Economic Relations with Russia." *Post-Soviet Geography and Economics*, vol. 38, no. 8, pp. 461–477.
- Lee, J. Y., Lee, S., Hwan, Ch., Lee, J. M. 2008. "Trends and Perspectives for the Management of Korean Companies in Russia" (Hangukkieobui Dae-Reosia Hyeonji Gyeongyeong Hyeonhwangwa Gwaje). KIEP Working Paper No. 08–15.
- Lee, J. Y. and Lee, S.B. and Kuznetsov, A. and Min, J., Y. 2012. "Pattern of Russian OFDI and Strategy for Korea to attract FDI" (Reosiaui Haeoejikjeoptuja Paeteongwa Hangugui Tuja Yuchi Hwakttae Bangan). KIEP Working Paper 12–19. 281 p.

- Meyer, P. F. 1999. "The Russian Far East's Economic Integration with Northeast Asia: Problems and Prospects." *Pacific Affairs*, vol. 72 (2), pp. 209–224.
- Oh, S.K. and Park, B.S. 2005. "Attractiveness of Russian Economy." (Jumokpanneun Reosiakyeongje Jamjaeryeok). *SERI, CEO Information*, no. 504, June 8.
- SERI, KOTRA. 2007. *Russia: Catching the Golden Market* (Hwanggeum Sijang Reosiareul Jjabara). Seoul: SERI.484 p.
- Shin B.S. 2010. Diplomatic relations between Russia and Korea: Evaluation of results and Strategy for the future (Jeongchi•oegyo Bunyau Han•Reogwangye: Pyeongga mit Gwangye Ganghwa Bangan, Han•Reosugyo 20-junyeon Ginyeom Hakssulhoeui, Je-23hoe Hanbando Pyeonghwa Poreom Jaryojip) // 20th Anniversary of Establishment of Diplomatic Relations between Russia-Korea, 29 September 2010. Seoul: Korea Peace Institute.
- Simola, H. 2012. "Russian import statistics in the mirror of world exports Bank of Finland." *BOFIT Institute for Economies in Transition, BOFIT Online*, no. 2, p.9, www.suomenpankki.fi (accessed 18 March 2013).
- Simon, H. 1997. *Administrative Behavior*, 4th edition. New York: Free Press.384 p.
- Snyder, S. 2008. "Inauguration of Lee Myung-bak: Grappling with Korea's Future Challenges." Opinion paper, Brookings Institute, February, www.brookings.edu (accessed 3 April 2013).
- Tversky, A. and Kahneman, D. 1974. "Judgments Under Uncertainty: Heuristics and Biases." *Science*, 185, pp. 1124–1131.
- Tversky, A. and Kahneman, D. 1981. "The Framing of Decisions and the Psychology of Choice." *Science*, 21, pp. 453–458.
- Vernon, R. 1966. "International Investment and International Trade in the Product Cycle." *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 80, no. 2, pp. 190–207.
- Walter, A. & Sen, G. 2009. *Analyzing the Global Political Economy* Princeton. New Jersey: Princeton University Press. 296 p.
- Williamson, O. 1975. *Markets and Hierarchies*. New York: Free Press. 286 p.
- Williamson, O. 1985. *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press.468 p.
- WTO. 2008. *World Trade Report 2008, Trade in a Globalizing World, Part II-C The Causes of Trade*. Geneva, World Trade Organization. www.wto.org (accessed: 28 January 2013)
- WTO. 2011. *World Trade Report 2011, The WTO and Preferential Trade Agreements: From Co-existence to coherence, Part II-E The Multilateral Trading System and PTAs*. Geneva, World Trade Organization, www.wto.org (accessed: 28 January 2013).
- WTO. 2013 *Press Releases, Press/688*. April 10, www.wto.org (accessed 27 April 2013).
- Zimmerman, W. 2005. "Slavophiles and Westernizers Redux: Contemporary Russian Elite Perspectives." *Post-Soviet Affairs*, vol. 21, no. 3, pp. 183–209.
- Zimmerman, W. 2009. *The Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives, 1993–2000*. Princeton: Princeton University Press. 248 p.

Web-sites

Bank of Korea available at: www.bok.or.kr
 Korea Export-Import Bank, available at www.koreaexim.go.kr
 Korea International Trade Association, available at: www.kita.net
 Ministry of Trade, Industry and energy, available at: www.motie.go.kr
 Russian Federation Federal Statistics Service, available at: www.gks.ru.
 World Trade Organization, available at: www.wto.org

Качество жизни россиян: опыт анализа¹²

Статья посвящена анализу качества жизни в центральном регионе России (на примере городов Тула и Орел). Изначально не были заданы жесткие границы проведения исследования, что позволило выйти на новые аспекты изучения качества жизни (КЖ). Наше исследование показало, что при оценке КЖ важно учитывать не только социально-экономические показатели, но также принять во внимание: 1) самооценку динамики КЖ; 2) менталитет; 3) место ТРК (торгово-развлекательные комплексы) в структуре КЖ горожан. ТРК были включены как один из признаков качества жизни, так как россияне именно через их наличие подтверждали успешность своих регионов, благополучие и связывали с ними высокое качество жизни. Как и в Европе, ТРК стали для россиян символом позитивных перемен. Кроме того, они актуализировали и другие сферы жизни — культурную, релаксационную и пр.

This article analyzes the quality of life (QL) in the central region of Russia (for example, the city Tula and Orel). Initially were not set rigid boundaries of the study, which allowed to expand into new aspects for the study of QL. Our study showed that in assessing QL is important to consider not only the socio-economic indicators, but also take into account: 1) self-assessment of the dynamics of QL; 2) mentality; 3) Position of shopping malls in the structure of urban QL. Shopping malls have been included as one of the hallmarks of QL, because Russians confirms the success of their regions by their presence, and well-being and QL associated with them. As in Europe, shopping malls became a symbol of positive change for Russians. In addition, like a vacuum cleaner, they attracted also other areas of life — culture, relaxation and so on.

Статья посвящена анализу качества жизни в центральном регионе России (на примере городов Тула и Орел). Фокус внимания сосредоточен на ТРК как пространстве потребления. В России с 2000-х годов повышался доход населения и улучшалось качество жизни. Но вместе с тем появились разного рода трудности: дифференциация бедных и богатых, проблемы окружающей среды, чрезмерное потребление и т. д. Важен комплексный подход к анализу качества жизни (КЖ), учитывающий и положительные моменты его роста, и негативные. Автор анализирует значение ТРК в структуре качества жизни населения регионов.

При анализе использованы открытые статистические данные, а также полуструктурированные интервью, проведенные с представителями НКО и

¹² This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund Of 2014.

горожанами (время проведения исследования — август 2014 г.). Основная цель — изучение качества жизни в регионах России с уровнем жизни немного выше среднего и ниже среднего. На этом основании выбраны Тульская и Орловская области. Кроме того, они территориально близки, что было удобно для проведения полевого исследования.

С 1970-х гг. началось активное изучение качества жизни. Были предложены различные его показатели. Достаточно быстро стало понятно, что КЖ связано не только с экономическими факторами и уровнем достатка; были отмечены элементы неустойчивости, которые влекло за собой его повышение. Р. Бауэр подчёркивал необходимость сочетания экономических и социальных показателей в оценке качества жизни (Bauer, 1966). Это стало отправной точкой формирования направления исследований КЖ, связанного с психологией. В его рамках с конца 1980-х по 1990-е годы активно обсуждалась проблематика субъективного восприятия счастья в жизни (Anielski, 2007). Сегодня мы можем наблюдать широкое теоретическое разнообразие в данном вопросе: Hedonistic Theories, Desire Theory, Objective List Theory, Primary Goods Theory, Midfare Theory, Substantive Good Theory, Capabilty Approach, Теория идеалов, Персонально-утилитарные теории, Теории изобилия, Теория базовых потребностей и т. д. (이재기 외, 1998, р. 26–34; 1998, р. 26–34; Нугаев, 2003: с. 100–105). Кроме того, с 1990-х гг. предпринимаются попытки выразить КЖ через конкретные числовые значения. В качестве показателей были выбраны не только экономические показатели, но и социальные, культурные аспекты, а также окружающая среда. Фактически каждая страна ввела собственные значения и индексы КЖ. В России подобные исследования также проводились (см., напр., методы исследования КЖ: (Гаврилова, 2004; Сидорова, 2002; Герасимов 2014), теория и концепции: (Безъязычный и Шилков, 2004; Васильев, 2003; Задесенец и др., 2009), проблемы КЖ в регионах: (Петропавлова, 2013; Неретина и др., 2004) и др.).

В конце концов КЖ преимущественно стали связывать с условиями жизни, удовлетворенностью ими; в широкой трактовке данное понятие включило в себя здоровье, продолжительность жизни, окружающие условия, питание, доступность (например, безбарьерная среда для инвалидов) и даже такие субъективные факторы как культурная и духовная удовлетворенность, психологическая стабильность. Изучение КЖ осуществляется на основе двух концептуальных моделей: объективистской (блок официальных статистических данных) и субъективистской (психологической), использующей самооценки людей. Вторая модель сложна, так как включает в себя различные сенситивные оценки. Например, положительные и отрицательные жизненные события, беспокойство, удовлетворенность жизнью, счастье и многое другое (Качество жизни россиян, 2012: 1–2).

Здесь нам важно вспомнить о культуре потребления и о том, что ценность товара может быть выше его стоимости. Люди покупают ценности и смыслы, которыми товары наделены, а не сами товары. Первые универмаги

превратили традиционных потребителей в потребителей общества модерна, а простые товары — в товарные знаки и символический товар. Наконец универмаг построил основу для развития культуры общества модерна (Laermans, 1993: 94).

С конца XIX в. началось социологическое изучение культуры потребления. По мнению Веблена, роскошь и расточительство богатых людей в Америке были сознательным поведением. Они обозначали свой статус через демонстративное потребление (Veblen, 1953). Это поведение стало своеобразной стратегией. Зиммель изучал образ жизни в западных обществах, в которых универмаги стали строиться в центре города. Горожане потребляли товары, чтобы показать свою идентичность. Многие представители среднего, средне-низшего класса и рабочего класса меняли стиль потребления, чтобы соответствовать более высокому классу (Simmel, 1971).

Интерес к анализу явления потребления активизировался в конце XX в. Бодрийяр (Baudrillard) сделал большой вклад в теорию общества потребления. Ключевое понятие социального устройства — счастье — Бодрийяр рассматривал как абсолютизированный принцип общества потребления. Счастье, наделенное количественными характеристиками, измеряемыми посредством атрибутов социальной дифференциации, лежит, по его мнению, в основе современной демократии, смысл которой сводится к равенству всех людей перед знаками успеха, благосостояния и т. п. Иными словами, потребительская ценность товаров абсолютна и не зависит от конкретного человека. Навязанная идеология потребления, утверждающая, что обладание нужными предметами приводит к ликвидации отрыва от превосходящих классов, поддерживает веру человека в демократию посредством мифа о равенстве людей. Бодрийяр видит в этом, наоборот, иллюзию демократии, которая оперирует знаками и вводит «социальную игру» на замену реальному участию людей в общественной жизни. Демократия знаков и сопутствующее ей счастье охранительно маскирует реальную дискриминацию, которая лежит в их основе.

Потребление играет важную роль в обнаружении социальных различий индивидов. С одной стороны, общество достигает равновесия в потреблении через поточное производство, с другой — оно укрепляет неравенство через демонстрированное потребление роскоши. По мнению Бодрийяра, потребление — это своего рода классовой институт для социальной дифференциации (Baudrillard, 1998).

Бурдьё доказывал, что вкус (или склонность) не есть результат личного выбора, но представляет собой социальное организационное поведение. Он анализировал процесс формирования особого образа потребления одной социальной группой для того, чтобы отличаться от другой группы. Он изучал, как потребление соотносится с символами, идеями и ценностями (Bourdieu, 1984).

Можно сказать, что личность может идентифицировать себя через занимаемую нишу в обществе потребления. То, чем человек обладает и что он

потребляет, определяет его социальный статус. И даже размер капитала становится не так важен. Потребляя, индивид может чувствовать себя счастливым. Потребление — культурное явление. Оно влияет на стиль жизни человека и его возможности выражать себя. Кроме того, потребление становится культурной практикой и частью культурной жизни.

Возможно ли исследовать качество жизни в современном обществе, игнорируя тот факт, что оно превратилось в общество потребления? Какие аспекты мы упускаем из виду, ориентируясь на традиционные индексы КЖ? Мы предполагаем, что в условиях современности нельзя исключать из оценки качества жизни следующие параметры: 1) самооценку динамики качества жизни; 2) менталитет населения (например, ценности советского и западного человека предполагают разное понимание качества жизни); 3) так как современные ТРК заняли не только торговую, но и досуговую, культурную и градообразующую сферы, удовлетворенность ими и их политикой представляет важное значение в оценке КЖ горожан.

В современных универсамах (ТРК) реализуется большая часть потребительской активности населения. Они становятся и символом, свидетельствующим о повышении КЖ, и пространством, развивающим индустрию потребления. В его стенах происходит и стимуляция чрезмерного потребления, и демонстрация социального статуса. Современные универмаги стали не просто большими, но и совершенными (정은진, 1996: 111]. Они ненавязчиво соединяют производство и потребление, предлагая возможность кредитования, чтобы клиенты могли покупать товары стабильно и комфортно. Также косвенно они играют роль медиатора, становясь центром культуры, общения и отдыха граждан. Еще одна важная функция — организация пространства города, его украшение, а также развитие смежных сфер индустрии, предоставление рабочих мест, развитие экономики 구자영, 1988: 15-16쪽).

Как видим, появление в середине XIX в. крупных универмагов стало судьбоносным для развития потребительской культуры. С возникновением фабрик и массового производства стала необходима эффективная продажа. Итак, универмаги строились, цены товаров фиксировались, любой человек мог свободно войти туда с деньгами и без них. Таким образом, всем классам через потенциал потребления стала доступна демократия роскоши. Так как все богатство выбора теперь сосредоточено в одном месте, люди приходят туда буквально толпами, влекомые обилием, визуальным разнообразием и возможностью прикоснуться к вещам, недоступным в обычной жизни. Размер и величие универмага, подобно дворцу или собору, внушает уважение и манит людей в свои стены (Corrigan, 1997). Уровень потребления повышается, сфера потребления расширяется, усиливая социальную стратификацию.

История универмагов в России отличается от их судьбы на Западе. Конечно, в советский период были универмаги. Например, ГУМ и ЦУМ в Москве, и центральные магазины областных городов. Но если центральные

универмаги столицы носили демонстративную и декларативную функцию, то периферийные универмаги социалистических стран СССР и Восточной Европы до 1989 г. в принципе не были ориентированы на потребителей. Они попросту обеспечивали реализацию нормы выдачи, которую планировало государство. Интересы государственных предприятий и заводов, их поддержка и гарантия реализации поставляемой ими продукции ставились выше интересов потребителей (Corrigan, 1997).

В Москве лишь недавно, в начале 2000-х гг., появились ТРК, кардинально отличающиеся от советских универмагов: Европейский, Атриум, Метрополис, Афимолл Сити, Охотный ряд и т. д. В центральном регионе России подобные ТРК появляются ещё позже: в Туле «Гостиный двор» открылся в 2011 г. (51 000 м²), в Орле «Грин» построен в 2006 г. (70 000 м²). В их стенах мы можем видеть не только различные магазины, но и рестораны, театры, кинотеатры, спортивные и детские развлекательные центры, выставочные холлы, конференц-залы, залы для проведения свадеб и торжеств, гостиницы и т. п. Их можно назвать сосредоточением развлекательных мест города. Далее рассмотрим восприятие ТРК горожанами.

Социально-экономические показатели и индекс КЖ в Тульской и Орловской областях. Сначала рассмотрим изменение социально-экономической показателей за последнее десятилетие по данным Росстата. Абсолютные число почти всех показателей повышалось и улучшалось каждый год. Автором сделана сводная таблица по разным показателям Тульской и Орловской областей среди 83 федеративных субъектов.

Таблица 1. Место, занимаемое субъектом Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям

		2004	2007	2010	2013
Среднедушевые денежные доходы	Тульская	60	53	34	39
	Орловская	63	71	62	62
Среднемесячная номинальная заработная плата работников организации	Тульская	51	48	48	43
	Орловская	67	69	69	70
Потребительские расходы в среднем на душу населения	Тульская	59	52	38	46
	Орловская	60	64	62	63
Оборот розничной торговли на душу населения	Тульская	60	51	34	39
	Орловская	55	63	60	59
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (%)	Тульская	20,0	14,3	11,0	9,7
	Орловская	25,3	19,4	14,9	12,6

В последние 10 лет ранг по доходу, зарплате, расходам и обороту розничной торговли в Тульской области перемещался от низкой позиции к высокой. Показатели по орловской области преимущественно были низкими и сохраняли свои позиции. Но процент населения с доходом ниже прожиточного минимума снижался в обеих областях. По этим показателям мы можем сказать, что КЖ в Тульской области относительно Орловской области повышалось. Но если принять во внимание распределения денежных доходов, мы поймём, что эта ситуация относится не ко всему населению Тульской области.

Таблица 2. Распределение общего объема денежных доходов по 20%-ным группам населения¹³

	Тульская область							Орловская область						
	1	2	3	4	5	Коэф- фи- циент фондов	Коэф- фи- циент Джини	1	2	3	4	5	Коэф- фи- циент фондов	Коэф- фи- циент Джини
2004	7,5	12,3	16,9	23,1	40,2	8,5	0,326	6,3	11,1	16,0	22,9	43,7	11,6	0,371
2005	7,7	12,6	17,1	23,1	39,5	8,0	0,317	6,3	11,1	16,0	22,9	43,7	11,6	0,371
2006	7,3	12,2	16,7	23,1	40,7	8,9	0,332	6,1	10,9	15,7	22,9	44,4	12,3	0,380
2007	6,8	11,7	16,4	23,0	42,1	10,0	0,351	5,7	10,5	15,4	22,8	45,6	13,8	0,395
2008	6,4	11,2	16,0	23,0	43,4	11,3	0,368	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4	14,7	0,405
2009	6,3	11,1	16,0	22,9	43,7	11,6	0,371	5,6	10,4	15,4	22,8	45,8	14,0	0,398
2010	6,2	11,0	15,9	22,9	44,0	12,0	0,375	5,6	10,4	15,4	22,7	45,9	14,1	0,398
2011	6,2	11,0	15,9	22,9	44,0	12,0	0,375	5,6	10,4	15,3	22,8	45,9	14,1	0,399
2012	5,9	10,7	15,6	22,9	44,9	12,9	0,386	5,5	10,3	15,2	22,7	46,3	14,5	0,403
2013	6,0	10,8	15,7	22,8	44,7	12,7	0,384	6,1	10,9	15,7	22,9	44,4	12,4	0,381

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. 2014. С. 156; 2013. С. 176; 2012. С. 182; 2011. С. 162; 2010. С. 178; 2009. С. 182; 2008. С. 172; 2007. С. 172; 2006. С. 172; 2005. С. 160.

¹³ **Распределение общего объема денежных доходов по группам населения** выражается через долю общего объема денежных доходов, которая приходится на каждую из 20-процентных групп населения, ранжированного по мере возрастания среднедушевых денежных доходов.

Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами.

Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы (略眞診, 2014: 207).

Процент общего объема денежных доходов пятой части населения Тульской области непрерывно повышался в это десятилетие, но у остальных понижался. Нарастающая дифференциация в доходах населения — обратная сторона улучшения социально-экономических показателей в Тульской области. Разница в доходах углублялась и в Орловской области с 2004 до 2008 г., но потом этот процесс замедлился. Тем не менее процент общего объема денежных доходов пятой группы в Орловской и Тульской областях похожи, там также существует серьезная разница в доходах. К тому же коэффициент Джини превысил 0,4 в 2012 г., что свидетельствует о серьезном социальном расслоении.

Таблица 3. Место, занимаемое субъектом Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям

		2004	2007	2010	2013
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Тульская	55	65	-	52
	Орловская	37	31	-	37
Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения	Тульская	68	29	15	17
	Орловская	36	40	45	15
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	Тульская	16	15	17	17
	Орловская	32	34	24	20
Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения	Тульская	81	78	76	79
	Орловская	49	37	47	36
Численность студентов образовательных организации высшего образования на 10 000 человек населения	Тульская	75	65	67	67
	Орловская	8	11	10	8
Число персональных компьютеров на 100 работников	Тульская	68	67–75	73–75	48–54
	Орловская	37	53–56	43–55	41–47

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. 2014. С. 30–31, 54–55; 2011. С. 32–33; 2008. С. 32–33, 84–85; 2005. С. 32–33, 62–63.

Что касается других показателей: увеличилось число собственных легковых автомобилей в обеих областях и общая площадь жилых помещений в Орловской области. В остальном значимых перемен не произошло за десятилетие. По ожидаемой продолжительности жизни, числу зарегистрированных преступлений, количеству студентов Орловская область лидирует. По числу собственных легковых автомобилей, площади жилых помещений на человека отличий в обеих областях нет. Можно сказать, что Тульская область имеет лучшее положение в сфере доходов и расходов, а Орловская — в социальной сфере.

Рассмотрим индекс КЖ. В России есть несколько исследовательских центров, изучающих его. Мы ориентировались на РИА Рейтинг. Его способ измерения КЖ похож на Economist Intelligence Unit при СМИ Economist в Англии. EIU исчисляет индекс КЖ, обобщая разные показатели здоровья, семьи, общины, материального уровня, политической стабильности и безопасности, климата и географии, профессиональной стабильности, политической свободы, гендерного равенства. РИА исчисляет индекс КЖ в десяти показателях (подробно в 61 показателе).

Рейтинг по качеству жизни Тульской область — примерно 25-е место среди 83 субъектов федерации в 2012–2014 гг., а Орловской области — примерно 55 (это самое низкое место в ЦФО). Но некоторые показатели КЖ в Орловской области выше, чем в Тульской, например: жилищные условия, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, экологические и климатические условия. Можно также отметить плохую демографическую ситуацию в обе областях.

Таблица 4. Рейтинг регионов по качеству жизни — 2012–2013–2014 (Риарейтинг)¹⁴

		Сводный рейтинг балл	Уровень доходов населения	Жилищные условия населения	Обеспеченность объектами Социальной инфраструктуры	Экологические и климатические условия	Безопасность проживания	Демографическая ситуация	Здоровье и образование населения	Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры	Уровень экономического развития	Развитие малого бизнеса
Тульская	2012	25	29	60	45	47	51	66	20	5	32	38
	2013	25	28	58	52	47	43	69	20	5	40	38
	2014	24	28	60	61	44	43	72	41	5	28	28
Орловская	2012	53	39	23	34	6	74	72	36	12	62	71
	2013	57	40	34	35	11	76	71	42	13	61	61
	2014	54	48	34	25	18	76	74	29	13	61	69

¹⁴ Источник: <http://riarating.ru/infografika/20141222/610641471.html>
 02.03.2015); <http://riarating.ru/infografika/20131217/610601622.html>
 14.03.2014); <http://riarating.ru/infografika/20121218/610486725.html>
 14.03.2014).

(дата обращения:
 (дата обращения:
 (дата обращения:

Анализ содержания интервью

В ходе исследования проведены 11 интервью: с тремя представителями НКО в Тульской и двумя представителями НКО в Орловской области, с тремя горожанами в Тульской и тремя горожанами в Орловской области. Основной фокус вопросов сводился к оценке ими качества жизни в регионах и влиянии ТРК на качество жизни. Отметим, что в ответах респонденты много раз упоминали слова: «власть» и «менталитет граждан». Это повлияло на формирование четырех групп ответов, которые представлены ниже.

Краткая информация по респондентам:

Название НКО:

- Тула. НКО (название НКО и своё имя просил в публикации не называть). Мужчина, в возрасте около 45 лет (далее — Тул. НКО 1);
- Тула. НКО «МОЛОДЁЖЬ РОССИИ». Королева Юлия Юрьевна, около 35 лет (далее — Тул. НКО 2);
- Тула. НКО «Все дома» (проблемы ЖКХ), Соловьева Вера Валерьевна, около 25 лет (далее — Тул. НКО 3);
- г. Орёл. НКО «Общество защиты прав потребителей», руководитель, Екатерина, около 35 лет (далее — Ор. НКО 4);
- г. Орел. Интервью из НКО «Фонд поддержки предпринимательства», руководитель, Степина Ольга Владимировна, 35 лет (далее — Ор. НКО 5).

Граждане:

- г. Тула, продавщица в ТРК, около 40 лет (далее — Тул. гражд. 40);
- г. Тула, охранник в ТРК «Гостиный двор», около 60 лет (далее — Тул. гражд. 60);
- г. Тула, администратор в гостинице Евроотель, около 30 лет (далее — Тул. гражд. 30);
- г. Орёл, продавщица в ТРК «ГРИН», около 45 лет (далее — Ор. гражд. 45);
- г. Орёл, посетители ТРК «ГРИН», молодая пара 18 лет (далее — Ор. гражд. 18);
- г. Орёл, продавщица в «Юнмарте», 55 лет (далее — Ор. гражд. 55).

Некоторые данные по КЖ россиян:

«Люди в целом живут неплохо. Сейчас огромная проблема с кадрами. Трудно найти продавца на 20 тыс. руб. (за 15 рабочих дней). И педагогов трудно найти. В бизнесе я не смог удержать человека зарплатой в 5 000\$, его перекупили» (Тул. НКО 1).

«В последние годы в Туле выросло качество жизни. Улучшилось городское пространство. Для молодёжи создаются летние профильные лагеря (например, «Технология добра» для волонтеров и добровольцев), оздоровительные лагеря, в которых подростки оплачивают не более 30%» (Тул. НКО 2).

«Жизнь в Туле меняется к лучшему, в последние 2 года стали активно бороться с коррупцией, развивать город, появились новые музеи, благоустроенные городские пространства. Перезапустили работу некоторых заводов. ... В городе почти побеждена наркомания, стало гораздо спокойнее. ...Хорошая зарплата — 40 000 рублей» (Тул. граж. 40).

«Тула изменилась к лучшему за последние 5 лет. ... Пять лет назад город произвел на меня удручающее впечатление, а теперь я им горжусь, чувствую себя настоящей тулячкой» (Тул. граж. 30).

«С 2010 г. в Тульской области начались перемены к лучшему. Кроме того, что город стал лучше, появились большие ТРК, также развилось добровольческое и волонтерское движение, народные патрули. Теперь стало меньше наркоманов. ... Пока в городе не решены проблемы утилизации и сортировки мусора. Также нуждаются в ремонте и усовершенствовании дороги и развилки» (Ор. НКО 4).

«В последние 2 года отмечается рост положительных тенденций в повседневной жизни и пространстве города» (Ор. НКО 5).

«В Орёл 4 года назад переехала из г. Иркутск. Захотелось поменять всё в жизни — мужа, климат, образ жизни. В Орёл переехала потому, что здесь была двоюродная сестра. Город не разочаровал: есть работа, есть много интересных мест, о своём выборе не пожалела» (Ор. граж. 45).

«Считают, что в Орле есть много возможностей для развития, много гражданских инициатив, можно самим менять жизнь к лучшему. В последние годы жизнь становится лучше, много перспектив и начинаний» (Ор. граж. 18).

«С работой трудно, очень тяжелые условия. За выход на работу получаю лишь 250 руб. + 5% от дневной выручки. Но сам город нравится. В последние годы стало красивее, но цены выросли значительно, на пенсию не прожить, приходится подрабатывать» (Ор. граж. 55).

Все опрошенные отметили положительную динамику в изменении качества жизни в Туле. Доход и зарплата повышались, пространство города улучшилось. Граждане отмечали, что новый губернатор сыграл в этом процессе решающую роль. Добровольное движение развилось и стало меньше наркоманов. В Орловской области в последние годы КЖ также улучшилось. Увеличились возможности трудоустройства, изменилось к лучшему городское пространство. Но пенсионеры остались там уязвимой категорией граждан.

Некоторые данные по ТРК

«Крупные ТРК люди любят: это красиво и удобно. В принципе, владельцы ТРК известны, в городе их уважают. Это не криминальные авторитеты, как было в 1990-е, это люди, которые вкладываются в инфраструктуру города. Малому бизнесу ТРК не помогают никак, они оттягивают на себя покупателей. Но это закон рынка» (Тул. НКО 1).

«Крупные ТРК (например, «Гостиный Двор») принимают участие в жизни НКО. Например, при проведении конкурса Мисс Студенчества ресторан «Армения» предоставляет банкетный зал и помещение для фотосессии. Также они выступают спонсорами призов и подарков, обеспечивают музыкальное сопровождение и пр. Также ТРК помогают детям из малоимущих семей, например, проводится акция «Рюкзачок радостей»» (Тул. НКО 2).

«Крупные ТРК украсили город. Иногда в них ходят, как в музеи, чтобы время провести и посмотреть на красивое» (Тул. гражд. 40).

«Данный ТРК построен армянином, но это не вызывает никакого осуждения со стороны простых граждан. ... В последние годы жизнь в Туле улучшается. Этому способствуют и бизнесмены, которые строят красивые ТРК и обустривают территории вокруг них. ...В ТРК всегда много людей. Кто приходит не за покупками, тот проводит здесь время, смотрит кино, сидит в кафе» (Тул. гражд. 60).

«В г. Орел первым Торговым Центром был Юнмарт, туда ездили, как на выставку. Сейчас самый крупный ТРК «ГРИН», в нём есть кордодром, кинотеатр, театр, конференц-залы. В этом ТРК можно по-настоящему отдохнуть, он очень украсил город и стал привлекательным рекреационным центром. Из минусов можно назвать агрессивную рекламу и давление на сознание людей, навязывание потребительского мировоззрения» (Ор. НКО 4).

«В дорогих бутиках ни я, ни мои друзья не покупаем себе одежду и не страдаем от этого. Честной работой невозможно заработать много денег. Мои друзья работают официантами, подруги — на заводе. Это достойный и честный труд. Именно это главное в человеке, а не цена его одежды. Я сама подрабатываю няней в богатой семье, которая может себе позволить на выходных отовариваться в ТРК. Но я им не завидую. С ними у меня и моего окружения разные ценности. И если бы я купила себе одежду от Armani, это выглядело бы странно в глазах моих друзей. Но в ТРК мы ходим попить кофе, посмотреть кино. По моему мнению, с появлением крупных ТРК город стал выглядеть благополучнее» (Ор. НКО 4).

«ТРК «Грин» построил *курский* предприниматель Николай Грешилов. Появление этого ТРК сделало Орёл более интересным и привлекательным. Это своеобразная точка притяжения, рекреационная зона» (Ор. НКО 5).

«ТРК «Грин» нам нравится: он очень европейский, там чувствуешь себя комфортно» (Ор. гражд. 18).

В основном ТРК считаются позитивным явлением в обоих регионах. С ними связывается и общее благополучие города, и возможности для отдыха горожан. Но стратифицирующая составляющая ТРК также была отмечена.

Роль государства и власти

«Для малого бизнеса налогообложение усложняется, специальный налоговый режим, введенный 15 лет назад, отменяется. ... Условия для малого бизнеса таковы, что бизнесмены фактически неизбежно нарушают закон» (Тул. НКО 1).

«Антикоррупционные меры ведутся активно, бывший мэр Тулы сидит в тюрьме. Все это делает климат в городе здоровее: меньше воруют, меньше наркоманов, больше порядка» (Тул. гражд. 60).

«Я связываю перемены с новым губернатором (разведчиком), который многое делает на благо области, борется с коррупцией» (Тул. гражд. 30).

«Сегодня три проблемы в области: 1) **сильно отпущен рынок**, 2) **не лицензируется** строительство, 3) огромные бюрократические барьеры» (Ор. НКО 4).

«Власть помогает бизнесу развиваться. Бесплатные консультации по вопросам открытия бизнеса, консультации по налогам и отчетности, помощь в получении документов (пакет документов на открытие бизнеса по-прежнему очень большой)» (Ор. НКО 5).

«Поддержка фермерского хозяйства низкая. Непреодолимо высоки цены входа в сетевые магазины. Единственный путь реализации фермерской продукции — ярмарки выходного дня. Фактически, фермеры не защищены государством» (Ор. НКО 5).

Очевидно противоречивое отношение к деятельности властей. Разную оценку получали действия региональных и федеральных властей. Всеми респондентами было отмечено высокое налогообложение, бюрократия. Но в то же время отмечаются и положительные моменты, касающиеся борьбы с коррупцией.

Советский менталитет

«Чёткая системная работа расстраивает людей, это уже менталитет такой. В своё время были сказаны верные слова: «Сложилась новая общность — советский народ». Люди не поменялись. Они своеобразно относятся к работе, они не сопротивляются любым решениям власти, они не любят тех, кто достиг финансового успеха» (Тул. НКО 1).

«Основная проблема в людях. Они не верят, что кто-то может на добровольных началах захотеть поменять что-либо к лучшему. У нас советский менталитет в его плохом смысле» (Тул. НКО 3).

«У нас пока советский менталитет — люди перекладывают ответственность за свою жизнь и выбор на государство: не знают своих прав и не хотят знать, не борются за справедливость» (Ор. НКО 4).

Тема о советском менталитете не была запланирована в программе исследования. Но она неоднократно прозвучала в ходе интервью. И нам представляется, что она имеет серьезное значение для понимания КЖ. Говоря о КЖ, следует учитывать ментальность людей. Очевидно, мы можем говорить о европейской, советской, постсоветской ментальности и пр. Но это тема для отдельного исследования. Если рассматривать полученные нами данные как результаты «пилотного» исследования, то можно сделать предположительный вывод о том, что государство формирует и сохраняет советский менталитет, с тем чтобы сохранить пассивное и подчиненное положение граждан относительно государства. В подобном контексте и предпринимательство имеет пассивное отношение к государству. Несомненно, это самое значимое отличие российского общества от западного, включая Республику Корея.

Некоторые заключения

Трудно сделать окончательные выводы по столь небольшому исследованию. Но вместе с тем оно продемонстрировало важные аспекты, которые должны быть включены в сферу интересов современных исследователей, занимающихся проблемами качества жизни.

Во-первых, мы убедились, что независимо от социально-экономических показателей региона при оценке КЖ россиянами отмечалась в первую очередь динамика последних лет. И если она оказывалась положительной по самооценкам граждан, существующие проблемы нивелировались и по ним не было высокой напряженности (например, никто не отрицал, что наркомания в Туле есть, но она снижается. И факт снижения оказывался значительнее, чем факт наличия наркомании в целом).

Также мы зафиксировали момент, связанный с ментальностью. Традиционно в индексах качества жизни он не принимается во внимание. Вместе с тем в интервью он прозвучал отчетливо. Очевидно, что ментальность людей меняется под влиянием глобальных процессов: формирования общества потребления, глобализации, тоталитарных режимов и пр. Ментальность капитализма и свободной конкуренции, присущая Западу предполагает иные требования к качеству жизни, чем ментальность постсоветского человека. Унифицировать подходы в исследованиях и индексах по данной тематике в странах с разной ментальностью представляется неразумным. Могут ли они быть сопоставимы и конкурировать? Во время интервью стало понятно, что самым сильным субъектом в обществе для россиян является государство, закон и власти. Именно они формируют пространство и условия жизни как граждан, так и предприятий. В свою очередь граждане и коммерческие структуры не в состоянии повлиять на государство. Они полагают нормальным вести пассивное существование. И такое самоощущение не ведёт к снижению КЖ, поскольку патерналистические установки в отношении государства представляются россиянам естественными.

Понимая, что современные ТРК несут в себе большие смыслы, чем просто торговые площади; что они становятся знаковым аспектом для горожан; из-за своих больших размеров они неизбежно влияют на архитектуру города; они являются сосредоточием современной культурной, релаксационной жизни горожан и пр. — мы сделали акцент в нашем исследовании на уточнении их места в структуре качества жизни россиян. По результатам можно сказать, что ТРК не являются нейтральными и в большинстве случаев становятся поводом для гордости и высокой оценки КЖ в городе. В процессе интервью были заданы дополнительные вопросы о том, есть ли разногласия и конфликты между ТРК и населением, ТРК и окружающими обедневшими торговцами. Но мы почти не получили негативных ответов по этим вопросам. В случае Республики Корея, например, такие конфликты часты. Также часто вызывает недовольство граждан навязывание избыточного потребления. В 2003 г. был бум преступлений в сфере кредитования из-за неумеренных выдач кредитных карт банками и тенденции сверхпотребления. Подобные проблемы снижают КЖ и вызывают социальные конфликты. Но в России такие негативные явления отмечены не были или пока не осознаются как проблема.

Литература

- Anielski M. The Economics of Happiness: Building Genuine Wealth. Canada: New Society Publishers, 2007.
- Baudrillard J. The Consumer Society. London: SAGE Publication, 1998.
- Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Harvard University, 1984.
- Corrigan P. The Sociology of Consumption. SAGE publishing Company, 1997.
- Laermans R. Learning to Consume: Early Department Stores and the Shaping of the Modern Consumer Culture (1860–1914) // Theory, Culture & Society. Vol. 10(4). 1993. P. 79–102.
- Simmel G. On Individuality and Social Form. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
- Social Indicator / ed by R. A. Bauer. Cambridge: MIT Press, 1966.
- Veblen T. The Theory of Leisure Class: An Economic Studies of Institutions. Mentor Books, 1953.
- Безъязычный В. Ф., Шилков Е. В. Качество жизни. Рыбинск: РГТА, 2004.
- Васильев А. Л. Россия в 21 веке. Качество жизни и стандартизация. М.: РИА, 2003.
- Гаврилова Т. В. Принципы и методы исследования качества жизни населения // Технологии качества жизни. 2004. Т. 4, № 2.
- Управление качеством: качество жизни / Герасимов Б. С., Сизикин А. Ю., Спиридонов С. П., Герасимова Е. Б. М.: ФОРУМ, 2014.
- Качество жизни / Задесенец Е. Е. и др.. Краткий словарь. М.: Смысл, 2009.
- Качество жизни россиян. РГГУ, 2012.
- Неретина Е. А., Салимова А., Салимов М. Ш. Субъективные индикаторы качества жизни в регионе // Стандарты и качество. 2004. № 11.

Нугаев Р. М., Нугаев М. А. Качество жизни в трудах социологов США // Социологические исследования. № 6. 2003.

Петропавлова Г. П. Управление качеством жизни для населения региона. Ростов н/Д.: Издательство Ростов. ун-та, 2013.

Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. 2005~ 2014.

Сидорова И. М. Качество жизни и современные подходы // Качество и жизнь. 2002. № 1.

구자영. “백화점의 개념이 바뀌고 있다.” 『백화점협회보』, 2월호, 15-21, 1988.

이재기. 『삶의 질의 국제비교와 지역간 비교분석』. 서울: 집문당, 1998.

정은진. “서울시 백화점의 지역별 특성과 소비자 구매행태.” 『지리학논총』, 제27호(1996. 2), 111-130.

URL: <http://riarating.ru/infografika/20121218/610486725.html> (дата обращения: 14.03.2014).

URL: <http://riarating.ru/infografika/20131217/610601622.html> (дата обращения: 14.03.2014).

URL: <http://riarating.ru/infografika/20141222/610641471.html> (дата обращения: 02.03.2015).

В. В. Хренов

Южнокорейско-турецкие дипломатические и культурно-экономические связи: ретроспектива и современность

В 1949 г. Турция признала независимость тогда еще совсем молодого государства — Республики Корея. Первым значимым событием, заложившим основу сближения этих двух стран, стала Корейская война 1950–1953 гг., в которой, наряду с другими 15 странами-членами ООН, принимали участие воинские контингенты Турции. После этого началось расширение южнокорейско-турецких дипломатических, военно-политических, культурных и экономических связей, которые стали особенно активно развиваться с начала XXI в. В данной статье мы попытаемся сделать обзор такого развития с позиции исторической ретроспективы и современности.

In 1949 Turkey recognized independence of the Republic of Korea then being an absolutely young state. It was Turkey that took part in the Korean war of 1950–1953 along with other 15 member countries of the UN. Sending turkish military contingents to Korea became the first significant event which laid the foundation of further rapprochement of these two countries. After that it took place an expansion of diplomatic, military-political, cultural and economic relations between South Korea and Turkey. Their relationship has been getting stronger year by year, especially since the beginning of the XXI century. In this article we would try to make a review of development of their relations in the present and in a historical retrospective.

Вскоре после основания Республики Корея, 11 августа 1949 г. ее независимость признала Турция (Turkey, Korea fortify traditional strong ties. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2009/09/211_12666.html (дата обращения 05.09.2014). А 25 июня 1950 г. началась Корейская война, которую, несмотря на свою трагичность для корейского народа и негативные международно-правовые последствия, можно рассматривать как первый шаг на пути сближения Турции и Южной Кореи. В ответ на резолюцию Совета Безопасности ООН № 83 от 27 июня 1950 г., в которой странам-членам ООН рекомендовалось «оказать Республике Корея такую помощь, которая может быть необходима для отражения вооруженного нападения и восстановления международного мира и безопасности в этом регионе» (Soysal 2000: 85), турецкое правительство Демократической партии во главе с премьер-министром Аднаном Мендересом 25 июля 1950 г. объявило об отправке на Корейский полуостров в составе Объединенного командования войск ООН своего воинского подразделения в составе одной сухопутной бригады (Department of

State. Political affairs and relations. 1950. July 25. Tel. № 415). Согласно официальной статистике, со дня прибытия турецкого контингента в Пусан 17 октября 1950 г. до подписания соглашения о прекращении огня 27 июля 1953 г. правительство А. Мендереса направило в Корею в общей сложности три бригады общим количеством 14936 чел., из которых 741 чел. погибли, 2068 чел. ранено и 244 чел. попали в плен (History of UN forces 1972:676). В истории Турции это был первый опыт отправки своих национальных вооруженных сил для участия в войне за пределами своего государства (Avcı 2006: 179). Также турецкий контингент был самым многочисленным из азиатских стран-членов ООН, принимавших участие в корейском конфликте на стороне Южной Кореи. Несмотря на подписание перемирия 1953 г., ограниченный турецкий контингент, наряду с подразделениями США и некоторых других государств, продолжал дислоцироваться на Корейском полуострове для поддержания безопасности в регионе. После военного переворота 1960 г. в Турции начался планомерный вывод с Корейского полуострова национального контингента ООН, последний солдат которого покинул Корею лишь в июне 1971 г.

Важным следствием турецкого участия в войне стало развитие конфессиональных контактов, связанных с началом распространения ислама среди корейцев имамом турецкой бригады Абдулгaфуром Караисмаилоглу в 1955 г. В сентябре того же года с его помощью принявшие ислам корейцы организовали «Корейское исламское общество» (Торкунов 2008: 157), а в апреле 1956 г. была открыта первая в Южной Корее мечеть.

На фоне этих событий и роста взаимного интереса корейского и турецкого народов в марте 1957 г. между Турцией и Республикой Корея были установлены дипломатические отношения, в рамках которых первый официальный визит был совершен в апреле 1958 г. в Сеул турецким премьер-министром Аднаном Мендересом по случаю двухлетней годовщины открытия мусульманской мечети.

Вскоре после установления дипломатических отношений последний турецкий имам Зубейр Кох покинул Сеул. С этого времени ислам в Корее стал развиваться уже не силами идейных вдохновителей в лице турецких проповедников, а их учеников, поэтому турецко-корейские религиозные и культурные контакты заметно ослабли. В течение 1960-х гг. все отношения между Южной Кореей и Турцией сводились лишь к военному сотрудничеству, обусловленному символической дислокацией турецких войск и других национальных контингентов в Корее по настоянию правительств США и Южной Кореи с целью поддержания безопасности на Корейском полуострове. В этот период не было заключено ни одного соглашения в политической, культурной или экономической сфере.

Через несколько месяцев после того, как последний турецкий солдат покинул Южную Корею, 23 августа 1971 г. между Анкарой и Сеулом были установлены побратимские отношения (в память об этом событии 1 мая 1997 г. в восточной части делового квартала Ёйдо в Сеуле был открыт парк Корей-

ско-турецкой дружбы, на территории которого расположен традиционный турецкий дом и стелла, символизирующая единство Турции и Кореи) (Lee 2012: 231). Это событие стало отправной точкой в возрождении культурных связей, что в дальнейшем привело к началу развития турецко-корейских экономических отношений. В 1974 г., помимо заключения соглашения о турецко-корейском культурном сотрудничестве, важным событием стало открытие в Стамбуле торгового отдела посольства Республики Корея в Турции. В мае 1977 г. состоялся первый в истории визит Турции правительственной делегации Южной Кореи во главе с премьер-министром Чой Кю Ха, который принял участие в подписании соглашения о развитии торгово-экономических отношений и научно-техническом сотрудничестве. Если говорить о визитах турецких официальных лиц в Южную Корею, начало которым было положено премьер-министром Аднаном Мендересом в 1957 г., стоит отметить первый в истории визит высшего должностного лица Турции — Президента Кенана Эврена в декабре 1982 г. Примечательно, что Эврен в 1958–1959 г. проходил службу в Корею в качестве начальника штаба расквартированной в Южной Корею турецкой бригады (Kenan Evren URL: <http://www.mfa.gov.tr/kenan-evren.en.mfa> (дата обращения 10.09.2014). Целью визита Эврена в Сеул после избрания на пост Президента Турции стало его желание расширить сложившиеся во время Корейской войны дружеские турецко-корейские отношения до взаимовыгодного экономического сотрудничества (Paik 2007: 181). А в 1986 г., после 28-летнего перерыва, состоялся второй в истории визит турецкого премьер-министра Тургута Озала в Южную Корею. Главной целью визита Озала было намерение познакомиться с успешным опытом экономического развития Республики Корея, чтобы в перспективе использовать его достижения в экономике Турции. Считается, что именно этим визитом обозначился окончательный переход от военного турецко-корейского сотрудничества к экономическому (Lee 2012: 232). Вскоре после этого события, в 1987 г. был учрежден Совет предпринимателей Турции и Южной Кореи, первый саммит которого состоялся в Стамбуле в июне 1989 г.

С середины 1980-х корейские компании стали проявлять интерес к инвестициям в экономику Турции, что вполне соответствовало политике правительства Т. Озала, направленной на привлечение в отечественную экономику иностранного капитала. Одним из первых южнокорейских инвестиционных проектов стало создание в 1987 г. в городе Маниса (Турция) совместного турецко-корейского предприятия Голдстар-Вестел по выпуску микроволновок и цветных телевизоров, за чем последовало массовое открытие подобных предприятий при участии других крупных корейских компаний: Хёндэ, Дэу, Самсунг и др.

Если говорить о внешнеторговой деятельности корейских автомобильных предприятий в отношении Турции, то одним из первых значимых субъектов таких отношений стала Хёндэ Моторз, которая с 1990 г. начала экспорт своей автомобильной продукции в Турцию, а в ноябре 1995 г. создала там свой автозавод в городе Измит. Активная же экспансия корейских конгломератов в Тур-

цию началась вскоре после визита в эту страну премьер-министра Южной Кореи Кан Юн Хуна в конце 1990 г. с подписанием в мае 1991 г. Соглашения о взаимной защите и поощрении инвестиций, целью которого было устранение всех возможных препятствий в торговле между двумя странами. О важности этого соглашения можно судить по росту инвестиций: если в 1991 г. объем корейских капиталовложений в Турцию был лишь 19 млн. долл., то к 2010 г. он вырос в 26 раз, составив 510 млн долл. (Korea, Turkey investment statistics. URL: <http://www.kita.org/> (датаобращения 06.06.2014)). Однако, инвестиции Турции в Южную Корею остаются на достаточно низком уровне: лишь 7 млн долл. в 2010 г., что свидетельствует о весьма однобоком состоянии инвестиционного климата между странами, в котором корейские компании имеют больший потенциал в увеличении объема зарубежных капиталовложений, направленных больше в сферу производства, нежели в сферу услуг.

Несмотря на заметную активизацию экономических связей в 1990-х гг., в этот период обмен делегациями на высшем уровне были чрезвычайно редки: через год после визита в Турцию премьер-министра Республики Корея Ли Су Суна в 1996 в Азии начался экономический кризис, и Южной Корее потребовался не один год на восполнение его негативных последствий. В свою очередь, инвестиционный климат Турции в немалой степени пострадал после разрушительного землетрясения на северо-западе страны в августе 1999 г.

Ситуация изменилась с официальным визитом премьер-министра Турции Реджепа Тайип Эрдогана в Сеул в феврале 2004 г. Последовавший за этим визит в Турцию Президента Но Му Хёна в апреле 2005 г. стал одновременно и первым визитом президента Республики Корея в страну со времени установления дипломатических отношений в 1957 году. После этого, с мая 2005 г. по апрель 2006 г., Институт Развития Кореи и турецкая Организация Государственного Планирования провели совместную программу обмена опытом по теме «Пути развития экономики Турции: уроки из Кореи». После успешного завершения данного проекта правительство Турции предложило продолжить сотрудничество, поэтому на 2008–2009 гг. корейское Министерство Стратегии и Финансов выбрало Турцию в качестве партнера по реализации программы «Сотрудничество ради прогресса» Korea-Turkey knowledge sharing program report URL: <http://www.ttgk.org.tr/en/korea-turkey-knowledge-sharing-program-report> (дата обращения 05.09.2014)). В рамках этого сотрудничества происходит обучение специалистов и обмен экспертами.

Дальнейшие отношения были усилены с помощью визита корейского премьер-министра Хан Сонг Су в Турцию в декабре 2008 г. После этого обмен визитами на высшем уровне между двумя странами принял регулярный характер. Пик корейско-турецкого диалога пришелся на 2010 год. Президент Турции Абдулла Гюль посетил Корею 14–16 июня 2010 г. Во время визита был подписан Меморандум о взаимопонимании для сотрудничества в сфере ядерной энергетики между Республикой Корея и Турецкой Республикой, а также соглашения о таможенном сотрудничестве и взаимопомощи и про-

грамма культурного обмена на 2010 — 2012 гг. (Korea, Turkeyagreetoexpand-economics. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20100615000723> (дата обращения 01.09.2014)

Турецкий премьер-министр Эрдоган приехал с визитом в Сеул по случаю саммита «Большой двадцатки» 11–12 ноября 2010 г., во время которого был подписан предварительный контракт с южнокорейской компанией КЕРСо на строительство АЭС на Черном море в районе Синопа. После саммита Эрдоган встретился с президентом Южной Кореи для обсуждения условий Соглашения о свободной торговле и составления плана кооперации между Турцией и Кореей.

12 декабря 2011 г. в Сеуле состоялся первый корейско-турецкий диалог о сотрудничестве. Диалог о сотрудничестве включал в себя обсуждение экономических, социально-культурных и политических отношений между двумя странами. В результате были выработаны следующие рекомендации по дальнейшему развитию двухсторонних отношений между Кореей и Турцией:

В области экономики:

- переговоры по Соглашению о свободной торговле должны быть закончены в первой половине 2012 г.;
- нужно улучшить партнерство в области технологий;
- корейским компаниям рекомендовано вкладывать деньги в турецкие проекты по использованию энергии солнца и энергии ветра;
- рекомендовано закупать продовольствие в Турции;
- необходимо укреплять сотрудничество в сфере оборонной промышленности.

В области социально-культурных отношений:

- следует основать совместный турецко-корейский университет;
- фонд Юнус Эмре откроет филиал в Сеуле;
- следует увеличить академический обмен между двумя странами;
- необходимо более активно знакомить жителей Кореи с турецкой культурой.

В области политики:

- необходимо улучшить отношения между Кореей и Турцией в рамках членства в Большой двадцатке;
- нужно разработать совместные региональные и общемировые стратегии;
- необходимо регулярно проводить визиты на высшем уровне, чтобы способствовать динамике существующих двухсторонних отношений.

19–20 января 2012 г. состоялся официальный визит Министра иностранных дел и Торговли Ким Сун Хвана в Турцию, в ходе которого был подписан План действий по сотрудничеству между Министерствами иностранных дел Южной Кореи и Турции на 2012–2016 гг. План включает в себя проекты сотрудничества в политической, экономической, культурной сферах, а также в сфере безопасности и дипломатии. В частности, он предполагал взаимное сотрудничество в качестве членов ООН и Большой двадцатки.

19 марта 2010 г. впервые было заявлено о начале переговоров по Соглашению о свободной торговле между Турцией и Республикой Корея. После проведения трех раундов переговоров соглашение было подписано 26 марта 2012 г. премьер-министром Турции Реджепом Тайип Эрдоганом и Президентом Республики Корея Ли Мён Баком (Турция и Корея подписали договор о свободной торговле. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkey-and-south-korea-pledge-stronger-ties-via-free-trade-deal.aspx?pageID=238&nID=16945&NewsCatID=344> (дата обращения 12.09.2014) и вступило в силу 1 мая 2013 г. (Соглашение о свободной торговле между Турцией и Кореей вступает в силу 1 мая. URL: http://www.unitrade.su/novosti/soglashenie_mezhdu_turtsiey_i_koreey_vstupayet_v_silu.html (дата обращения 27.09.2014). Со вступлением в силу двустороннего торгового соглашения, Турция отменит пошлины на импорт товаров промышленной группы из Южной Кореи в течение следующих семи лет, что поможет Корее завоевать лидирующие позиции на турецком рынке. Несмотря на то, что данное соглашение в данный момент охватывает лишь торговлю товарами, в июле 2014 г. Сеул и Анкара достигли договоренности об условиях включения в Соглашение о свободной торговле также сектор услуг и инвестиций (South Korea announces new FTA with Turkey. URL: <http://www.dailysabah.com/economy/2014/07/08/south-korea-announces-new-fta-with-turkey> (дата обращения 28.08.2014).

Турция является 25 по величине торговым партнером Южной Кореи, а объем южнокорейского экспорта в Турцию в прошлом году достиг 4,55 млрд. долл., продемонстрировав прирост более чем в 6 раз по сравнению с 2001 г. (0,7 млрд долл.). Основными статьями корейского экспорта в Турцию являются синтетические смолы, автомобили, электроника, суда и строительная техника. Для Турции же Южная Корея является вторым по значимости в торговом партнером на Дальнем Востоке после КНР, однако экспорт турецких товаров в Республику Корея составил менее 1 млрд в 2012 г. Основными статьями турецкого экспорта в Корею являются нефть, газ, железо, сталь и пр.

Что касается других областей сотрудничества между двумя странами, то можно отметить сферу образования, культуры и туризма. В сентябре 1972 г. появился первый в Южной Корее факультет тюркологии на базе университета Хангук, а первый в Турции факультет корееведения был учрежден в феврале 1989 г. в Университете Анкары. В Сеуле уже на протяжении нескольких лет при поддержке Посольства Турции регулярно проводятся выставки турецкой вышивки. Также в обеих странах действует ряд национальных культурных центров (например, турецкий культурный центр в Сеуле). С начала XXI в. **обозначился стремительный рост числа корейцев, посещающих Турцию** (с 22,3 тыс. чел в 2000 до 123,3 тыс. в 2011 г.). Этому также способствовало открытие в 2006 г. регулярных авиарейсов между Инчхоном и Стамбулом. При этом прирост числа турков, посетивших Южную Корею за тот же период, значительно меньше: с 5,9 тыс. в 2000 до 16,3 тыс. в 2011 г., что говорит пусть о медленном, но стабильном росте интереса турок к Южной

Корее. На то, что такой интерес есть, указывает набирающая популярность в Турции так называемая «корейская волна»: корейские сериалы, комиксы, музыка, кухня и т. д.

Таким образом, с начала XXI в. более чем полувековая история турецко-корейских отношений вышла на качественно новый, более высокий уровень во всех сферах жизни. Есть основания полагать, что эволюция от «Корейской войны» к «корейской волне» станет залогом долгого и стабильного партнерского многостороннего сотрудничества между Турцией и Южной Кореей.

Литература

- Резолюции Совбеза ООН* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1950/res83.pdf> (дата обращения 08.04.2009).
- Соглашение о свободной торговле между Турцией и Кореей вступает в силу 1 мая*. URL: http://www.unitrade.su/novosti/soglashenie_mezhdu_turtsiey_i_koreey_vstupayet_v_silu.html (дата обращения: 27.09.2014).
- Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 266 p.
- http://modernlib.ru/books/li_vladimir/koreyskiy_poluostrov_metamorfozi_poslevoennoy_istorii/read/
- Турция и Корея подписали договор о свободной торговле*. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkey-and-south-korea-pledge-stronger-ties-via-free-trade-deal.aspx?pageID=238&nID=16945&NewsCatID=344> (дата обращения: 12.09.2014).
- Avcı Ç.N. Türk-Amerikan ilişkileri ve basındaki yansımaları (1945–1952). — İstanbul: Yüksek lisans tezi, 2006. — 227 s.
- Department of State. Political affairs and relations: truce, cease-fire, armistice (1950–1953). Outgoing Telegram*. Confidential U.S. State Department Central Foreign Policy Files: Korea, 1970–1973. POL 27–14 KOR/UN. RG59.
- History of UN forces in Korean War*. 6 vv. — Seoul: the Ministry of National Defense of the Republic of Korea, 1972. — Vol. I. — 749 p.
- Kenan Evren. URL: <http://www.mfa.gov.tr/kenan-evren.en.mfa> (дата обращения 10.09.2014)
- Korea, Turkey agree to expand economic ties*. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20100615000723> (дата обращения: 01.09.2014).
- Korea, Turkey investment statistics*. URL: <http://www.kita.org/> (дата обращения 06.06.2014)
- Korea-Turkey knowledge sharing program report* URL: <http://www.ttgov.org.tr/en/korea-turkey-knowledge-sharing-program-report> (дата обращения: 05.09.2014).
- Lee Heechul. An Analysis of Korean Turkish Relations: Rising Trade Partnership and Deepening Integration//USAK Yearbook of International Politics and Law. 2012. №5. P. 227–242.
- Soysal İ. Türkiye'nin uluslararası siyasi bağları. 2 Cilt. Ankara: Türk tarihi kurumu basımevi, 2000. — Cilt 2: 1945–1990. — 231 s.
- South Korea announces new FTA with Turkey*. URL: <http://www.dailysabah.com/economy/2014/07/08/south-korea-announces-new-fta-with-turkey> (дата обращения: 28.08.2014).
- Paik Sang-ki. Half a Century with Turkish People. Seoul: Sam-kwa-ggum, 2007.
- Turkey, Korea fortify traditional strong ties*. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2009/09/211_12666.html (дата обращения: 05.09.2014).

И. С. Федорко, Н. А. Воробьева

Перспективы развития российско-корейских отношений в контексте введения антироссийских санкций

В данной статье раскрываются перспективы развития российско-корейских отношений вследствие угрозы введения Южной Кореей антироссийских санкций, анализируются основные достижения в укреплении совместного партнерства и основные приоритетные отрасли сотрудничества. Также авторы делают прогноз насчет возможности поддержания Кореей полного пакета санкций и обосновывают его, анализируют статистику российско-корейских торгово-экономических отношений и выявляют влияние глобализации на них.

The scientific article analyzes the prospects for the development of relations between Russia and South Korea, and the necessity of choice of the ROK as the major strategic partner of Russia because of the changed geopolitical situation around Russia on the world arena. Possible ways of cooperation in the economic, social, political and cultural spheres in the context of globalization of the modern economy and the negative consequences for the development united business projects independently from sanctions introduction are discussed. In addition, the paper presents the results of the analysis of union activities in various areas, forums and trade relations.

С недавнего времени большинство авторитетных российских политологов и экономистов утверждают, что приоритетным направлением развития отечественной экономики является курс на построение тесных социально-экономических взаимоотношений со странами Восточной Азии. Прежде всего речь идет о сближении России с Китаем, Японией и Южной Кореей во многом из-за введения антироссийских санкций в США и странах ЕС. Однако Япония под давлением США частично поддержала пакет санкций против РФ, а установлению более тесных отношений между КНР и Россией настойчиво мешает американское правительство, опасаясь создания мощного экономического союза. Таким образом, в сложившихся обстоятельствах Южная Корея должна рассматриваться как стратегически важный партнер для России. С другой стороны, недостаток природных ресурсов, ориентированность экономики на экспорт и возрастающая конкуренция со стороны Китая на традиционных рынках сбыта в Юго-Восточной Азии, Европе и США предопределяют интерес Республики Корея к более тесному торгово-экономическому сотрудничеству с РФ.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости определения стратегических партнеров как для России, так и для Южной Кореи в

условиях нестабильной политической обстановки. Антироссийские санкции изменили расстановку сил на мировой политической арене, перед многими странами становится стратегический выбор между сохранением сложившихся отношений с Россией и поддержкой пакетов санкций под давлением США. Таким образом, каждая страна вынуждена анализировать возможные последствия в зависимости от сделанного выбора. Именно поэтому данное исследование посвящено рассмотрению различных путей развития отношений между Россией и Кореей в сложившихся условиях и обоснованию необходимости их укрепления. Стоит отметить, что подобная тема частично затрагивалась другими авторами, пытающимися проследить тенденцию развития российско-корейских отношений, например, А. В. Торкуновым, В. И. Денисовым и Вл. Ф. Ли. В целом проблеме развития отношений между двумя странами посвящено немало научных статей и монографий, однако большинство из них были написаны задолго до сложившихся геополитических условий. Поэтому, по мнению авторов, проблема стратегического сотрудничества России с Кореей вследствие введения антироссийских санкций в недавнем прошлом актуальна как никогда ранее.

С точки зрения авторов, у большинства азиатских стран, в том числе и у Южной Кореи, нет веских причин ужесточать санкции против России, потому что кризис на Украине мало затрагивает их внешнеполитические и внешнеэкономические интересы. Корея рассматривает РФ не только как важного торгового партнера, но и как участницу шестисторонних переговоров, посвященных вопросу незаконной северокорейской программы по созданию ядерного оружия. То есть, по мнению авторов, Россию и Южную Корею объединяют общие политические, экономические и культурные интересы.

Однако, несмотря на нежелание ряда азиатских стран поддерживать антироссийские санкции, существует огромный риск того, что экономика Азии в целом все равно пострадает. Во-первых, страны-союзники США в азиатском регионе, такие как, например, Япония введут или уже ввели санкции в отношении России. Во-вторых, многие компании Азии из энергетического и банковского секторов уже сейчас стараются избежать последствия от американских санкций и репутационных рисков, связанных с ведением бизнеса с российскими компаниями.

Возвращаясь к российско-корейским отношениям, авторы данной статьи считают, что важным аргументом в пользу укрепления сотрудничества между Россией и Южной Кореей является высокий показатель товарооборота между странами, а также непрерывный рост этого показателя от года к году, обусловленный ростом, как импорта, так и экспорта (табл. 1).

По данным министерства экономического развития Российской Федерации, главная роль в развитии отношений с Республикой Корея отводится Российско-Корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Южная Корея во взаимодействии с Российской Федерацией в качестве основной цели ставит диверсификацию источ-

ников поставок минеральных и энергоресурсов, сбыта продукции машиностроения, промышленного оборудования и транспортных средств, участия в крупных инфраструктурных проектах, в том числе, по освоению нефтегазовых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока России (http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/kr_ru_relations/kr_ru_trade/).

Помимо всего прочего, авторами были отмечен интерес южнокорейских компаний к образцам российской высокотехнологичной продукции. На рынке Южной Кореи данная продукция не представлена местными производителями, вследствие чего у российских производителей появляется перспектива экспорта данных высокотехнологичных товаров в РК. Подобная российская продукция вполне может рассматриваться южнокорейскими импортерами в качестве альтернативы дорогостоящим товарам, произведенным в США или странах Европы. К такой продукции прежде всего относятся системы аналитического приборостроения (например, фотометры и спектрометры) и системы отчистки воды.

Изучив высказывания ряда корейских экономистов и бизнесменов, авторы данной статьи считают, что при необходимой государственной поддержке со стороны правительства РК крупные корейские компании готовы к значительным долгосрочным инвестициям в экономику России, включая как сырьевые отрасли, так и перерабатывающую промышленность.

С другой стороны, рассуждая о развитии экспорта корейских товаров, следует отметить высокие перспективы высокотехнологичных корейских услуг для поставки в Россию. Данные продукты, поставляются на территорию России уже внедренными в современные промышленные изделия, что не дает возможности использовать опыт южнокорейских компаний и постараться внедрить умные продукты в промышленность РФ. Таким образом, целесообразно рассмотреть возможность привлечения импорта южнокорейских умных технологий. Важно привлекать российских экспертов для определения коммерческого и технического потенциала. Министерство экономического развития Российской Федерации придерживается позиции, что совместное производство с Южной Кореей высокотехнологичных продуктов с возможностью их дальнейшего улучшения и совершенствования при использовании российских научных разработок и поддержке со стороны государства как в финансовой, так и в информационной сферах позволит привлечь южнокорейских производителей малых и средних предприятий (http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/kr_ru_relations/kr_ru_trade/).

На основе проведенного анализа авторы считают, что необходимость развития топливно-энергетического комплекса в Южной Корее и диверсификация источников энергии выводят ее на российский рынок углеводородов по целому ряду причин. Среди них, во-первых, географическая близость и соответственно возможность сокращения транспортных расходов, во-вторых, комплексное наполнение энергетических потоков различными видами энергоресурсов (нефть, газ, электроэнергия), в-третьих, благопри-

Таблица 1

Государства-партнеры	Товарооборот		Экспорт		Импорт		Внешнеторговый баланс	
	Объем (млн. долл. США)	+/- % к 2012г.	Объем (млн. долл. США)	+/- % к 2012г.	Объем (млн. долл. США)	+/- % к 2012г.	2013г. (млн. долл. США)	2013г. (млн. долл. США)
Россия	22646	0,9	11150	0,5	11496	1,3	-346	-257

И с т о ч н и к : Корейская ассоциация международной торговли (КТА), январь 2014 г.

ятные перспективы для решения энергетических проблем на региональном уровне. Однако главенствующим для Южной Кореи является российский газ, доля которого неуклонно растет в энергобалансе страны.

Таблица 2. Основные товарные позиции, экспортируемые РФ в РК

№	Товарная позиция	2013	
		В денежном эквиваленте (млн. долл. США)	Рост по сравнению прошлым годом, %
1	Сырая нефть	3 904	6,6
2	Бурый уголь	1 355	-12,3
3	Природный газ	850	-19,3
4	Алюминиевая руда	840	-19,3
5	Металлолом	392	-18,6

И с т о ч н и к : Министерство экономического развития РФ, 2013 г.

Следует отметить, что позиция Южной Кореи в вопросе придания государственного статуса сотрудничеству в газовой сфере приобрела положительный импульс по мере перехода к российской компании «Газпром» координирующих функций по газовым проектам Восточной Сибири.

На основании анализа мнений экспертов, авторы считают, что перспективными направлениями сотрудничества Южной Кореи и России могут стать оказание совместной энергетической помощи КНДР, так как для реконструкции энергетической базы Северной Кореи требуются небольшие средства, а также экспорт в Южную Корею электроэнергии с дальневосточных ГЭС. Южная Корея в данном вопросе полагается на то, что РФ располагает на востоке значительным энергетическим потенциалом и, соответственно, может сыграть немаловажную роль. Для России, в свою очередь, Южная Корея представляет собой интерес не только в качестве потребителя энергии, но и в качестве транзитной территории для создания энергетического моста и формирования регионального энергетического рынка.

Однако, проанализировав инвестиционные отношения более детально, авторами было отмечено, что на сегодняшний день партнерство с РФ в отношении реализации энергетических проектов ограничивается часто лишь декларациями. Одним из веских аргументов относительно такой сдержанности к российским энергетическим проектам Южная Корея называет сформировавшиеся на Западе представление о неблагоприятном инвестиционном климате в России, несовершенстве законодательства в сфере участия иностранного капитала в разработке природных ресурсов, а на данный момент, к этому еще добавились и санкции со стороны ЕС, а также давление на РК со стороны США. Если говорить об инвестиционном климате в России, то он действительно сейчас переживает не лучшие времена. Еще до кризиса РФ занимала 92-е место в рейтинге *DoingBusiness Всемирного банка*, а в новом рейтинге, составленном на 2015 год, поднялась на 62-ю строчку (<http://www.forbes.ru/news/272003-rossiya-podnyalas-v-reitinge-doing-business-na-62-mesto>). В первую очередь это связано не с существенными изменениями внутри страны, а с тем, что Всемирный Банк изменил методику оценки инвестиционной привлекательности стран. Тем не менее стоит отметить, что данный рейтинг чересчур политизирован и скорее является навязанным представлением Запада об инвестиционной привлекательности разных стран.

Однако, несмотря на возникающие проблемы, необходимо отметить, что торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Кореей активно развивалось не только на уровне различных отраслей, но и на уровне национальных экономик в целом на протяжении последних лет. Главным подтверждением растущего взаимного интереса к партнерству, безусловно, можно назвать разработку и проведение ежегодного совместного мероприятия — Российско-Корейского бизнес-диалога.

Данное мероприятие призвано в первую очередь стать площадкой для встречи российских и корейских компаний, которые заинтересованы в разработке и реализации совместных проектов и партнерских программ. О том, что значимость данного форума в последнее время растет, свидетельствует возрастающее количество сделок среди компаний стран-участниц. Данный форум необходим для обеих стран еще и потому, что позволяет найти подходы для решения стратегических важных задач по развитию взаимоотношений во всех областях. Спектр тем, представленных на данном форуме, достаточно широк и затрагивает как вопросы о развитии сотрудничества между странами в отдельных отраслях хозяйства, так и вопросы развития всего Восточно-Азиатского региона в целом.

На сегодняшний день эксперты выделяют несколько приоритетных областей сотрудничества между Россией и Кореей, таких как развитие топливно-энергетического комплекса, автомобилестроение, космические исследования, судостроение. По каждому из данных направлений страны запустили или планируют запускать совместные проекты. В топливно-энергетическом комплексе укрепляется проект по сотрудничеству между ОАО «Газпром»

и «Kogas», разрабатываются и реализуются проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2», ведется совместная работа ОАО «Газпром» и «KNOC» по освоению Западно-Камчатского шельфа Охотского моря, развивается сотрудничество в области электроэнергетики, активно обсуждается совместная программа работ в области мирного использования атомной энергии. В области космоса сотрудничество реализуется по программам создания Корейского ракетно-космического комплекса, создания жидкостных ракетных двигателей и услугам по запуску. Расширение совместных работ наблюдается и в области судостроения (http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/kr_ru_relations/kr_ru_trade/).

Экономическое взаимодействие между странами, безусловно, характеризуется успешными инвестиционными проектами, которые в последнее время активно реализовывались с обеих сторон. Если говорить о таких проектах, то необходимо вспомнить запуск завода «LG Electronics» по производству бытовой электроники в г. Руза Московской области (объем инвестиций — 150 млн долл. США), запуск завода «Samsung Electronics» по производству бытовой техники в Калужской области (объем инвестиций — 251 млн долл. США); открытие кондитерской фабрики «Лоттэ Групп» в г. Обнинск Калужской области (объем инвестиций — 100 млн долл. США); открытие автосборочного предприятия «Хёндэ Мотор» в г. Санкт-Петербург (объем инвестиций — 500 млн. долл. США, производственная мощность 150 тыс. автомобилей в год); запуск табачной фабрики «KT&G» в Калужской области и открытие жилого комплекса «SSangYong Engineering and Construction Co ltd» в г. Калуге (объем инвестиций — 500 млн евро). Объем накопленных прямых иностранных инвестиций из Кореи в России вырос до 2 млрд долл. США, что позволило корейскому капиталу реализовать 1627 инвестиционных проекта на территории РФ. Если говорить об объеме накопленных прямых инвестиций РФ в экономике РК, то цифра значительно меньше — 154,7 млн долл. США (613 реализованных инвестиционных проектов с участием российского капитала, на первый квартал 2013 г.). Однако в последнее время инвестиционная привлекательность корейской экономики в глазах российских инвесторов растет, что позволяет надеяться на внушительный рост этого показателя в перспективе. Этот вывод сделан на основе анализа таблицы 3 «Прямые инвестиции Российской Федерации в экономику Южной Кореи».

Таким образом, очевидно, что Южная Корея зависит от экономического сотрудничества с Россией и нацелена на его развитие, но возможность охлаждения отношений, как было сказано ранее, существует из-за давления США. Как известно, Япония и РК на сегодняшний день являются геополитическими союзниками Америки, оба государства не признали присоединение Крыма к РФ. Япония, частично, приняв пакет санкций, приостановила консультации о смягчении визового режима с Россией, отложила переговоры о возможном заключении договоров о взаимодействии в освоении космоса и о координации усилий в сфере безопасности, об инвестиционном сотруд-

ничестве, а также временно отказав в выдаче въездных виз 23 официальным лицам РФ, еще больше обострила ситуацию.

В самой Южной Корее существуют различные точки зрения на необходимость и перспективы введения и развития санкций в отношении России.

Питер Харрелл, сотрудник госдепартамента США, в конце июля нанес специальный визит в Сеул, в рамках которого пытался убедить своих коллег в присоединении к санкциям, вскоре после это Ви Сон Лак, посол Республики Корея в России, заявил прессе, что Сеул не планирует вводить каких-либо санкций в отношении Москвы по примеру западных стран, но с оговоркой: введенные США и ЕС ограничительные меры против России могут повлиять на экономическое сотрудничество Южной Кореи и России. Также посол добавил: «Корейские компании зачастую работают не только на двустороннем уровне с российскими партнерами, но и с участием зарубежных компаний, поэтому на них это оказывает определенное влияние».

Известный корейский специалист по экономике России и стран СНГ директор отдела Америки, Европы и Евразии государственного Института внешнеэкономической политики Кореи (КИЕР) Ли Чжэ Ён выразил схожее мнение, заявив, что Россия для Кореи является ключевым стратегическим партнером и рассказал о программе «Евроазиатская инициатива»: «Если резюмировать, то Евроазиатская инициатива нашего президента — это стратегия улучшения межкорейских отношений, масштабной активизации сотрудничества с Северо-Восточной Азией и далее с государствами Евразии вообще. Центральным государством, с кем запланировано развитие сотрудничества в рамках Евроазиатской инициативы, является как раз Россия».

Однако существует мнение, что принятие Южной Кореей антироссийских санкций просто неизбежно, подкрепляемое политическими доводами. Например, профессор Мун Чон Ин, представлявший южнокорейский университет Енсе, 21 августа на международном форуме во Владивостоке «Мир в Юго-Восточной Азии (ЮВА)» заявил: «Сегодня нельзя исключать того, что Республика Корея присоединится к санкциям против России. Реальность такова, что наша страна вместе с Японией и США составляют блок коллективной безопасности в ЮВА. И по отношению к этому блоку Северная Корея и Россия рассматриваются как потенциальные противники».

«В последнее время из-за кризиса на Украине страны Запада ввели против России санкции. Как мне кажется, нам надо придавать большую важность этому факту, тем более, что мы сами частично участвуем в этих санкциях», — заявил Рю Гиль Чэ, глава министерства объединения, косвенно дав понять, что все-таки, хоть и негласно, Корея приняла санкции, пусть и в неполном объеме.

Почти 50% экспорта в РФ из Южной Кореи составляют автомобили и автомобильные запчасти, которые собираются на территории России южнокорейскими корпорациями Kia Motors и Hyundai Motor их количество составляет более 370 тыс. автомобилей в год, согласно данным агентства по

Таблица 3. «Прямые инвестиции Российской Федерации в экономику Южной Кореи». Млн. долл. США.

Инвестиции	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Накопленные инвестиции
Прямые инвестиции из РФ в РК	1,5 (-90,6%)	5,1 (240,0%)	8,8 (72,5%)	95,2 (981,2%)	148,8
Прямые инвестиции в РК	11 484,1 (-1,9%)	13 071,3 (13,8%)	13 673,1 (4,6%)	17 803,2 (30,2%)	209 819,8

Источник: Министерство экономики знаний РК (МКЕ), апрель 2013 г.

продвижению торговли и инвестиций Республики Кореи (KOTRA). По их мнению, вышепредставленные компании ожидает период рецессии, а возможно и сильного упадка, если Южную Корею вынудят поддерживать США и Европу. Стоит в этом отношении отметить также и корпорацию Samsung Electronics, осуществляющую сборку своих гаджетов и телевизоров в России. Нельзя оставить без внимания и вклад Японии и РК в экономику Приморья. Причем, если не брать в расчет фактор возросшей политической напряженности между РФ и США, то можно отметить, что существуют предпосылки, например, транспортная, для стремительного развития и улучшения экономического партнерства.

На данный момент в регионе действуют три регулярные международные паромные линии: «Сокчо — Зарубино — Сокчо», «Сокчо — Владивосток — Сокчо», «Владивосток — Донгхэ (Республика Корея) — Сакаиминато (Япония)». Совокупный пассажирооборот — около 70 тыс. туристов в год. В Приморье реализуется программа обмена опытом с Республикой Корея — KnowledgeSharingProgram (KSP). В ее рамках реформируется система административного управления крае. Южнокорейский холдинг SK Chemicals намерен стать резидентом нефтехимического кластера в Приморье, который будет создан на базе ЗАО ВНХК, дочерней компании «Роснефти». В планах Республики Корея в партнерстве с КНДР через посредничество России (Приморья) связаться единым транспортным железнодорожным коридором (проект «Раджин-Хасан» с Европой (Статья из журнала «Конкурент»).

Прогресс во взаимоотношениях РФ и РК ознаменовался еще одним важным совместным достижением: между странами был введен безвизовый режим. Такое соглашение должно способствовать увеличению обмена людскими ресурсами, потока туристов. Очевидно, что отечественный малый и средний бизнес станет активнее проявлять интерес к Южной Корее. Без-

условно, это решение создало благоприятные предпосылки для активизации гуманитарных и экономических связей между странами. О значимости данного совместного решения говорило огромное число официальных представителей обеих стран, и практически все они сошлись на том, что данная мера интенсифицирует торговые, экономические, социальные и культурные взаимоотношения между странами.

Очевидно, что помимо большого количества совместных достижений, по мнению авторов, существует и ряд проблем, которые мешают дальнейшему развитию сотрудничества между странами. Если смотреть с точки зрения южнокорейских компаний, то в России до сих пор инвестиционный климат хуже, чем во многих других странах, что в частности подтверждает рейтинг Всемирного Банка, упомянутый выше. Российские компании мало инвестируют в экономику Кореи, имеют мало информации о корейских компаниях, а потому не проявляют особой активности по части контактов с корейскими партнерами. Все это мешает развитию двустороннего сотрудничества. Кроме того, фактор ядерной проблемы КНДР препятствует реализации таких крупных проектов как соединение железных дорог Кореи с Россией, строительство газопровода. Однако эти проблемы вполне преодолимы, и оба государства стараются принимать меры для решения этих вопросов. Упомянутый выше Российско-Корейский бизнес-диалог создан специально для развития совместных бизнес-проектов, привлечения российских инвестиций в Южную Корею и корейских инвестиций в Россию, повышения степени осведомленности компаний друг о друге. Данная инициатива была поддержана Торгово-Промышленной Палатой РФ, Российско-Корейским Деловым Советом, а также Корейской Международной Торговой Ассоциацией (КИТА), Корейской федерацией промышленников и Корейско-Российским Деловым Советом, выступающими организаторами Бизнес-Диалога с корейской стороны. Все эти факты явно свидетельствуют о желании сторон продолжать и расширять сотрудничество и преодолевать возникающие на этом пути барьеры совместно.

Таким образом, резюмируя всё вышеперечисленное, можно сделать несколько основных выводов. Во-первых, торгово-экономические, социальные и культурные отношения между Россией и Южной Кореей в последнее время укреплялись и развивались весьма интенсивно, о чем свидетельствует большое число совместных проектов в самых разных отраслях, успешные инвестиционные проекты и совместные форумы. Во-вторых, Соединенные Штаты Америки как стратегический партнер с точки зрения РК имеет очень весомый авторитет и значение. Торговый оборот между этими странами намного больше, равно как и количество совместных проектов. Исходя из этого, США как минимум ничуть не менее важный партнер для Кореи, чем Россия. Учитывая возможные потери от ухудшения экономических отношений с Россией, в Корею прекрасно понимают, что эти потери все равно окажутся меньше, чем потери от ухудшения экономических взаимоотношений

с США. В-третьих, несмотря на жесткое давление со стороны Соединенных Штатов Америки в вопросе принятия пакетов санкций против России, Южная Корея, в отличие от своих японских партнеров, до сих пор соблюдает нейтралитет. Скорее всего, это объясняется стремлением смягчить ограничительные меры по взаимодействию с РФ, оттянуть момент принятия решения, чтобы продемонстрировать стремление сохранить и улучшить отношения.

На основании проведенного анализа авторы считают возможным сделать прогноз развития внешнеэкономических и культурных отношений России и Южной Кореи. Рассмотрев все аспекты и проделав анализ геополитической среды, авторы пришли к выводу, что наиболее вероятным сценарием развития событий станет принятия пакета санкций в отношении России (при неизменных параметрах геополитической ситуации). Обоснованием этому служит несколько ключевых, по мнению авторов, причин. Во-первых, осуществляя планирование на государственном уровне, главные лица страны предусматривают разные возможные обстоятельства в процессе реализации запланированных мер. Хотя правительство Южной Кореи и разработало проект Евроазиатской инициативы и выбрало Россию в качестве одного из наиболее приоритетных стратегических партнеров в будущем, тем не менее США является ключевым партнером Кореи уже множество лет. Таким образом, корейской стороне легче свернуть программу развития отношений с РФ, чем дестабилизировать отношения с давним стратегическим партнером. Во-вторых, европейские страны, во многом более зависимые от России в экономическом и плане, чем РК, поддержали санкции, хотя и сохраняли нейтралитет небольшой период времени. В отличие от них Южная Корея до сих пор не присоединяется к принятым мерам в отношении нашей страны, что свидетельствует о явном нежелании дестабилизировать экономическое, политическое и культурное сотрудничество, однако, скорее всего, это лишь попытка избежать осуждения в глазах российских партнеров. В-третьих, большинство корейских политиков и политологов хоть и робко, с множеством оговорок, но все же высказываются, что антироссийские санкции, скорее всего, будут приняты, вследствие чего темпы развития торгового, политического и экономического сотрудничества будут резко замедляться из-за высоких показателей глобализации мирового сообщества, в котором Россия сегодня воспринимается как агрессор. Таким образом, авторы считают, что принятие Южной Кореей полного пакета антироссийских санкций всего лишь дело времени. Вследствие чего хочется отметить, что в процессе ослабления российско-корейского сотрудничества огромную роль играет глобализация. Ведь сложно себе представить, что конфликт на Украине каким-то образом затрагивает внешнеполитические интересы Южной Кореи. Тем не менее все процессы, протекающие в мире, глубоко интегрированы и затрагивают все страны, которые на сегодняшний день находятся в тесной взаимосвязи. Налицо негативное влияние глобализации на жизнь российского

и корейского обществ, ведущее к ухудшению экономических, культурных и политических взаимоотношений между странами, которые пытаются выстраивать дружеские и партнерские взаимоотношения. Теперь на повестке дня стоит следующий важный вопрос: как сохранить прогресс, достигнутый в сотрудничестве, если полный пакет антироссийских санкций будет официально утвержден? Авторами разработан небольшой перечень мер, способствующий поддержанию установившемуся между странами взаимодействию: во-первых, отстаивание безвизового режима между странами для возможности обеспечить развитие культурного взаимодействия российского и корейского обществ. Во-вторых, продолжать ежегодное проведение Российско-Корейского бизнес-диалога для совместного поиска способов развития торгово-экономических связей в условиях санкций. В-третьих, продолжать совместную реализацию запущенных проектов в сфере энергетики, судостроения и космоса. В-четвертых, предоставлять корейским компаниям и контрагентами экономические льготы с учетом возможных потерь, связанных с репутационными рисками. В-пятых, продолжать сотрудничество в культурой, социальной и других сферах, которые менее всего будут затронуты санкциями, разрабатывать и реализовывать совместные проекты и мероприятия в этом направлении.

Литература

- Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. — 520 с.
- Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: Олма Медиа Групп, 2008. — 541 с.
- Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема: новый взгляд. М., Анкил, 1995. — 255 с.
- Храпов А. О. Россия и Республика Корея в 1990–2010 гг. Дипломатические отношения. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 132 с.
- URL: <http://www.forbes.ru> (дата обращения: 15.02.2015).
- URL: <http://www.ved.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2015).

В. А. Муталенко

Транснациональные корпорации как основной фактор глобализации в экономическом развитии Республики Корея

Расширение торговых рынков, увеличение доли иностранного капитала в экономиках большей части стран мира позволяют говорить о все большей экономической взаимозависимости между государствами, что в очередной раз привлекает внимание к такому процессу, как глобализация экономической жизни и ее проявлениям с учетом ее положительных и отрицательных последствий. В данной статье раскрывается роль Транснациональных корпораций Республики Корея в поддержании устойчивого экономического развития данной страны. Рассмотрение особенностей их эволюции в историческом процессе на фоне специфики появления и расширения ТНК позволяет выделить определенные тенденции развития современных корпораций, характеризующиеся широкой прогрессивной составляющей, одним из примеров которой можно назвать как слияние крупных Транснациональных корпораций внутри самой Республики Корея, так и поглощение их иностранными ТНК.

The enlargement of trade markets and the increase of percentage of the foreign fund in the economies of many states prove the fact of the existence of the economical interdependence all over the world. This fact pays attention to the process of economical globalization, the demonstration of multicultural corporations, their advantages and disadvantages. This article analyses the role of multinational corporations of The Republic of Korea in the support of the stable economical development in the state. The peculiarity of the historical evolution of multicultural corporations and the specificity of their occurrence and enlargement distinguish some special progressive tendencies in the developing of multicultural corporations, one of them is the amalgamation of the large multicultural corporations in the Republic of Korea or merge with foreign companies.

Глобализационные тенденции в мировой хозяйственной деятельности

XXI век — век глобализации! С каждым годом этот тезис все больше и больше проникает в сознание людей, увеличивая темпы роста приверженцев среди разных кругов общества и формируя определенные представления о современной системе международных экономических, политических

и социальных отношений. Глобализация, как динамичный процесс, охватывающий воздействием весь мир, находит отражение во всех сферах жизни человечества; не остается без внимания и мировая экономическая система, формирование и развитие которой протекало бы намного медленнее без своеобразного двигателя, т. е. глобализации. Однако разнообразие мнений относительно данного процесса показывает, что судить о глобализации однозначно невозможно, так как, с одной стороны, экономический прогресс становится более отчетливым и склонным к дальнейшему прогрессированию, благодаря взаимозависимости экономик мира, но с другой — многие видят в глобализации серьезную угрозу мировой экономической системе. Глобализационные процессы в экономике выступают в роли неких регулирующих сил, уравнивающих интересы развитых и развивающихся стран, поддерживающих стабильное развитие глобальной экономической системы в целом и позволяющих развивающимся странам поднимать свою экономику на более высокую ступень развития. Разветвленная система международного разделения труда в рамках рыночного регулирования экономики обеспечивает наиболее эффективное распределение ресурсов среди потребителей и, как следствие, повышение как уровня жизни населения, так и увеличение ВВП. Международное разделение труда также способствует сокращению издержек производства, что позволяет устанавливать невысокие цены, а следовательно, влечет за собой активное функционирование мирового финансового оборота и формирование условий для устойчивого экономического роста. Свобода конкуренции в условиях глобализации обеспечивает прогрессивное развитие новых технологий и быстрое их распространение во всем мире, в то время как борьба за потребителя повышает уровень и качество производимых товаров. Под результирующим фактором положительных последствий глобализации подразумевается повышение благосостояния в мире.

Однако позитивные аспекты глобализационных процессов в большинстве своем связаны с развитыми странами и их роли в мировой экономической системе. Контроль сравнительно небольшого количества стран, в основном стран «большой семерки», над большинством международных экономических организаций, таких, как МВФ, институты Мирового банка, группа Всемирного банка, Парижский клуб кредиторов и т. д., позволяет им принимать наиболее активное участие в формировании современного мирового экономического порядка, в то время, как развивающимся странам остается только приспосабливаться к новым условиям хозяйственной жизни и играть по факту роль сырьевого придатка и источника трудовых ресурсов. Следовательно, справедливое распределение валового продукта в условиях рыночной экономики представляется труднореализуемым в силу существования более развитых и влиятельных стран, что еще больше увеличивает разрыв в развитии между странами богатого Севера и бедного Юга (Бузукина, Кириллов, Мкртчян 2004: 3–8).

Интернационализация как ступень на пути к появлению ТНК

Кооперирование и объединение производств, слияние и поглощение одними компаниями других, интенсивный обмен информацией и технологиями позволяет говорить об усилении экономической взаимозависимости между национальными государствами на основе международного разделения труда, что выносит на рассмотрение такой процесс, как интернационализация экономической жизни. Одной из основных отличительных черт интернационализации является сохранение ключевой роли национальных государств и признание национальных экономик относительно автономными, без полного вливания во всемирную глобальную систему. Именно с этим процессом связано появление понятия транснационализации, как одного из глобальных процессов, при котором главенствующее место занимают не национальные государства, а широкомасштабные международные кампании, достигнуть значения товарооборота большинства из которых, не в силах многие государства мира. Базисом транснационализации, как процессом перенесения части воспроизводственных процессов из одной страны в другую (другие) посредством прямых иностранных инвестиций, являются ТНК, так как они напрямую осуществляют ПИИ (Мовсесян 2001). Возникновение же самих ТНК в последней четверти XX века в первую очередь объясняется необходимостью создания условий для выхода капитала за границы национальных государств, в связи с все более заметным несовершенством рынка, которое тормозило развитие мировой торговли в условиях начала формирования новой взаимозависимой глобальной экономической системы. На сегодняшний момент в развитых и развивающихся странах существует не менее 550 государственных ТНК, насчитывающих более 15 000 зарубежных филиалов и имеющих иностранные активы на сумму свыше 2 трлн долларов. В 2013 году объем ПИИ государственных ТНК превысил 160 млрд долларов. Хотя их число не превышает 1% от общего количества ТНК, на них приходится более 11% мировых потоков ПИИ (UNCTAD2014).

ТНК сегодня

В современном мире роль транснациональных корпораций возрастает с каждым годом, поскольку, сливаясь или выкупая друг друга, под их контролем оказываются все большие потоки мировых финансов, движение которых осуществляется в рамках самих ТНК и связанных с ними банков, что не позволяет огромным денежным массам застаиваться, следовательно, обеспечивает успешное развитие мирового хозяйства. Процессы транснационализации также обеспечивают эффективное распределение капитала из стран с его избытком в страны с его дефицитом, где избыточными могут выступать другие факторы, как например, труд или полезные ископаемые, которые не могут быть вовлечены в хозяйственную деятельность по причи-

не хвватки или отсутствия средств (Мовсесян, Либман 2001). Тем не менее высокий уровень монополизации современных ТНК особенно в наукоемких отраслях производства требует больших инвестиций и высококвалифицированных кадров. Расширяясь, ТНК начинают устанавливать господство на мировых торговых рынках и в ведущих отраслях производства, специализируясь не только на экспорте, но и в предоставлении технических услуг и торговле лицензиями из-за того, что они контролируют большую часть научно-технических достижений и передовых технологий.

ТНК сейчас — это одни из наиболее влиятельных акторов на современной международной арене. Сосредотачивая огромные финансовые массивы внутри своих компаний и контролируя большую часть мировых импортно-экспортных отношений, крупные ТНК могут позволить себе оказывать давление на развивающиеся страны, не способные к конкуренции, и тем самым устанавливать свои правила в системе хозяйственных связей. Самые большие материнские компании современных ТНК расположены в промышленно развитых странах, что еще раз подтверждает авторитет и возможности некоторых из них, однако в последнее время расклад сил подвергается изменениям. Среди наиболее крупных ТНК выделяются компании США, Японии, Канады, Германии и Южной Кореи, такие, как «General Motors», «El du Pont de Nemours», «General Electric», «Ford Motors», «AT&T», «IG Farben Industry», «Flik», «Thyssen-Oppenhaimer», «Fiat», «Morgan», Deutsche Bank AG, Dresdner Bank AG, Daewoo», «Samsung», «LG International», «Hyundai».

Объем экспорта отдельно взятой страны является одним из главных показателей ее устойчивого развития. Если говорить о Республике Корея, то можно отметить явные тенденции к увеличению этого числа. По данным портала внешнеэкономической информации министерства экономического развития Российской Федерации объем экспорта РК по итогам 2013 г. достиг 559,7 млрд долл. США, превысив показатели 2012 года на 2,2%. Примечателен тот факт, что правительство Республики Корея в качестве приоритетного направления выбрало развитие национального экспорта и привлечение иностранного капитала в экономику страны, что позволяет говорить о формировании благоприятных условий для дальнейшего развития и расширения корейских ТНК.

От чеболей к глобальным ТНК

Прототипы транснациональных компаний Южной Кореи берут свое начало еще с времен японского колониального господства в Корее, т. е. примерно с середины двадцатого века. Они носили название «чеболи» и представляли собой довольно упрощенную вариацию финансово-промышленной группы, отличающуюся семейно-плановым характером и организованную, как правило, по вертикали, причем чеболь объединял компании, функционирующие в различных отраслях промышленности Южной Кореи, нередко

технологически не связанные друг с другом (Рубцов 2010: 4–5). В 1996 г. в составе 30 крупнейших чеболей насчитывалось 669 отдельных компаний. Правительство всячески поощряло расширение и развитие этих финансово-промышленных групп, и это во многом помогло Корее выйти из экономической разрухи, которая накрыла страну после окончания Второй мировой войны. Экономическое планирование в 1953–1961 года, активное реформирование аграрного сектора, принятие серии пятилетних планов экономического развития, направленных на стимулирование и наращивание промышленного производства требовали больших инвестиций. Правительство наряду с предоставлением налоговых льгот для осуществляющих иностранных инвестиции компаний, приняло закон «О поощрении иностранных инвестиций», тем самым заложив основы для преобразования чеболей в большие промышленные холдинги. (Луконин 2008) Так, в конце 1980-х годов на долю 30 крупнейших «чеболей» приходилось около 10% ВВП Южной Кореи, 50% экспорта страны и четвертая часть импорта. Постепенная интеграция экономики Южной Кореи в мировое хозяйство требовали от чеболей установления курса на ориентацию на внешний рынок, что позволило им стать интегрирующей силой мировой экономической системы и окончательного преобразования в глобальные компании, т. е. ТНК. Высокая конкурентоспособность южнокорейских товаров позволила чеболям окончательно утвердиться на мировых рынках. Национальная особенность южнокорейских ТНК, которая сохраняется на протяжении уже более полувека, это ориентация на поддержание системы жесткого финансового и административного контроля, который отслеживается и контролируется правительством. Многопрофильность ТНК Республики Кореи позволяет им оставаться на верхних позициях в мировой экономической системе и все более решительно завоевывать собственные позиции в мире ТНК. Почти вся продукция обрабатывающей промышленности этой страны экспортируется, она рассчитана на мирового покупателя и выработана из полуфабрикатов, по моделям и лицензиям ТНК. По данным Корейского статистического бюро (Kostat) уровень промышленного производства РК в 2013 г. достиг показателя 2,5% в годовом исчислении. При этом промышленное производство РК стало в два раза более зависимым от пяти основных отраслей (производство стали, автомобилей, двигателей, автозапчастей и полупроводников). Важно, что при снижении конкурентоспособности любой из данных отраслей промышленности объемы промышленного производства страны могут значительно сократиться, поэтому субсидирование и поддержание стабильного развития ТНК, как разноразмерных и многофункциональных холдингов, является одной из наиболее важных задач правительства Республики Кореи.

Таким образом, государственное регулирование деятельности ТНК в Республике Корея, которое активно способствовало развитию промышленности страны, стало решающим фактором, выведшим страну из экономического кризиса. Сегодня же ТНК по-прежнему способствуют повышению

уровня экономического развития и эффективно продвигают установление хозяйственных связей между экономиками всего мира. Однако в случае захвата или слияния компаний может сложиться нежелательная ситуация для одной из стран-создательниц, заключающаяся в открытом проникновении иностранного влияния в экономику исходной страны. А поскольку экономический потенциал является одним из главных инструментов воздействия, то вероятность потери государством относительной автономии в принятии не только экономических, но и политических решений, резко увеличивается.

Литература

- Бузукина А. Б., Кириллов В. Н., Мкртчян С. С. Концепция глобализации в начале XXI века в экономическом образовании // Российское предпринимательство. 2004. № 1 (49). С. 3–8.
- Луконин С. А. Роль транснациональных корпораций в экономическом развитии стран азиатско-тихоокеанского региона (на примере Японии, Республики Корея и КНР) // Мировая экономика. Автореферат. М., 2008.
- Мовсесян А. Г. Транснационализация в мировой экономике: Учеб. пособие // Фин. акад. при Правительстве РФ. М., 2001. С. 55
- Мовсесян А., Либман А., Современные тенденции в развитии и управлении ТНК // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С. 54–59.
- Рубцов Б. Б. Фондовый рынок Республики Корея // Портфельный инвестор. 2010. № 2. С. 4–5.
- Портал внешнеэкономической информации министерства экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/about_kr/eco_kr/ (дата обращения: 15.02.2015).
- Статистического бюро Южной Кореи/ Kostat.
- World Investment Report 2014/ UNCTAD.

И. А. Ким

Гендерные особенности российских корейцев (по материалам переписей населения)

Анализ социально-демографических характеристик этнической общности корё сарам (бывших «советских корейцев») по статистическим данным переписей населения выявил некоторые гендерные особенности. Это устойчивое преобладание доли корейских мужчин над долей женщин, особенно в сельской местности. Показатели гендерных пропорций привели к выводу о вероятном параллельном существовании до распада СССР двух типов развития корейских диаспорных групп: европейском и азиатском.

Analysis of the socio-demographic characteristics of the ethnic community Koryo Saram (former «Soviet Koreans») on statistical census data shows some gender specific. There is a stable predominance of male population over female, especially in rural areas. Indicators of gender proportions led to the conclusion that after collapse of USSR there two a parallel types of Russian Korean diaspora groups. They can be called European type and Asiantype.

В результате анализа государственных переписей населения СССР и РФ (1926–2010 гг.) выявлены некоторые гендерные особенности, характерные для бывших советских корейцев (корё сарам).

Во-первых, количественная доля корейских мужчин устойчиво превышает долю корейских женщин, в отличие от обратного среднероссийского соотношения в пользу женской группы населения. Во-вторых, существует тенденция некоторого пропорционального преобладания мужской части корё сарам в сельской местности. В сельской местности характерна тенденция некоторого пропорционального преобладания мужской доли. В-третьих, показатели гендерных пропорций зависят не только от места проживания (город—село), но и от республики (государства) пребывания. В-четвертых, вероятно, до распада СССР и ремиграции параллельно существовали два типа развития корейских диаспорных групп: европейская с количественным преобладанием в гендерной пропорции мужчин (РСФСР и Украинская ССР) и азиатская, с преобладанием женщин.

Первая Всесоюзная перепись населения СССР 1926 г. показала наличие на территории РСФСР развивающейся корейской диаспоры, компактно проживающей на дальневосточных российских территориях и ориентированной на занятия сельским хозяйством.

В Дальневосточном крае (ДВК) проживали 84 931 чел. корейской национальности, или 97,8% всей российской корейской диаспоры. Доля мужского населения в ДВК составляла 54,3% (46 116 чел.), женского 45,7% (38 815 чел.).

В городских поселениях проживали 7667 чел. (9%), среди которых мужчины составляли 56,4% (4327 чел.), женщины 43,6% (3340 чел.). Подавляющее большинство корейцев ДВК были сельскими жителями: 77 264 чел. (91%), из них 41 789 мужчин (54,1%) и 35 475 женщин (45,9%).

В то же время начался процесс постепенного отрыва от дальневосточной диаспоры некоторого числа наиболее социально и экономически активных представителей корейского народа, в основном мужского пола. Осваивая жизнь в географически удаленных городских поселениях по всей России и за пределами, корейские мигранты овладевали городскими рабочими профессиями, а также получали высшее образование, образуя начальный слой будущей советской корейской интеллигенции. Демографическая ситуация в районах дисперсного расселения корейцев резко контрастирует с дальневосточными землями. Все районы дисперсного расселения объединяют две черты: преобладание городского проживания (в общей сложности 72,2%) над сельским (27,8%) и явное количественное преобладание мужской когорты (88,7%) над женской (11,3%).

Как видно из таблицы 1, гендерное соотношение среди корейского населения значительно отличалось от общероссийского и от соотношения полов среди этнически русского населения, в сторону преобладания мужчин. Причем среди проживающих в городах корейцев доля мужского населения была заметно выше.

Таблица 1. СССР. Перепись населения 1939 г. Распределения по республикам, типу поселений и полу

	Все население		Городское население		Сельское население	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
РСФСР, корейцы, %	55,1	44,9	61,3	38,7	54,3	45,7
РСФСР, русские, %	46,6	53,4	46,5	53,5	46,6	54,4
РСФСР, всё население, %	47,2	52,8	47,4	52,6	47	53

В связи с насильственной депортацией радикально изменилось территориальное распределение корейцев по союзным республикам СССР. Больше половины, или 53%, оказались депортированы в Казахстан (96 453 чел.), в Узбекистан переселены 40% корейцев (72 944 чел.), в России осталось всего 6% (11 462 чел.) корейцев.

Общее число корейцев, зарегистрированных в период переписи населения СССР в 1939 г., за время после переписи 1926 г. достигло 182 339 чел., из них 97 071 муж. (53,2%), 85 268 (46,8%) жен. Количественный прирост по сравнению с 1926 г. составил в общей сложности 95 340 чел.: среди мужчин 49 126 чел., среди женщин 46 214 чел.

Соотношение городского и сельского корейского населения заметно переместилось в сторону городского, доля которого возросла с 10,5% до 25,5%,

составив цифру в 46 527 чел.; число корейцев в сельской местности составило 135812 чел. (74,5%). Соотношение городских мужчин и женщин практически приблизилось к среднему значению (55,1% муж. и 44,9% жен.), при этом прирост числа женщин более интенсивен по сравнению с приростом числа мужчин (табл. 2).

Общая численность корейского населения в РСФСР составила 11462 чел., из них 7326 муж. (63,9%) и 4136 жен. (36,1%). Городские жители составили 5216 чел. (45,5%), среди них 3355 муж. (64,3%) и 1861 жен. (35,7%); сельские жители 6246 чел. (54,5%), среди них 3971 муж. (63,6%), 2275 жен. (36,4%). Среди корейского населения РСФСР гендерные пропорции искажены в силу неполного присутствия и разделенности корейских семей вследствие насильственной депортации.

Перепись 1939 г. зафиксировала на территории Казахстана 96 453 чел. корейской национальности, что составляло более половины (53%) от всех корейцев Советского Союза. Из них 49 937 муж. (51,8%) и 46 516 жен. (48,2%). Поскольку корейцев выселяли с российского Дальнего Востока целыми поселениями и семьями, количественное распределение мужчин и женщин соответствовало среднестатистическим показателям. В городах Казахстана проживало 29 589 чел. (30,7%), из них 15 486 муж. (52,3%) и 14301 жен. (47,7%). В сельской местности расселено 66 864 чел. (69,3%), из них 34 451 муж. (51,5%) и 32 413 жен. (48,5%).

В 1939 г. в Узбекистане проживали 72944 корейца, из них 38653 муж. (53%) и 34291 жен. (47%). В городах переписаны 11256 чел. (15,4%), из них 6474 муж. (57,5%) и 4782 жен. (42,5%). Подавляющее большинство корейцев проживали в сельской местности: 61688 чел. (84,6%), из них 32179 муж. (52,2%) и 29509 жен. (47,8%).

Сравнительный анализ гендерного распределения среди корейского населения показывает более значительное преобладание мужчин, как в масштабе всего Советского Союза, так и сравнительно с титульными нациями территорий пребывания (см. табл. 2). В городах, сравнительно с сельской местностью, характерно некоторое количественное преобладание мужчин.

Таблица 2. СССР. Перепись населения 1939 г. Распределения корейского населения по республикам, типу поселений и полу

	Все население		Городское население		Сельское население	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
СССР, корейцы, %	53,2	46,8	55,1	44,9	52,6	47,4
РСФСР, корейцы, %	63,9	36,1	64,3	35,7	63,4	35,7
РСФСР, русские, %	46,6	53,4	46,5	53,5	46,6	53,4
Казахская ССР, корейцы, %	51,8	48,2	52,3	47,7	51,5	49,5
Казахская ССР, казахи, %	50,1	49,9	55,5	44,5	49,6	50,4
Узбекская ССР, корейцы, %	53	47	57,5	42,5	52,2	47,8
Узбекская ССР, узбеки, %	51,7	48,3	54,1	45,9	51,3	48,7

Всего на момент переписи 1959 года на территории Советского Союза зарегистрированы 313 735 лиц корейской национальности, что на 131 396 чел. превышает количество корейцев в СССР в 1939 г. Сложнейший период, сопряженный с необходимостью физического выживания, заставил корё сарам активизировать рост численности.

Изменились пропорции в распределении корейского населения по союзным республикам. Депортированные корейцы составляли в 1939 году в Узбекистане долю в 40%, в Казахстане 53%, оставшиеся в РСФСР корейцы составляли 6%; на долю остальных, дисперсно рассеянных в других республиках, приходился 1%. В 1959 г. численность корейцев в Узбекской ССР составила 138453 чел. (44%), в РСФСР 91445 чел. (29%), в Казахской ССР 74019 чел. (24%). Часть корейцев переселилась в Туркменскую ССР (1919 чел.), в Киргизскую ССР (3622 чел.), в Таджикскую ССР (2365 чел.), в Украинскую ССР (1341 чел.)

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется подробных материалов переписи населения СССР 1959 г., в частности, разделения по полу, проживанию в городской или сельской местности.

Всесоюзная перепись 1970 г. зафиксировала наличие 357 505 корейцев. В 1970 г. проявилось резкое замедление количественного прироста корейского населения, который в рамках всего СССР составил 43 772 чел. Для корейцев РСФСР прирост составил 9924 чел. Очевидно, темп количественного роста корейского населения стабилизировался и пришел в соответствие с темпами прироста населения в общесоюзном масштабе.

Численность корейцев в Узбекской ССР в 1970 г. составила 151 058 чел. (42%), в РСФСР 101 369 чел. (28%), в Казахской ССР 78 078 чел. (22%). Заметно увеличилось количество корейского населения в Туркменской ССР (3493 чел.), в Киргизской ССР (9404 чел.), в Таджикской ССР (8490 чел.), составив в общей сложности 6% корейской диаспоры СССР. Численность корё сарам в Киргизской ССР за переписной период возросла с 3622 чел. до 9404 чел.

Перепись населения 1970 г. впервые показала взаимосвязь гендерного соотношения корё сарам и соотношения полов населения республики проживания. В целом в Советском Союзе и РСФСР доля мужской части населения (46,1%) заметно уступает доле женской части (53,9%). Однако для корейского населения характерна другая тенденция: преобладание количества мужчин над количеством женщин. В СССР это соотношение равнялось 53,3% к 46,7%, приблизительно те же пропорции характерны для корейцев, проживающих в городах и в сельской местности.

Значительное искажение пропорции в РСФСР в 1970 г. в пользу мужской когорты (62,6%), возможно, свидетельствует об активизации гендерной экономической иммиграции. В азиатских республиках соотношение полов приблизительно одинаково как для титульных народов, так и для корё сарам, с некоторым перевесом женской части населения (табл. 3). Проявился некоторый сдвиг в сторону повышения пропорции мужского населения в сельской местности отдельных азиатских республик.

Таблица 3. СССР. Перепись населения 1970 г. Распределение корейского населения по республикам, типу поселений и полу

	Все население		Городское население		Сельское население	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
СССР, всё население, %	46,1	53,9	46,3	53,7	45,8	54,2
СССР, корейцы, %	53,3	46,7	53,2	46,8	53,4	46,6
РСФСР, корейцы, %	62,6	37,4	60,9	39,1	68,3	31,7
РСФСР, русские, %	45	55	45,1	54,9	44,7	54,3
Казахская ССР, корейцы, %	50	50	50	50	50	50
Казахская ССР, казахи, %	48,9	51,1	50	50	48,5	51,5
Узбекская ССР, корейцы, %	48,9	51,1	48,8	51,2	49,1	50,0
Узбекская ССР, узбеки, %	49,6	50,4	51,6	48,4	49	51
Киргизская ССР, корейцы, %	49,8	50,2	49,6	50,4	50,1	49,9
Киргизская ССР, киргизы, %	48,6	51,4	49,8	50,2	48,4	51,6
Таджикская ССР, корейцы, %	48,9	51,1	48,4	51,6	53	47
Таджикская ССР, таджики, %	50,2	49,8	52,9	47,1	49,3	50,7
Туркменская ССР, корейцы, %	51,9	40,1	51,9	48,1	51,8	48,2
Туркменская ССР, туркмены, %	49,7	50,3	52,1	47,9	48,6	51,4

По данным переписи 1979 г., урбанизация корейского населения существенно возросла: доля корейцев-горожан в СССР составила 78%, сельских жителей 22%. Для сравнения: общая урбанизация СССР в 1979 г. составляла 62%, в РСФСР 69%. Гендерные пропорции среди корейцев несколько сгладились и приблизились к паритету: мужчин 196 537 чел. (50,5%), женщин 192 389 чел. (49,5%). Но характерное некоторое преобладание мужской доли сохранилось у корейцев, проживающих в РСФСР. Это можно сравнить, используя следующие данные: соотношение доли мужчин и женщин всего населения СССР 1979 г. выглядит как 47% к 53%; населения РСФСР как 46% к 54%; среди русского населения РСФСР как 45,4% к 54,6%. Среди корейцев РСФСР мужчины составляют 53,7%, женщины 46,3% от всей группы (табл. 4). В Украинской ССР доля корейских мужчин была еще выше (55,5% к 44,5%).

Сохранилась тенденция некоторого пропорционального преобладания мужской части корё сарам в сельской местности.

Последняя перепись населения, проведенная в СССР в 1989 г., также подтвердила описанные тенденции: в азиатских республиках гендерное соотношение среди корё сарам было не в пользу мужчин (в среднем ок. 49%) в отличие от ситуации в РСФСР, где доля мужской части корейского населения составляла 52%. На Украине к этому времени расселилась довольно крупная корейская диаспорная группа, в которой, подобно РСФСР, количественно доминировала мужская часть (больше 55%).

Таблица 4. СССР. Перепись населения 1979 г. Распределения корейцев по республикам, типу поселений и полу

	Все население		Городское население		Сельское население	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
СССР, всё население, %	46,5	53,5	46,5	54,5	46,5	54,5
СССР, корейцы, %	50,5	49,5	50,4	49,6	51	49
РСФСР, корейцы, %	53,7	46,3	53,3	46,7	55,9	44,1
РСФСР, русские, %	45,4	54,6	45,6	54,4	45,3	54,7
Украина, корейцы, %	55,5	44,5	55,1	44,9	57,1	42,0
Украина, украинцы, %	45,2	54,8	46	56	44,2	55,8
Казахская ССР, корейцы, %	49,7	50,3	49,4	50,6	51,1	40,9
Казахская ССР, казахи, %	49,2	50,8	48,7	51,3	49,4	50,6
Узбекская ССР, корейцы, %	49,1	50,9	49,1	50,9	49	51
Узбекская ССР, узбеки, %	50	50	51,5	48,6	49,4	50,6
Киргизская ССР, корейцы, %	49,3	50,7	49,2	50,8	49,6	50,4
Киргизская ССР, киргизы, %	49,3	50,7	50	50	49,2	50,8
Таджикская ССР, корейцы, %	48,4	51,6	47,9	52,1	53,6	46,4
Таджикская ССР, таджики, %	50,4	49,6	52,8	47,2	49,6	50,4
Туркменская ССР, корейцы, %	50,4	49,6	49	51	55,4	44,6
Туркменская ССР, туркмены, %	49,7	50,3	51,5	48,5	48,9	51,1

Таким образом, вероятно, до развала СССР параллельно существовали два типа развития корейских диаспорных групп: европейская с количественным преобладанием мужчин (РСФСР, Украинская ССР и др.) и азиатская (Узбекистан, Казахстан и др.), с преобладанием женщин. Причины различий в гендерном воспроизводстве, возможно, следует искать в климатических, социально-экономических особенностях, в структуре питания и других обстоятельствах на территориях пребывания.

Во всех территориально-государственных образованиях (кроме Узбекистана) в сельской местности сохранилась тенденция более высокой пропорции мужского населения (см. табл. 5).

Данные переписей населения РФ, проведенные в 2002 и 2010 гг., показали стабильность гендерных пропорций среди российских корейцев (см. табл. 6). Подробные данные о нынешнем демографическом состоянии корейских групп в бывших республиках СССР, к сожалению, пока не попали в нашу зону доступа.

Количественные показатели наличного корейского населения по переписям 1939–2010 гг. представлены в таблице 7.

Таблица 5. СССР. Перепись населения 1989 г. Распределения корейского населения по республикам, типу поселений и полу.

	Все население		Городское население		Сельское население	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
СССР, всё население, %	47,1	52,9	46,9	53,1	47,5	52,5
СССР, корейцы, %	49,9	50,1	49,6	50,4	51,5	48,5
РСФСР, корейцы, %	52	48	51,5	48,5	54,6	45,4
РСФСР, русские, %	46,3	53,7	46,1	53,9	46,7	53,3
Украина, корейцы, %	55,3	44,7	54,7	45,3	57,5	42,5
Украина, украинцы, %	45,9	54,1	46,5	53,5	44,9	55,1
Казахская ССР, корейцы, %	49,5	50,5	49	51	51,7	48,3
Казахская ССР, казахи, %	49,4	50,6	482	51,8	50	50
Узбекская ССР, корейцы, %	48,8	51,2	48,6	51,4	49,7	50,3
Узбекская ССР, узбеки %	50	50	50,6	49,4	49,7	50,3
Киргизская ССР, корейцы, %	49,3	50,7	49	51	52,1	47,9
Киргизская ССР, киргизы, %	49,5	50,5	48	52	50	50
Таджикская ССР, корейцы, %	48,4	51,6	48,1	51,9	52,1	47,9
Таджикская ССР, таджики, %	50,3	49,7	51,6	48,4	49,9	50,1
Туркменская ССР, корейцы, %	49,2	50,8	48,5	51,5	53,6	46,4
Туркменская ССР, туркмены %	49,7	50,3	50,7	49,3	49,2	50,8

Таблица 6. Численность корейцев РФ. Переписи населения. Распределения по типу поселений и по полу.

	Все население			Городские поселения			Сельские поселения		
	Оба пола	Муж	Жен	Оба пола	Муж	Жен	Оба пола	Муж	Жен
РФ 2002	100	51	49	100	50,2	49,8	100	54,3	45,7
РФ 2010	100	51,7	48,3	100	51,2	48,8	100	53,1	46,9

Таблица 7. Численность корейцев. СССР. Переписи населения. Распределения по республикам, типу поселений и по полу.

	Все население			Городские поселения			Сельские поселения		
	Оба пола	Муж	Жен	Оба пола	Муж	Жен	Оба пола	Муж	Жен
Перепись 1939 г.									
СССР	182339	97071	85268	46527	25614	20913	135812	71457	64355
РСФСР	11462	7326	4136	5216	3355	1861	6246	3971	2275
Казахская ССР	96453	49937	46516	29589	15486	14103	66864	34451	32413
Узбекская ССР	72944	38653	34291	11256	6474	4782	61688	32179	29509
Перепись 1970 г.									
СССР	357507	190403	167104	243453	129548	113905	114054	60855	53199
РСФСР	101369	63496	37873	78020	47549	30471	23349	15947	7402
Узбекская ССР	151058	73887	77171	87447	42655	44792	63611	31232	32379

Окончание таблицы 7

	Все население			Городские поселения			Сельские поселения		
	Оба пола	Муж	Жен	Оба пола	Муж	Жен	Оба пола	Муж	Жен
Казахская ССР	78078	39004	39074	57617	28771	28846	20461	10233	10228
Киргизская ССР	9404	4680	4724	6010	2979	3031	3394	1701	1693
Таджикская ССР	8490	4152	4338	7627	3695	3932	863	457	406
Туркменская ССР	3493	1812	1681	2505	1300	1205	988	512	476
Перепись 1979 г.									
СССР	388926	196537	192389	303002	152728	150274	85924	43809	42115
РСФСР	97649	52456	45193	82218	43823	38395	15431	8633	6798
Узбекская ССР	163062	80024	83038	117327	57618	59709	45735	22406	23329
Украинская ССР	6061	3362	2699	4838	2664	2174	1223	698	525
Казахская ССР	91984	45734	46250	73985	36538	37447	17999	9196	8803
Киргизская ССР	14481	7145	7336	10962	5398	5564	3519	1747	1772
Таджикская ССР	11179	5415	5764	10059	4815	5244	1120	600	520
Туркменская ССР	3105	1564	1541	2432	1191	1241	673	373	300
Перепись 1989 г.									
СССР 1989	438650	218946	219704	361346	179153	182193	77304	39793	37511
РСФСР	107051	55680	118	90799	46804	43995	16252	8876	7376
Украинская ССР	8669	4798	3871	6653	3639	3014	2016	1159	857
Узбекская ССР	183140	89416	93724	146077	70983	75094	37063	18433	18630
Казахская ССР	103315	51111	52204	86977	42660	44317	16338	8451	7887
Киргизская ССР	18355	9049	9306	14268	6992	7276	4087	2057	2030
Таджикская ССР	13431	6494	6937	12455	5985	6470	976	509	467
Туркменская ССР	2848	1400	1448	2497	1212	1285	351	188	163
Перепись 2002 г.									
РФ 2002	148556	75835	72721	119260	59916	59344	29296	15919	13377
Перепись 2010 г.									
РФ 2010	153156	79183	73973	114954	58905	56049	38202	20278	17924

Источники

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 4. М. 2004.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 4. М. 2012.

Интернет-ресурс Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://demoscope.ru/> (дата обращения: 15.02.2015).

Гендерные аспекты демократического транзита в Республике Корея¹⁵

В докладе рассматривается изменение положения женщин в южно-корейском обществе в процессе социально-экономической модернизации и перехода к стабильной демократической политической системе. Отмечается, что в традиционной Корее господствовали нормы конфуцианства, в соответствии с которыми положение женщины было заведомо подчиненным по отношению к положению мужчины. Это касалось всех сфер общественной жизни, включая политическую. Рассматривая политическое развитие Республики Корея после ее образования, автор подчеркивает, что провозглашение правового равенства мужчин и женщин не привело поначалу к коренному изменению положения последних в южнокорейском обществе. Но начавшаяся в условиях авторитарного режима социально-экономическая модернизация создала предпосылки для коренного изменения гендерных отношений в Южной Корее. Когда же началась трансформация авторитарного режима в сторону демократии, появились возможности для активного политического участия женщин. В качестве примера, подтверждающего результаты демократического транзита в сфере гендерных отношений, приводится избрание на пост президента Республики Корея первой женщины — Пак Кынхе.

The paper approaches the change of the role of women in South Korean society as a part of general social and economic modernizations and transition to stable democratic political system. It is noted that Confucian norms, which prescribe that a women must occupy subordinate position vis-à-vis a man, traditionally dominated in Korea. That concerned all spheres of life, including the political sphere. It is underlined that after establishment of the Republic of Korea, despite equality of men and women was officially declared as one of the principles of the newly established state, it did not lead to radical changes in the position of women in the society. However, social and economic modernization that was launched under authoritarian rule created factors that later led to changes in gender relations in South Korea. When transition to democracy started in Korea, it created opportunities for women to participate in politics. The paper treats recent election of the first female President of the Republic of Korea Park Geun Hye as an indicator that proves the above-described contribution of democratic transition to improvement of gender equality in the country.

¹⁵ Данное исследование проведено по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2014 году (AKS-2010-CAA-2101).

Традиционно в Восточной Азии в целом и в старой Корее в частности гендерное равенство не было общепринятой нормой. Согласно древнекитайским представлениям, которые впоследствии были восприняты конфуцианским каноном и благодаря ему распространились в пределах конфуцианско-буддисткой цивилизационной общности, женское начало — холодное, слабое, пассивное *инь* подчиняется мужскому началу — горячему, активному, сильному *ян*. На протяжении веков корейская женщина формально полностью зависела сначала от отца, потом от мужа. Главная цель ее жизни состояла в том, чтобы сначала быть хорошей дочерью, далее женой и матерью. Исключение составляли отдельные группы женщин, которые могли участвовать в общественной жизни, некоторые из них обладали определенным политическим влиянием. Несмотря на то, что официальной идеологией Кореи на протяжении веков было конфуцианство, заметную роль, в том числе и на государственном уровне, играл шаманизм. Поэтому шаманки, исполняющие обряды, связанные с гаданиями, излечением больных, пользовались определенным влиянием на придворные дела. Но в целом прерогативой женщины были домашние заботы, рождение и воспитание детей, внешняя социальная активность традиционно была низкой (Ланцова 2012: 50–53).

Переход от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу привел к мощным сдвигам во всех сферах общественной жизни, в том числе это коснулось и положения женщин. Согласно Конституции 1948 г., женщины уравнивались в правах с мужчинами, детство и материнство находились под защитой государства. С этого периода начинается активное включение женщин во все сферы жизни общества. Процессы индустриализации, быстрые темпы развития южнокорейской экономики способствовали тому, что все большее число женщин включилось в производственную деятельность. Если в 1965 г. их численность составляла 37,2%, то в 2007 г. данный показатель достиг 50,2%. Однако на первом этапе индустриализации женщины чаще всего выполняли малоквалифицированную работу, связано это было как с общим, не очень высоким уровнем образования женской части населения, так и с гендерной дискриминацией. Например, в 1975 г. только 2% работающих женщин были заняты квалифицированным трудом, чаще всего менеджерами низшего и среднего звена, еще 3,7% работали в качестве делопроизводителей и канцелярских работников. К началу XXI в. ситуация изменилась: в 2007 г. эти показатели возросли до 19,3% и 17,5% соответственно (Ланцова: 50–53).

Существенные изменения происходили и в сфере образования. Уже в конце XIX в. представительницы слабого пола получили возможность посещать учебные заведения, в основном это были специальные школы для девочек, открытые европейскими миссионерами. В XX в. образовательный уровень женщин продолжал повышаться. В 1966 г. 33% выпускниц начальной школы продолжали обучение в средней школе, 20 % выпускниц средней школы обучались в старшей, и только 4% выпускниц поступали в высшие учебные заведения. В начале 2000-х гг. уже 99,5% девушек оканчивали стар-

шую школу, 61,5% — высшие учебные заведения. В 2008 г. степень бакалавра получили 69,5% корейских женщин (Ministry of Gender Equality and Family).

Значительно возросло участие женщин в политической жизни страны. Если в XIX в. королева Мин¹⁶ из-за слишком активного вмешательства в сферу государственного управления была убита в результате заговора, то в настоящее время политическое участие женщин стимулируется законодательно. В феврале 1988 г., практически сразу же после внесения поправок в Конституцию, направленных на демократизацию политического режима, в рамках Министерства политических дел было создано государственное агентство по вопросам гендерного равенства. Президент Ким Дэжун, известный своими лево-либеральными взглядами, после избрания на высший государственный пост в феврале 1998 г. подписал указ о создании специальной Президентской комиссии по делам женщин. В 2001 г. на ее основе было создано министерство гендерного равенства и семьи, в его задачу входит активное вовлечение женщин во все сферы социальной жизни, в том числе и политическую. В частности, в его зону ответственности входит пересмотр и создание новых правил и законов для увеличения представительства женщин во власти и бизнесе, облегчения трудоустройства женщин, поддержка женских организаций. В настоящее время женщины представлены как на местном, так и на общегосударственном уровне во властных структурах. Согласно статистическим данным, в 2008 г. женщины составляли 25,9% в органах центральной власти и 29,3% на местном уровне (Ministry of Gender Equality and Family).

В президентских избирательных кампаниях традиционно участие принимали представители мужского пола. Однако активизация политики в сфере гендерного равенства, изменение массового сознания корейцев под влиянием западных, прежде всего американских ценностей, дали свои плоды. В середине 2000-х гг. стало очевидно, то на политическом небосклоне Республики Корея взошла новая звезда. Это была Пак Кынхе, в тот период одна из немногих женщина-политиков высшего уровня. Именно она в 2012 г. включилась в президентскую гонку и смогла одержать победу на главных выборах страны.

Пак Кынхе — женщина необычной судьбы. Она — старшая дочь в семье легендарного президента Южной Кореи Пак Чонхи. Когда ей было всего 22 года, ее мать Юк Ёнсу погибла в результате покушения на мужа со стороны северокорейских агентов, фактически заслонив его собой. С этого времени молодой девушке пришлось взять на себя роль первой леди страны, сопровождая отца во время официальных поездок и мероприятий. В 1979 г. Пак Чонхи также был убит. Смертельный выстрел произвел директор южнокорейского ЦРУ Ким Чжэгу. В одной из своих книг Пак Кынхе признавалась, что после этих событий она жила в ожидании скорой смерти. Тем не менее трагедии не

¹⁶ Королева Мин (1851–1895 гг.) — жена последнего корейского короля Кочжона, активно участвовала в политической жизни страны, занимала пророссийскую позицию, была убита в результате заговора японцами.

сломили ее дух. «Удары судьбы делают меня крепче, надежда дает мне силы для жизни» (Кирьянов). С 1981 г. начинается ее политическая карьера, однако значимых достижений она смогла добиться лишь после начала демократического транзита и связанного с ним вовлечения женщин в большую политику.

Политическая деятельность Пак Кынхе была неразрывно связана с Партией Великой страны (*Ханнарадан*), переименованной в партию *Сэнури* лишь в 2012 г. Примечательно, что исторически можно проследить взаимосвязь между этой партией и Демократической республиканской партией, которую когда-то возглавлял Пак Чонхи, отец нынешнего президента. В 1998 г. Пак Кынхе впервые была избрана в Национальное Собрание Республики Корея от округа Тальсон, Тэгу — своего родного города. В 2004 г., в ходе очередных парламентских выборов, Пак Кынхе возглавила Партию Великой страны. В этот период в Республике Корея разразился политический кризис, обусловленный попытками объявить импичмент действующему президенту страны Но Мухёну. Оппозиционные партии (на тот момент ей была в том числе и Партия Великой страны) рассчитывали, что скандал вокруг президента накануне парламентских выборов повысит их шансы на победу, однако получилось совершенно иначе. Рейтинг Партии великой страны начал стремительно падать, в этих условиях Пак Кынхе фактически сыграла роль антикризисного менеджера. Благодаря ее организаторским способностям, а также высокому уровню доверия к ней со стороны избирателей, парламентские выборы 2004 г. не стали полным провалом для *Ханнарадан*. Пропрезидентская партия получила в парламенте 152 места из 299 возможных, Партия Великой страны — 121-е место (National Election Commission). С 2004 по 2006 гг., когда Пак Кынхе оставалась лидером Ханнарадан, большинство выборов в местные органы власти прошли для партии весьма успешно.

В 2007 г. в рамках очередной президентской избирательной кампании Пак Кынхе стремилась выставить свою кандидатуру. Она проиграла внутрипартийные выборы Ли Мёнбаку, который в свое время сумел сделать карьеру от простого клерка до руководителя строительного подразделения концерна *Hyundai*. В 1990-х гг. он ушел в политику, где также добился весомых результатов: с 2002 по 2006 г. Ли Мёнбак был мэром города Сеула, на этой должности он проявил себя как эффективный менеджер, тем самым заработав значительный политический капитал. На выборах Ли Мёнбак одержал впечатляющую победу: за него проголосовало 48,7% избирателей, тогда как за его основного конкурента — всего лишь 26,1% (Ланцова: 138) Тем не менее его прагматический политический курс оказался не слишком эффективен, и к концу президентского срока рейтинги его были крайне низки.

Недовольство жителей Республики Корея политической линией администрации Ли Мёнбака, а также череда коррупционных скандалов внутри самой Партии Великой страны привели к тому, что в 2011 г. ее популярность вновь начала стремительно падать. Вновь, как и в 2004 г., внутрипартийный кризис удалось преодолеть благодаря Пак Кынхе. В декабре 2011 г. она была

назначена председателем чрезвычайного комитета, фактически возглавив теряющую рейтинги Партию Великой страны. В феврале 2012 г. партия получила новое название — *Сэнури* (새누리), что может быть переведено двояко: и как новый мир, и как новые границы (새누리당홈페이지. Официальная страница партии Сэнури). На парламентских выборах 2012 г. Сэнури смогла получить простое большинство в Национальном собрании: из 300 мест она заняла 152. Еще в конце 2011 г. эксперты полагали, что едва ли она сможет преодолеть планку в 100 мест. Таким образом, Пак Кынхе вновь сыграла решающую роль в успехе своей партии на выборах (성연철. Сон Ёнчхоль.). Тогда же стало очевидно, что именно Пак Кынхе, скорее всего, станет кандидатом от *Сэнури* в предстоящей президентской гонке.

Во второй половине 2012 г. президентская кампания стартовала. На этот раз Пак Кынхе выиграла номинацию от партии подавляющим большинством голосов. Ее основными соперниками стали независимый кандидат Ан Чхольсу и представитель лево-либерального крыла, соратник покойного экс-президента Но Мухёна Мун Чжэин. В президентской гонке приняла участие еще одна женщина — Ли Чжонхи, кандидат от Объединенной прогрессивной партии, наиболее левой на политическом горизонте Республики Корея. Впоследствии Ан Чхольсу снял свою кандидатуру в пользу Мун Чжэина, Ли Чжонхи также отказалась от участия, и предвыборное соперничество стало еще более острым. Социологические опросы показывали, что шансы кандидатов приблизительно равны.

Президентские выборы 2012 г. отличались очень высокой явкой: в отличие от 2008 г., когда на избирательные участки пришло всего 62,9% граждан РК, обладающих правом голоса, в них приняли участие 75,8% избирателей. Пак Кынхе сумела одержать победу, получив 51,55% голосов. Традиционно разрыв между двумя лидирующими кандидатами был незначителен: около 3% (National Election Commission). **В своей инаугурационной речи, озаглавленной «Открывая новую эру надежды»,** Пак Кынхе указала, что в настоящее время Республика Корея стоит перед лицом таких опасностей, как экономический кризис, а также северокорейская ядерная угроза. Она пообещала, что за время своего пребывания на президентском посту она будет стремиться добиться социальной интеграции, восстановления экономики, расцвета культуры, а также счастья всего корейского народа (박근혜통령취임식. Инаугурационная речь Пак Кынхе).

За прошедшие годы Республика Корея сумела добиться значительных успехов в гендерной сфере. Благодаря планомерной реализации политической линии, начатой еще в 1990-е гг., все большее число женщин включается в политическую, экономическую, общественную жизнь страны. Идея о равенстве полов, существенное увеличение числа образованных женщин, возрастающее число женщин, достигших успеха в карьере, приводят к тому, что конфуцианское представление о подчиненной роли женщины не пользуется былой популярностью, прежде всего среди слабого пола.

Несмотря на произошедшие перемены, правительственным и общественным организациям Республики Корея предстоит еще много работы в данной сфере. Согласно последним исследованиям, проведенным в рамках Программы развития ООН, Республика Корея занимает 68-е место из 108 возможных по уровню политического представительства, экономического участия и доходов женщин (Human Development Report 2013). Корейское общество остается достаточно консервативным, большая его часть (как мужская, так и женская) видит в женщине прежде всего жену и мать, карьера домохозяйки остается наиболее востребованной. Неслучайным является тот факт, что первая женщина-президент фактически отказалась от личной жизни, она никогда не была замужем, у нее нет детей. Для Республики Корея обычной является ситуация, когда молодая женщина работает два-три года, а после замужества увольняется. Почетное звание «образцовая женщина, подобная Син Саимдан», которое ежегодно присуждает Ассоциация корейских клубов домохозяек вручается обычно общественно активным женщинам, однако все эти женщины прежде всего посвящают жизнь своей семье, и только потом обществу.

Литература

- Кириянов О. Президентом Южной Кореи впервые может стать женщина // Российская Газета. 14.06.2012.
- Ланицова И. С. Корейское общество: от традиций к инновациям: учебно-методическое пособие. Издательство СПбГУ, 2012.
- Ланицова И. С. Президентские избирательные кампании в Республике Корея: сравнительный анализ // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. Научный журнал. Том 5. № 2. СПб, 2009.
- Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. URL: <http://www.undp.org/content/dam/undp/library/corporate/HDR/2013GlobalHDR/English/HDR2013%20Report%20English.pdf> (дата обращения: 20.06.2013)
- Ministry of Gender Equality and Family. Seventh Periodic Report under Article 18 of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women URL: http://english.mogef.go.kr/data/sub05/Seventh_periodic_report.pdf (дата обращения: 20.06.2013)
- National Election Commission. Elections Overview. Election for Offices. URL: http://www.nec.go.kr/english/overview/offices_turnout01.html (дата обращения: 03.03.2009)
- National Election Commission. 2012 Presidential Election. URL: http://www.nec.go.kr/engvote_2013/president2012/main/main.jsp (дата обращения: 20.06.2013)
- 박근혜통령취임식 2013.02.25. (Инаугурационная речь Пак Кынхе). URL: http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=201302251134391&code=910100 (дата обращения: 07.06.2013)
- 성연철. “선거의여왕” 화려한귀환 . . . 수도권 · 젊은층에선한계 // 한겨레뉴스 . 2012.04.12. (Сон Ёнчхоль. Великолепное возвращение королевы выборов . . . исключающая столичных жителей и молодежь) // Хангёре нюсы. 2012.04.12. URL: http://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/527972.html (дата обращения: 20.06.2013).
- 새누리당홈페이지. 새누리당발차취. (Официальная страница партии Сэнури. История развития партии Сэнури) URL: <http://www.saenuriparty.kr/web/intro/web/historyView.do> (20.06.2013)

Е. В. Капусткина

Женщины-преподаватели в корейских и российских университетах: семейные практики и карьерные стратегии¹⁷

Эта статья посвящена сравнительному анализу особенностей занятости женщин в системе высшего образования Республики Корея и Российской Федерации. Основное внимание уделено анализу влияния семьи на успешность построения преподавательской карьеры.

The paper is devoted to the comparative analysis of the specific features of the positions of women in the system of higher education in the Republic of Korea and Russian Federation. The main attention is given to the consideration of the influence of family background to the success in constructing of their professional careers.

Введение

Данная работа носит преимущественно эмпирический характер. Информация о специфике работы женщин в корейских университетах была получена в ходе глубинных интервью, проведенных выпускницей специальности «Экономика труда», факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета К. В. Каламацкой в одном из самых престижных вузов Южной Кореи — Университете иностранных языков Хангук, в котором производится подготовка специалистов по внешним связям в области международных отношений. Всего было проинтервьюировано 6 преподавательниц, среди которых статусом профессора университета обладал один человек, ассистента — двое, трое занимали должность постоянного лектора. Все информанты работали на гуманитарных факультетах университета.

Проведение социологического исследования в высших учебных заведениях Южной Кореи было ограничено во времени. Но полученные в ходе эмпирического исследования данные все же позволяют судить о некоторых карьерных устремлениях кореянок в сфере высшего образования и их семейных практиках, которые способствуют или препятствуют в достижении ими профессиональных успехов.

Для сравнения с использованием того же инструментария на гуманитарных факультетах СПбГУ были взяты экспертные интервью у тринадцати преподавательниц. Среди опрошенных восемь защитили кандидатскую степень и работают в должности доцента на кафедре, две женщины-преподава-

¹⁷ Данное исследование проведено по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2014 году (AKS-2010-CAA-2101).

тели имеют ученое звание профессора, одна из которых является заместителем заведующего кафедрой.

Особенности построения карьеры женщин-преподавателей в Южной Корее

До 1970-х годов корейские женщины, не относившиеся к высшему классу, редко обучались в университетах. Последние выбирали в первую очередь один из лучших в стране женский университет Ихва. Причина ограниченности женского контингента среди студентов вузов в это время заключается в том, что высшее образование было и остается платным и, поскольку корейское общество относится к категории патриархатных, преимущество при поступлении получали, естественно, сыновья. В тот период семьи были еще многодетными и родители были вынуждены выбирать, на образование кого из детей целесообразно потратить деньги.

Но структура корейской семьи стала постепенно меняться в сторону уменьшения количества детей. Поэтому в середине 1980-х годов и девушки из семей среднего класса (как правило, сюда принято относить всех горожанок) начали обучаться в высших учебных заведениях. Таким образом, возможность получения девушками высшего образования напрямую связана с материальным положением родителей.

Для корейского общества массовый приток женщин в вузы стал несомненным прорывом в области предоставления женщинам равных прав с мужчинами, поскольку во все времена отличительной особенностью конфуцианского сознания являлось представление о важности получения высшего образования в одном из престижных университетов. Но это касалось исключительно мужчин.

Изначально диплом об окончании университета являлся для женщин только конкурентным преимуществом на брачном рынке. Поэтому не удивительно, что для большинства из опрошенных поступление на их специальность и дальнейшая занятость после окончания высшего учебного заведения в этой же сфере не было результатом заранее продуманного профессионального сценария. Более того, для половины из них специальность стала результатом случайного выбора:

«Честно говоря, на данную специальность я попала случайно, моей оценки не хватило на ту специальность, куда я изначально мечтала, но нужно было поступить хоть куда, главное, в этот университет, потому что мне до ужаса не хотелось сдавать вступительные экзамены вновь, но уже через год» (здесь и далее сохраняется авторская лексика информантов).

Необходимо отметить, что аналогичная ситуация характерна и для студентов мужского пола. Дело в том, что для корейцев гораздо важнее статус университета, который они закончили, нежели специальность, которую они

получили. Работодатели считают, что, если выпускникам удалось справиться со сложнейшими вступительными экзаменами, то они способны к любой деятельности. Именно поэтому большинство имеющих университетское образование корейцев работают не по специальности.

Важность наличия диплома у женщин обусловлена тем фактом, что в Южной Корее к созданию семей подходят очень рационально. Существует даже институт сводничества. В браках до сих пор существует определенное статусное равенство. В данном случае под статусным равенством понимается наличие дипломов одинаково престижных университетов и схожих по интеллектуальным требованиям профессий. Таким образом, для того чтобы посредством замужества войти в элиту корейского общества, необходимо закончить либо университет первого ранга — Сеульский государственный либо один из университетов второго ранга, такие, например, как вышеупомянутый Ихва или такие частный университеты Коре или Енсе (все вузы в Республике Корея в зависимости от статуса делятся на 4 ранга). В противном случае, даже если потенциальный муж согласится на брак с обладательницей «нестатусного» вуза, его семья будет возражать против подобного мезальянса.

Ещё одной сравнительно новой положительной тенденцией является тот факт, что если раньше социально-экономическое положение кореянок напрямую отражало только статус ее мужа, то в настоящее время корейским женщинам необходимо не получить высшее образование в одном из престижных университетов страны, но и добиться определенных карьерных успехов. Однако, у большинства работодателей все еще сохраняется предубеждение о краткосрочности такой карьеры в силу того, что до сих пор велик процент высокообразованных кореянок, которые, выйдя замуж и родив детей, оставляют работу и полностью посвящают себя семье.

В связи с этим автором большого количества публикаций по корейской проблематике А. Н. Ланьковым было введено такое понятие, как «кофе-леди» (Ланьков 1997). Оно означает, что если женщине, даже с высшим образованием, берут на работу, то в основном, ожидают, что она будет сервировать стол, угощать посетителей и гостей, а мужчине, который придет с таким же образованием, дадут совершенно другую работу. Однако на сегодняшний день такая ситуация постепенно меняется в силу ряда обстоятельств. Так, в ходе экспертного интервью было получено следующее объяснение:

«Корейцы очень любят подражать, копировать западные стандарты, особенно американские, а в Америке сегодня, как известно, меняется многое. Такими тенденциями в сфере занятости являются следующие: раньше считалось, что женщины должны работать с внешними клиентами, а мужчины должны решать внутренние задачи организации, сегодня же тенденция меняется. Так, практиканток или молодых девушек, только что окончивших вуз, отправляют на внутренние работы, а мужчин отправляют работать с внешними клиентами. Чтобы не отстать от такой тенденции, корейцы тоже воплощают такие образцы распределения работы в своих организациях и позволяют женщинам заниматься действительно серьезным делом».

Таким образом, можно предположить, что увеличение доли работающих женщин в Южной Корее, их способность самостоятельно зарабатывать на жизнь, подражание западной модели поведения на рынке труда повлияли на то, что кореянки стали, в большей степени, ориентироваться на карьеру и, в меньшей, — на замужество исключительно из прагматических целей, когда удачный брак рассматривается как единственный способ обеспечить своего существования.

Что касается занятости кореянок в сфере высшего образования, то, прежде всего, необходимо отметить престижность данного вида деятельности в этой стране, которая проявляется и в общественном признании, и в уровне заработной платы, и в наличии социального пакета. Поэтому для женщин чрезвычайно сложно построить педагогическую карьеру в этой доминируемой в силу статуса мужчинами сфере.

При этом необходимо отметить, что если женщины выходят замуж за мужчин с таким же социальным статусом или даже выше, то корейские мужчины предпочитают жениться на женщине, которая не превосходит их в интеллектуальном плане. Возможно, именно этим объясняется большое количество незамужних женщин в высшей школе.

Все опрошенные преподавательницы упомянули о проблемах, с которыми сталкиваются высокообразованные кореянки при создании семьи. Приведем некоторые выдержки из интервью.

«Корейские мужчины не любят сильно образованных женщин, тех, кто умнее их самих, поэтому вокруг меня, в сфере высшего образования, очень много незамужних женщин». «Если женщина — кандидат наук, то для мужчины — это лишняя головная боль. Когда я вернулась после окончания аспирантуры из-за границы, мои подруги и знакомые сразу начали пытаться меня познакомить с мужчинами, но те отказывались, говоря приблизительно одно и то же: “она слишком много занималась”».

Однако в ходе интервью с замужними женщинами-преподавателями университета Ханкук, выяснилось, что одной из самых важных побудительных сил для поступления в аспирантуру была поддержка и одобрение мужа. Кроме того, каждая из них отметила, что в целом, большой вклад в семейный бюджет вносит заработок мужа, который, априори, больше, что позволило оплатить ее дальнейшее обучение.

При этом важно понимать, что подобные тенденции еще не означают полный отход от традиционных взглядов и, которые по-прежнему сильны. Так, одна из респонденток следующим образом описывала реакцию семьи на ее решение продолжить обучение в аспирантуре:

«Мне не хватало знаний для той работы, которой я хотела заниматься, и тогда, в тайне от родителей, я начала готовиться к вступительным экзаменам в аспирантуру за границу. Выиграла конкурс и стипендию на обучение. Мама

оказалась категорически против. Первые ее слова были: «Куда учиться? Тебе пора выходить замуж», но затем она смирилась, а замуж я так и не вышла».

Таким образом, для того чтобы кореянки сделали успешную карьеру в сфере высшего образования, необходимы как финансовая, так и моральная поддержка со стороны родителей, и мужа.

«Не знаю, сложилась бы моя карьера иначе, будь я мужчиной, но когда я смотрю на своих однокурсников, с кем училась столько лет, то сложно не заметить, что все они достигли более высоких должностей, да и зарабатывают куда больше меня, но что поделаешь, они же — мужчины».

Важна также и поддержка научного руководителя. При этом дело здесь не столько в наставничестве и помощи молодым специалистам, сколько просто в предоставлении молодому специалисту преподавательской нагрузки. В доказательство этого хотелось бы привести несколько выдержек из проведенных интервью:

«Когда я устроилась на работу, руководитель отказал мне в возможности преподавать в университете. По прошествии одного семестра он вдруг сам предложил мне, помимо научной деятельности, еще вести занятия у студентов. Оказалось, на первом собеседовании ему что-то во мне не понравилось». «Мне бы очень хотелось преподавать еще и в другом университете, но мой руководитель против, а его мнение очень важно для моей дальнейшей карьеры». «Я работаю только в этом университете, потому что моему завкафедрой и, по совместительству, директору исследовательского института не понравилось бы, если бы я работала где-то еще».

Таким образом, можно говорить о том, что многие кореянки сначала строили исследовательскую карьеру, а потом уже педагогическую.

Интересно, что даже в такой кажущейся эгалитарной сфере занятости, как высшее образование, можно наблюдать наличие вышеупомянутого феномена «кофе-леди»: *«Мой завкафедры постоянно придумывает очередные мероприятия, и большинство коллег-женщин занимаются их организацией и проведением, а не исследованиями по своей специальности, в том числе и я, но что мы можем поделать».*

Мнение непосредственного руководителя является решающим и при утверждении на должность профессора как вершины академической карьеры. Так, если даже попытаться подать документы на получение должности профессора, не заручившись поддержкой своего заведующего кафедрой, то комиссия абсолютно точно откажет такому претенденту. В результате руководитель обладает определенной властью над своими подчиненными, среди которых наиболее зависимой оказывается женская часть сотрудников. При этом необходимо отметить, что об управленческой карьере в корейских вузах для женщин речь вообще не идет.

В целом характеризуя сферу высшего образования, можно сделать вывод о том, несмотря на современность и развитость корейского общества, сила традиций все еще очень велика. Именно они до сих пор порождают те барьеры, которые препятствуют женщинам-преподавателям добиться успеха на пути построения академической карьеры в сфере высшего образования. По этой причине стать признанным специалистом в этой престижной сфере очень непросто. Возможно, этим и объясняется ответ одной из респонденток на вопрос «Хотели бы вы, чтобы ваша дочь пошла по вашим «стопам»:

«У меня нет детей, но дочкам своих подруг я всегда говорю: не надо много заниматься, как я, не надо быть слишком умной, главное не быть глупой, и тогда все сложится. Кроме преподавателя, в жизни еще много хороших профессий».

Особенности занятости женщин в сфере высшего образования России

Что касается занятости женщин в российских университетах, то, характеризуя семейные практики женщин-преподавателей, необходимо в первую очередь отметить, что в академической среде распространенными являются браки между преподавателями, что, возможно, объясняется тем, что преподавательницы склонны выходить замуж за мужчин с не меньшими интеллектуальными способностями, чем обладают они, и высокообразованных. Основными факторами, оказывающими влияние на создание таких семейных пар, являются совпадающие профессиональные интересы и большое количество времени, которое супруги проводят вместе в силу общего места работы. А решение о том, выходить преподавательницам замуж или нет, в России определяется прежде всего эмоционально. Поэтому, как отмечает эксперт, *«неправильно говорить: “Она не замужем исключительно потому, что она кандидат наук”, ведь такой закономерности точно не прослеживается»*.

Оценивая вклад членов семей преподавателей в общий бюджет, то можно говорить об определенном равенстве, так как СПбГУ — государственное учреждение и преподаватели, занимающие одинаковые должности, должны получать одинаковую заработную плату. Если же преподавательницы замужем за представителями других, более высокодоходных профессий, то в силу их участия в различного рода грантовых программах, вклад мужа в семейный бюджет *«немного больше»*. Но некоторые респонденты отметили, что мужчинам в сфере высшего образования проще получить грант в силу их квалификационных и должностных преимуществ. Если же рассматривать исключительно заработную плату без оплаты по персональным грантам и проектам, то тогда разница в доходах с мужем будет очень высока.

Говоря о количестве детей в семейных парах преподавателей, необходимо отметить, что большинство из них имеют одного ребенка или являются

малолетними. Главной причиной такой ситуации, по мнению самих опрошенных, является недостаточно высокий заработок, для того чтобы иметь большую семью, а также специфика работы, которой отводится большое количество времени, в том числе и внерабочего. С другой стороны, согласно данным исследования, основной причиной того, почему преподавательницы, в настоящее время, остаются работать в сфере высшего образования, выступает гибкий рабочий график, который позволяет решить проблему «двойной занятости» женщин и возможность проводить больше времени с детьми.

Большинство опрошенных женщин стали матерями еще в студенчестве, либо в годы обучения в аспирантуре. Другие родили детей значительно позже — уже после тридцати лет. Представляется, что время принятия решения о материнстве обусловлено возрастом респондентов. То есть время рождения первого ребенка спланировано таким образом, чтобы оно не совпало с наиболее активным периодом построения ими академических карьер. Кроме того, необходимо учесть, что в России традиционной является помощь при рождении детей со стороны родителей, что подтвердили и результаты интервью с женщинами-преподавателями. Можно даже говорить о наличии своеобразного «социального института “бабушек и дедушек”». Все информанты, имеющие детей, отметили большой вклад своих родителей в воспитание внуков.

«Мне помогала моя мама, она даже ушла с должности ректора, осталась только преподавателем, и сегодня с удовольствием вся во внуке. Иногда меня подменяет муж, он тоже преподает, и гибкий график позволяет ему периодически сидеть дома с сыном, пока я на лекциях». «Нам помогали и мои родители, и мужа, и никто из них не воспринимал это как что-то в ущерб их карьере или как подвиг». «Моя дочь родилась, когда я была еще студенткой, тогда помогали мама и свекровь. Потом ее с 2 лет примерно отдали ребенка в детский сад и справлялись сами с мужем. Бабушки тоже продолжали помогать — часто брали к себе на выходные».

Абсолютно все замужние преподавательницы отмечали, что муж, наравне с женой, принимал активное участие в воспитании ребенка. Таким образом, в семьях современных преподавательниц российской высшей школы можно наблюдать как черты, свидетельствующие о сохранении традиционных устоев в виде помощи родителей, так и влияние западных представлений о том, что оба супруга в равной степени должны заботиться о детях.

И наконец, исследовательский интерес представляют те «группы поддержки», которые способствовали выбору опрошенными женщинами карьеры в сфере высшего образования. Результаты исследования показывают, что большинство опрошенных женщин-преподавателей являются выходцами из семей, которые имели прямое отношение к научной сфере, что и обусловило их профессиональный выбор. Это свидетельствует об определенной пре-

емственности занятости в сфере интеллектуальной деятельности, а также о наличии моральной и информационной помощи со стороны семьи. Можно говорить даже о формировании своеобразных интеллектуальных дистанций.

При этом ни одна из опрошенных преподавательниц ни сказала о том, что родители, безусловно, поддержали их выбор. Большинство ответили, что родители *«не были бы против, но это бы их не обрадовало»*, а часть родителей — преподавателей оказалась категорически *«против»*. Основным фактором негативного отношения родителей к преподавательской карьере дочерей является низкий уровень оплаты труда в вузах.

«Моя дочь, так же как и я, стала преподавателем, но я не могу сказать, что я этого очень хотела. Быть сегодня преподавателем — это нищенствовать. Сейчас на основной работе в университете она занимает половину ставки ассистента и получает (после вычета налогов) 4062 рубля в месяц. При этом у нее два бакалаврских диплома и один магистерский (с отличием). Естественно, человек вынужден работать еще на одном — другом месте»

Оценивая престижность сферы высшего образования в России сегодня, по мнению экспертов, стоит обратить внимание на те факторы, которые нужно принимать во внимание, оценивая тут или иную сферу как «престижную» или «не престижную». С одной стороны, в сознании людей, далеких от данной сферы, словосочетание «преподаватель университета» все еще, как в советское время, звучит гордо. *«В те времена это был высокий социальный статус, хорошая зарплата, длинный отпуск, удобный график работы, позволяющий приличную часть времени уделять семье и детям, как женщина я понимала, что это очень удобно»*. *«Я всегда говорила, что хочу преподавать, потому что мои детские воспоминания — это мама, которая большую часть времени проводила дома со мной, она была заведующей кафедрой и преподавателем, но ее график позволял уделять мне достаточно внимания»*. С другой стороны, *«по поведению людей, с которыми вы непосредственно находитесь в этом сообществе, видно, что с точки зрения оплаты труда эта сфера является далеко не престижной, и уж тем более не перспективной»*.

Наверно поэтому всеми опрошенными единогласно было отмечено, что сфера высшего образования является эгалитарной, то есть в ней занято приблизительно равное количество мужчин и женщин, хотя это число и может незначительно варьироваться в зависимости от факультета и специальности. Таким образом, наблюдается постепенное «перетекание» мужчин в более привлекательные с финансовой точки зрения сферы. Если более подробно остановится на гуманитарных специальностях, то здесь уже сейчас наблюдается явный перевес в сторону женщин в преподавательском составе.

Говоря о возможностях достижения профессионального роста в сфере высшего образования, необходимо напомнить о существовании трех видов карьеры — преподавательской, исследовательской и административной. Что касается первого вида карьеры, то, как выяснилось в ходе исследования, все-

ми респондентами двигал, в первую очередь, интерес к той специальности, которая, впоследствии, стала их работой, а не материальный аспект.

«Я ленинградка, всегда увлекалась русской литературой XX века, и не хотела быть учителем в школе. Если сложить все три составляющие, получается, ЛГУ, филологический факультет». «Это был мой целенаправленный осознанный выбор, знала, что много денег не заработаю, зато буду заниматься любимым делом — книжки читать, так еще и за это получать хоть зарплату».

Жизненные траектории женщин-преподавателей схожи: подавляющее большинство защищает кандидатскую диссертацию и занимает должность доцента кафедры. Такая ситуация является типичной и определяется личным выбором. Говоря о престижности сферы высшего образования в России сегодня, по мнению эксперта, стоит обратить внимание на некоторые основания, которые позволяют оценить тут или иную сферу как «престижную» или «непрестижную».

Так, например, свидетельством востребованности профессии является приток молодых специалистов в нее, *«а молодежь, как все знают, не особо стремится делать академическую карьеру, ведь заработная плата начинающего специалиста в рыночной сфере в два-два с половиной раза больше уже на начальных этапах».*

Показательно, что на вопрос *«Хотели бы Вы, чтобы Ваш ребенок пошел по Вашим стопам» и выбрала профессию преподавателя?* большинство информантов ответили, что *«не были бы против, но это бы их не обрадовало»*, а треть из них оказались категорически против. Однако ни в одном интервью не было получено полностью положительного ответа на этот вопрос. При этом у большинства респонденток дети решили продолжить свое обучение в аспирантуре, а некоторые уже работают в данной сфере. Примечательно, что все эти молодые преподаватели — исключительно женщины. Не вызывает удивления, что основной причиной нежелания посоветовать своим детям занятость в академической сфере является как раз низкая оплата труда, о которой говорилось ранее.

Еще одним основанием, которое позволяет судить о престижности той или иной сферы, выступает уровень финансирования исследований как со стороны государства, так и предпринимательского сектора экономики, заинтересованного в результатах новейших разработок. Однако в этой связи существует целый комплекс проблем, поскольку и правительство, и бизнес сегодня делают ставку на возможность получения так называемых «быстрых» денег от научных проектов. С этой точки зрения высшее образование, особенно в гуманитарной сфере, не отвечает поставленным требованиям, так как это область, которая предполагает крупные долгосрочные вложения. Таким образом, если преподавательницы, впрочем, и как их коллеги — мужчины, настроены на построение исследовательской карьеры, они могут столкнуться с трудностями при получении грантов.

Характеризуя академическую среду, в которой работают респондентки, половина из них отметила, что, когда они впервые пришли на кафедру, то большую помощь в адаптации на новом рабочем месте им оказали коллеги-мужчины: *«В моем случае была только помощь и поддержка со стороны научного руководителя и одновременно заведующего кафедрой»*. Остальные не столкнулись с препятствиями, но и не получили и помощи со стороны коллег, но по единодушному мнению о ситуации недружелюбного поведения говорить не приходится и никакого давления со стороны вышестоящих мужчин не наблюдалось.

Как отметили сами опрошенные, основным фактор, влияющий на построение академической карьеры в сфере высшего образования, — это прежде всего интеллектуальные способности кандидата, т. е. для того чтобы получить докторскую степень, необходимо сделать нечто весомое в своей области и быть признанным специалистом. Для этого существует строгий стандарт, включающий в себя определенное количество написанных и опубликованных в известных иностранных и российских журналах статей и монографий. В этой связи большую роль играют жизненные стратегии самих преподавателей, независимо от их гендерной принадлежности: кто-то готов тратить все свое время на написание работ, отрывая его от семьи, а для кого-то все эти регалии — дело второстепенное.

Что касается административной карьеры, то это прерогатива почти исключительно преподавателей-мужчин с докторской степенью. Таких менеджеров в высшей школе становится все больше, что является определенного рода стратифицирующим фактором. Данная ситуация, по мнению опрошенных, объясняется тем, что в управлении всегда больше мужчин, даже если на кафедре большинство профессорско-преподавательского состава представлена женщинами.

«Административные правила игры в нашем вузе сегодня определяют именно мужчины». «В плане преподавательской деятельности эта сфера эгалитарная, но в «Управление как необходимость хороших аналитических способностей, большей жесткости, предполагает наличие традиционно не совсем женских черт характера». «Я всегда хотела заниматься наукой и преподаванием, быть признанным в своем деле специалистом, а управляют пусть лучшие мужчины, но крайней мере, у них это всегда получается лучше».

Последнее высказывание отражает известный в гендерной социологии феномен «боязни успеха», согласно которому сами женщины уверены, что мужчины в этом плане обладают важным преимуществом — четкой логикой, направленной на достижение поставленной цели, а у женщины приоритеты могут меняться — в пользу семьи, детей, и возможны периоды «выпадения» из сферы деятельности в связи с рождением ребенка. Тем не менее, как показывают результаты интервью с женщинами-преподавателями, все они возвращаются на работу и продолжают заниматься педагогической дея-

тельностью, а кто хочет, — и строит управленческую карьеру. Эта ситуация в наибольшей степени характерна для гуманитарных факультетов СПбГУ, где на многих кафедрах работает большинство женщин. Они очень часто не только нацелены на достижение определенных академических успехов, но и претендовали на занятие управленческих должностей.

Большинство респонденток объяснили, что мужчины стремятся управлять и управляют лучше, чем женщины. И что женщины-преподаватели не заинтересованы в том, чтобы делать административную карьеру в сфере высшего образования. Представляется, что подобное мнение опрошенных может быть связано с таким известным в гендерной социологии феноменом, как «боязнь успеха», так как сами женщины считают, что мужчины, в отличие от них, обладают важным преимуществом — четкой логикой, направленной на достижение поставленной цели.

У женщин же приоритеты могут меняться в пользу семьи, и возможны периоды «выпадания» из сферы деятельности в связи с рождением детей. Тем не менее, как показывают результаты интервью с женщинами-преподавателями, все они возвращаются на работу и продолжают заниматься академической деятельностью, а кто хочет — строит административную карьеру. *«Для кого-то является приоритетным управлять, быть большим начальником, а кому-то это просто неинтересно и не столь важно».*

Кроме того, выбор делать карьеру или нет — это еще и совместное решение обоих супругов. Некоторые семьи совместное решают, что женщина будет заниматься в большей мере семьей, а мужчина строить карьеру, и тогда для женщины построение академической карьеры и стремление к занятию управленческих позиций отходит на второй план; а в других семьях оба супруга достаточно амбициозны и настроены на достижение высоких результатов.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что между занятостью корейнок и россиянок в сфере высшего образования наблюдается больше различий, нежели сходств. Для подтверждения данного тезиса нужно прежде всего рассмотреть престижность должности преподавателя университета и тем более должность профессора. Для корейнок она формируется из высокого уровня заработной платы, возможности оплаты обучения детей, продолжительного оплачиваемого отпуск и т. д. Что касается России, то статус занятости в вузах сформировался еще в советское время и до сих пор сохраняется в массовом сознании. Действительно, в то время данный вид занятости был чрезвычайно статусным, в том числе и в силу высокой оплаты труда. Так, доценты зарабатывали в 2,5 раза больше, чем в среднем по стране, а профессора — более чем в 4 раза. В настоящее время материальной привлекательности занятости в сфере российского высшего образования почти не существует.

Следующим фактором, по которому можно сравнивать ситуацию в Республике Корея и Россия, является поддержка семей. Поскольку вузовское образование Южной Кореи платное, то оплачивать обучение дочерей в магистратуре и аспирантуре наряду с сыновьями могут только родители и мужья, обладающие высоким общественным статусом. В России до сих пор существует бесплатное вузовское образование на всех уровнях подготовки. Поэтому поддержка семьи носит иной характер, а именно информационный и моральный. Это связано с тем, что многие женщины-преподаватели пошли по стопам своих родителей.

Что касается брачных стратегий, то высокообразованные корейки испытывают трудности при вступлении в брак, так как корейские мужчины предпочитают менее образованных женщин. Средний возраст вступления в брак среди преподавательниц университетов в этой стране — 27 лет. В России ситуация иная. У мужчин с высшим образованием меньше комплексов, и они женятся на равных себе по интеллекту и образованию. Рождение детей планируется в зависимости от этапов построения академической карьеры — либо еще в студенчестве, либо когда преподавательница является уже сформировавшимся специалистом.

Сходством в академической сфере обеих стран является гендерная нейтральность процесса публикации статей и получения грантов.

Литература

- Ланьков А. Н.* Современные корейские средние слои: вопрос о трудоустройстве женщин. / Вестник Центра корейского языка и культуры, N 2. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1997.
- Материалы исследования. Факультет социологии СПбГУ. СПб., 2011.

РАЗДЕЛ 4

Новые социокультурные практики в корейском и российском обществах

Ra Seungdo

Visualizaing Patriotism: Cultural Heroes and Values in Contemporary Russian Biographical Films

В данной работе будет изучаться тема патриотизма в последних российских биографических фильмах. Основное внимание уделено работе с советскими культурными героями и их олицетворением таких основополагающих ценностей, как родина, семья, союз, честность и т. д. Также в работе изучаются отношения российского кино и национально-культурной политики с точки зрения патриотических чувств и духа. Хорошо известно, что российские власти в области культуры призывают к созданию большего количества фильмов, способствующих развитию патриотизма. Поэтому для данной работы выбраны финансируемые государством фильмы такие как «Поддубный» (2014), «Гагарин. Первый в космосе» (2013) и «Легенда №17» (2012). Кроме того, подробно рассматривается то, как советские культурные герои становятся популярной иконической метафорой для жизни постсоветской России. В первую очередь рассматривается жизнь легендарного боксера Ивана Поддубного в фильме «Поддубный», послужившая символом патриотизма, когда западные страны ввели санкции против России. Далее в работе анализируются героические поступки и позитивные ценности, показанные в биографическом фильме о Юрии Гагарине, первом космонавте. И наконец, центром дискуссии о патриотизме становится коллективный дух в фильме «Легенда №17».

This paper will explore patriotic themes in recent Russian biographical films. The main focus will be placed on dealing with Soviet cultural heroes and their embodiment of the core values such as motherland, family, unity, honesty, and so on. At the same time, the paper will examine the relationship between Russian cinema and national cultural policy in terms of patriotic feelings and

spirit. It is well known that Russian cultural authorities called for more films that promote a patriotic agenda. For this reason, the paper will select some state-sponsored films like Poddubnyi (Poddubnyi, 2014), Gagarin, the First Man in Space (Gagarin, Pervyi v kosmose, 2013), and Legend No. 17 (Legenda No. 17, 2012) and takes a close look at how Soviet cultural heroes become a popular iconic metaphor for post-soviet Russian life. First, it examines how the life of a legendary fighter Ivan Poddubny served as a symbol of patriotism in the film Poddubnyi when western countries imposed sanctions on Russia. Second, it will present the heroic deeds and positive values depicted in the biopic of Yuri Gagarin, the first spaceman. Finally, the collective spirit will be the focus of discussion of patriotism in the film Legend No. 17.

In his study on Soviet cinema and society under Stalin's regime in particular, Peter Kenez argues that in Stalinist biographical films (biopics) individual heroes from various periods of Russian history conveyed "the xenophobic message of Stalinist ideology." He goes on to say, "Russian scientists, musicians and admirals have always been the greatest; and Russian talent and virtue have always shone. The films, therefore, bolstered patriotism" (Kenez 1992: 240). Indeed, these films were no doubt designed as heroic biographies and are subordinated or subservient to the dominant discourse of Stalinist patriotism during the 1940s and the early 1950s. To name a few, for instance, they include *Kutuzov* (1943), *Pirogov* (1947), *Admiral Nakhimov* (1946), *Glinka* (1946), *Zhukovskii* (1950). They are stark examples of the heroic biopic showcasing the great successes of the individuals who dedicated himself to the Russian nation and people.

Quite interestingly, in Putin's Russia a few years ago biographical films have started to make a comeback, showing a new fascination with recognizable cultural heroes from the Soviet past and pre-revolutionary Russia. More significantly, heroic biopics are now designed and produced clearly as state-policy films promoting patriotism in popular culture. In Russia today, particularly fashionable are those state-sponsored biopics that dramatize, whether in part or whole, the life of Russian legendary sportsmen who were revered in and outside the country. The first smash hit in this genre was the 2012 film *Legend N 17 (Legenda N 17)* directed by Nikolai Lebedev. Obviously, it is a patriotic biopic about Valerii Kharlamov (1948~1981) who is considered one of the greatest Soviet ice-hockey players. This sports biopic became so unexpectedly popular that it earned over \$29 million after eight weeks in release and garnered a good deal of positive responses from the public and film critics alike.

On April 17, 2013, Russian President Vladimir Putin paid a visit in person to the pre-premiere screening of *Legend No.17*. He made a speech on the film, saying that "once this film is released to the general public, it will be popular among hockey fans, sports fans, and others who are simply proud of our nation's achievements" (Putin 2013). Even more, he emphasized that the movie's hero was "one of those who demonstrated our nation's successes and its greatness" (Putin 2013). As Putin succinctly expressed here, it is no doubt that the sports biopic *Legend N17* also

stands firmly in a tradition of patriotic blockbusters that show cultural heroes who helped make Russia a great nation.

The film critic Andrei Arkhangel'skii pointed out that "the film about Valerii Kharlamov was not so much a biopic as a film about the confrontation between two systems—the United States and the Soviet Union" (Arkhangel'skii 2013). In other words, *Legend N 17* is more than mere biopic in that it demonstrates in the clearest form the determination, courageousness and honesty of the Soviet [Russian] ice-hockey players during their great struggle with the Canadians. The central event of the film is the game between the Soviet legendary 'Red Machine' and the Canadian NHL professional players. Quite interestingly, the Canadian players in the film are often depicted almost all the time in the negative forms. The two main players of the Canadian team, Phil Esposito and Bobby Clarke, appear to be hairy ferocious animals with sharp teeth or claws. At the match they always chew gum noisily. Moreover, they beat and injure the Soviet players, using their hockey sticks. However, the Soviet players fight against the Canadians without being discouraged by adversity and beat them at the first game 7:3. At the same time, people from all over the world, including the Soviet Union, watch the game with breathless attention and go crazy with joy at the Soviet players' sensational victory over the Canadians, who had a haughty air at the beginning of the game.

What is most significant at this scene is that the key to turning trials into triumph lies not only in the Soviet players' moral superiority over the Canadians showing ungentlemanly conduct and unsporting behavior, but it also comes from Kharlamov and his teammates' ability to realize all their brilliant techniques and collective values which they have learned and accepted under Tarasov's harsh coaching. Actually, the charismatic CSKA ice-hockey team coach Anatolii Tarasov is attracted to Kharlamov's talents and potential. However, Tarasov does not accept him into the team immediately and instead lets him to get more experience and ultimately realize what is most important in the team play. Later on, Kharlamov gradually forges an iron will and spirit, by going through a series of rites of passage. In this regard, it can be said that *Legend No. 17* is the film depicting how the Soviet star player was tempered like the steel.

The most important moral value that Kharlamov learns through rites of passage is not anything personal or individual, but the collective spirit which unifies the team as an organic whole. In Chebyskul, a dreary industrial town in the Urals, Karlamov shows his brilliant performance and brings a victory to the local team 'Zvezda' against 'Spartak' from Moscow. However, his play does not win the praise of Tarasov who watched the game all the time. Tarasov does not pay compliment to Karlamov and rather blames him for the individual and selfish play. Here he requests earnestly that Karlamov never forget the fact that a system is to be considered the most important thing. At the same time, however, he recognizes Kharlamov's talent and finally calls him into CSKA to Moscow.

In this way, Karlamov realizes that the collective spirit is much more important than personal or individual talent in the team play. However, Karlamov and his teammates give serious internal troubles at the 1972 Winter Olympics in Sapporo.

The Soviet national team members blame each other for losing a preliminary match. For this reason, Tarasov assembles all the members in the ice hall and makes them know what is their serious fault. Karlamov is the first to realize that they have made a serious mistake. He steps up to Tarasov and tells him that they do not belong to any specific club like Spartak, CSKA or Dinamo, but represent the united national team of the USSR. In other words, the film unambiguously conveys the patriotic message of unity and integration through the mouth of Kharlamov. After this scene, the film shows that Kharlamov and their colleagues come back home wearing the gold medals around their necks.

As we have seen so far, *Legend N 17* is the first post-Soviet sports patriotic biopic that dramatizes the extraordinary life of the Soviet ice-hockey star who willingly devote his personal talents and efforts for the collective values of the team and the nation. Interestingly, Tarasov, who is called "the most toughest in the USSR after marshal Zhukov, insists constantly that his players "defend" themselves against opponents, "as if protecting the Fatherland!" It is not going far to say that Tarasov's cries seem reminiscent of those heard in many of the Soviet and post-Soviet patriotic war films.

Meanwhile, the second post-Soviet sports biopic was released against the background of a new wave of patriotism in July 2014 when the West's sanctions against Russia were introduced over Ukrainian crisis. The film directed by Gleb Orlov, *Poddubnyi*, is about one of the greatest wrestlers in history, Ivan Maksimovich Poddubnyi. He first won the title of World Champion in French Wrestling in 1905 at the age of 34 and held onto it for more than three decades. The extraordinary story of Poddubnyi was first told in the Soviet filmmaker Boris Barnet's *Wrestler and the Clown* (*Borets i kloun*) in 1959. More than 50 years later, the legendary sportsman made a timely appearance on the screen and aroused a new and intense interest in his glorious past among contemporary audiences.

What comes to the fore in the film that it has a distinct anti-Western and anti-American stance. This is of particular relevance that the film has been released at the exact time when anti-U.S. sentiments have swung to a record high. Indeed, many Russians today hold very negative views of the U.S. and Europe in Russia's geopolitical conflict with them over Ukraine. In the film, indeed, both Westerns and Americans are often described as those who always exploit Poddubnyi's strength for their interests and even try to beat him with unfair and dishonest means and methods. In a scene, the French wrestler realizes that he will be unable to win the game against Poddubnyi and puts oil on his own body so that Poddubnyi cannot grab him. After all, he beats the Russian strongman in a dishonest manner and wears a champion belt on his waist. Just as in *Legend N 17*, in this way, so in *Poddubnyi* the West's dishonest and ungentlemanly behavior stands in sharp contrast to the purity and honesty of Russian soul. At the end of the film, we are shown a scene of Poddubnyi who finally comes back to the USSR, leaving almost all of his properties in America. It is said that whereas he was sick of a suffocating life in America, he feels comfortable with a breath of fresh air in the homeland. At

the same time we are shown rain-soaked Poddubnyi. What is of significance here is that in the rain he seems to undergo a kind of purification ritual and restore his body and soul which were hurt in capitalist America.

One of the salient features in the depiction of Poddubnyi is the vivid image of his bodily strength that is often found in the legendary heroes of the Russian folk epic like Ilya Muromets, Alyosha Popovich and Dobrynia Nikitich. In this meaning, the cinematic reanimation of Puddobnyi is can be compared to a couple of Russian full-length animated films recalling folk epic heroes on the screen. Birgit Beumers says that "Russia started to produce its own heroes in an attempt to instill in young viewers a sense of belonging and of national values, cultural and historical" (Beumers 2014). On the one hand, in this biopic the director Gleb Orlov has brought the legendary hero from Russian history and attempted to convey a clear message of Putinist patriotism in the time of identity crisis. On the other hand, the cinematic representation of a legendary strongman echoes the strongman image that Putin has cultivated over the entire period of his rule.

What is remarkable is that films about Soviet space flight and cosmonauts have a substantial presence in Putin-era cinema. These include Aleksei Fyodorchenko's *First on the Moon* (*Pervye na lune*, 2005), Aleksei Uchitel's *Dreaming of Space* (*Kosmos kak predchuvstvie*, 2005), Iurii Kara's *Korolev* (*Korolev*, 2007), and Aleksei German Junior's *Pater Soldier* (*Bumazhnyi soldat*, 2008). Except for Kara's film, three of them do not demonstrate the success and greatness of Soviet space flight. Contrary to our expectations, they undermine the cultural mythology of Soviet space race, by revealing the dark sides of Soviet reality concealed under the surface (Slivkin 2011). Moreover, full-length film about the first man in space, Iurii Gagarin, have never been made until Pavel Parkhomenko's biopic *Gagarin, the First Man in Space* (*Gagarin, Pervyi v kosmose*) has been released to the general public in 2013.

In his article on the 2007 film *Korolev*, Slava Gerovitch writes that "the post-Soviet political elite have appropriated the image of Gagarin as their own ideological symbol, an emblem of national pride and technological prowess, and the inspiration for a returned superpower status" (Gerovitch 2011: 482). It is in this context of cultural politics that Parkhomenko's *Gagarin. The First Man in Space* has been made with governmental financial support. Indeed, *Gagarin. The First Man in Space* aimed to build a cinematic monument to Gagarin as a national hero. The film instills a sense of national pride among Russians, by evoking one of the most vivid memories of the Soviet past.

It is very interesting to see how the film creates the perfect image of Gagarin as a national hero throughout the entire narrative. In this regard, it is worth noting that Gagarin is constantly described in the rivalry between him and his comrade, German Titov. In the beginning of the film, we are shown Gagarin and Titov as those who are hand and glove with each other. At first glance, they seem to have a good comradeship enough to share one room in the dormitory for cosmonauts. It is implied that since then some tension gradually surfaces between Gagarin and Titov. It soon turns out that Titov envies Gagarin's success. Indeed, Gagarin is

selected as the first man in space. For this very reason, Titov seems to be unsatisfied with everything surrounding Gagarin. Gagarin says a joke that they could write a novel together under the pseudonym 'Iurii German.' The pseudonym that Gagarin conceived is directly associated with a real Soviet Russian writer 'Iurii German,' who is also father of the famous film director, Aleksei German. Gagarin jokingly intimates to Titov that they are inseparably related to each other like needle and thread. However, Titov talks impudently to German that his joke is in no way funny. In addition to this, Titov often shows a rude and outrageous behavior injuring a cordial atmosphere among the comrades. In spite of that, Gagarin always understands and embraces Titov.

Later on, Titov turns out to be dishonest at a crucial moment when Korolev decides who is well qualified and competent for the first man in space. In order to become the first man in space, Titov hides an important fact that he recently lost his child, fearing that this could influence the final decision. However, seeing through Titov's intention at a glance, Korolev says that "we need cosmonauts tell us the whole truth on the back!" After all, Titov was left out the final decision. More significantly, German was named after the hero of Aleksandr Puskin's short story *Queen of Spades*. As is generally known, in Puskin's novella the hero German is portrayed to have "the profile of a Napoleon, and the soul of a Mephistopheles." As we see here, German is generally perceived as an evil force. He stakes everything on the queen of spades and loses. After this, he goes mad and ends up in a mental hospital. In the film we are shown German deceiving others, just like the ambitious hero in Pushkin's story.

On the contrary, the film portrays Gagarin who is not only spiritually healthy both in the past and the present, but is also morally perfect. In this respect, Gagarin is close to the 'positive hero' of Soviet socialist realism and the "socially meaningful" hero of the films that Russian Ministry of Culture actively supports and promotes for the patriotic education of the younger generation. Like socialist realist heroes, moreover, Gagarin selflessly commits himself to the cause. This is made evident in a scene where Gagarin sings the first two lines of the patriotic song: "*The Motherland Hears, the Motherland Knows / Where Her Son Flies in the Sky*." It was written by Dmitrii Shostakovich in 1951, with words by Evgenii Dolmatovsky. Together with the image of Gagarin, this song reminds Russians of the love for the Motherland and a sense of public duty.

Gagarin. The First Man in Space also stands in a tradition of mythologizing space engineers. The film frequently shows Korolev as a leader of the space program and Gagarin's spiritual father. Like Tarasov in *Legend N 17*, Korolev in this movie plays a larger role in choosing Gagarin as the first man in space. Definitely, both of them are a father figure who leads the hero to consciousness and the cause in socialist realist manner. Gagarin serves the nation like his predecessors in Soviet socialist films and novels, faithfully following the mentor's instruction.

Three post-Soviet Russian biopics discussed here represent not "a patriotism of despair, one that centered on loss and a nihilistic outlook on post-Soviet life"

but “a patriotism of pride, one in which Russians could reassert themselves and view their history differently” (Norris 2012: 11) Indeed, all of them illuminate the brightest pages of recent Russian history and instill a new sense of national pride among a new generation. It should be pointed out, however, that in recent heroic biopics patriotic journeys to the past are not so much different from those in Stalinist film as similar to them. This is why they are criticized for their lack of creative imagination. *Gagarin. The First Man in Space* is generally considered an obvious example of the failure to combine hard fact with the work of creative imagination. It just remains a film subservient to the Russian government’s cultural policy of patriotism.

Literature

- Arkhangelskii, Andrei (2013). “New Russian Cinema Trend: Biopics of Soviet Stars.” URL: http://rbth.com/opinion/2013/07/10/new_russian_cinema_trend_biopics_of_soviet_stars_27951.html (дата обращения: 15.02.2015).
- Beumers, Birgit (2014). “Folklore and New Russian Animation.” *Kinokultura*, Issue 43. URL: <http://www.kinokultura.com/2014/43-beumers.shtml> (дата обращения: 15.02.2015).
- Gerovitch, Slava (2011). ““Why Are We Telling Lies?” The Creation of Soviet Space History Myths.” *Russian Review*, No. 70. Pp. 460–84.
- Kenez, Peter (1992). *Cinema and Soviet Society, 1917–1953*. Cambridge University Press.
- Norris, Stephen (2012). *Blockbuster History in the New Russia: Movies, Memory, and Patriotism*. Indiana University Press.
- Putin, Vladimir (2013). “Vladimir Putin attended screening of *Legenda No.17*.” URL: <http://eng.news.kremlin.ru/news/5291/print> (дата обращения: 15.02.2015).
- Slivkin, Evgenii (2011). “*Pobeg v kosmos*.” *Kinoart*, N 2. URL: <http://kinoart.ru/archive/2011/02/n2-article11> (дата обращения: 15.02.2015).

К. В. Асмолов

Трансформация образа кошки в массовом сознании Южной Кореи

The theme of this presentation could seem curious and speculative. However, in the author's opinion, evolution of attitude to cats is a curious marker of social processes, and common among young people "admiring kitties" provides topicality of the theme and an interest in it. Unfortunately, the level of the problem research is not supposed to be enough, so, the author was forced to rely not only on some articles in mass-media or materials of animal protectors, but also on interviews of his respondents – Koreans as well as Russian leaving in the Republic of Korea more than 15 years. The paper is based on fieldworks: as a cat-lover the author paid a special attention to their place in Korean society and the attitude to them since his first stay in the Republic of Korea in 1990-1991 till the present time. Nevertheless, the author hopes his work will give a start to serious and more fundamental researches in this area.

Тема данного выступления может показаться курьезной или спекулятивной. Однако, на взгляд автора, эволюция отношения к кошкам является любопытным маркером общественных процессов, а распространение среди молодежи «любование котиками» обеспечивает определенную актуальность темы и интерес к ней. К сожалению, уровень исследования проблемы нельзя назвать достаточным, и потому автор был вынужден опираться не только на некоторые статьи в СМИ или материалы зоозащитников (с поправкой на их ангажированность), но и на опросы своих респондентов — как корейцев, так и россиян, проживающих в Республике Корея более 15 лет (отдельная благодарность Е. Штефану, Е. Ким и К. Хмельницкой за проведенные опросы и иную полезную информацию). Работа базируется на полевых исследованиях: будучи любителем кошек, автор обращал специальное внимание на их место в корейском обществе и отношение к ним начиная со своего первого пребывания в Республике Корея в 1990–1991 гг. по настоящее время. Однако автор надеется, что его текст положит начало серьезным и более фундаментальным исследованиям в данной области.

Кое-что из истории

Точное время распространения кошек в Корею автору пока уточнить не удалось, но они присутствуют на средневековых картинах. Наиболее известны среди них две картины художника Пён Сан Бёка: Мёджак-

до (Кошки и воробьи) и Кукчон чумё (Осенняя кошка в саду с хризантемами) (<http://www.reuters.com/article/2012/09/13/us-korea-cats-design-idUSBRE88C05A20120913>), которые отличаются высоким реализмом и выполнены в распространенной для Восточной Азии традиции «цветы и птицы», только вместо птиц на фоне природы резвятся кошки. Пён жил в конце XVII — начале XVIII в. и считается одним из самых известных корейских придворных художников. О мастерстве этого автора в изображении кошек хорошо свидетельствует и тот факт, что ему даже дали прозвище «Пен кош-ка», а мыши, говорят, увидев кошек на его картине, не смели даже показаться в комнате (<http://dprk.ru/cult/art/16.htm>).

Встречаются кошки и на картина Ким Хон До (1745–1806)

Корейские сказки относятся к кошкам безразлично, и в качестве персонажа они там появляется редко. Переведенные на русский сказки с участием кошек (<http://www.hobobo.ru/catalog/skazka/koshki/page/1#read>) достаточно сильно обработаны фольклористами или издателями, так что не всегда понятно, до какой степени перевод отличается от оригинала. В сказках кошка встречается существенно реже, чем тигр, лошадь, собака, сорока и даже крыса или мышь.

Кошки как символа домашнего очага в Корее не было вообще

Ни буддизм, ни конфуцианство не относятся к кошке с пренебрежением. В рисоводческой стране кошка — естественный союзник человека против грызунов. Однако вплоть до конца XX в. кошку в Корее воспринимали как животное-паразита, и бездомная кошка по-корейски зовется кошкой-вором (кор. «тодук коянги»). Целый ряд источников, повествующих о Корее начала XX в., будь то воспоминания Х. Хальберта или Э. Бишоп, описывают кошачью участь в Корее как довольно грустную: «Кошек практически всегда принято считать бездомными и неисправимыми ворами. Они — естественная жертва вездесущих собак и маленьких мальчиков. Наше наблюдение привело к печальному заключению: старость стоит в самом конце списка причин кошачьей смертности» (Hulbert H. The Passing of Korea: 21).

В позитивном смысле о них вспоминали только во время эпидемий холеры: так как люди считали, что боль в животе происходит от крысообразных демонов, «заводящихся в человеческих животах», они прикладывали к болезненным местам кошачью шкуру, вешали или рисовали на стенах изображения кошек, чтобы отпугнуть крыс, нанимали шаманов, которые должны были вызывать кошачьих духов, и имитировали цапапанье кошек, чтобы избавиться от болезни (Letters from Joseon: 251–252).

Первые иностранцы в Корее старались заводить кошек. В июне 1895 г. американскому послу подарили двух котят, так как, по словам жены посла, «здесь

кошки весьма необходимые члены семьи, ибо крысы и мыши тут многочисленны и наглы» (Letters from Joseon: 221). Тем не менее сами корейцы не понимали, зачем европейцы держат кошек дома. Однако по мере распространения домашних кошек их стало слишком много и их популярность начала падать, поскольку они стали досажать и своим европейским хозяевам. В 1901 г. была даже зафиксирована смерть человека от бешенства после укуса бродячей кошки. (Korea's Feline Fears. http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu=c10400&no=381423&rel_no=1, 01 сентября 2008 г.)

Пока Корея была деревенской страной, отношение к кошкам было более нейтральным, потому что они ловили мышей. Но когда на смену деревенским домам пришли городские многоэтажки, для кошек не осталось ниши. Надо отметить, что вплоть до конца XX в. жилищные условия в Корее были хуже российских. В городской квартире было очень мало места.

Кроме того, в деревне или на природе кошкам есть где охотиться, но в бетонных джунглях они могут самостоятельно жить только на помойке. Не забудем, что для существования бродячих кошек в большом городе требуется как наличие большого числа крыс или голубей, которые стоят ниже их в пищевой цепи, так и высокий уровень жизни людей, благодаря которому в мусор идет достаточное количество пищевых отходов.

В XXI в. отношение к кошкам начало меняться как под влиянием моды на глобализацию, так и вследствие японского тренда и моды на «кавайных нэко». Позитивный образ кошки стал появляться в рекламе, увеличилось число людей, которые держат кошек дома. На взгляд автора, это связано с тем, что в современном урбанизированном обществе роль домашних животных изменилась. Теперь они играют роль не столько пищи или животного — помощника, сколько являются своего рода заменителем семьи и/или детей — объектом заботы и источником позитивных эмоций. В этой нише кошка удачно устроилась. С одной стороны, она обладает набором эстетических характеристик, положительно влияющих на органы чувств, будь то внешний вид, приятная на ощупь шерсть или успокаивающее мурлыканье. С другой стороны, с точки зрения соотношения цена — качество кошка является идеальным домашним питомцем для обитателей урбанизированного мира. Птицы и рыбы не обеспечивают должного уровня коммуникаций, а собаки требуют дополнительных ресурсов времени на их выгул.

Как и маленькие собачки, кошки оказались в нише «домашних любимцев», более близких к куклам, чем к домашним животным — домашним кошкам часто делают вычурные прически в специальных салонах, красят их в разные цвета, покупают одежду и обувь. При этом, по словам респондентов, это отношение именно как к вещам, которые можно выставить на улицу, если надоели, приелись или не там нагадили. В результате число брошенных животных растет.

С другой стороны, распространяются и знания о кошках. В 2000-е кореец мог не знать, что мурлыканье кошки — это знак ее хорошего настроения.

Сегодня это уже общеизвестно. Впрочем, опрос общественного мнения от 25 февраля 2015 г. показал, что самым любимым домашним животным корейца является собака (<http://english.yonhapnews.co.kr/national/2015/02/25/0302000000AEN20150225006500315.html>). По данным зоозащитников, в Корее только 1 из 5000 граждан имеет домашнюю кошку (TheMiseryofCatsin Korea // [http://saynotodogmeat.net/2013/11/26/the-misery-of-cats-in-korea/November 26, 2013](http://saynotodogmeat.net/2013/11/26/the-misery-of-cats-in-korea/November%2026,%202013)). Из-за этого, например, попытка выгулять кота в городском парке может вызвать дискуссии, что же это за зверь — норка, выдра или особая порода собак. Те же, кто опознает кошку как кошку, смотрят на ее хозяина как на владельца дорогого и статусного аксессуара под названием «лакшери кояньи» ценой от миллиона вон /тысячи долларов, и, если верить моим респондентам, цены на породистых кошек в Корее выше, чем в регионе в целом.

Качественные продукты для кошек встречаются в основном на американских военных базах и очень редко продаются в обычных супермаркетах. Вакцинация и ветеринарные услуги дороги.

Бродячие кошки

В 1990–1991 гг. бродячие кошки в Сеуле мне не попадались. Те кошки, которых я видел там, обычно жили в небольших магазинчиках и содержались на привязи, а попытки автора напоить их молоком вызывали удивление.

В 1994–1995 гг., когда я был в РК во второй раз, бродячие кошки оставались крайней редкостью и обитали в основном на территориях, примыкающих к буддийским храмам, где их не обижали.

Ситуация, когда при какой-нибудь уличной «едальне» или лавке есть прикормленный кот, которого подкармливают как посетители, так и хозяин, появилась только в начале нынешнего столетия. Хотя такие коты держались настороженно, их можно было покормить/погладить, но делали это в основном иностранцы.

В своей статье, опубликованной в 2009 г., Р. Нефф отмечает, что сейчас в Корее можно встретить и бродячую кошку, которая живет на помойке, и прикормленную кошку, которую держат в доме или магазине для борьбы с крысами (Korea'sFelineFears. [http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu=c10400&no=381423&rel_no=1, 01.09.2008 г.](http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu=c10400&no=381423&rel_no=1,01.09.2008)).

В 2014 гг. бродячие кошки стали попадаться автору на улицах Сеула в достаточном количестве, но все равно число их сравнимо с Москвой, а не с городами Израиля, Греции или Турции, где бродячие кошки действительно многочисленны. Некоторые даже дают себя погладить и не бегут от людей, как раньше. По словам моих респондентов, это связано с появлением «кошачьих мам», которые подкармливают бродячих кошек, так что они даже осмеливаются показываться не только около буддийских храмов.

Но все еще есть те, кто их мучает и убивает. В декабре 2012 г. был случай, когда человек натравил на котенка свою большую собаку и снял его рас-

терзание на видео. За это он был приговорен к штрафу в 700 тыс. вон (625 долларов США) (Stray cats trut: Korea's feral felines // <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2976702>), и многие сочли этот приговор слишком мягким.

Власти, по словам зоозащитников, тоже относятся к бродячим кошкам именно как к паразитам, численность которых надо сокращать радикальными методами (<http://www.koreananimals.org/animals/cats.htm>). С другой стороны, есть и кошачьи приюты, и организации, которые занимаются защитой прав бродячих животных, в том числе специальная Корейская организация защиты кошек, созданная 60-летней Ким Чжин Хи, которая уже около 10 лет подкармливает кошек в своем квартале.

Обычная бродячая кошка не вызывает интереса у людей, а при попытке подойти к ней поближе, убегает. Зимой кошки прячутся в подвалах или сидят под теплыми машинами. Большинство бродячих кошек грязные, голодные и больные. Даже если неприкормленная кошка жива и здорова, у нее часто будет отсутствовать хвост. Они питаются пищевыми отходами с помоек и крысами, живут в среднем 5 лет и гибнет в основном под колесами автомобиля. Часто им подбрасывают отравленную еду (The Misery of Cats in Korea // [http://saynotodogmeat.net/2013/11/26/the-misery-of-cats-in-korea/November 26, 2013](http://saynotodogmeat.net/2013/11/26/the-misery-of-cats-in-korea/November%2026,%202013)).

В сельской местности или на курортах типа о. Чечжу ситуация немного иная. Одиравших кошек очень много в зарослях на побережье, в порту, вокруг ресторанов и на скоплениях мусора. Даже вокруг отелей на берегу живут кошки. Но они очень скрытные, появляются или рано утром, или в сумерках.

Официальной статистики немного, но 27 августа 2013 г. в газете «Чунан Ильбо» вышел большой материал, посвященный бродячим кошкам Сеула, которых, по мнению некоторых зоозащитных групп, насчитывается 200 тыс. (Stray cats trut: Korea's feral felines // <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2976702>). Мне эти цифры кажутся преувеличенными, ибо непонятно, кто и как их определял. Цифра в 30 тысяч, названная в 2007 г., кажется более реалистичной (Seoul City to Neuter Wandering Cats // 22 октября 2007 г. http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2007/10/117_12316.html).

До определенного времени единственным методом контроля популяции кошек было их уничтожение или вывоз за пределы города. Утверждается, что на фоне эпидемии птичьего гриппа власти РК отдали приказ уничтожать и кошек с собаками, но сколько их было уничтожено на фоне эпидемии 2003 г., неизвестно, и ссылка идет на анонимных чиновников (<http://bigcatrescue.org/south-korea-to-kill-cats-dogs-to-try-to-prevent-bird-flu-spread/>).

Однако с 2007 г. начала распространяться методика, которая обозначается английской аббревиатурой TNR (trap-neuter-return) — бродячую кошку ловят, делают ей прививки, стерилизуют и отпускают (обычно надрезав ей ухо для маркировки). Подобная система существует в нескольких странах, в

том числе — в Израиле (Seoul City to Neuter Wandering Cats // 22 октября 2007 г. http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2007/10/117_12316.html).

По мнению Чон Чжин Гён, руководителя организации Korea Animal Rights Advocates, **эта методика хорошо показывает себя в Сеуле**. Стерилизованные коты не устраивают концерты и менее агрессивны. Кошек на помойках стало меньше, но они по-прежнему производят много шума и иногда даже кидаются на людей при попытке их отогнать. (Stray cats trut: Korea's feral felines // <http://koreaajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2976702>).

Правда, и эта программа вызывает дискуссии. Непонятно, куда именно выпускают обработанных котов — туда же, где их отловили, или куда придется. Непонятно, как быть с котятками, которые могут не пережить такую операцию. По словам Ким Чжин Хи, из-за ненадлежащего отношения к операции гибнет примерно 10% животных — операции делают плохо, о животных почти не заботятся. Власти должны быть в более тесной связи с местными любителями кошек. Есть и те, кто думает, что программа является слишком дорогой. Стерилизация и лечение стоят от 50 до 200 тыс. вон на одну кошку.

Разница между домашним питомцем, владение которым является престижным знаком определенного социального статуса, и бродячей кошкой в Корее сохраняется. На человека, который пытается взять бродячую кошку с улицы или из приюта, смотрят как на очень странного. Считается, что карма бродячих кошек — жить на улице, и поэтому нельзя вмешиваться в их жизнь. Те, кто их подкармливает, становятся жертвами общественного остракизма как неудачники, у которых нет друзей-людей. Неясно, насколько распространена эта точка зрения, однако, по словам респондентов автора, большинство приличных людей, которые подкармливают кошек, делают это в темное время суток (The Misery of Cats in Korea // [http://saynotodogmeat.net/2013/11/26/the-misery-of-cats-in-korea/November 26, 2013](http://saynotodogmeat.net/2013/11/26/the-misery-of-cats-in-korea/November%2026,%202013)).

Организации зоозащитников пытаются заниматься образованием населения, начиная с младших школьников. Они стараются донести до людей мысль о том, что кошки дружелюбны, чистоплотны и являются идеальным домашним животным для корейских городских условий (<http://www.koreananimals.org/animals/cats.htm>).

С другой стороны, любопытно, что молодежь начала употреблять применительно к бродячим кошкам иной термин — не «тодук коянъи», а «киль коянъи», что, скорее всего, является калькой с английского **“alley cat”**. Бродячие коты чаще становятся героями сюжетов СМИ. Так, популярной оказалась история, когда в одном из полицейских участков Сеула прикормили и вылечили двух бродячих кошек, «взяв их на довольствие». Эти кошки не имеют какого-то специального назначения по аналогиям с «маскотами» некоторых заведений в Японии и США (<http://kotaku.com/koreas-cop-cats-will-arrest-you-with-cuteness-1449891697>).

Кошки как питание

Плохое отношение к кошкам в Корее занимает довольно много места в текстах зоозащитников, и обычно, даже если это статья в корейской прессе, автор ее — европеец или американец. Понятно, что в основном Корее и корейцам достается за употребление собачьего мяса, которое распространено гораздо больше. Кошки идут как бы довеском, и в основном в этих материалах упоминается так называемый «кошачий сок» или «кошачья настойка», которую готовят из кошатины с имбирем, каштанами и т. п. как лечебное снадобье, которое употребляется от артрита и ревматизма, особенно от боли в коленях.

Данные о том, что кошатину использовали как лекарство против ревматизма, относятся к началу XX в. (Korea's Feline Fears. // http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu=c10400&no=381423&rel_no=1, 01 сентября 2008 г.). Впрочем, в традиции китайской «диетотерапии» лечебной едой может служить все, что угодно, а специфических блюд из мяса кошки, аналогичных собачьему супу, в повседневной или элитной корейской кухне нет, как нет и традиции разводить этих животных на мясо. Поэтому интересно, что настойку на кошках и иные варианты продукции из кошатины стали рекламировать в 1980-е годы, и это может быть связано с тем, что как раз в это время благодаря урбанизации в Сеуле образовалась большая популяция бродячих кошек, утилизация которых стала для кого-то доходным делом (http://www.moggies.co.uk/html/korean_02.html).

Зоозащитники утверждают, что кошачья настойка не оказывает лечебный эффект, и ссылаются на выводы профессора Ким Сон Юна из университета Ханъян, специалиста по изучению артрита (<http://www.animalcruelty-worldwide.com/Animal-Cruelty-In-Korea-2/Animal-Cruelty-In-Korea-2.1.html>).

Основным местом, где готовят кошатину, зоозащитники называют мясной рынок Моран, который находится за городской чертой Сеула, на территории г. Соннам. Как и собак, кошек содержат там в тесных клетках и нередко забивают в присутствии клиентов (The Misery of Cats in Korea // <http://saynotodogmeat.net/2013/11/26/the-misery-of-cats-in-korea/November> 26, 2013). Периодически зоозащитникам удается сделать репортаж с шокирующими кадрами или выкупить кошку, предназначенную на забой. Часто такая кошка становится героем статьи, как это стало с кошкой по имени Клео, спасенной в декабре 2012 г. (CleothCat — Rescued From South Korea's Death Markets // <http://www.all-creatures.org/stories/a-cleo-the.html>, December 2012). Крестьянину, который ее продавал, ее дальнейшая судьба была безразлична.

Зоозащитники утверждают, что каждый год «на лекарства» перерабатывают 100 тыс. кошек. Учитывая их же оценки численности кошек в Сеуле, это число кажется автору преувеличенным.

В некоторых статьях упоминается, что кошек бросают в автоклавы живыми (чем больше кошка мучается перед смертью, тем сильнее лекарство) и что власть ничего не делает для того, чтобы это предотвратить, хотя закон против жестокого обращения с животными действует в РК с 1991 г.

Чтобы понять причины явления, возможно, стоит вспомнить, какова была ситуация с супом из собачатины. Перед Олимпиадой 1988 г., когда общественность начала возмущаться по поводу употребления в Корее собачьего мяса, все рестораны данного типа убрали в глубь кварталов, а названия блюд в них изменили так, чтобы в них не было прямого указания на мясо собаки. Однако во время чемпионата мира по футболу 2002 г. и других массовых международных мероприятий в РК власти занимали менее конструктивную позицию: это наши национально-культурные особенности и мы не собираемся их менять (Осетрова: 12).

Динамика образа кошки в массовом сознании

Нелюбовь корейцев к кошкам является общим местом в статьях на данную тему, и некоторые тексты даже специально выносят «кошкобоязнь» в список наиболее распространенных корейских суеверий наряду, скажем, с боязнью числа «4». Кошка воспринимается или как обитатель помойки или как дикое животное, которое может напасть на человека (<http://blog.korea.net/?p=12988>).

Как отмечает Е. Штефан, кошек, во-первых, принято страшно пугаться («у них глаза такие страшные!»), а во-вторых, они вредные твари, грызут мусорные пакеты. Когда идешь мимо кошки, надо шугануть ее или кинуть камнем. При этом «собака», как и в России, — ругательное слово, а «кошка» — нет.

Р. Нефф также отмечает иррациональную боязнь кошек, с которой он сталкивался как сегодня, так и при анализе корейских исторических источников. При этом страх испытывали как простолюдины, так и дворяне. Он цитирует американских миссионеров, которые описывали янбанов, падающих в обморок при виде кошки, которая случайно зашла в помещение дипломатической миссии во время приема или забралась во дворец. (Korea's Feline Fears. http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu=c10400&no=381423&rel_no=1, 01 сентября 2008 г.).

Как говорит зоозащитник Чон Чжин А, эти предрассудки исходят из фальшивых сообщений СМИ и «шаманистского мышления», согласно которому кошки переносят болезни и злых духов (Straycatstrut: Korea's feral felines // <http://koreaajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2976702>). По ее словам, в корейских СМИ и массовом сознании коты обманывают людей, пугают людей и распространяют болезнь.

Роберт Нефф связывает боязнь кошек с одним из суеверий, касающихся корейского Нового года. В последнюю ночь старого года могучий злой дух принимает облик демонического кота, перемещаясь в поисках обуви, которую люди оставили снаружи дома. Если он находит такую, он сует в нее лапы и таким образом оказывает влияние на судьбу ее владельца, которого в наступающем году ждут большие неприятности, а возможно — и смерть. Чтобы уберечься от подобного, обувь, даже изношенную, хранили в специальном ящике, чтобы кот не мог до нее добраться, а также жгли человеческие воло-

сы, считая, что их запах отпугивает духа (Korea's Feline Fears. http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu=c10400&no=381423&rel_no=1, 01 сентября 2008 г.).

По словам Е. Ким, связь кошки с потусторонним миром — один из самых устойчивых мифов в Корее. Корейцы верят, что за торчащий вверх хвост кошки держится дух умершего (отчего возникала традиция хвосты рубить). Она же обнаружила в антикварном магазине любопытный артефакт: сшитая из тряпок черная кошка с двумя головами, без хвостов и с ошейниками на обеих шеях. При этом складывается ощущение, что рот куклы мазали кровью. Хозяин лавки не смог внятно объяснить суть предмета, но сказал, что использовалась эта штука в каких-то обрядах.

В массовом сознании 1990-х годов кошку часто связывали с потусторонним миром. Хотя она не упоминалась в связи с шаманскими действиями, считалось, что в кошку может перевоплотиться душа убитой женщины, а дух убитой кошки может мстить убийцам. Автор усматривает в этом роль кино, в котором эта тема развита довольно сильно.

Многие мои респонденты отмечают, что рационально объяснить свою неприязнь к кошкам корейцы не могут (<http://polusharie.com/index.php?topic=79937.0>). Это подсознательный панический страх, и в 1990-е я, и мои респонденты видели, как при виде бродячего кота корейцы пятились назад, пытались спрятаться или издавали крики ужаса. Е. Ким шутит, что для многих корейцев кошка страшнее тигра, потому что тигр в зоопарке, в клетке сидит, а кошек иногда можно увидеть на улице.

Однако, если собрать различные мнения о том, что стоит за нелюбовью к кошкам, получается довольно забавная палитра.

- Кошка — это грязное и заразное животное, которое роется в мусорном баке; животное — паразит, которое ближе к крысе и иным городским паразитам, чем к домашним животным.
- Человек и животное в одном доме — неудобно. Смотреть на кошек приятно, особенно на картинках, но кошка в доме — ничего хорошего.
- Кошка страшная, особенно ее глаза; если кошку обидеть, то потом она тебе обязательно жестоко отомстит, поэтому страшновато. Когти у них же.
- Существовал распространенный миф о том, что кошачьи волосы могут проникать в матку, препятствовать беременности и повреждать плод. Сегодняшняя молодежь, правда, его уже не знает.
- Людей раздражают кошачьи концерты. А еще — аллергия на шерсть.
- Кошки писают в туфли, а у человека они могут быть одни (вот, возможно, некое рациональное объяснение того, как именно «демонический кот» влияет на будущее людей);
- Кошка — это символ Японии (манэки — нэко), а в Японии не может быть ничего хорошего. Такое заключение — результат мощного анти-японизма корейского государственного мифа.

- Нелюбовь к кошкам связывают с большим распространением в Корее христианства, считая антипатию к ним характерной чертой данной религии и вспоминая черную кошку как признак ведьмы.
- Возможно, таким способом корейцы «вымещали на кошках» свой страх перед тиграми, которые вплоть до начала XX в. представляли собой определенную проблему.

Кроме того, автор обращает внимание на исследования Р. Дарнтона (Robert Darnton. *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. N.Y.: Basic Books, 1984), разбиравшего социальные причины издевательств над животными как механизма вымещения агрессии. Подростки, представители низших социальных слоев и им подобные мучают животных, сублимируя свои комплексы и свое чувство протеста. К сожалению, в этом смысле кошка оказывается наиболее доступной жертвой. В отличие от собаки ей труднее нанести обидчику серьезный вред. Плюс — она не имеет статус кормилицы, который есть у коров, лошадей и т. п.

Е. Штефан отмечает, что за 16 лет, которые он провел в Корее, отношение к кошкам меняется. Если раньше его респондентки в один голос говорили, что кошки — это очень страшно; сегодня (опрос от 2013 г.) среди молодежи положительные отзывы, пожалуй, преобладают: кошки — это скорее мило. Сделанная им же попытка собрать наиболее распространенные ассоциации на слово «кошка» дает следующее: хитрый; мягкий; ответственность (хозяйина за животное); ест мышей; поговорка «спокойная/порядочная на вид кошка первой прибегает на кухню» (кор *얌전한 고양이 가 부뚜막에 먼저 올라간다*) что-то вроде русской «в тихом омуте черти водятся»); Россия (много кошек и собак); маленький тигр; женщина (Catwoman, Женщина-кошка).

Признаком большого позитивного сдвига в сторону хорошего отношения к кошкам является разнообразная реклама с участием кошек, нацеленная на молодежную аудиторию: реклама телефонов, интернет-шоппинга, фотоаппаратов, телефонных компаний. Много кошачьей темы в одежде и аксессуарах, причем это не известный бренд «Хелло Китти», а самые разнообразные милые и веселые котики.

В телефонах есть как картинки для экрана и котики, и кошачьи следы, бегущие по экрану. Есть очень популярные детские песни про кошек и танцы, которым учат в детском саду. Появляются и попытки сочетать нужды домашней кошки и ее хозяина. В 2013 г. один из корейских дизайнеров Мин Сон Чжи разработал «кошко-оптимизированный диван» с полыми валиками, внутри которых кошки могли бы перемещаться и прятаться.

На взгляд автора, на изменение отношения к кошкам повлиял ряд факторов. Во-первых, это растущий уровень жизни, который, с одной стороны, позволил увеличить семейные расходы, а с другой — повлиял на механизмы замещения агрессии, так что кошка перестала быть ее типичным объектом. Во-вторых, рост урбанизации и демографический переход меняют модель взаимоотношений кошки и человека, так что она оказывается в нише до-

машнего питомца. В-третьих, сказывается влияние культуры глобализации, где играет свою роль общее отношение к домашним животным, включающее в себя и благотворительность по отношению к бродячим. Пример: когда в конце июля 2011 г. 29-летний Ким Чен Хен разбился насмерть, спасая кошку из охваченного огнем здания в городе Сокчхо, корейские интернет-пользователи начали кампанию за то, чтобы пожарного похоронили на Национальном кладбище в Сеуле, предназначенном для погребения героев страны. По закону такое право имеют только те пожарные, которые погибли, спасая людей. Тем не менее многие корейцы, а в особенности защитники прав животных, настаивают на том, что Ким достоин такого захоронения. Кроме того, активисты собрали 1,6 млн вон (1,5 тыс. долл.) и передали их беременной вдове Кима. Таким способом они решили выразить благодарность от имени тех, «кто не может говорить» (<http://lenta.ru/news/2011/08/04/korean/>).

Отдельно надо сказать про «кошачьи кафе». Впервые они появились в 1998 г. на Тайване, начав распространяться по Азии в середине 2000-х. Это явление кажется автору маркером целого ряда процессов, куда входят и дефицит общения в разделенном обществе в целом, и комплекс проблем, связанных с невозможностью держать кошку дома, и распространяющиеся методики терапии с помощью животных, нацеленные как минимум на снятие стресса и выработку определенных навыков социализации.

Обычно такое кафе — это место, куда приходят не столько поесть (меню в основном состоит из напитков в закрытой таре и каких-то снеков), сколько поиграть с кошками разных пород и цветов, не боясь заразиться всякими болезнями. Кошкам запрещается делать больно, кормить их человеческой едой или будить, если они спят.

Встречаются как породистые кошки, так и взятые из приютов беспородные, и популярное кафе может насчитывать 30–40 хвостов, которые там постоянно живут. За дополнительную плату кошек можно покормить специальной едой, но обычно за вступительный взнос в 7–8 тыс. вон (меньше 10 долл.) можно провести в таком кафе хоть несколько часов. Их аудитория — или молодежь, или иностранцы, или, реже, богема, для которой это способ подчеркнуть свою неприверженность отжившим традициям.

В 2000-х в таких кафе работали в основном волонтеры, а сами кафе частично возникали в связке с приютами, и большинство моих респондентов уверено в том, что эти заведения вряд ли приносят большой доход. По мнению Е. Ким, даже учитывая волонтеров в персонале и минимальную стоимость аренды помещений, прокормить целую стаю котов, сделать им все необходимые прививки, обустроить им лежанки с подогревом, туалеты с наполнителем, поилки и т. п. на вырученные 100–150 тыс. вон в день невозможно.

В 2010-е аудитория кото-кафе, по словам респондентов, стала более разнообразной, а число таких кафе резко возросло. Теперь, чтобы попасть туда, не нужно ждать очереди или записываться заранее. Это понятно, так как растет число любителей кошек, у которых нет возможности завести животное.

Кошки в кино

Появление кошек как персонажей в корейском кинематографе связано с обработкой японской моды на кино о кайбё — демонических кошках, которые превращаются в мстительных духов, отведав кровь убитого хозяина. Такие кошки могут летать, дышать огнем, принимать облик убитых ими людей, но обычно легко опознаются благодаря любви к рыбе, кошачьей пластике и привычке умываться языком.

В рамках борьбы с японским культурным влиянием Корея до конца 1990-х не пропускала на свой рынок японскую музыкальную и кинопродукцию, часто делая собственные ремейки ее удачных проектов. Не обошло это поветрие и популярные в середине 1960-х годов японские фильмы про кайбё, которые тоже стали жертвой «корейского копирования».

Впервые кошка-призрак появилась в корейском фильме 1965 года «Дьявольское убийство» (реж. Ли Ён Мин). Там добродетельная молодая женщина была обезображена и убита свекровью и ее экономкой. Ее замуровывают в стену вместе с кошкой, после чего кайбё начинает мстить убившей ее семье. Фильм запомнился критикам сценой, когда кайбё, приняв облик убитой бабушки, вылизывает своих внуков перед тем, как запустить в них зубы.

В 1970 г. выдающийся корейский режиссер Син Сан Ок (тот самый, которого потом похитили в КНДР) снял лучший корейский фильм с кошкой-призраком под названием «История привидения времен династии Чосон» (кор. «Ичжо Кодам»). Автору его сюжет частично напоминает известную японскую историю про «кошку из замка Набэсима», по которой в Японии было снято несколько фильмов. Король Ёнсан, заглядываясь на жену молодого чиновника Ян Пхиль У, фальшиво обвиняет его в измене и казнит. Чтобы избежать насилия, женщина закалывается и просит свою любимую кошку напиться ее крови и отомстить за смерть ее супруга, после чего наложниц принца или дворцовую стражу начинают находить мертвыми. Друг покойного вместе с буддийскими монахами расследует дело. В фильме присутствуют как классический призрак, появление которого сопровождается мяуканьем, так и гигантские кошачьи лапы, а некоторые режиссерские и операторские решения делают этот фильм предтечей ужастика «Звонок».

В 1983 г. был снят ремейк этого фильма. Хотя имена и некоторые сюжетные линии были изменены, история кошки-призрака осталась без изменений. (Supernatural Cats in Korean Cinema // <http://www.koreanfilm.org/tom/?p=2834>, 13th July 2011).

В 2011 г. тема кошки была использована в одноименном корейском фильме ужасов (у нас он демонстрировался под названием «Кот: глаза, которые видят смерть»), однако, с точки зрения автора, кошачья тема не была там раскрыта должным образом. Кино продолжает традиции японских фильмов о проклятье, используя характерный для них образ «маленькой мертвой девочки с челкой на пол-лица». Собственно, в одном из подобных фильмов

(«Проклятие», яп. «Дзю-он») также происходило слияние убитого ребенка с убитой кошкой в мстительного призрака. Так или иначе, «главным монстром этого фильма» является не кошка-демон, а призрак маленькой девочки, которая ходила играть с кошками в подвал большого дома и оказалась там замурованной после того, как его владельцы решили избавиться от бродячих кошек, перекрыв все входы в подвал. Таким образом, здесь наблюдается своего рода инверсия мифа о демоническом коте, когда призрак человека мстит тем, кто дурно обращался с кошками или был связан с ее историей жизни. (<http://www.kinopoisk.ru/film/587539/>). Помимо классического сюжета ужасов фильм частично поднимает темы дурного обращения с животными. Это и вымещение агрессии, и потребительский подход, когда кошку можно взять, наиграться с ней, а потом сдать ее на усыпление.

Новым трендом, однако, являются фильмы, где кошка не выступает в качестве монстра. Таков демонстрировавшийся в России короткометражный фильм «Бродячие кошки» (кор. 도둑고양이들) (<http://www.the-village.ru/village/weekend/events/111237-k-shorts-2012>). Автор фильма, студент Мин Бён У сделал «Бродячих кошек» на карманные деньги и при помощи приятеля и знакомого четвероногого — и тут же выиграл приз на фестивале фильмов, снятых на телефон, к которому прилагались 10 тыс. долл. и новый iPhone 4. Фильм рассказывает о молодом человеке, который после разрыва со своей девушкой прикормил бродячую кошку, и она какое-то время жила у него дома. Однако он не получал от нее должного внимания, после чего стал кормить ее снаружи, выдавая все меньше и меньше корма, пока она не перестала приходить к его двери. Понятно, что отношения героя с кошкой рассматриваются через призму отношения героя с бывшей девушкой, с которой герой постоянно ее сравнивает — будь то привычка ухаживать за собой или выпрашивать еду и внимание. Однако из животного-парии кошка стала уже героем фильма и вызывает скорее интерес и сочувствие.

В том же 2011 г. на экраны РК вышел полнометражный (76 мин.) документальный фильм «Танец кошки», посвященный бродячим котам. Два рассказчика, в том числе относительно известный поэт и путешественник Ли Ён Хан, автор книги «Привет, спасибо кошкам», рассказывают о своем опыте общения с бродячими кошками и снимают их на камеру. Они дают кошкам условные клички, следят за их жизнью, периодически подкармливают. Фильм рассказывает о том, как постепенно и рассказчики, и люди, у которых они берут интервью на улице, изменяют свое отношение к кошкам в лучшую сторону (<http://asiandramadownloads.com/korean-movie/dancing-cat/>).

Автору, который тоже подкармливает бродячих котов, живущих в определенных местах, хорошо понятен такой жанр, когда «фильм о животных» перенесен в реалии мегаполиса и одобрен большой долей сочувствия.

Подводя итоги, можно сказать, что хотя в жизни корейских кошек хватает проблем, негативное отношение к ним, сформированное под воздей-

ствием ряда пережитков традиционного сознания, под влиянием требований времени начинает меняться в лучшую сторону.

Литература

Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. N.Y.: Basic Books, 1984

Hulbert H. The Passing of Korea, NY, 1906.

Korea's Feline Fears. URL: http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu=c10400&no=381423&rel_no=1 (дата обращения: 01.09.2008).

Letters from Joseon. 19-th Century Korea through the Eyes of an American Ambassador's Wife. Written and Compiled by Robert Neff. Seoul, 2012.

Stray cat strut: Korea's feral felines // URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2976702>

Supernatural Cats in Korean Cinema // URL: <http://www.koreanfilm.org/tom/?p=2834> (дата обращения: 13.07.2011).

The Misery of Cats in Korea // URL: <http://saynotodogmeat.net/2013/11/26/the-misery-of-cats-in-korea/> (дата обращения: 26.11.2013).

Осетрова М. Собачье дело // Сеульский Вестник, № 139. С. 7, 12.

Приложение

Кошки на картинах Пён Сан Бёка

Кошачий переполох на картине Ким Хон До

Ким Хон До. Кот и бабочка

Шаманский артефакт в форме двухголовой кошки. Фото из архива Е. Ким

2011 г, инсталляция возле театра на площади
Кванхвамун

Клео, одна из кошек,
спасенных от смерти на
рынке Моран

Примеры котиков в рекламе косметики
(фото взяты из блога <http://korean-beauty.livejournal.com/2196.html>):

Тени

ВВ крем

Крем для рук от The Face Shop

Лак для ногтей от Sunwoo Cosme и Peripera

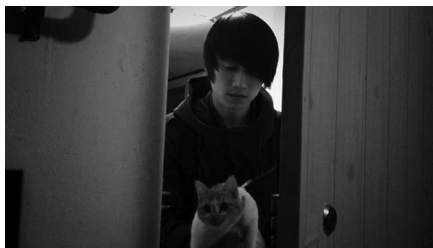
Котодиван от Мин Сон Чжи

Афиши фильмов 1960–1980-х гг, посвященных котам-призракам.

Постер фильма ужасов 2011 г.

Кадр из фильма «Бродячие кошки»

Социокультурные различия в корейско-российских смешанных браках¹⁸

В статье рассматриваются корейско-российские смешанные браки, определяются причины заключения таких браков в контексте двух культур, анализируются социокультурные различия во взаимоотношениях супругов друг с другом, со старшими родственниками и детьми, в распределении обязанностей, ритуалах, традициях и праздниках, религиозной сфере.

The paper is devoted to Korean-Russian mixed marriages. It deals with the reasons for conclusion of this type of marriages in the context of two considered cultures and analyzes socio-cultural differences in relationships between spouses, with older relatives and children, allocation of responsibilities, differences in rituals, traditions, holidays and religious sphere.

В условиях социокультурных трансформаций открывшиеся границы расширили социальное пространство для взаимодействия между разными людьми и индивид получил новые возможности свободы выбора своих жизненных стратегий, в том числе и в сфере брачных отношений. На этом фоне произошло увеличение браков с иностранными партнерами, в которых межличностные взаимоотношения между мужчинами и женщинами из разных стран выходят за привычные территориальные и национальные пределы и принимают межкультурный характер.

Под смешанным браком обычно понимают такой брак, в котором партнеры принадлежат к разным этническим (расовым) или религиозным группам. В данной работе под смешанным корейско-российским браком мы будем иметь в виду те браки, которые заключаются между россиянами (главным образом россиянками) и корейцами, рожденными и проживающими в Южной Корее.

В настоящее время при всем своем социальном и культурном своеобразии Южная Корея — это современное модернизированное государство, с начала 1990-х гг. обладающее одной из наиболее динамичных экономик в мире. Развитие южнокорейского общества идет по тем же законам, которым подчиняются и другие постиндустриальные общества. Например, явный, хотя и медленный, распад корейской традиционной семьи вызван не столько влиянием Запада, сколько объективными процессами: урбанизацией, ростом требований к индивидуальной подготовке работника, изменениями в характере

¹⁸ Данное исследование проведено по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2014 году (AKS-2010-CAA-2101).

мужского и женского труда и многими другими факторами, создающими условия, в которых традиционная семья просто не может более существовать. Экономическое развитие в Южной Корее, как и в других странах, неизбежно ведет к росту индивидуализма, ослаблению внеэкономического контроля над человеком со стороны общества, к женской эмансипации, большему динамизму на рынке рабочей силы, постепенному переходу к государственным органам ряда функций, ранее принадлежавших семье или соседской общине (Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux: 2010).

В современной социологии сложились самые разные подходы к изучению семейных и брачных отношений. Нам представляется интересным для интерпретации корейско-российских смешанных браков конструктивистский подход, связанный с концепциями микроэкономики и экономической социологии, которые в свою очередь базируются на категории «человек экономический» (*homo economicus*). В этой традиции образование брачных пар истолковывается как результат целенаправленного рационального выбора партнеров с целью максимизации абстрактно определенной функции полезности. Этнический признак включается в более широкий список параметров, определяющих выбор брачного партнера.

Процитируем несколько наиболее характерных мыслей из работы Г. Беккера, который в течение многих лет занимался проблемой моделирования «брачных рынков»: «Эффективный брачный рынок обычно приводит к выбору партнера, при котором высококачественные мужчины образуют пары с высококачественными женщинами, а низкокачественные мужчины — с низкокачественными, хотя выбор партнера противоположного качества порой играет важную роль. Предполагается, что каждый мужчина и каждая женщина заботятся только о своем благосостоянии, а не о благосостоянии общества. Преследуя свои эгоистические интересы, они неосознанно направляются «невидимой рукой» конкуренции на брачном рынке и максимизируют совокупный объем производимых ими благ» (Беккер 1994: 15).

«Рыночная» концепция подбора брачного партнера опирается на два допущения. Первое заключается в том, что все участники «брачного рынка» (женихи и невесты) строго упорядочены по шкале «качества», в которой учитываются все основные их характеристики (возраст, доход, образование, религиозная и национальная принадлежность). Второе — в том, что эффективность брака оценивается по производимой им «продукции» (чем выше производительность, тем эффективнее брак).

Элементарная теория «брачного рынка» под производительностью брака понимает обычно суммарный доход семьи, который в удачном браке должен быть значительно выше, чем доход каждого супруга в отдельности до заключения брака. Однако авторы концепции отдают себе отчет, что, то, насколько удачен брак, определяется не только его экономическими показателями, поэтому предполагается, что в качестве «продукции», производимой семьей, может рассматриваться психологическая и сексуальная удовлетворенность,

качество детей и т. д. Таким образом, эффективность брака может оцениваться по двум группам «продукции» — имеющей рыночную стоимость и не имеющей таковой.

«Рыночная» концепция брачного выбора применялась и специально для объяснения динамики смешанных браков. Такие браки рассматривались как следствие обмена статусами, когда, например, мужчина из «менее престижной» этнической или расовой группы, добившись относительно высокого экономического, образовательного или профессионального статуса, вступает в брак с женщиной из «престижной» этнической группы, но обладающей более низким социальным статусом. Тем самым он как бы обменивает или продает свой «избыточный» социальный статус на то, чтобы повысить статус этнический, если не свой собственный, то своих детей. Предполагается также, что жена в таком браке будет основное внимание уделять обслуживанию потребностей семьи, мужа, способствуя тем самым повышению эффективности его труда.

В 1990-е гг. в России отмечался сильный экономический и социальный кризис. Многие женщины мечтали выйти замуж за иностранца и уехать из России. Южная Корея представлялась многим россиянкам благополучной с экономической и социальной точек зрения страной. Но не только ухудшение экономического положения в России повлияло на брачную стратегию выбора супруга за рубежом. Если обратиться к истории России XX в., то окажется, что такие события, как первая мировая и Гражданская войны, голод 1921 и 1932–1933 гг., массовые репрессии, насильственное переселение целых народов, Великая отечественная война повлияли на демографическую ситуацию в стране и сказались на количественном преобладании женщин над мужчинами. Хотя в современной России демографический дисбаланс между полами остался в прошлом, сформировался и продолжает существовать устойчивый традиционалистский стереотип нехватки мужчин, постепенно переросший в стереотип нехватки «качественных мужчин», способных обеспечить семью и достойно воспитать детей (феномен неполных семей, безотцовщины).

Что касается корейцев, то их женитьбу на иностранке также можно объяснить с позиции рыночного подхода. Во-первых, в корейской культуре, согласно традиции, сыновьям отдают предпочтение, так как сын — продолжатель рода, и на него накладываются обязанности заботиться о родителях в старости. Дочери же после замужества покидают родительский дом и практически поддерживают родственные связи в основном с семьей мужа. Во-вторых, на рубеже 1980 — 1990-х гг. прошлого столетия в Южной Корее возник демографический перекося, то есть дисбаланс в соотношении новорожденных мальчиков и девочек. Появление недорогих и надежных способов определения пола ребенка на ранних стадиях беременности позволило корейцам избавляться от девочек и рожать только мальчиков, особенно перенцев.

Своего пика диспропорция среди новорожденных мальчиков и девочек достигла в 1993 г., когда на 100 появившихся на свет девочек приходилось более 115 мальчиков. Стремясь не допустить столь нежеланного развития демографической ситуации, корейские власти поспешили принять юридические меры. В соответствии с утвержденным в 1994 г. решением Министерства здравоохранения, выяснение половой принадлежности эмбриона в Корее категорически запрещено. Вместе с тем корейские СМИ начали проводить активную пропагандистскую кампанию, убеждая будущих родителей в том, что девочки в современном обществе, повзрослев, смогут успешно выполнять функции родительской поддержки в старости. Все это возымело свое действие. Демографическая ситуация в целом по стране постепенно приходит в норму. К примеру, в 2001 г. на 100 новорожденных девочек уже приходилось 109 мальчиков. Хотя в отдельных регионах довольно большая диспропорция продолжает сохраняться. Наиболее высокий дисбаланс в пользу мальчиков был зарегистрирован в 2001 г. в городе Ульсане — на 100 девочек там приходилось почти 116 мальчиков. В Сеуле соотношение полов среди новорожденных составило более 107 мальчиков на 100 девочек (Гуенков: электронный ресурс). Таким образом, в отдаленных сельских районах Южной Кореи возник дефицит невест. С модернизацией страны и проникновением западных идеалов женщины все больше отдают предпочтение образованию, финансовой независимости. Мужчины же не могут покинуть дом и вынуждены вести хозяйство, доставшееся им в наследство. Учитывая перечисленные факторы, корейские мужчины вынуждены брать в жены иностранок¹⁹.

Согласно корейским статистическим данным, на 2006 г. в Южной Корее были зарегистрированы 90 489 браков с иностранцами. Из них львиная доля приходится на браки с партнерами из Северо-Восточной Азии (Китая, Тайваня, Японии и Монголии) — 65 139 браков, а также с партнером из Юго-Восточной Азии — 17 805 браков. 1179 браков заключены с выходцами из Средней Азии. Из западных стран лидируют США — 1794 брака²⁰. На долю браков с россиянами приходится 835 браков, причем в 523 случаях это брак российских женщин с корейцами и в 312 — мужчин-россиян с кореянками (KOSIS — Korean Statistical Information Service).

Цель исследования заключается в изучении культурных различий в российско-корейских смешанных браках в следующих сферах взаимоотношений:

¹⁹ Стоит заметить, что россиянки — участницы исследования вышли замуж за корейцев из Сеула — столицы Южной Кореи, однако наша выборка не отменяет рассматриваемой тенденции в целом.

²⁰ Основная масса браков уроженцев США, в отличие от представителей остальных государств, вступающих в брак с уроженцами Южной Кореи, заключается между мужчинами-американцами и женщинами-кореянками.

- в процессе ухаживания, подбора брачного партнера, в свадебной церемонии;
- во взаимоотношениях родства, а именно: взаимоотношениях между супругами, между супругами и детьми, между супругами и родителями, между супругами и родственниками;
- в эмоциональных связях и общности интересов, проведении совместного досуга;
- в распределении обязанностей между супругами, различии в еде, сервировке стола, обустройстве жилища, распределении финансов;
- в ритуалах, обрядах, традициях, отношении к праздникам;
- в религиозной сфере.²¹

Для сбора эмпирических данных был использован метод полуструктурированного интервью, позволяющий получить необходимую информацию и максимально подробно изучить объект исследования благодаря выстроенным тематическим блокам.

В исследовании приняли участие 10 россиянок в возрасте от 19 лет до 31 года, вышедших замуж за граждан Республики Корея. Все они познакомились с будущими супругами во время учебы в университетах — в России или в Корее. В ходе интервью выяснилось, что на начальной стадии знакомства общение проходило либо на русском языке, в тех случаях, когда мужчина достаточно хорошо владел русским языком, либо на английском. В настоящее время все российские информантки более или менее хорошо владеют корейским языком, имеют высшее образование российского образца и получают второе высшее образование в Южной Корее. Исследование проводилось в Сеуле — столице Южной Кореи.

В ходе анализа полученных данных выяснилось, что корейские женихи отличались скромностью и чуткостью в процессе ухаживания. Они во многом ориентировались на запросы и пожелания будущих супругов, были внимательны к их потребностям и интересам.

Большой интерес россиянок вызвало обсуждение свадебной церемонии в Корее, которая сильно отличается от российской. В ходе интервью выяснилось, что наши информантки тоже приняли участие в традиционной церемонии корейской свадьбы. В некоторых семьях свадьбу праздновали два раза — в России и в Корее. Респонденты отметили, что в Корее все регламентировано, все проходит строго по расписанию. В России празднуют свадьбу гораздо менее формально — очень весело, с танцами, конкурсами. Одна из участниц исследования охарактеризовала свою свадьбу следующим образом: *«В Корее — это корейская стандартная свадьба: 20 минут поели и разбежались. А у нас — с шутками, плясками, играми»* (Материалы интервью,

²¹ Данное эмпирическое исследование было выполнено студенткой Факультета социологии Т. Е. Цой в 2010–2011 гг. под руководством Р. К. Тангалычевой.

транскрипт 1: 2). Другая информантка отмечает: «Ну, красивая, обыкновенная корейская свадьба. Ничего веселого, но красивая. То есть нет такого как в России — от души погулять» (Материалы интервью, транскрипт 6: 14).

Говоря об особенностях корейской семьи, необходимо отметить, что в настоящее время в стране происходит переход от традиционной расширенной патриархальной семьи к современной, нуклеарной. Вместе с тем конфуцианство, хотя и лишилось статуса официальной идеологии, по-прежнему является основой корейской культуры. В соответствии с конфуцианскими представлениями, в семье существует четкое разделение на старших и младших, мужчин и женщин. В корейской семье бытовые обязанности ложатся на плечи жен. Четкое противопоставление «внешнего» и «внутреннего» (то есть домашнего) мира в таких семьях привело к неожиданным последствиям. Жена является полновластной хозяйкой во «внутренних» делах, и поскольку в современной товарной экономике управление домом превратилось в первую очередь в управление расходами, то в корейских городских семьях именно жена полновластно распоряжается финансами. В подавляющем большинстве семей рабочих и служащих муж отдает жене всю свою зарплату (Ланьков: электронный ресурс).

Поскольку смешанные корейско-российские браки не могут быть точной копией чисто корейских браков, то обратимся к их специфическим особенностям. В ходе проведенного исследования выяснилось, что в корейско-российских браках не прослеживается четкого иерархического стиля семейной жизни. Что касается распределения обязанностей в семье, то можно говорить о том, что есть семьи, где четко прописаны роли жены и мужа и где такого жесткого распределения нет. Впрочем, большинство информанток отметили отсутствие строгого распределения обязанностей. В таких браках партнеры совместно решают бытовые вопросы, в некоторых семьях муж участвует в процессе приготовления еды, уборки. Но в магазин за продуктами обычно отправляется женщина.

В корейско-российских семьях в основном готовится корейская еда. Во-первых, хотя мужья и побывали в России и знакомы с российской кухней, они все же предпочитают свою традиционную корейскую. Во-вторых, как отметили жены, корейскую еду готовить намного быстрее: если на приготовление корейского супа уходит около 30 минут, то на приготовление русского — как минимум час. В некоторых семьях жены так и не научились готовить корейскую еду. В этих случаях мужчины либо готовят сами, либо питаются в местах общественного питания. В рационе таких смешанных семей сочетаются блюда как русской, так и корейской кухни. Одна из респонденток сказала, что ее супруг ест борщ с рисом, хотя у русских принято есть его с хлебом: «Риса наложит в борщ и ест (улыбается)» (Материалы интервью, транскрипт 6: 18).

Говоря о различиях в сервировке стола, все информантки обратили внимание на то, что дома все члены семьи пользуются палочками, и на столе

всегда стоит несколько салатов, при этом обязательно должен быть корейский традиционный салат из капусты, так называемый «кимчи». *«У нас в России не принято ставить на стол сразу несколько салатов, то есть это было только по праздникам. Мы как-то простенько: огурчики, помидорчики порезали, поели. А здесь два-три салата должно стоять, включая кимчи»* (Материалы интервью, транскрипт 6: 19).

Обустройство жилищ также во многом различно. Прежде всего россиянки отметили корейский теплый пол в квартире — «ондоль». *«Как-то в России не хочется сесть на пол у мамы дома. А здесь он такой тепленький и пространства много. В России как-то скучненько, все скученно, шкафы эти везде. А тут вот как-то хочется вздохнуть. Много свободного пространства»* (Материалы интервью, транскрипт 6: 19).

В финансовом отношении в корейско-российских браках главой семьи является муж, и самые важные решения принимает именно он. На вопрос интервьюера: *«Как распределяются финансы в вашей семье, муж зарабатывает, а вы распоряжаетесь деньгами?»* — одна из информанток ответила: *«Муж зарабатывает и дает мне какую-то часть... тем не менее из своей части он оплачивает все коммунальные услуги, то есть как будто бы все правильно ... он дает мне на мои расходы и не говорит, чтобы из них я оплачивала коммунальные услуги. ... это все он сам платит»* (Материалы интервью, транскрипт 6: 15).

Что касается семейного досуга, проведения отпуска информантки отметили, что, несмотря на занятость мужей, свободное время они проводят вместе, всей семьей. Во время отпуска стараются выезжать на природу или на море. *«Да, выезжали мы на море. Даже вот двумя семьями. Мы любим выезжать с палатками — мужьям нравится, они принимают активное в этом участие»* (Материалы интервью, транскрипт 6: 18). В ходе интервью все россиянки заявили, что их мужья с удовольствием проводят свободное время с детьми. *«Он не отказывается провести время с детьми. Детей очень любит, это очень важная черта для мужчины. ... другое дело, он не может выделить много времени для них, но когда это делает, он по полной программе использует это время»* (Материалы интервью, транскрипт 6: 19).

Ребенок в такой семье владеет двумя языками — корейским и русским. Родители дают ребенку либо два имени: одно корейское, второе русское, либо выбирают какое-либо европейское. Важно при этом войти в корейскую метрику, то есть сохранить только два слога в имени, так как корейские имена состоят из двух слогов. В одном из интервью, респондентка сказала, что сына назвали европейским именем, но чтобы попасть в корейскую метрику пришлось сократить количество слогов в имени: *«Мы назовем его Даниель и будем звать его Дэни, чтобы вписаться в корейскую метрику. Юн Дэни — вот эти три слога. Я согласилась, но называю его Даниель. Он у нас по паспорту Юн Дэни, но я называю его Даниель»* (Материалы интервью, транскрипт 6: 17). В другом интервью респондентка ответила, что у ребенка

два имени: корейское и русское: «По-корейски — Ли Хон Мин, по-русски — Виктор» (Материалы интервью, транскрипт 3: 3). По данным Корейской статистической информационной службы, в 2008 г. было зарегистрировано 303 ребенка, которые родились в смешанных корейско-российских браках и проживают в Южной Корее (KOSIS — Korean Statistical Information Service).

В отношениях между супругами и родственниками, между старшим и младшим поколениями корейцев отчетливо прослеживается традиционализм. Жизнь в Южной Корее в целом сопряжена со множеством обязательств и обязанностей. В одном из интервью россиянка отметила интересную деталь: вышедшую замуж кореянку вычеркивают из семейного генеалогического древа и вписывают в аналогичное древо семьи ее новоиспеченного мужа. Это отчетливо характеризует ее внутрисемейное положение — она становится частью данного рода и должна выполнять все требования своей новой семьи. Те же самые требования предъявляются и к женам из России. Многие из них заявили, что родители мужа ожидают от невесток неременного следования принятым в Корее традициям и обычаям. Например, в одном из интервью следующим образом описывает эти отношения: *«Допустим, если мама (свекровь) что-то делает, ты тоже помогай. Вне зависимости от того, хочется тебе полежать или еще что-то поделать... если ты живешь в Корее, ты обязана быть кореянкой. Забудь, кем ты была вообще. Кем ты была до того, как ты приехала. И когда у нас была крупная ссора, его папа мне так и сказал, что я должна все выкинуть — все, что было раньше, и должна быть как кореянка»* (Материалы интервью, транскрипт 4: 15).

Такое поведение обусловлено особенностями корейской культуры. Раньше традиция требовала от невестки полного и безусловного повиновения своей свекрови, любые проявления неуважения и непочтительности жестко пресекались. Неуважительное отношение к свекрови однозначно осуждалось и общественным мнением. Однако развитие современной экономики и модернизация корейского общества привели к серьезным изменениям в этой сфере (Ланьков: электронный ресурс). По наблюдениям авторов, принявшим участие в исследовании, многие молодожены живут отдельно от родителей. В то же время для корейцев по-прежнему характерны чрезвычайно прочные семейные связи. Тесные связи существуют в Корее не только между родителями и детьми, но и вообще между родственниками.

Как отмечают российские жены корейцев, самое сложное в семейной жизни в смешанных корейско-российских браках — это даже не разница с супругом в менталитете, а общение с его родственниками, обязательное посещение их во время коллективных семейных праздников (Лунный новый год, праздник урожая «Чхусок»), когда в родительском доме собираются толпы родственников. Иногда отношения между супругами могут обостряться, в случае если родственники активно вмешиваются в жизнь молодоженов.

В ходе исследования россиянками, вышедшими замуж за корейцев, были отчетливо обозначены различия в праздниках, семейных ритуалах и обря-

дах жизненного цикла. Так, им было непривычно осознавать отсутствие в корейской культуре привычных для россиян праздников — Нового года, 8 марта, дня рождения. В Южной Корее день рождения отмечают по лунному календарю, согласно которому день рождения не имеет постоянной, повторяющейся из года в год даты — ее надо считать каждый год заново. Новый год также празднуют по лунному календарю в феврале-марте в кругу семьи, когда все родственники собираются в родительском доме. Важно отметить, что в тех семьях, где мужья прожили некоторое время в России, справляют Новый год 31 декабря и поздравляют жен с 8-м марта. Таким образом, в некоторых корейско-российских семьях сочетаются традиции российской и корейской культуры.

В ходе интервью выяснилось, что в религиозной сфере в российско-корейских браках особых разногласий не возникает. Ответы информанток показали, есть семьи, где оба супруга не исповедуют никакой религии, и семьи, в которых «мирно сосуществуют» две религии. В одном из интервью участница исследования подтвердила, что в ее семье муж и сын католики, а она сама православная, но проблем на почве религиозной принадлежности не возникает. В другом интервью участница исследования указала, что супруги придерживаются разных вероисповеданий: жена — православная, муж — католик, сына крестили в православной церкви. *«Он (муж) католик. Вот дите мы покрестили в православном соборе»* (Материалы интервью, транскрипт 5: 6).

Идейной основой поведения и мышления корейцев являются буддизм, конфуцианство и религиозный синкретизм. Несмотря на то, что подобная ситуация всегда приводила в изумление европейцев, привыкших к совсем другим принципам организации религиозной жизни, проведенное исследование показало, что именно он позволяет в корейско-российском браке избежать конфликтов на религиозной почве.

Подводя итоги рассмотрению культурных различий в корейско-российских смешанных браках, можно сделать следующие выводы. Культурные различия в подобных браках являются довольно сильными, так как обусловлены специфическими сценариями детской социализации в разных обществах. Справедливости ради стоит заметить, что в нашем исследовании они не обнаружились в полном объеме, что и понятно: мы изучали различия в браках молодых россиянок и корейцев, проживших в совместной жизни лишь несколько лет и находящихся в своего рода «медовом периоде» своего супружества. С возрастом, как это часто бывает, человек становится консервативнее, и традиции родной культуры начинают цениться выше. Вместе с тем культурный контекст как межэтнических отношений, так и глобальных веяний изменяется в настоящее время столь стремительно, что заниматься предсказаниями не имеет никакого смысла — мы живем в условиях все большей неопределенности. Ясно лишь одно: если сегодня смешанные корейско-российские браки еще представляют собой нечто довольно экзотич-

ное, то тенденция такова, что очень скоро они станут делом обычным и заурядным. Поскольку данное исследование является первым известным нам социологическим изучением культурных различий в корейско-российских браках и носит пилотный характер, хочется надеяться, что обозначенная тема получит дальнейшую разработку, и это поможет нам лучше понимать сложные аспекты межэтнических отношений.

Литература

- Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1994. — Вып. 6. С. 12–36.
- Габрусенко Т. В. Скованные одной цепью: О корейской семейной системе // URL: asiapacific.narod.ru/countries/koreas/gabroussenko/one_chaine.htm (дата обращения: 12.06.2012).
- Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
- Голофаст В. Б. Социология семьи. СПб.: Алетейя, 2006.
- Гуенков В. Рождение сына? «супружеский долг» корейнки // Сеульский Вестник. URL: <http://vestnik.kr/society/1581.html> (дата обращения: 12.06.2012).
- Ланьков А. Корея: будни и праздники. Ч. 2 // URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a4.shtml (дата обращения: 12.06.2012).
- Материалы интервью (транскрипты 1–10). Санкт-Петербургский государственный университет. Факультетсоциологии. СПб., 2011.
- Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / Отв. ред. Р. К. Тангалычева, И. А. Коргун. СПб.: Скифия-принт, 2012.
- Kendal L. Getting Married in Korea: of gender, morality and modernity. California, 1996.
- Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux/ Edited by Korean National Commission for UNESCO. Seoul: Hollym, 2010.
- KOSIS (Korean Statistical Information Service). URL: <http://kosis.kr> (дата обращения: 06.04.2011).

О. В. Лыскова, Е. Г. Чжен

Этнокультурное наследие корейцев Саратовской области и возможности его использования в практиках туризма

В статье исследуется этнокультурное наследие корейцев Саратовской области в контексте анализа особенностей и перспектив его использования в практиках регионального туризма. Эмпирическое исследование проведено с использованием методов включенного наблюдения, персонального интервью фокусированного типа (N=5), анкетного опроса корейцев, проживающих в четырех районах Саратовской области (N=270). Благодаря практикам туризма, национальным праздникам происходит освоение нематериального культурного наследия одного этноса представителями других народов. Популяризация этнокультурного наследия способствует сохранению традиционной обрядности, этнического самосознания, языковых практик, что является предпосылкой устойчивого развития регионального туризма.

The paper investigates the ethnic and cultural heritage of Koreans Saratov region in the context of the analysis of the characteristics and prospects for its use in the practice of regional tourism. An empirical study was conducted using the methods of participant observation, personal interviews focused type (N=5), a questionnaire survey of Koreans living in four districts of the Saratov region (N=270). Through the practice of tourism and national holidays comes the development of intangible cultural heritage of ethnic representatives of other nations. Popularization of ethnic and cultural heritage contributes to the preservation of traditional ceremonies, ethnic identity and language practices, which is a prerequisite for sustainable development of regional tourism.

Туризм является важным системообразующим фактором взаимодействия народов и культур, отличающимся позитивным потенциалом и колоссальными возможностями. Современные российские туристы в силу личного опыта зачастую лучше знают другие регионы и дестинации нежели местность собственного проживания с присущим ей колоритом этнокультурного разнообразия. Сегодня этническая принадлежность не замкнута в пределах строго ограниченной местности, что подтверждается ростом популярности этнической музыки и кухни, моды и праздников. Туризм оказывает стимулирующее воздействие на развитие местных традиций, образа жизни, культурных особенностей. Путешествие становится все более востребованным способом формирования собственной идентичности.

Статья посвящена исследованию особенностей и перспектив этнокультурного туризма в регионе на примере этнокультурного наследия корейцев

Саратовской области. Концептуальное поле исследования представлено трудами Дж. Урри, В. А. Ядова, А. Г. Бутузова, Р. К. Тангалычевой, Д. Б. Пака, М. Д. Тена. Эмпирическую базу исследования составляют данные, полученные методами включенного наблюдения в стратегии кейс-стади; персонального интервью фокусированного типа (N=5), 2014 год; анкетного опроса корейцев (N=270), проживающих на территории четырех муниципальных районов Саратовской области (Советский, Ровенский, Марковский, Краснокутский), 2014 год.

В условиях глобализации особую значимость приобретает этнокультурный аспект в изучении проблемы культурного наследия. На сегодняшний день в поликультурном обществе особое научное и социальное значение приобретает проблема сохранения и обеспечения преемственности в развитии культуры, эффективной передачи от поколения к поколению материального и нематериального культурного наследия. Исследование культурного наследия конкретного этноса в условиях современного поликультурного общества по-прежнему не теряет своей актуальности. Мы обращаемся к рассмотрению этнокультурного наследия корейцев Саратовской области в контексте анализа особенностей и перспектив его использования в практиках туризма. Особый интерес к изучению этнокультурного наследия корейцев Саратовской области продиктован тем обстоятельством, что в 2014 году отмечалось 150-летие с момента появления первых корейцев на территории России.

Культурно-познавательный туризм тесно связан с другими видами туризма: по местам культурного наследия, этнокультурным, событийным, фестивальным, музейным, экзотическим. Важным компонентом в организации туров по местным маршрутам представляется этническая насыщенность с использованием и популяризацией элементов национальной одежды, построек, утвари, кухни, фольклора. Для развития культурно-познавательного туризма в полиэтническом регионе важно принимать во внимание конструктивный отечественный и зарубежный опыт.

Во-первых, образцами внутреннего социального туризма, ориентированного на подрастающее поколение и поколение третьего возраста, могут служить примеры из советской практики.

Во-вторых, следует поощрять творческие инициативы общественных организаций в проведении фестивалей, выставок, концертов, праздников, карнавалов, носящих общедоступный характер.

В-третьих, многие европейские страны, интенсивно развивающие туристскую отрасль, сегодня сосредоточены на культурно-познавательном туризме как способе привлечения посетителей не только в городские центры, но и в отдаленные районы сельской местности. Мы наблюдаем очевидное размежевание между видами туризма, ориентированными, с одной стороны, на урбанизированные, с другой стороны, на аграрные территории. По мнению Дж. Урри, под воздействием интенсивных туристских практик земля преобразуется в ландшафт. В этом смысле сосуществуют и автономно

развиваются как индустриальный, промышленный туризм, так и аграрный, сельский.

В-четвертых, в современном глобализирующемся мире устойчива тенденция роста интереса к развитию регионального и местного туризма, который при условии эффективного управления рассматривается в качестве фактора возрождения и укрепления традиций и самоидентичности народов конкретного региона.

В-пятых, туризм служит важнейшим фактором развития миротворческих стратегий социума: там, где имеют место туристские практики, там сведены к минимуму межнациональные конфликты, иначе – это не туристская дестинация (Лысикова 2008: 78).

В контексте стратегического развития отечественного туризма, изложенного в Государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы, Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2010–2018 годы)» Саратовская область фокусирует внимание на перманентном развитии внутреннего и въездного туризма для всех социально-демографических групп населения, что отражено в Государственной программе Саратовской области «Развитие физической культуры, спорта, туризма и молодежной политики» на 2014–2020 годы. Приоритетными видами туризма в регионе являются культурно-познавательный, этнокультурный, сельский, событийный, экологический, научно-образовательный. Под этнокультурным туризмом понимается совокупность различных форм туристской активности, мотивированной стремлением к познанию многообразия явлений и объектов этнокультурной сферы (Бутузов 2010: 336).

В настоящее время международная миграция населения носит глобальный характер. Мировые политические, социальные, экономические процессы приводят к небывалым масштабам миграционных процессов, которые характеризуются противоречивостью протекания и неоднозначностью результатов, о чем свидетельствуют прикладные эмпирические исследования (Migration and Integration 2012: 7–78).

Согласно концепции мобильностей Дж. Урри, историю перемещения корейцев можно охарактеризовать как долгосрочную мобильность, под которой понимается «горизонтальное значение выражения «быть в движении», и оно относится к переезду в другую страну или на другой континент в поисках «лучшей жизни», или ради спасения от засухи, преследования, войны, голода» (Урри 2012: 8). Исходя из предложенных социологом 12 форм мобильности, миграция корейцев относится к перемещениям и миграция по узловым точкам диаспоры, что в равной степени относится ко всем историческим этапам их пространственной мобильности в России и СССР на протяжении XIX–XX вв.

В последние годы динамично развивается миграция корейцев из Средней Азии в Республику Корея и другие страны мира, в том числе и Россию.

Роль россиян — этнических корейцев растет в различных российских регионах. По данным переписи населения, первые корейцы в Саратовской области появились в 1979 г., их количество составило 485 человек, т. е. 0,2 % от общей численности населения области. По данным переписи населения Российской Федерации 2010 г. число проживающих в области корейцев составило 4206 человек, т. е. 0,17%. Несмотря на численный рост этнических корейцев в Саратовской области в 2002–2010 годы, отметим относительную стабильность диаспоры в целом. Небольшая доля от числа всех народов области не помешала корейцам определить свою уникальную диаспорную культуру. По нашим наблюдениям, корейцы очень дружный народ, постоянно поддерживающий друг друга. Динамика роста численности этнических корейцев в регионе представлена в таблице 1.

Таблица 1. Динамика роста численности этнических корейцев по Саратовской области

	1959 год	1979 год	1989 год	2002 год	2010 год
Численность (чел.)	0	485	545	2533	4206

Стимулом к миграции служила традиционно высокая социальная мобильность корейцев, выражавшаяся в практиках «кобончжи» — выращивание сельскохозяйственных культур, которая достигла расцвета в конце 1970-х годов, когда даже корейцы с учеными степенями отправлялись на подобные заработки. Занятие овощеводством в Саратовской области является популярной формой деятельности корейцев, история которой уходит в далекое прошлое.

Корейцы, проживающие на территории России, в частности Саратовской области, являются диаспорой, поскольку она как социальная общность вынуждена приспосабливаться к иным условиям жизни и деятельности. Сейчас корейцы адаптированы к условиям жизни в российских регионах. Согласно теории седентаризма, которую анализирует в своей монографии «Mobilities» Дж. Урри, с оседлостью как фундаментальной основой человеческого опыта связаны ограниченные и аутентичные места, регионы или страны. Проживание и перемещение людей на протяжении ряда поколений он сравнивает с мостами, которые «инициируют новые социальные паттерны, формируя место действия» (Урри 2012: 33–34). Люди представляют себя идущими по тем же тропам, что и предыдущие поколения, тем самым глубже впечатываются в «почву». Социальные изменения, направленные на уничтожение сложившейся тропы, социологом квалифицируются как вандализм по отношению к общине и ее коллективной памяти, формам проживания и перемещения через конкретное место.

Корейцы Саратовской области представляют собой одну из многочисленных корейских общин на территории России. Анализ современной этнокультурной идентичности корейцев Саратовской области позволяет

взглянуть на различные стороны жизни диаспоры «изнутри». Своеобразными маркерами, которые определяют развитие самосознания корейского этноса, могут служить фенотипические характеристики, национальный язык, религиозные установки. Если фенотипические особенности — естественный признак, обусловленный генетической наследственностью, то язык, религиозные и поведенческие стереотипы передаются в процессе приобщения молодого поколения к культуре предков. В этом смысле этническое самосознание — наследуемая характеристика, поэтому особо значимым фактором для передачи знаний о собственной культурной группе является сохранение генеалогической памяти, передача истории рода. Особенностью этнокультурной идентичности корейцев Саратовской области является тот факт, что многие из них называют себя «советскими» или «русскими» людьми, что свидетельствует о том, насколько сильные изменения претерпела культура корейцев в России, какие масштабные перемены произошли с их идентичностью и самосознанием. Традициями и обычаями корейцев Саратовской области, которые сохранились до настоящего времени, являются: «Асянди» — первая годовщина ребенка, свадьба по корейским традициям, «Хвегап» — 60-летие человека, «Чере» — обряд поминовения предков. Эти события считаются наиболее значимыми в жизни человека.

Обратимся к результатам эмпирического исследования методом анкетного опроса корейцев, проживающих на территории Саратовской области (N=270). **Анкетирование проводилось в четырех районах Саратовской области:** Советском, Ровенском, Марковском, Краснокутском. Выбор именно этих муниципальных районов обусловлен проживанием в них компактной группы корейцев, отличающихся заметной численностью по сравнению с другими районами области. Расчет объема выборки базировался на данных Всероссийской переписи населения 2010 г. Проводимый квотный отбор был основан на целенаправленном формировании выборочной совокупности респондентов из числа корейцев, проживающих на территории Саратовской области. Нами использовался метод стихийного отбора, когда мы имели дело с максимально доступными для обследования единицами опроса, руководствуясь критерием принадлежности респондентов к генеральной совокупности, которую составляют все единицы определенного в программе объекта. В нашем исследовании по результатам переписи населения Саратовской области 2010 г. генеральная совокупность составляет 4206 человек. Согласно программным требованиям обоснования объема выборки было определено, что для достижения цели нашего исследования необходимо опросить 270 респондентов (Ядов 1995: 73). Численность (объем) выборки зависит от уровня однородности или разнородности изучаемых объектов. Изучение этнокультурного наследия корейцев Саратовской области в качестве объекта исследования определяется своей однородностью, чем более они однородны, тем меньшая численность может обеспечить статистически достоверные выводы. В опросе приняли участие корейцы молодой (до 30

лет), средней (31–55 лет) и старшей (56 лет и выше) возрастных групп. Минимальный возраст опрошенных составил 17 лет, максимальный — 66 лет. Средний возраст респондентов — 43 года. Цель анкетного опроса — выявление этнического самосознания корейцев Саратовской области, изучение их представлений об этнокультурном наследии.

Состоящая из 16 вопросов анкета массового опроса позволяет выявить такие характеристики корейцев Саратовской области, как традиционная обрядность, миграционные настроения, этническое самосознание, языковая ситуация, социально-демографическое положение. Среди респондентов 34% — мужчины, 66% — женщины. Дифференциация по уровню образования таково: среднее образование имеют 25% респондентов, среднее специальное образование — 38%, неоконченное высшее образование — 26%, высшее образование — 11%. Данные по формам занятости респондентов следующие: 45% — работают, 18% — работают и учатся, 7% — учатся, 15% — занимаются домашним хозяйством, 9% — пенсионеры, 6% — не работают. Среди работающих респондентов наибольшее количество людей занято в сфере торговли — 34%, в сельском хозяйстве — 21%, в сфере услуг — 20%, в сфере образования — 7%, в промышленности — 5%, на транспорте — 4%, в строительстве — 3%, в сфере культуры и искусства — 3%, в силовых структурах и армии — 3% опрошенных. Отметим, что преобладание трудовой деятельности в сфере торговли связано с реализацией сельскохозяйственной продукции. Подавляющее большинство респондентов на вопрос о семейном положении ответили, что состоят в браке — 70%, холосты (не замужем) — 24%, разведены — 6% опрошенных.

Традиционная обрядность является основным компонентом национальной культуры. В ритуалах и обрядовых практиках заложена историческая память и культурная специфика народа. Когда встает вопрос о соблюдении традиционных обрядов, то в корейской диаспоре Саратовской области наблюдается практически единодушное мнение. Как показывают результаты нашего исследования, на вопрос: «Соблюдаете ли вы традиции и обычаи своей национальности?» — большинство респондентов (82%) ответили, что они соблюдают национальные корейские традиции и обычаи. Лишь 6% опрошенных ответили отрицательно. 12% респондентов отметили, что соблюдают традиции частично.

На вопрос: «Какие традиции и обычаи корейцев Вы знаете?» — большинство респондентов ответили, что знают такие традиции, как празднование годовщины ребенка, родительский день, празднование юбилея и другие. Исходя из ответов респондентов, мы сформировали список традиций и обычаев, которые чаще всего были названы: годовщина ребенка, «Асянди», — 30%, празднование юбилея, «Хвегап», — 21%, родительский день — 20%, свадьба согласно корейским традициям — 15%.

Ответы на вопрос: «Что сегодня сохранилось в обрядовой культуре корейцев Саратовской области, какие традиции соблюдаете?» — распреде-

лились следующим образом: годовщину ребенка, «Асянди», отмечают 29% респондентов, сватовство по корейским обычаям — 10%, 60-летие по корейским обычаям, «Хвегап», — 23%, похороны по корейским обычаям — 18%. Придерживаются особенностей национальной кухни — 8%, заключение браков внутри этноса — 2%.

В рамках исследования мы стремились выяснить у респондентов, известны ли им история заселения первых корейцев на Дальнем Востоке, расселения по территории СССР, стран СНГ. Ответы показали, что 65% респондентов знакомы, в той или иной степени, с историей своего народа, 24% опрошенных ответили, что незнакомы, 11% затруднились с ответом. Респонденты оставили примечания об источниках своих знаний: в первую очередь — из рассказов родителей, родственников, представителей старшего поколения, во вторую — из книг и Интернет-ресурсов.

50% респондентов отмечают, что традиционная культура корейцев Саратовской области во многом сохранилась, но стала более «европеизированной», многие культурные традиции «обрусели», 31% опрошенных считают, что произошла полная утрата традиций, 19% респондентов ответили, что традиционная культура утрачена частично. Из чего следует, что традиционной культуры, по мнению половины респондентов, сохранилась и развивается, в то время как треть опрошенных с этим тезисом не согласна.

Нами был задан вопрос: «Есть ли у Вас потребность и желание популяризировать корейское наследие на территории Саратовской области или в других российских регионах?», на что большинство респондентов ответили утвердительно — 82%, выразили свое нежелание 12 % опрошенных, 6% ответили, что им все равно. В продолжение темы нами был задан открытый вопрос о предложениях по популяризации корейского наследия на территории Саратовской области. Наиболее часто встречаются следующие ответы: «создание кружков для глубокого изучения своей национальной культуры (языка, традиций, обычаев, кухни)», «создание центра по изучению корейского языка», «проведение фестивалей, посвященных корейской культуре», «возрождение сообщества корейцев и проведение масштабных мероприятий», «поддержание браков одной национальности», «беседа с молодым поколением и рассказ о культуре, истории своего народа».

Следующий вопрос анкеты: «Какой язык респонденты считают родным». Ответы продемонстрировали, что большинство опрошенных, 51%, считают родным русский язык, оба языка — корейский и русский считают родными 37%, корейский язык — 6% респондентов. По результатам нашего исследования выявлено, что представители старшего поколения обращаются к русскому языку при общении с молодыми, в случае общения с ровесниками чаще используют корейский язык. Среди молодежи русский язык стал фактически единственным средством повседневного общения. На вопрос: «Насколько хорошо Вы владеете корейским языком?» 60% респондентов ответили, что знают корейский язык на уровне «нескольких слов,

фраз», 28% — на хорошем уровне. 9% опрошенных ответили, что «даже не представляю, как он звучит». У большинства респондентов отсутствуют знания корейского языка, что свидетельствует о нивелировании его роли в этнической общности.

Наряду с анкетным опросом нами было проведено персональное интервью фокусированного типа (N=5), которое состоит из тематических блоков содержательно сходных с формулировками вопросов анкеты. Интервью было призвано охарактеризовать такие компоненты этнокультурного наследия как отношение к корейскому языку, традиционной обрядности, выявить миграционные настроения и этническое самосознание интервьюируемых. Среди опрашиваемых — два мужчины и три женщины. Регистрация результатов интервью производилось по ходу разговора при помощи диктофона. Для более разностороннего понимания проблемы мы выбрали представителей корейской диаспоры разных возрастов: более 60 лет, моложе 60 лет, минимальный возраст интервьюируемого 23 года. Каждому участнику беседы было задано шесть основных вопросов, дополнительные вопросы при необходимости задавались по ходу беседы.

Первый вопрос посвящен языковой принадлежности собеседника. В ответе на вопрос: «Какой язык Вы считаете родным?» респонденты, в первую очередь, исходили из практик повседневного общения, а не из национальной принадлежности или места рождения. Так, большинство представителей корейской диаспоры хорошо владеют русским языком, разговаривают именно на нем. Респондент (муж., 60 лет) ответил: «...Потому что мне легче на нем объясняться, я думаю на русском языке и разговариваю по большей части на русском, несмотря на то, что я кореец». Для другого респондента родными языками являются как корейский, так и русский: «Первый, потому что я кореец и общаюсь с родителями исключительно на корейском языке. Второй, потому что я считаю себя россиянином и, проживая в России, невозможно не говорить на русском. К тому же у меня была в школе оценка «хорошо» по русскому языку» (муж., 54 года). Еще один респондент придерживается того же мнения (жен., 46 лет): «Несмотря на то, что я много лет живу в России, разговариваю на русском, корейский язык для меня родной...».

Вопрос о соблюдении традиций, церемониальных обрядов вызвал единомыслие в ответах: «Соблюдаем 60-летие, годик, новый год по лунному календарю и другие традиции и обычаи. Прививаем детям, внукам уважение к старшим. Утрата состоит в том, что наши дети постепенно уходят от традиционных ценностей в силу своей неопытности и незнания. Пока живы мы, старики, мы стараемся успеть обучить всем корейским ценностям, несмотря на простоту проведения наших обрядов со стороны, много мелочей есть во всем, которые также важно соблюдать. А молодежь все знает поверхностно» (жен., 74 года). «Годик — самый яркий и главный праздник, который мы всегда соблюдаем. Юбилей, но какие особенности и обряды проведения там я не знаю» (жен., 23 года).

Респондентам было предложено оценить состояния корейской культуры в Саратовской области, необходимость сохранения ценностей и соблюдения традиций. *«Современное состояние культуры корейцев я бы оценила на «хорошо», все-таки есть еще семьи, поддерживающие традиции и обычаи. Возможно не до мельчайших деталей исполненные, но все же пока радует. Советуются со мной. Узнают, как все сделать правильно, обряды те или иные»* (жен., 74 года). Однако есть и иное мнение: *«Культура и культура, как у всех других народов. Явно выраженного проявления культурного значения я не наблюдаю. Оно удовлетворительное. Могло быть и лучше»* (муж., 54 года). Другой респондент высказал свои пожелания: *«Знаю, у нас есть корейский дворик в Национальной деревне. Было бы неплохо еще музей нашего этноса создать. В целом состояние культуры плачевное, но при возможности нам есть чем похвастаться, показать и рассказать другим»* (жен., 46 лет).

В рамках интервью были высказаны предложения и рекомендации по популяризации этнокультурного наследия и развития корейской диаспоры в области: *«Насколько мне известно, в Саратовской области — многочисленная диаспора, это дает возможность возрождать и популяризировать корейскую культуру среди детей, молодежи»* (муж., 60 лет). Среди ответов прозвучало мнение о создании центра корейского языка и культуры: *«Необходимо создавать корейские центры в районах области и обеспечивать их эффективное функционирование. Будут заниматься проведением мероприятий, преподаванием корейского языка»* (муж., 54 года). *«Популяризация нужна, поскольку постепенно чувствуется утрата наших ценностей. Необходимо чаще собираться корейцам по каким-либо событиям, даже если не знакомы. Нужно, конечно, такое общество, которое бы этим серьезно занималось»* (жен., 46 лет). *«В первую очередь, сохранение уже существующих традиций и обычаев, без утраты малейших деталей. Поскольку с каждым разом, я замечаю, в современных семьях «машут рукой», если что-то не учить в обрядах. А это уже считается постепенное «забывание». А что их дети тогда будут делать, если родители не знают. А нас, старших, становится все меньше, к кому можно было обратиться за советом»* (жен., 74 года). Предложения представителя молодого поколения отличается от мнений старших по возрасту: *«Я это вижу, касательно молодежи, проведение конкурсов, вечеров. Мне бы очень хотелось находиться в обществе корейской молодежи. Создание центра по изучению корейского языка в Саратове, было бы очень даже хорошо. И, безусловно, это налаживание связей с исторической родиной — Кореей»* (жен., 23 года).

По итогам интервью делаем вывод о том, что корейская диаспора региона является носителем и сторонником духовных ценностей, обрядов и традиций, которые при эффективной организации востребованы с целью популяризации этнокультурного наследия как среди этнических корейцев, так и представителей других наций, в том числе и для активного использования в туристских и досуговых практиках.

Обращаемся к анализу возможностей использования этнокультурного наследия корейцев в практиках туризма. Практики как различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности дают человеку реализовываться в том или ином социальном качестве. Под культурными практиками туристов понимается совокупность коммуникативных и интерактивных видов деятельности на этапе планирования и на протяжении всего путешествия. Этнокультурное наследие корейцев как компонент туристских практик может быть представлен и востребован в следующих аспектах.

Во-первых, как «визуальное потребление» и созерцание туристских объектов в виде культурного и бытового наследия корейцев: традиции, обычаи, памятники, атрибуты.

Во-вторых, как присвоение туристских достопримечательностей посредством фотографий и сувениров, олицетворяющих корейскую культуру и являющихся материальными объектами.

В-третьих, как трансляция информации, передача ее другим туристам и популяризация познавательных оснований туризма для реальных и будущих путешественников.

В-четвертых, в процессе туристских практик человек наиболее ярко проявляет свои этнокультурные особенности, расширяя и обогащая их.

В любой туристской практике чрезвычайно важным является сохранение и поддержание уникальной этнической и культурной самобытности региона. На международном уровне постоянно растет интерес к развитию регионального и местного этнокультурного туризма, который при эффективном управлении является средством возрождения или укрепления традиций и самоидентичности местных сообществ. Так, этнокультурный туризм предполагает знакомство с музеями народного быта. Особый интерес вызывают этнографические музеи под открытым небом, в которых находятся объекты традиционной архитектуры, предметы быта, проводятся национальные праздники, готовятся блюда национальной кухни. При этом человек может своими глазами увидеть предмет, который принадлежит к той или иной культуре и эпохе, узнать о его деловом и символическом назначении, буквально соприкоснуться с ним, ощутить свою сопричастность к этнокультурному наследию. В 2007 г. АНО «Левада-центр представил результаты проведенного социологического опроса (N=1600), в котором респондентам был задан: «В какой мере Вас лично интересуют быт, повседневная жизнь разных народов, история, культура различных стран?». Полученные данные можно разделить на три категории: глубоко интересующиеся бытом, историей, культурой — 29,8%; интересующиеся в некоторой степени — 61%; равнодушные — 7,9% (Лысикова 2011: 135). Из чего делаем вывод о том, что к культоориентированным респондентам относится треть опрошенных.

В Национальной деревне народов Саратовской области, находящейся на Соколовой горе в Саратове, расположен среди прочих корейский национальный дворик. Как туристы, так и местные жители с интересом знако-

мятся с бытом, жизненным укладом, жилищем корейцев. Здесь возможна активная популяризация корейской культуры посредством представления народных танцев и песен, обрядовых сцен, показа национальной одежды. Может быть предложено проведение мастер-классов по приготовлению блюд корейской национальной кухни с последующей дегустацией, проведение фольклорных праздников. Этнокультурные комбинированные туры с посещением Национальной деревни народов Саратовской области будут способствовать экономическому развитию региона и популяризации этнокультурного наследия корейцев. Новые перспективы его использования в туристских практиках открываются во взаимодействии с исторической родиной, налаживании связей между Южной Кореей и Саратовской областью. Именно этот коммуникационный ресурс будет способствовать эффективному развитию, сохранению и продвижению этнокультурного наследия корейцев в регионе. С 1 января 2014 г. отменены визы для туристических поездок между Россией и Южной Кореей. Теперь граждане России могут ездить в Корею и оставаться там в течение двух месяцев без виз, общий срок пребывания в стране не должен превышать более трех месяцев в течение полугода. Граждане Южной Кореи, в свою очередь, могут посещать Россию без виз на тех же условиях. Это решение было принято 13 ноября 2013 г. в результате дипломатических переговоров двух стран, оно способствует укреплению связей между двумя народами, увеличению туристического потока. По результатам нашего социологического опроса было выяснено, что многие корейцы Саратовской области хотели бы посетить свою историческую родину в качестве туристов. 2014 и 2015 годы были объявлены «Годами взаимных визитов России и Южной Кореи», что сопровождается проведением совместных мероприятий, направленных на развитие гастрономического, делового и медицинского туризма.

Несмотря на общую этническую принадлежность, российские корейцы сформировали собственную культурную, социальную идентичность, которая отражается в языке, традициях, повседневном жизненном укладе. В настоящее время очевидна потребность в развитии регионального этнокультурного туризма, который в последние десятилетия становится одним из самых популярных видов. Именно посредством туристских практик, национальных праздников происходит знакомство и освоение нематериального культурного наследия одного этноса представителями других народов. Человек, знакомясь с уникальными культурными традициями, национальными особенностями, культивирует в себе чувство сопричастности и толерантности к представителям несхожей с ним культуры, что снижает вероятность межнациональных и межкультурных конфликтов в мире, способствует взаимопониманию и взаимоуважению. В рамках популяризации этнокультурного наследия сохраняются традиционная обрядность, этническое самосознание, языковые практики, что востребовано для развития этнокультурного туризма в муниципальных районах Саратовской области. Эффективность

стратегии, использующей этнокультурное наследие корейцев, может быть достигнуто посредством объединения ресурсов и усилий городских и районных администраций, Центра национальных культур, Национальной деревни народов Саратовской области, академического и бизнес-сообществ. И на этом благородном пути этнокультурное наследие корейцев может и должно стать одной из основ устойчивого развития регионального туризма.

Литература

- Migration and Integration in Europe and Russia: New Challenges and Opportunities*. Abstracts. International Conference, St. Petersburg, November 16–18, 2012. URL: http://www.hse.ru/data/2013/03/19/1308471242/abstracts_migration.pdf (дата обращения: 15.02.2015).
- Бутозов А. Г. Этнокультурный туризм в России: теоретические и практические аспекты изучения // Материалы V Международ. науч.-практ. конф. «Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования». М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, геогр. факультет, 28–29 апр. 2010 / под общ. ред. В. И. Кружалина, сост. и отв. ред. М. Н. Ломоносов. СПб.: Д.А.РК., 2010.
- Лыскова О. В. Культурный туризм как фактор межнационального взаимодействия в полиэтническом регионе // *Межнациональное содружество как основа сохранения культурного многообразия и сплоченности полиэтнического региона*. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: Научная книга, 2008.
- Лыскова О. В. Российский туризм: глобальное и локальное. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2011.
- Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / отв. ред. Р. К. Тангалычева, И. А. Коргун. СПб.: Скифия-принт, 2012.
- Урри Дж. Мобильности. Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис, 2012.
- Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд. Самарского ун-та, 1995.

К. В. Истомин, Ким Хе Чжин

**От совхозного строительства через снегоходную
революцию к рыночной реставрации: трансформации
материальной культуры и образа жизни
коми-ижемских оленеводов с конца 1950-х годов
по настоящее время**

Культурные и социальные изменения, произошедшие в России в прошлом и начале нынешнего века, затрагивали не только основные этнические и социальные группы, проживающие в стране. В настоящем докладе, основанном на результатах совместной полевой работы российских и корейского этнографов в северной части Республики Коми, сделана попытка проследить изменения в материальной культуре и образе жизни коми-ижемских оленеводов, одной из групп оленеводов-кочевников, осваивающей территорию Большеземельской тундры на крайнем северо-востоке европейской части нашей страны. На основе полевого материала реконструируются изменения, произошедшие в культуре этой группы начиная с позднесоветского периода (вторая половина 50-х годов прошлого века) по настоящее время, включая советский и постсоветский периоды. Анализ собранного материала показывает, что, несмотря на относительную изолированность группы, политические, экономические и социальные изменения, происходившие в СССР и Российской Федерации, оказывали непосредственное влияние на культуру и жизнь ее членов. С другой стороны, оленеводы никогда не были лишь пассивными объектами влияния внешних факторов, таких как изменчивая государственная политика, в отношении «малых народов Севера». Изменения в их культуре и образе жизни отражают сложный процесс взаимодействия между внешними факторами и внутренней логикой развития культуры, определявшей реакцию оленеводов на изменения в окружающем мире.

Cultural and social transformations that occurred in Russia over the last century were not limited to so-called “bigger society”. In this presentation, which is based on the results of a joint fieldwork of Russian and Korean ethnographers in the north of the Komi Republic, Russia, we attempt to trace changes in material and social culture of a group of nomadic reindeer herders, the Izhma Komi, who migrate with reindeer over the Bolshezemelskaya Tundra in the north-east of the European part of Russia. We reconstruct changes that occurred in their culture since the late kolkhoz period (late 1950s) though the

sovkhos period and the post-socialist period till the present. We show that despite the relative isolation of the group, the political transformations in the USSR and Russia as well as the processes of globalization had direct impact on it. On the other hand, the herders have never been just the passive recipients of the external influences and passive objects of the changing state policy towards the so-called "Small Peoples of the North". The cultural transformations among the herders resulted from the interplay between the external factors (including state policy) and the reactions to them on the part of reindeer herders.

Введение

В Российских социальных науках исследования социальных и культурных трансформаций среди малых народов севера можно пересчитать по пальцам. Дело в том, что исследование этих групп традиционно отдавалось в ведение этнографии, которая, в свою очередь, считалась и продолжает считаться у нас в стране дисциплиной исторической. Будучи «историей, вооруженной ручкой и блокнотом», этнография долго воспринимала предмет своего изучения как «живую старину», пережитки ушедших эпох, по которым можно судить о том, как люди жили в далеком прошлом (Тишков 1992). Хотя самим этнографам ущербность такого взгляда стала очевидна уже в 1970-е годы (Бромлей 1983), вне этнографии он частично сохраняется и поныне. В особенности он устойчив в отношении этнических групп, проживающих на севере нашей страны и ведущих кочевой образ жизни. В сознании не только широкой публики, но и многих ученых оленеводы севера до сих пор считаются, во-первых, изолированными, так как происходящие в целом в стране социально-культурные процессы воздействуют на них в меньшей степени, чем на другие группы, а во-вторых — традиционными, ибо в их культуре и общественной жизни не происходит либо происходит очень мало спонтанных сдвигов. Считается, что такие сдвиги происходят скорее под воздействием «большого» общества, сознательным (выраженным в определенной государственной политике) либо бессознательным, например как побочный продукт развития нефте- и газодобычи (Slezikine 1996). В результате этого воздействия аборигены севера заимствуют те или иные элементы культуры и формы общественной жизни «большого» общества, например огнестрельное оружие, христианские обряды, денежно-товарные отношения или употребление алкоголя, и заменяют ими элементы традиционной культуры, что может вести к ее деградации и распаду.

Несостоятельность этих взглядов на теоретическом уровне вряд ли нуждается в доказательствах: изолированные человеческие сообщества чрезвычайно редки и вряд ли возможны в рамках современного государства, такого как Россия, а механическое заимствование элементов чужой культуры и добавление их в свою противоречит понятию о культурном холизме. Тем не менее описанный выше взгляд породил тенденцию рассматривать проис-

ходящие в культуре и общественной жизни оленеводов процессы в отрыве от процессов в Российском обществе. Более того, в большинстве отечественных этнографических работ принято прекращать исследование там, где игнорировать влияние общероссийских процессов становится невозможно: культура и быт оленеводов рассматриваются в них в том виде, какими они были в так называемое «этнографическое время» — накануне коллективизации (Тишков 2001). Имплицитно считается, что коллективизация и последовавшие за ней индустриализация севера, механизация оленеводства, политика перевода на оседлость, и т. д., которые, как бы мы к ним сейчас не относились, прочно и бесповоротно включили оленеводов в российское общество, одновременно каким-то образом лишили их культуру и быт статуса объекта этнографического изучения — сделали их «нетрадиционными», «ассимилированными» и недостойными внимания этнографа (Тишков 2001). Лишь с недавнего времени в отечественной этнографии появились работы, рассматривающие современные социальные и культурные процессы среди оленеводов в контексте процессов, протекающих в «большом» обществе. Количество таких работ до сих пор относительно невелико и большинство из них рассматривает процессы в сферах этнической идентичности, национального и гражданского самосознания, языкового поведения.

Настоящая работа призвана продолжить эту тенденцию, рассмотрев в контексте общероссийских социальных процессов изменения, происходившие в материальной культуре оленеводов, а именно в их пище, одежде и конструкции жилища. Это представляется важным, потому что в исследованиях материальной культуры, часто выполняемых у нас в стране на основе разбора и сопоставления музейных коллекций, т. е. в отрыве от непосредственного бытования этой культуры, «теория пережитков» и подход «этнографического времени» до сих пор преобладают. В противоположность этим работам, настоящее исследование проводилось методом этнографического опроса, который проводился летом 2014 г. в 6 населенных пунктах Ижемского района Республики Коми (села Ижма, Мохча, Бакур, Сизябск, Кипиево и Диюр) и в двух населенных пунктах Интинского района Республики Коми (город Инта и пос. Юсьтыдор). Опрос в этих населенных пунктах проводился исследовательской группой в составе двух российских (К. В. Истомин и А. А. Попов, оба — сотрудники Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН) и одного корейского (Ким Хе Чжин, Институт исследований России Университета Ханкук) исследователей. В опросе приняли участие бывшие работники оленеводческих предприятий — совхоза (ныне — ПСК) «Ижемский Оленевод» и совхоза (ныне — ОАО) «Большая Инта», а также действующие работники этих предприятий, в силу разных причин присутствовавшие на момент проведения опроса в указанных населенных пунктах. Возраст информаторов колебался от 21 года до 87 лет и они, таким образом, смогли сообщить сведения по предмету опроса, покрывающие период с середины 1950-х годов до настоящего времени.

«Традиционная» материальная культура коми-ижемского оленеводства (конец 1950-х годов)

Коми-ижемцы — самая северная и относительно молодая этнографическая группа коми-зырян, сложение которой происходило в бассейне реки Ижма (левый приток р. Печора) начиная с XVI в. (Лашук 1958). Основной чертой, выделившей эту группу из других групп коми-зырян, стал переход части ее членов к кочевому оленеводству, произошедший, по разным оценкам, во второй половине XVII — начале XVIII вв. (Лашук 1958; Жеребцов 1982; Конаков и Котов 1991). В основу коми-ижемского оленеводства легли практики обращения с северным оленем, заимствованные ижемцами у своих соседей — европейских ненцев; у ненцев были также заимствованы основные элементы кочевого быта, включая мобильное жилище-чум, одежда и обувь из оленьего меха, конструкция оленьих нарт и упряжи (Жеребцов 1982). Существенной особенностью коми-ижемского оленеводства, изначально резко отличавшей его от оленеводства ненцев, был, однако, его рыночный характер (Иславин 1847; Конаков и Котов 1991). Ижемцы выращивали оленей в основном на продажу и товарно-денежные отношения играли в их хозяйстве существенную роль (Конаков и Котов 1991). Это обусловило бурное развитие новой отрасли ижемского хозяйства — быстрый рост поголовья принадлежащих ижемцам оленей — и позволило ижемцам к середине XIX в. занять доминирующее положение в тундровой экономике на северо-востоке европейской части России (Керцелли 1911), а к концу этого столетия расширить ареал своего обитания от Кольского полуострова на западе до бассейна нижней Оби и далее на восток (Конаков и Котов 1991).

После коллективизации ижемских оленеводческих хозяйств в 30-е годы XX в. рыночная ориентация в ижемском оленеводстве разумеется, исчезла (Истомин 2010), но многие другие бытовые и хозяйственные черты, включая жилище, практики приготовления пищи и одежду оставались, судя по всему неизменными весь колхозный период. По крайней мере описания быта оленеводов в конце 1950-х годов, собранные в ходе нашего опроса, очень сходны с описаниями, встречающимися в литературе начала XX в. (Керцелли 1911; см. также Хомич 1995). Пища оленеводов тогда состояла из продуктов оленеводства (оленьи мясо, кровь, субпродукты), привезенных в тундру продуктов «поселкового» происхождения (мука, 3 вида круп, чай, сахар, соль, которые оленеводы вместе с промышленными товарами получали от колхозов за трудодни) и продуктов охоты, рыбной ловли, собирательства. Поскольку количество личных оленей ограничивалось, а за забой в пищу колхозных оленей вычитались трудодни, то продукты оленеводства употреблялись в пищу очень экономно: наибольшее их количество потреблялось оленеводами в августе и сентябре, так как в это время оленеводам разрешалось забить определенное количество колхозных оленей на одежду работникам колхоза: именно в этот период шкуры оленей наилучшего качества для изготовления

меховой одежды. Мясо и субпродукты забитых на шкуры оленей, которые колхоз не имел возможности сохранить и вывезти из тундры, оленеводам разрешалось пустить на общепит. Остальную часть года оленеводам приходилось расплачиваться трудоднями за забой либо забивать личных оленей, и поэтому количество забиваемых животных сокращалось. Зимой и ранней весной, туши забитых оленей замораживали и мясо расходовали экономно, стараясь по мере возможности заменять его мясом диких животных. В конце мая, когда мясо забитых оленей переставало замерзать, забой животных полностью прекращали до окончания их линьки и начала нового забоя на шкуры в августе. В июне и июле питались в основном продуктами охоты и рыболовства, которые в этот период года добывались в тундре в избытке.

Повседневную пищу ижемских оленеводов позднеколхозного периода составляли два блюда: шыд (суп-болтанка) и рок (каша). Интересно, что оба они были описаны как повседневные блюда тундровиков еще в начале XX в. (Хомич 1995). Для приготовления шыд сначала варили мясо (чаще всего, конечно, оленину) в большом количестве воды с добавлением соли. После того, как мясо хорошо проваривалось, его вынимали, а бульон, где оно варилось, снова ставили на огонь и тонкой струйкой всыпали в него муку, постоянно перемешивая его при этом ложкой. Готовое блюдо должно было иметь консистенцию густого супа. Шыд разливали по кружкам и пили горячим, маленькими глотками, закусывая мясом, на бульоне из которого он был сварен. Рок варили сходным образом, только вместо муки в бульон засыпали крупу и разваривали до консистенции густой каши. Ели его ложками, также закусывая мясом. Рок считался более сытным и вкусным блюдом чем шыд, но поскольку крупы было мало, то варили его обычно лишь 2–3 раза в неделю. Кроме того, в день, когда забивали оленя, оленеводы обязательно пили свежую оленью кровь и ели сырое оленьё мясо (т. н. айбарч), а в августе и сентябре, когда мяса было много, его иногда поджаривали, вешая над огнем на крюк, на котором висел котел. Такое мясо называлось «хайна», и его ели в качестве основного блюда.

Чум ижемских оленеводов в позднеколхозный период совпадал по конструкции с описаниями начала века (Керцелли 1911). Основу его составлял каркас из жердей. В летний период нижнее покрытие (понючче) этого каркаса делалось из сукна, а сверху чум покрывался едером — покрытием, сплетенным из полосок вываренной березовой коры. Зимний чум покрывался двумя слоями оленьих шкур, нижний (понючче) мехом внутрь, а верхний (нюк) — мехом наружу. Для приготовления пищи и отопления пользовались костром, разжигаемым на железном листе в центре чума. Над костром на крюке вешали большой медный котел для варки мяса.

Одежда ижемцев в позднеколхозный период также оставалась традиционной. Нижняя одежда состояла из рубахи и штанов у мужчин и сарафанного комплекса у женщин, причем и то и другое шили сами из покупных тканей. Верхняя одежда у обоих полов состояла из малицы (глухой одежды из шкур мехом внутрь с меховым капюшоном), тобоков (длинных, до паха,

чулок из камуса мехом наружу) и липт (чулки из камуса мехом внутрь, которые надевали под тобоки). Тем не менее, покупная одежда также уже получила в эту пору распространение. Так, практически все мужчины имели пиджаки и сапоги, а женщины — покупные шерстяные и тканые платки и шали. В морозы мужчины надевали пиджаки под малицы, а женщины, перед тем как одеть малицу, обертывали верхнюю половину тела теплой шалью, а лицо поверх капюшона малицы завязывали шерстяным платком, оставляя только глаза. Одежду изготавливали женщины для всей своей семьи, причем колхоз за это начислял им трудовни.

Материальная культура коми-ижемского оленеводства в эпоху колхозного строительства

Главным следствием укрупнения колхозов и их превращения в совхозы, произошедшем в регионе обитания ижемцев в конце 1950-х — начале 1960-х годов, стал, с точки зрения рядовых оленеводов, переход от натуральной оплаты труда к денежной, а также быстрое развитие потребительской кооперации. В результате значительно расширился ассортимент доступных оленеводам потребительских товаров. Наибольшие изменения в этот период произошли в питании оленеводов и были связаны, прежде всего, с появлением в питании оленеводов макаронных изделий — макароны, вермишели и рожки. Их появление привело к стремительному снижению потребления оленеводами муки, ранее бывшей основным покупным элементом питания. К началу 1970-х годов шыд выходит из употребления и его заменяет суп с вермишелью. Кроме этого, со второй половины 1960-х годов у оленеводов появляется сухое молоко, в 1970-е годы — сгущенка, маргарин, печенье и сушки, а в 1980-е — рыбные и овощные консервы, хотя и в небольшом количестве. В 1980-е годы по оленеводческим бригадам стали регулярно летать вертолеты, доставлявшие, помимо прочего, продукты в счет зарплаты по спискам, переданным оленеводами по рации. Основным ежедневным блюдом оленеводов в этот период становится мясной суп из оленины с вермишелью либо с перловой крупой, а каши стали разнообразными — из различных круп, — причем варить их стали каждый день (обычно на ужин).

В совхозный период летняя одежда оленеводов стала в основном покупной. В быт оленеводов вошли резиновые сапоги, быстро вытеснившие в качестве непромокаемой летней обуви кирзовые сапоги и пропитанные смолой тобоки (сирва тобэк). В обиходе появились также плащи-дождевики, и много покупной нательной одежды, особенно у мужчин. У женщин-тундровичек сарафанный комплекс сохранялся до конца 1970-х годов. Зимняя верхняя одежда оставалась такой же, как и в колхозный период.

В конструкции жилища основным изменением стало появление железных печек — буржеек, которые вытеснили костер в центре чума. Их широкое распространение пришлось на 1960-е годы. Кроме того, из употребления вы-

шел едэр — летнее покрытие чума из березовой коры. Вместо этого, верхнее летнее покрытие стали изготавливать из брезента. Это значительно улучшило комфортность летнего чума, поскольку покрытие из коры все-таки начинало со временем пропускать дождевую воду. Кроме того, длина зимних кочевок весь совхозный период сокращалась. Это, а также развитие сети зимников и средств сообщения в Печорском крае позволило оленеводам гораздо чаще приезжать зимой в поселки и проводить там больше времени. Иногда зимой в поселки из чумов на длительные периоды переселялись женщины, особенно с маленькими детьми, чтобы «дети не мерзли» и «врач был ближе».

Материальная культура коми-ижемского оленеводства в постсоветский период

Распад совхозной системы в начале 1990-х годов привел к полному распаду системы снабжения оленеводов: прекратились регулярные полеты в тундру вертолетов, перестали поддерживаться в надлежащем состоянии корали и забойные пункты, на некоторый период прекратилась даже вакцинация животных. Зарплаты оленеводов и чумработниц также резко сократились. С другой стороны, были отменены ограничения на поголовье личных оленей и сбыт оленеводческой продукции, а контроль за движением бывшего совхозного поголовья, перешедшего теперь к сменившим совхозы ПСК и акционерным обществам, значительно ослаб. В результате, в последнее десятилетие XX в. произошло быстрое перераспределение оленьего поголовья: стада бывших совхозов сократились, но зато личные стада работающих в них оленеводов резко выросли. Выросли также объемы частной торговли оленеводческой продукцией (которая, впрочем, существовала в ограниченном масштабе и в советский период), и расширился ее ассортимент: оленеводы начали продавать не только мясо и камусы, но и также панты и роголом. Кроме того, одной из основных статей дохода оленеводов становится изготовление и продажа изделий из оленьего меха и камусов, среди которых первое место занимает производство пим (сапоги из оленьего камуса на твердой подошве). К середине 2000-х годов прибыль от торговли продукцией личных оленей составляла примерно 2/3 дохода оленеводов, в то время как лишь 1/3 приходилась на зарплату. Таким образом, к середине первого десятилетия нашего века, оленеводство коми вновь превратилось в фактически частную коммерческую отрасль хозяйства. Произошла рыночная реставрация оленеводства.

Изменения быта оленеводов следует рассматривать на фоне описанных изменений хозяйства. Очень значительные изменения в постсовхозный период претерпели одежда и жилищные условия оленеводов. Эти изменения были связаны прежде всего с распространением среди оленеводов нового вида транспорта — снегоходов, распространение которых пришлось в основном на вторую половину 1990-х — начало 2000-х. Их появление открыло путь к полной реорганизации оленеводческой жизни. Так, например

интинские оленеводы полностью перестали жить зимой в чуме (последний зимний чум у них стоял зимой 2004–2005 гг.). Теперь оленеводы живут зимой в поселках, откуда мужчины регулярно ездят проверять оленьи стада на снегоходах, а женщины занимаются, в основном, изготовлением пим и других изделий из меха, а также сбытом оленеводческой продукции. Зимние пастбища большинства оленеводов Ижемского района находится дальше от поселков, и они до сих пор живут зимой в чуме. Однако появление снегоходов привело к стихийному формированию у них чего-то похожего на сменный выпас: оленеводы делятся на две группы, которые поочередно сменяют друг друга в чуме (обычно через каждые две недели). При этом и здесь в чуме живут чаще всего одни мужчины, а женщины всю зиму живут в поселке, занимаясь изготовлением и продажей пим. Возможно, из-за того, что ижемцы живут теперь зимой в чуме непостоянно, зимний чум, крытый шкурами, у них также исчез, и они пользуются летним чумом с суконным понюлччем. Верхняя меховая одежда из оленьих шкур повсеместно медленно, но неуклонно выходит из употребления, заменяясь пуховиками китайского производства и сапогами с теплой отделяемой подкладкой. В качестве причин исчезновения меховой одежды обычно называют две: стремление сохранить личных оленей для забоя на продажу (как уже говорилось, на малицы идут августовские шкуры, а вывезти и продать оленье мясо в августе невозможно) и занятость чумработниц в изготовлении пим (товарного продукта), что не оставляет им времени и сил на изготовление малиц.

Среди новых продуктов питания, появившихся у оленеводов в постсоветский период, можно отметить лапшу быстрого приготовления («ролтон» и «доширак»), а также сухое картофельное пюре. Однако главным изменением в питании оленеводов стало неуклонное снижение потребления оленьего мяса и замена его покупными мясными изделиями, такими как замороженные импортные куриные окорочка (т. н. «ножки Буша»). Причиной послужил достаточно простой расчет отношения цены оленины к цене курятины: «Если оленя забить, а мясо есть, то его хватит недели на 2, даже если только суп из него варить. А вот если мясо не есть, а продать и купить ножки Буша, то их хватит на месяц минимум, а то и на полтора, если экономно расходовать». Оленей, конечно, продолжают убивать, и оленину продолжают употреблять в пищу, но гораздо в меньших объемах, чем раньше. Это особенно заметно в августе — сентябре, периоде, когда раньше было изобилие оленьего мяса. Переход многих оленеводов на покупную зимнюю одежду практически отменил этот осенний забой. Зато животных теперь иногда убивают в июне и июле, выбирая для этого в основном маленьких слабых телят, которых можно полностью съесть, пока мясо не испортится. Основу тундровой кухни коми до сих пор составляет мясной суп с макаронами или перловкой, крупяная каша, вареные макароны с мясом. Однако суп теперь часто может оказаться не из оленины, а из курятины, в макаронах может обнаружиться тушенка, да и вместо самих макарон вполне может оказаться корейский «до-

ширак». Вполне обычным тундровым блюдом стало пюре на сухом молоке с добавлением маргарина.

Анализ представленного материала и выводы

Представленный в предыдущих частях данной работы полевой материал показывает, что изменения в материальной культуре и быте ижемских оленеводов были неразрывно связаны с социальными и политическими процессами, происходящими в нашей стране. Повороты государственной политики, особенно связанной с сельским хозяйством, во второй половине XX столетия (укрупнение колхозов, преобразование колхозов в совхозы, приватизация совхозов), изменение снабжения товарами и т. д. оказывались связанными с большей или меньшей степенью глубокими изменениями материальной культуры оленеводов и являлись, судя по всему, основным триггером этих изменений. Иногда совсем незначительных изменений государственной политики оказывалось достаточно, чтобы вызвать важные трансформации материальной культуры оленеводов.

Например, появление в начале 1980-х годов у оленеводов овощных консервов (по воспоминаниям информаторов это были венгерские консервы «Глобус») можно связать с достаточно рутинным бюрократическим актом — включением оленеводческих хозяйств в систему спецраспределения продуктов (во исполнение п. 18. постановления Совмина СССР от 7 февраля 1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей севера»). В результате овощные консервы стали доставлять оленеводам в счет зарплаты. Примечательно, что оседлому сельскому населению севера Коми АССР овощные консервы оставались недоступны и, соответственно, в культуру питания не вошли. Распад социалистической экономики и социально-экономические пертурбации последнего десятилетия XX в. вызвали в культуре и образе жизни оленеводов, пожалуй, более глубокие изменения, чем в культуре и образе жизни оседлого населения. Все это еще раз подтверждает, что оленеводы ни в какой мере не были изолированы от процессов, происходящих в стране.

С другой стороны, влияние этих процессов на культуру и образ жизни оленеводов отнюдь не было механическим. Скорее мы тут наблюдаем хорошо известные социологам диалектические отношения между социально-политической структурой и культурно-детерминированным поведением индивидов (см. напр. Giddens 1984). Социально-политические процессы в стране лучше всего понимаются как изменения структуры, в которой приходилось действовать оленеводам. Они закрывали определенные, доступные оленеводам ранее пути поведения и открывали другие, недоступные ранее пути. Однако у оленеводов всегда оставалась свобода выбора между различными путями поведения, и на выбор, который они в результате делали, большое влияние оказывала их культурная традиция, традиционные практики,

связанные с объектами материальной культуры, внутренняя структура и логика этих практик — то, что Пьер Бордьё называл «хабитус» (Bourdieu 1977). Например, переход к денежной оплате труда и развитие потребительской кооперации после преобразования колхозов в совхозы открыл оленеводам доступ к широкому спектру новых продуктов питания и материалов. Однако из всего этого спектра оленеводы, прежде всего, выбрали макаронные изделия, резиновые сапоги и брезент. Причина именно такого выбора, на наш взгляд, в том, что эти элементы встраивались в уже существующие практики, являясь улучшенной заменой прежде используемых в них продуктов и материалов. Макароны заменили муку при приготовлении «шид», резиновые сапоги пришли на смену пропитанным смолой тобокам (которые все-таки медленно, но пропускали воду), а брезентовые покрытия чума заменили покрытия из бересты (едей), которые тоже не отличались полной влагоизоляцией. Речь, таким образом, шла об улучшении существующих практик, а не об отказе от старых практик в пользу новых.

Еще более интересным примером является реакция оленеводов на крушение социалистической экономики и переходу к рыночному хозяйству. Ижемские оленеводы отреагировали на эти изменения восстановлением коммерческого рыночно-ориентированного оленеводства, какое некогда имели их предки в XIX — начале XX в., но о котором в последнем десятилетии XX в. практически не осталось даже памяти. Заметим, что переход к рыночно-ориентированному оленеводству отнюдь не был единственно возможной на тот момент реакцией на социальные процессы: оленеводы могли, например, начать развивать семейное (домашнее) оленеводство, направленное на как можно более полное самообеспечение потребностей семьи при минимизации связи с рынком и роли товарно-денежных отношений. Именно по этому пути пошли ямальские ненцы, непосредственные соседи коми-ижмцев, для которых, что интересно, это также было частичным восстановлением того типа хозяйства, который они имели в досоветские времена (Клоков и Ульвевадет 2004). Если отказаться от использования трудноопределимых метафизических концепций, таких как «менталитет» и «культурный этос», то наиболее приемлемым объяснением этой разницы в выборе путей адаптации является, видимо, сохранение у каждого из народов на протяжении всего советского периода культурных и хозяйственных практик (хабитуса), характерных именно для такого типа хозяйства. Например, среди ижмцев весь советский период существовала полулегальная практика торговли продукцией личных оленей. Такая торговля играла в оленеводческом хозяйстве лишь подсобную роль, однако она была широко распространена и, главное, не считалась чем-либо аморальным или постыдным, в то время как среди ненцев, по полевым данным, еще в начале первого десятилетия XXI в. торговля мясом и изделиями из меха многими воспринималась как «спекуляция». Иными словами, рыночная реставрация, произошедшие среди коми оленеводов в постсоветский период, не была навязана им извне, а развилась

из взаимодействия между новой социальной и экономической средой и уже существовавшими культурными и хозяйственными практиками.

В целом собранный нами материал свидетельствует о том, что материальная культура коми оленеводов на протяжении всего рассматриваемого периода поступательно развивалась. Это развитие не прекращалось ни в относительно благополучные, ни в трудные времена. Современная материальная культура оленеводов весьма непохожа на «традиционную» оленеводческую культуру досоветского периода, и даже на культуру оленеводов 1950-х годов. Однако делать из этого вывод о распаде традиционной культуры оленеводов вряд ли уместно. Материальная культура оленеводов остается достаточно самобытной, вполне способной обслуживать нужды своих носителей и вполне способной развиваться.

Литература

- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.
- Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.: Министерство государственных имуществ, 1847.
- Истомин К. В. Коми-ижемское оленеводство Большеземельской тундры. // Приполярная перепись 1926/27 гг. на Европейском Севере (Архангельская губерния и автономная область Коми) / под ред. К. Б. Клокова и Дж. П. Зайкера. СПб.: МПСС, 2010. С. 317–339.
- Керцелли С. В. По Большеземельской Тундре с кочевниками. Архангельск: Губернская типография, 1911.
- Клоков К. Б., Ульвевадет Б. Семейные основы оленеводческо-промыслового хозяйства. Состояние и управление популяциями дикого северного оленя. СПб.: Моби Дик, 2004.
- Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991.
- Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского Края. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958.
- Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение, 1992. № 1. С. 5–19.
- Тишков В. А. Диалог истории и антропологии на рубеже столетий // Историческая наука на пороге XXI века, под редакцией Деревянко. Новосибирск: Новосибирский университет, 2001. С. 145–60.
- Хомич Л. В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Русский двор, 1995.
- Bourdieu P. Outline of a theory of practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity, 1984.
- Slezikine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. New edition. London: Cornell Univ Pr., 1996.

А. О. Пахомова

Формирование корейского сообщества в Санкт-Петербурге

Данная статья представляет собой исследование корейского сообщества, его появления в России, а также подробно освещает вопрос сохранения национальной самобытности корейцев в Санкт-Петербурге. Исследование ведётся на основе литературы и печатных источников о корейском народе, как на русском, так на английском и корейском языках.

This article presents a study of the Korean community, its appearance in Russia, and also covers in detail the question of preserving the national identity of Koreans in St. Petersburg. The research is conducted on the basis of literature about Korean community in Russian, English and Korean languages.

В первую очередь я выражаю благодарность Корейскому Центру Санкт-Петербурга, оказавшему неоценимую помощь в подготовке этой работы. Личное знакомство с институтами сохранения корейской самобытности сыграло значительную роль в написании этой статьи. Целью данной работы является знакомство с корейской общностью в Санкт-Петербурге и попытка передать свою заинтересованность этой темой широкому кругу читателей. В рамках этой статьи автором по отношению к корейцам на территории РФ используются как термин «сообщество», так и термин «диаспора». Под вторым подразумевается диаспора в процессе формирования, т. е. сообщество, состоящее как из мигрантов первого поколения, так и из русских корейцев, сохраняющих свою национальную идентичность.

Чтобы говорить о диаспоре, в том числе корейской, в первую очередь необходимо разобраться с самим понятием этого слова, поскольку по данным опроса Фонда общественного мнения (http://bd.fom.ru/report/cat/_west_rel/dd003030) 49% процентов россиян впервые услышали этот термин во время проведения социологического опроса. Из тех же, кто решился определить это слово, многие демонстрировали полное непонимание термина «диаспора». В качестве определений звучало «группа по интересам», «семейная община» и даже «преступный клан». Так что же на самом деле представляет собой диаспора?

Первоначально диаспорой (от греч. «расселение») называлась общность граждан греческих полисов, мигрировавших на вновь завоёванные территории с целью колонизации и ассимиляции последних. Однако в современном понимании термин впервые употребляется по отношению к совокупности евреев, расселившихся со времени Вавилонского пленения в 596 г. до. н. э. за пределами Палестины. Постепенно термин стал применяться к другим эт-

ническим и религиозным группам. Причины появления диаспор различны. И в основном, конечно, люди мигрировали из родной страны от безвыходности. В качестве наиболее распространённых причин появления диаспор можно назвать войны и межнациональные конфликты, угрозу геноцида и насильственное переселение, а также действие различных социальных, экономических и других факторов.

Единого определения этого понятия не существует, и практически каждый исследователь выводит собственное, однако есть то, в чём все эти определения сходятся. Нельзя сказать, что диаспора — «люди одной национальности, живущие вне страны своего происхождения, вне своей родины», так определяет это слово в том числе и Толковый словарь русского языка Ожегова (Ожегов, Шведова 1992: 224). Также важным критерием диаспоры являются социальные институты, работающие в сфере сохранения национальной самобытности. Обычно диаспору принято считать частью этноса (этнической общности, народа или нации), однако вследствие длительного пребывания вне своей родины, общности всё сложнее сохранять свои обычаи и традиции. Нельзя отнести к диаспоре любую группу лиц определенной национальности, если у них нет внутреннего желания сохранить свою самобытность, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности.

Особую роль в становлении и сохранении диаспоры сыграл религиозный фактор. История показывает, что именно религия чаще всего становится цементирующим фактором консолидации группы эмигрантов, например еврейской или армянской. Сторонники социологического подхода к определению диаспоры (Тощенко, Чаптыкова 2004: 23) выделяют ряд важных её функций. Одной из них является активное участие в поддержании, развитии и укреплении духовной культуры своего народа, в культивировании национальных традиций и обычаев, в поддержании культурных связей со своей исторической родиной. В этой связи особую значимость приобретает такой фактор, как сохранение родного языка, поскольку именно он является ретранслятором национальной культуры, и утрата его сказывается на духовной сфере этнического сообщества, т. е. на его обычаях, традициях, самосознании. Но главной функцией диаспоры является сохранение этнического самосознания или чувства принадлежности к определенному этносу, внешне проявляющегося в форме самоназвания или этнонима.

Внутреннее его содержание составляют противопоставление «мы — они», представление об общности происхождения и исторических судеб, связь с «родной землей» и «родным языком». Большую значимость для диаспоры имеет ее социальная функция — деятельность «по социальной защите членов диаспоры, охраны их прав, получению гарантий и обеспечению людей согласно провозглашенной ООН Декларации прав человека». Таким образом, диаспора играет значимую роль в жизни отдельно взятого индивида и нации в целом, помогая сохранять единство народа, традиции и язык.

Российская Федерация по своей сути является не только многонациональным и многоконфессиональным государством, но также обладает богатой историей, изобилующей как позитивными, так и негативными событиями. Изменялись границы государства, велись войны, были и насильственные переселения. Вследствие всех перечисленных и многих других факторов на сегодняшний день в России проживает огромное количество людей разных национальностей (более 180), многие из которых объединяются в диаспоры по национальному признаку. Однако явление это для нашего государства совершенно не новое — первая иностранная слобода (Немецкая) появилась в России ещё в XVI в., при Василии III. Каждая диаспора сыграла, а некоторые и до сих пор продолжают играть, значительную роль в развитии нашего государства. Некоторые диаспоры ведут очень замкнутый и изолированный образ жизни, например индийская, а некоторые практически сливаются с местным населением и в конечном счёте ассимилируются, например белорусская.

Представляется, что для диаспоры, особенно относительно молодой, достаточно сложно сохранить собственную самобытность, не прибегая к изоляции. Как и новые государства, которым всегда проще спланировать на основе противопоставления «свой — чужой», диаспоре гораздо проще спастись от ассимиляции путём отгораживания себя от титульной нации. Наверное, для нас самым ярким примером изолированной диаспоры являются, к сожалению, русские эмигранты и их потомки за границей. Образцом подобной изоляции можно назвать Русскую Эскадру в Тунисе. Эта диаспора сформировалась во время Гражданской войны, когда часть войск, не принявших большевизм, попросила у Франции убежища в Тунисе (Ширинская 1999).

Практически сто лет прошло с тех пор, когда русские эмигранты вступили на берег Африки, они и их потомки до сих пор там. И до сих пор эта небольшая диаспора собирается вместе для чтения стихов и пения романсов, для сохранения своих традиций. Вот только за целый век практически никто из них не выучил языка страны, в которую их направила судьба, «русская эскадра» изолирована от населения Туниса практически так же, как и по приезде в страну. И это не единственный пример изолированной диаспоры.

Однако есть и другие варианты поведения диаспор. Можно не вести политику изоляции от внешнего мира и сохранять при этом свои традиции. Примером подобного успешного функционирования национальной общины за рубежом может служить корейская диаспора в России. Данная статья, как уже упоминалось, представляет собой исследование корейской общины в Санкт-Петербурге, её исторического и современного этапа, а также обоснование её уникальности как этнического меньшинства и роль в жизни корейцев в частности и города в целом.

Начать, конечно, необходимо с истории появления корейцев в России. Первые корейцы появляются в России в 1861 г. после утверждения Александром II законопроекта, разрешавшего поселяться иностранцам в Приморском крае. В 1864 г. на Дальнем Востоке России первая группа из 65 корейцев

из северных районов основала деревню Тизинхэ. Переселение их на Дальний Восток, в Приморский и Уссурийский край было обусловлено в первую очередь экономическими причинами. Не хватало посевных плодородных земель и нередко корейские семьи голодали, потому и происходила миграция в соседнюю Россию. Власти Российской империи благосклонно относились к новым жителям своей страны, потому что в Приморском крае как раз не хватало людей для обработки земли. Корейцы были известны как хорошие, умелые земледельцы и оптимистичные люди.

Как отмечает Н. Ф. Бугай: «...русские и корейцы всегда жили в согласии друг с другом» (Бугай 2002: 221–222). Переселяясь, они сохраняли свой язык и культуру, в то же время охотно осваивая русские традиции и обычаи. Милосердные и законопослушные, они всегда старались помогать русским людям, в том числе и в тяжелые годы Гражданской и Отечественной Войны, чем заслужили доверие русского народа и правительства. В начале XX в. в Уссурийском крае работали корейская школа, а в начале 30-х годов корейский педагогический институт во Владивостоке, также выпускались печатные издания на национальном языке. Однако в сентябре 1937 г. на основании совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) № 1428—326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» (Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) № 1428—326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», РЦХИИДИ, 17–162–21, л.157–158), подписанного Сталиным и Молотовым, 172 тысячи этнических корейцев были выселены из приграничных районов Дальнего Востока. Переселенцам разрешалось брать с собой всё движимое имущество, скот, а также им обещали возместить ущерб от оставленного имущества, домов, посевов и так далее.

Однако, будучи прописанным на бумаге, на деле всё это не выполнялось. И тут необходимо сказать о причинах насильственного переселения корейцев. Депортация была вызвана накалом отношений между СССР и Японией, частью которой тогда являлась Корея, по поводу дружественного ему Китая, подвергшегося агрессии Японии, а также опасений в отношении «благонадёжности» корейцев в случае возможной японской интервенции. Эта депортация стала первым печальным опытом в истории России (СССР) подобного рода репрессии против целого народа, сродни тому, что проделали североамериканцы с коренным населением своей страны. Корейцев переселяли в Среднюю Азию, большинство оказалось в Узбекистане и Казахстане. В результате подобной политики корейцы потеряли право иметь свою культуру, говорить на собственном языке и даже давать детям национальные имена. Ещё одним историческим местом поселения корейцев является остров Сахалин. В период с 1905 (Портсмутский мир) по 1945 г. (Акт о капитуляции Японии) остров был владением Японской Империи и использовался для ссылки корейцев с целью работы в шахтах. Однако в результате советско-японской войны Сахалин вошел в состав СССР вместе со всеми проживающими на нём корейцами.

В середине 1950-х годов некоторые корейцы вернулись обратно в Приморский край, однако для большинства, особенно для молодых людей, родившихся в союзных республиках, переезд в суровый Приморский край не казался столь желанной инициативой. В итоге на места своих старых поселений после смерти И. В. Сталина вернулось лишь около 10 тысяч корейцев. В 1960–1980-е гг. естественная миграция корейцев шла не на Дальний Восток, а на юг России, в Ставропольский и Краснодарский край. Одним из первых действий, произведённых в появившемся на месте СССР государстве под названием Российская Федерация, ещё даже до принятия Конституции, был указ №4721–1 от 1 апреля 1993 г. «О реабилитации Российских корейцев». Наша страна приняла ускоренный курс на реабилитацию жертв репрессий и всемерное содействие развитию национальных культур. Результатом всех этих событий и различных факторов явилось складывание в России корейской диаспоры.

В отличие от многих других, например еврейской или армянской, корейскую диаспору мы можем назвать молодой. Некоторые учёные, к примеру, Шеффер (Шеффер 2003: 162–184), вообще называют корейскую диаспору, как и другие этнические меньшинства в бывших советских республиках, «загорающейся». Учёный считает, что данные диаспоры находятся пока в стадии своего становления. Однако даже на этапе становления корейская диаспора в России является чрезвычайно интересным объектом для изучения. Сама по себе данная диаспора не является однородной. С одной стороны, это бывшие южнокорейские подданные, переселённые на остров Сахалин. С другой стороны, это бывшие переселенцы из Северной Кореи, подвергнутые сталинским репрессиям и рассеянные по территории всего бывшего Советского Союза. Последние известны также под названием корё-сарам, в буквальном переводе «человек династии Корё».

Всего на территории бывшего СССР проживает около 500 тысяч корейцев, в том числе 150 тысяч на территории современной России. Кроме того, в корейскую диаспору также входят и все корейцы, временно проживающие в России. На сегодняшний момент существуют и успешно функционируют институты по сохранению корейской самобытности. Несмотря на пример успешных изолированных диаспор — экономически изолировавшейся китайской к примеру — работающих в семейном бизнесе, территориально изолированных еврейских общин, корейская диаспора основана на либеральных началах. Они не создают из своей культуры секту, но в то же время стараются привить к ней любовь и уважение. И уникальность корейской диаспоры состоит в том, что можно отметить успешное достижение этой цели. Кроме того, методы работы национальных корейских институтов привлекают не только этнических корейцев, но и людей, интересующихся культурой, языком и обычаями этой страны. В первую очередь либеральность и открытость корейских обществ каждый может почувствовать сам. Стоит лишь прийти, чтобы окунуться в незабываемую атмосферу тепла и радушия, куда

хочется обязательно вернуться. Организаторы корейских центров с радостью рассказывали об истории создания этих обществ, а ученики делились историями своих семей и их жизни в России.

Сегодня в Санкт-Петербурге есть достаточно много мест, где можно узнать о Корее и её культуре. Во-первых, конечно, это Генеральное консульство Республики Кореи в Санкт-Петербурге, расположенное по адресу ул. Некрасова 32, лит. А. С Кореей нас связывают долгие, начиная с 1896 г., порой непростые, но прочные дипломатические отношения, и с 2006 г. Консульство непрерывно работает (Консульство Республики Корея в Санкт-Петербурге <http://www.dipinfo.ru/gk/korea>), проводит Дни Открытых Дверей и всячески способствует сохранению корейской культуры. Практически в то же время, в 1897 г., в Санкт-Петербургском Государственном Университете (тогда Императорском) появляется кафедра корееведения. Первым её преподавателем стал Ким Бёнок, приехавший в Россию вместе с дипломатической миссией. Сейчас ежегодно кафедра выпускает около 20 профессиональных корееведов. Кроме того, при Восточном Факультете в 1995 г. открылся Центр Корейского Языка и культуры, ставший первым корейским культурно-просветительским центром в Санкт-Петербурге (Центр корейского языка и культуры при Санкт-Петербургском Государственном Университете <http://www.rauk.ru/modules.php?name=Departments&d=5>).

В том же 1995 г. в Санкт-Петербург с миссией приезжает пастор методистской церкви «Стремление» Пак Хё Вон и основывает здесь первую группу изучения корейского языка. Вначале здесь обучалось лишь 9 учеников, однако это был первый опыт работы некоммерческой организации для сохранения корейской культуры в Санкт-Петербурге. Сегодня Корейский молодёжный культурно-просветительский центр, получивший название «Нан» представляет собой один из основных центров корейской культуры в городе. Более ста студентов ежегодно начинают курс корейского языка, а многие из них сдают экзамен на сертификацию. Ученики этой школы составляют примерно 60% от всех ежегодно сдающих экзамен на знание корейского языка. Однако школа теперь обучает не только языку, но и открывает своим воспитанникам все грани корейской культуры.

Под руководством Ли Натальи Евгиковны с 2001 г. производится обучение традиционной музыке и игре на барабанах. В 2003 г. с концертом ученики посещали Корею. В том же году открылась студия корейского танца, а позже стало преподаваться и декоративно-прикладное искусство. Самым недавним расширением школы стало открытие курсов каллиграфии. Офис школы находится по адресу ул. Хасанская, 14/2, школа №151. Кроме того, центр по адресу ул. Казанская, дом 7 также открыт для всех желающих. Очень важно и то, что для знакомства с корейской культурой достаточно лишь иметь желание, потому как занятия проводятся абсолютно бесплатно. Благодаря христианскому миссионерству не только корейцы, проживающие в Санкт-Петербурге, получили возможность узнать больше о своей культуре

и стать ближе к своим корням, но и город и его жители получили возможность больше узнать о Корее.

Первым же корейским центром, с которым мне выдалось познакомиться, стал центр «Корё-сарам», расположенный по адресу Литейный пр., д. 63. Расположенный в самом центре города, он еженедельно собирает в своих стенах людей, интересующихся корейской культурой. Здесь можно встретить не только русских и русских корейцев, но и просто ребят, приехавших из Кореи в Россию погостить. У каждого из них своя судьба и своя неповторимая жизненная история. Например, одна из преподавателей школы, Ким Сыльги, приехала в Россию несколько лет назад по велению сердца. На долю ещё совсем молодой девушки в Корее выдалось много испытаний, и судьба послала её из Сеула в Санкт-Петербург. Вот уже 2 года она преподаёт корейский язык, а этой осенью поступила на факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, где мне и посчастливилось с ней познакомиться. При всей своей искренней любви и преданности Родине Сыльги говорит, что она нашла своё предназначение — помогать людям в изучении корейского языка и культуры здесь, в Санкт-Петербурге. Она счастлива быть здесь, как счастливы все те, кого она учила и чьим учителем является сейчас.

Корейский центр не только помогает всем желающим овладеть языком, но также и погружает в истинно корейскую атмосферу уважения, тепла и доброты. Вместе ученики школы отмечают важные корейские праздники, поют национальные песни в традиционных костюмах, называемых жителями Южной Кореи «ханбок» (северокорейцы употребляют название «чосон») (Ланьков 2000). В культурном центре также собрана большая библиотека книг о Корее на русском и корейском языках, так что любой студент при желании узнать что-либо или попрактиковаться в чтении может воспользоваться этим источником.

Кроме того, данный архив представляет собой бесценное собрание источников, которое будет интересно не только любителям, но и профессиональным корееведам. В перерывах между обучением студенты могут насладиться традиционной корейской едой, приготовленной заботливыми руками организаторов, а также поучаствовать в пении корейских песен. После такого никто не может остаться равнодушным. В культурно-образовательный центр все приходят по разным причинам: кто-то хочет стать ближе к своим корням, кто-то интересуется корейской культурой (кинематографом, музыкой и т. д.), некоторым необходимо знание корейского языка (по работе или для личного общения), есть и много других причин. Но всех людей, посещающих эту организацию, объединяет интерес к Корее, уважение к этой стране, а также желание узнать больше о её культуре и истории.

Корейцы в Санкт-Петербурге вот уже много лет успешно справляются с чрезвычайно сложной задачей по сохранению собственной самобытности. Корейская диаспора не только не является изолированной от общества, но и с

радостью привносит в него свой колорит. Как сказал бывший Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Корея Ли Дже Чун в интервью газете «Корейская диаспора», «российские корейцы за полтора века прекрасно интегрировались в русскую культуру. Сегодня они в процессе национально-культурного возрождения и при поддержке своего государства уверенно овладевают и корейской культурой, и языком, на котором говорили их предки. И как носители двух культур россияне корейского происхождения уже вносят и еще внесут свой достойный вклад в укрепление дружбы между нашими народами.

Думается, что корейская диаспора в России станет в будущем важным мостиком в освоении того богатейшего потенциала, который имеется во взаимоотношениях России с Республикой Корея» (Интервью газете Корейская диаспора бывшего Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Корея Ли Дже Чуна <http://www.arirang.ru/archive/kd/12/15.htm>). Наличие кафедры изучения языка, культурно-образовательных центров и успешная их работа создают прочный базис для развития отношений между нашими странами. Базис этот состоит из людей, интересующихся Кореей, изучающих её язык, проникнутых её культурой. И с каждым годом таких людей становится всё больше, благодаря в том числе и подобным учреждениям. Корейская диаспора в Санкт-Петербурге сохраняет свою культуру и самобытность, не боясь быть открытой миру. Как в той пословице: «Чем больше ты отдаёшь, тем больше у тебя остаётся». Так и корейская диаспора развивается и растёт, открывая двери своих культурных центров для всех желающих.

Литература

- Бугай Н. Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М.: Готика, 2002.
Интервью газете Корейская диаспора бывшего Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Корея Ли Дже Чуна. URL: <http://www.arirang.ru/archive/kd/12/15.htm> (дата обращения: 20.02.2010)
- Ланьков А. Н. Корея. Будни и праздники. М.: Международные отношения, 2000.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
- Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) № 1428–326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» //РЦХИНДИ, 17–162–21. С. 157–158.
- Режим работы корейского консульства. URL: <http://www.dipinfo.ru/gk/korea> (дата обращения: 12.02.2010)
- Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. «Диаспора как объект социологического исследования» // Социологические исследования. 2004. № 3.
- Фонд общественного мнения. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/_west_rel/dd003030 (дата обращения: 14.02.2010)
- Центр корейского языка и культуры при Санкт-Петербургском Государственном Университете. URL: <http://www.rauk.ru/modules.php?name=Departments&d=5> (дата обращения: 14.02.2010)
- Шеффер Г. «Диаспоры в мировой политике», Диаспоры. М., 2003. №1. С. 162–184.
- Ширинская А. А., Бизерта. Последняя стоянка М.: Воениздат, 1999.

Гастроли российских корейцев в Корее и их влияние на корейскую танцевальную культуру в начале XX века²²

Это исследование посвящено изучению влияния и значения деятельности исполнительского искусства российских корейцев на изменение корейской культуры в начале 1920-х годов. Группы российских корейцев приехали в Корею на гастроли в 1921–1922 гг. Они танцевали русские и европейские народные танцы (гопак, испанский танец и т.д.), пели русские песни и играли на русских и европейских музыкальных инструментах (мандолина, скрипка и т.д.). В то время их выступления стали хитами в Корее. Русские танцы и песни появились в Корее в 1920-е годы. Это послужило открытию 23 июля 1922 г. Академии Искусств в Сеуле выпускником факультета искусств Санкт-Петербургского университета Ким Дон Хан. Академия имеет статус первой профессиональной академии искусств в Корее. В этой академии корейцы могли изучать русский балет, песни, балльные танцы и т. д. Академия искусств внесла огромный вклад в распространение русской культурной деятельности в Корее.

This study investigates influences and meanings of Russian-Koreans performing arts activities on the changing of Korean culture in the beginning of 1920s. Russian-Koreans' Performing art group came to Korea for a concert tour in 1921–1922. They danced Russian and European folk dance (Hopak dance, Spanish dance etc.), sang Russian songs and played the Russian and European instruments (mandolin, violin etc.). Their performances were a big hit in Korea at that time. Russian dances and songs came in Korea in 1920s. With this, The Arts Academy opened in Seoul on 23th of July 1922 by Kim Dong Han, who graduated St. Petersburg state university, department of arts. This Academy regarded as the 1st professional arts academy in Korea. In this academy, Koreans could learn Russian ballet, songs and ballroom dance etc. The Arts Academy was its greatest contribution to spreading Russian cultural activities in Korea.

²² Статья основана на докладе автора «Значение деятельности дальневосточных корейских ансамблей в Корее колониального периода с точки зрения истории современного танца», представленном на ежегодном собрании Корейского общества русского языка и литературы 8 ноября 2014 года, и публикуется с дополнениями и исправлениями.

Введение

29 апреля 1921 г. в 8 часов вечера концертный зал Дома молодёжи в Чжон-ро (г. Кёнсон — нынешний Сеул) был заполнен зрителями, которые пришли посмотреть выступление прибывшего из Владивостока²³ корейского молодёжного ансамбля музыки и танца. Ансамбль состоял из студентов-корейцев, которые родились и выросли в России. Внешним предлогом приезда ансамбля в Корею был сбор средств в помощь этническим корейцам, пострадавшим из-за продолжительной засухи и разразившейся после революции войны, а также средств на строительство храма. В течение 46 дней ансамбль дал в общей сложности 23 концерта в 15 городах. Представления включали исполнение классической музыки, западные народные танцы (русские, испанские, венгерские), вокальные номера, игру на русских народных инструментах и т. п. Всё это было новым для корейской публики, и гастроль ансамбля стали отправной точкой в широком распространении западного танцевального искусства²⁴ по всей стране. В тот же период Чжо Тхэк-Вон(조택원), который вместе с Чхве Сын-Хи(최승희) и Пэ Ку-Чжа(배구자) вошёл в историю современного танца в составе «троицы нового танца», увлёкся русским народным танцем гокак и научился ему у Пак Семёна, члена корейского молодёжного ансамбля музыки и танца, с чего началась его танцевальная деятельность.

В начале XX в. русская культура и искусство оказали масштабное влияние на корейское общество. В частности, в период японской оккупации 1920-е годы ведущее место на сцене занимают гокак и другие русские танцы, популярности которых в корейском обществе положили начало российские корейцы, которые с середины XIX в. начали переселяться в Приморье. Их деятельность имела огромный резонанс в корейском обществе: они привезли с собой русскую танцевальную культуру, распространяя её через концертную и преподавательскую деятельность, познакомили корейскую публику с народными танцами Запада, что способствовало формированию нового представления о танце как таковом. Гастрольные представления ансамбля возбудило в Корее интерес к русским танцам, а преподавание танцев способствовало расширению базы русской танцевальной традиции. Известный танцевальный критик Пак Ён-Гу (Пак Ён-Гу 2000:15–16) особенно подчёркивал историческую важность гастрелей корейского ансамбля из Владивос-

²³ В то время название Владивостока по-корейски звучало как «Хэсамуи (해삼위)» (по-китайски «Хайшэньвэй»), что означает «Бухта Трепанга», т. е. указывало на то, что в этом регионе была развита ловля морских огурцов. В 1860 году по Пекинскому договору эти земли отошли Российской империи, в результате чего у России появилась граница с Кореей по реке Туман, и началось естественное переселение корейцев в Приморье.

²⁴ В настоящей работе под западным танцевальным искусством будет пониматься не только балет, но все виды западного светского танца, пришедшие из России, Европы, Америки (напрямую или через Японию), как часть нового искусства, в том числе русский гокак и другие танцы, не относящиеся к сфере чистого искусства (Ю Ми-Хи, 2000:33).

тока, отмечая, что они сыграли роль катализатора развития современного танца в Корее, положив начало усвоению иностранных ритмов и танцев. Таким образом, это открыло путь для проникновения элементов иностранной культуры в корейское общество, несмотря на то что послереволюционная Россия начала 1920-х годов была охвачена гражданской войной, а для Кореи это был период японской оккупации.

Философ танца Е. К. Луговая говорит о том что, как феномен культуры, танец отражает в своей практике все крупные изменения в обществе. Самое уникальное выражение в танце всегда соотносится с историческими ценностями и традициями, даже если это не осознается самим художником. Новые формы жизни естественно из самих себя рождают новый танцевальный жест, новую музыку. Эти новые формы жизни открывают новые миры внутренних ощущений. В музыке они выражаются неожиданной игрой ритмических и гармонических сочетаний; в хореографии — изменением формы жеста и движений (Луговая 2008:106).

Таким образом, несмотря на сложную политическую обстановку в корейском обществе первой половины прошлого столетия, танцевальная культура, привнесённая этническими корейцами из России, укоренилась и дала свои плоды на новой почве, оказав значительное влияние на формирование современного корейского танца. В настоящей статье рассматривается роль гастрольных представлений российских корейцев в Корее и деятельности учебного заведения «Академия искусств» (кор. «Есул хаквон») в процессе модернизации корейской танцевальной традиции.

В ходе исследования был проведён анализ исторических материалов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)²⁵, Государственного института отечественной истории Кореи, а также статьи из газет «Дона Ильбо», «Мэиль Синбо», «Чосон Ильбо» выпусков 1921–1925 гг. и выпускавшейся на Дальнем Востоке корейской газеты «Сонбон(Авангард)» выпусков 1923–1925 гг.

Гастроли дальневосточных корейских ансамблей художественной самодеятельности в Корее²⁶

Описание ансамблей и цель гастролей в Корею

Корейские коллективы художественной самодеятельности из Приморского края трижды посетили Корею с гастролями в период 1921–1922 гг.

²⁵ Исследование источников из российских архивов проводилось в марте 2014 г.

²⁶ В данном исследовании наименование «ансамбли художественной самодеятельности» относится к трём корейским коллективам из Приморского края, посетившим Корею с гастролями в период 1921–1922 гг.: Корейский молодёжный ансамбль музыки и танца, Художественный ансамбль молодёжной ассоциации чхондогё, Христианский молодёжный оркестр.

1) 1921 г. — гастроль Корейского молодёжного ансамбля музыки и танца (22 апреля, Владивосток — 6 июня, Кёнсон (нынешний Сеул)) в течение 46 дней.

Ансамбль в составе десяти студентов-корейцев, учащихся Восточного института г. Владивостока, посетил Корею с целью сбора средств на строительство Дворца молодёжи по линии Ассоциации молодых христиан Владивостока («Дона Ильбо» 10.04.1921). Прибыв 25 апреля 1921 г. в Вонсан, они последовательно посетили 15 городов, включая Кёнсон, Пхеньян, Чжиннам-пхо, Кэсон, Инчхон, Тэгю, Пусан, Масан и др., и дали в общей сложности 23 концерта.

2) 1922 г. — гастроль Художественного ансамбля молодёжной ассоциации чхондогё (14 апреля, Вонсан — 10 августа, Чхончжин) в течение 119 дней.

Театральная труппа в составе 20 артистов прибыла в Корею и дала 35 представлений в 27 городах, включая Вонсан, Кёнсон, Кэсон, Пхеньян, Чжончжу, Сончхон и т. п. («Дона Ильбо» 26.04.1922). Деньги, вырученные с концертов, предназначались для реконструкции храма для прихода чхондогё во Владивостоке («Дона Ильбо» 28.02.1922).

3) 1922 г. — гастроль Христианского молодёжного оркестра (1 июля, Владивосток — 9 августа, Кёнсон) в течение 38 дней.

Практически одновременно с гастролями Художественного ансамбля молодёжной ассоциации чхондогё в Корею прибыл Христианский молодёжный оркестр Владивостока. Поездка была организована Корейской ассоциацией молодёжи Владивостока в целях сбора средств в помощь российским корейцам Приморья, страдавшим от последствий засухи и набегов грабителей. Они дали 11 концертов в 8 городах Кореи, преимущественно в северной части полуострова. Однако гастроли не увенчались успехом, поскольку были довольно непродолжительными, а непосредственно перед ними прошли гастроли Художественного ансамбля молодёжной ассоциации чхондогё, и прибыли от представлений едва хватило на обратный путь («Дона Ильбо» 08.08.1922).

Как было упомянуто выше, целью гастролей дальневосточных корейских ансамблей художественной самодеятельности был сбор средств для финансирования строительства Дворца молодёжи, денег на образование и помощь корейцам Приморья, пострадавшим от гражданской войны, продолжительной засухи и денежной реформы («Дона Ильбо» 28.04.1921). Однако в тот период были часты случаи, когда подобные концерты проводились для сбора денежных пожертвований для поддержки тайного освободительного движения (Юн Кым-Сон 2011:162; Юн Чхи-Ён 1991:84). Концерты позволяли собирать в одном месте большое количество людей и организовывать сбор пожертвований, не привлекая внимания японских властей. Кроме того, первая половина 1920-х годов была периодом усиления «культурного господства» Японии, поэтому были разрешены посещения зарубежными корейцами исторической родины в целях пропаганды в колонии (Чжон Бёнчжун 2005:315). Высока вероятность поэтому, что за внешней целью гастролей дальневосточных корейских ансам-

блей художественной самодеятельности могли скрываться и мотивы, связанные с поддержкой освободительного движения.

Состав и основные деятели

1) 1921 г. Корейский молодёжный ансамбль

Корейский молодёжный ансамбль состоял из этнических корейцев 1.5, 2-го поколений, и руководил им Ли Ган(이강), кореец в первом поколении. Они использовали корейские имена попеременно с русскими. В газетах, относящихся к тому периоду, встречались их русские имена, записанные по-корейски, которые могли отличаться от их настоящего звучания, в связи с чем точно определить каждого участника представляется затруднительным. Полный список удалось найти в документах министерства иностранных дел Японии, связанных с антияпонским освободительным движением. Ниже представлены основные участники ансамбля.

Руководитель Ли Ган (1878~1964) был известным среди зарубежных корейцев деятелем движения за независимость в 20-х годах XX в. и руководил воскресной школой и Эпуортской лигой (Ли Док-Чжу 1985:10–22). Он оказывал тайное содействие борцам за независимость, вёл активную деятельность по сбору средств для поддержки освободительного движения, помогал Ан Чжун-Гыну и т. п. (Ли Мён-Хва 2009: 291–292).

Пак Семён Павлович(корейское имя Пак Пон-Рён, 1901~?) (РГИА ДВ Ф.Р-289, Оп.1, Д. 57, Л.143) преподавал Чжо Тхэк-Вону гопак и обучил основам танца (Чжо Тхэк-Вон 1993:46). В корейских газетах того периода встречается различное написание его имени: Пак Симон (박시몬), Пак Семен (박세면.朴世免), Пак Семён(박세몬). Предположительно, человек, указанный в списке из материалов министерства иностранных дел Японии как Пак Пон-Рён (박봉룡 (朴鳳龍)), или Пак Семён Павлович, и есть Пак Сёмен, известный нам из корейских источников. Для того чтобы установить, являются ли Пак Пон-Рён и Пак Семён разными людьми, или русское имя «Семён» было записано иероглифами с близким по звучанию чтением, необходимо провести дополнительное исследование. Подтверждено, что он поступил вольнослушателем на восточный факультет Государственного дальневосточного университета (ГДУ, нынешний ДВФУ) 15 апреля 1921 г. (РГИА ДВ Ф.Р-289, Оп.1, Д. 61, Л.41). Странным является то, что на тот момент уже была запланирована поездка ансамбля в Корею на гастроли начиная с 22 апреля. Вероятно, для оформления въезда в страну требовалась чёткая принадлежность к какому-либо учреждению, поэтому он непосредственно перед поездкой записался вольнослушателем.

Рязановская Елизавета Ивановна (Чхэ (Цай) Елизавета (Чхэ (Цай) Со-Чжа), 1899~?) (РГИА ДВ Ф.Р-289, Оп.1, Д. 57, Л.118) была студенткой японской кафедры восточного факультета ГДУ принимала участие в гастролях вместе со своим старшим братом Рязановским Феофаном Ивановичем (Чхэ (Цай) Феофан (Чхэ (Цай) Сон-Сук), 1897~?), учащимся той же кафедры (РГИА ДВ Ф.Р-289, Оп.1, Д. 57, Л.120). За выдающийся талант в танцах и

нении корейская пресса назвала её примадонной концертной труппы, и она мгновенно стала звездой («Дона Ильбо» 29.4.1921). Вместе с этим история о тяжёлом детстве брата и сестры Рязановских также попала в газеты, что повысило общий интерес к корейскому ансамблю из Приморского края.

Пак София Сергеевна (Пак Ки-Сун) была этнической корейкой во втором поколении. Её отец был родом из провинции Хамгён, а мать была уроженкой Северной Манчжурии. В ходе посещения Кореи она увлеклась корейской вышивкой и выразила желание в будущем поступить в женский институт Тхэхва, чтобы изучать корейский язык и вышивку («Мэиль синбо» 05.05.1921). Поехала ли она впоследствии учиться в Корею, предстоит выяснить в дальнейшем исследовании.

Ли Мария Викторовна во время гастролей заболела оспой и 4 июня скончалась в больнице Куам в городе Кунсан («Дона Ильбо» 02.06.1921). Похороны состоялись 5 апреля, и тело было захоронено в Кунсане («Дона Ильбо» 10.06.1921).

Таблица 1. 1921 г. Корейский молодёжный ансамбль

	Должность	Ф.И.О. (корейское имя)	Пол	Возраст	Род деятельности
1	руководитель	Ли Ган (이강)	М	41	управляющий Ассоциации христианской молодёжи Владивостока
2	управляющий	Нам Сергей Павлович (Нам Гап-Ён, 남갑용)	М	23	студент Технологического института
3	артист	Рязановский Феофан Иванович (Чхе (Цай) Сон-Сук, Чхе (Цай) Феофан, 채성숙, 채페오환)	М	24	студент ГДУ
4		Рязановская Елизавета Ивановна (Чхе (Цай) Со-Чжа, Чхе (Цай) Елизавета, 채소자, 채엘리사베타)	Ж	21	студентка ГДУ
5		Пак Семен Павлович (Пак Пон-рён, 박봉룡)	М	23	вольнослушатель ГДУ
6		Ким Николай (Ким Кхориа (Коля), 김코리아)	М	18	учащийся средней школы
7		Хван Михайл	М	-	учащийся средней школы
8		Ким Павел Юнистанович (Ким Бора, 김보라)	М	18	учащийся средней школы
9		Пак София Сергеевна (Пак Ки-Сун, 박기순)	Ж	19	учащаяся средней школы
10		Ли Мария Викторовна (리마리아)	Ж	14	женская школа №10
11		Ли Лидия Александровна (리리디아)	Ж	15	женская школа №20

2) 1922 г. Художественный ансамбль молодёжной ассоциации чхондогё.

Ансамбль состоял из молодых последователей религиозного движения чхондогё, и руководил им этнический кореец во втором поколении Хан Ён-Хон (한용현, русское имя Хан Андрей Константинович, 1888~?), который был приверженцем социализма и участником борьбы за независимость. Советник руководителя Ким Чхи-Бо (1859~?) также был участником освободительного движения и переехал во Владивосток в 1908 г., где руководил начальной школой Пэксан в Корейской слободе. Хранившие в глубине души революционный настрой Ким Кван-Хи (김광희), Ким Чхи-Бо (김치보), Кан До-Хи (강도희) и Ким Хон-Чжон (김홍중) во время гастролей ансамбля в Корею 14 июля 1922 года встретились с Ли Чжон-Хуном (이중훈), Хон Бён-Ги (홍병기), Чхве Дон-Хи (최동희), сыном втого главы движения Тонхак Чхве Си-Хёна (최시형)) и другими активистами движения для создания Корейского революционного комитета. Ким Кван-Хи был назначен руководителем зарубежной пропаганды, а Ким Чхи-Бо, Кан До-Хи, Ким Хон-Чжон вошли в состав комитета (Чжо Кю-Тэ 2008: 180). Таким образом, в случае с гастрольями Художественного ансамбля молодёжной ассоциации чхондогё более отчетливо просматривается вторая, политическая цель поездки в Корею.

Таблица 2. 1922 г. Художественный ансамбль молодёжной ассоциации чхондогё (Пак Дал-Сон 1922:77; «Дона Ильбо» 25.04.1922)

	Должность	Ф.И.О.	Пол	Род деятельности
1	руководитель	Хан Ён-Хон (한용현)	м	преподаватель Казанского педагогического училища
2	советник	Ким Чхи-Бо (김치보)	м	главаВладивостокского прихода чхондогё
3	ведущий артист	Ким Дон-Хван (김동환)	м	руководитель государственного струнного оркестра Приморского края
4		Ли Бон-Кык (이봉극)	м	выпускник малого российского танцевального училища
5		Ли Бон-Сам (이봉삼)	м	музыкант-стажёр
6		Ким Ик-Су (김익수)	м	музыкант-стажёр
7	артист	Ким Кван-Хи (김광희)	м	главрач клиники Гуанде (г. Владивосток)
8		Ким Хон-Чжон (김홍중)	м	преподаватель школы Богван, Владивосток
9		Пак Семен (박세면)	м	ГДУ
10		Пак Ён-Хён (박용현)	м	студент Приморского политехнического института
11		Ким Ил-Чже (김일제)	м	студент Приморского политехнического института
12		Чжон Ил (정일)	м	студент Владивостокского педагогического колледжа
13		Пак Се-Ён (박세영)	м	средняя школа Лаут
14		Ки Ду-Ик (기두익)	м	средняя школа Лаут

Окончание Таблицы 2

	Должность	Ф.И.О.	Пол	Род деятельности
15		Хон Чжон-Чжун (홍중준)	м	выпускник бухгалтерского техникума
16		Кан До-Хи (강도희)	м	монах владивостокского филиала чондогё
17		Ким Чжон-Чхол (김중철)	м	Глава делового отделения молодёжной ассоциации владивостокского филиала Чондогё
18		Со Чжин-Сон (서진선)	ж	председатель владивостокской дамской ассоциации благотворительности
19		Ко Сук-Кён (고숙경)	ж	ученица старшей школы во Владивостоке
20		Ко Кун-Сук (고군속)	ж	студентка ремесленного колледжа

3) 1922 г. Христианский молодёжный оркестр.

В составе Христианского молодёжного оркестра Владивостока под руководством этнического корейца в первом поколении Квак Пён-Гю в Корею в 1921 г. приехали 7 человек, в том числе Цай Елизавета и Ким Николай. Несмотря на ведущую роль прославившихся по прошлым концертам Цай Елизаветы и Ким Николая, гастролы не привлекли большого внимания публики и прессы. Однако, учитывая этот факт, руководитель ансамбля Квак Пён-Гю в феврале 1919 г. совместно с Ли Ганом и О Ён-Соном создал во Владивостоке Корейскую ассоциацию христианской молодёжи и с её помощью осуществлял содействие движению за независимость, в деятельности ансамбля также можно усмотреть политическую подоплёку.

Таким образом, художественные ансамбли из Приморского края составляли этнические корейцы 1, 1.5, 2 поколений. Среди них были и профессиональные артисты, однако большинство составляли любители, т. е. они занимались распространённой в российском обществе того времени художественной самодеятельностью²⁷. Руководители таких ансамблей были корейцами 1 или 1.5 поколения и осуществляли религиозно-просветительскую деятельность в Приморском крае. Это были люди, которые отдали много сил в борьбе за независимость Ко-

²⁷ Художественная самодеятельность (Кор. Соин йесульдан, 소인예술단) — одна из форм народного творчества. Включает в себя создание и исполнение художественных произведений силами любителей, выступающих коллективно (кружки, студии, народные театры) или в одиночку (певцы, чтецы, музыканты, танцоры, акробаты и др.). В дореволюционной России любители искусства объединялись в кружки и общества при клубах и собраниях. Имелись и рабочие кружки, народные театры, находившиеся под строгим контролем властей, с подозрением относившихся ко всякой народной инициативе. После Октябрьской революции 1917 г. в художественную самодеятельность были вовлечены широкие массы (устраивались театрализованные представления и др.). В 1920-е гг. репертуар самодеятельных кружков носил агитационный характер (состоял из обзоров, литературных монтажей, концертных номеров, сатирических частушек и др.) (Большая советская энциклопедия 1978).

реи, поэтому нельзя упускать из виду возможную связь деятельности корейских художественных ансамблей из Приморья с освободительным движением.

Концертная программа и особенности репертуара

Репертуар владивостокских художественных ансамблей отражает особенности эстрадного искусства России начала XX в. Ниже рассмотрим репертуар ансамблей.

Таблица 3. Концертные номера и исполнители художественных ансамблей Владивостока 1920-х гг.

Жанр	Представление (вид) — исполнитель
1921 г. Корейский молодёжный ансамбль («Дона Ильбо», 29.4, 1.5. 1921; «Мэиль Синбо» 30.4.1921)	
Музыка	Песня о Родине (квintет), Удача (трио), Балалайка, Белая акация (соло, вокал) — Нам Сергей, скрипка — Ким Николай, фортепиано — Ким Павел, флейта — Пак Семен, Мандолина — Чхе (Цай) Феофан, Скрипка — Хван Михайл, Наша жизнь (соло), Осенние цветы — Чхе (Цай) Елизавета, мужской квартет — Нам Сергей, Ким Николай, Пак Семен, Чхе (Цай) Феофан
Танец	«Яблочко» — Ли Мария, «Во саду ли в огороде» (парный номер) — Ли Мария, Ли Лида, Танец самолетов — Чхе(Цай) Елизавета, Нам Сергей, Венгерский танец — Пак София, Танец гопака — Пак Семен
1922 г. Художественный ансамбль молодёжной ассоциации чхондогё («Дона Ильбо» 25.4.1922)	
Музыка	«Сельская жизнь» (струнная музыка), Мазурка (струнная музыка), «Встающая луна», «Мечта о любви», «Малмори» (соло, вокал), «Стенька Разин» (соло, вокал), О романсы (духовая музыка), «Индюк» (струнный оркестр), «Бедная красавица» (военный духовой оркестр) и десятки других
Танец	матросский танец, малороссийский танец, испанский танец и десятки других
Театр	«Жизнь — это слёзы» (Чжон Гю-Сон)

1) формат представлений: типовые эстрадные представления, где смешаны разнообразные народные танцы и песни, игра на инструментах, одноактные спектакли.

2) народные танцы и песни: в начале XX в. народные танцы и песни, исполняемые на эстраде, пользовались большой любовью публики и занимали одно из важнейших мест на эстраде. Одновременно с тем, как в многонациональной России народные танцы получили сценическое воплощение, различные этнические группы стремились воскресить свои танцевальные традиции и перенести их на сцену. Так возникли фольклорные ансамбли, и с 1930-х гг. проводились различные фестивали народного творчества, и народные танцы и песни прочно заняли место на эстраде как полноценные произведения сценического искусства. Такая форма эстрадных концертов была привнесена

на корейскую почву через гастрольные представления приморских художественных ансамблей в Корею (см. Шерметьевская Н. Е. 1985: 185–214).

3) Для привлечения внимания местной публики в концерты включались номера, которые были новыми и необычными для общества Кореи. Песни и театральные представления, созданные российскими корейцами, вызывали живой интерес и дружественное отношение к новой для корейцев культуре.

4) «Яблочко» и танец самолётов пользовались популярностью в Корею, поскольку отражали облик России периода гражданской войны, а также местный колорит Приморского края.

Матросский танец — это русский народный танец, который берёт своё начало от танца английских и ирландских матросов середины XVIII в. Изначально его танцевали без музыки под ритм, отбиваемый хлопанием в ладоши. Однако в годы гражданской войны танец стали исполнять для поднятия духа и волевого настроя красной армии под похожие по звучанию народные мелодии «Калач» (молдавская народная) «Яблочко» (украинская народная), сочиняя на ходу слова песни. После этого матросский танец стал называться «Яблочко, как одноимённая украинская народная песня. В 1927 г. танец «Яблочко» был адаптирован и использован в первом социалистическом балете «Красный мак»²⁸ и в качестве сценического произведения получил очень высокую оценку. Матросский танец также является одним из самых известных русских народных танцев (Энциклопедия танца).

О танце самолётов в корейской газете писали следующее: «Российские воздушные корабли, танцующие, обняв друг друга за плечи белыми руками» («Дона Ильбо» 01.05.1921). В 1903 г. получил широкую известность написанный композитором М.А. Кюссом по воспоминаниям о Приморском крае вальс «Амурские волны», и в начале XX в. в Приморье стал популярен вальс. В 1920–30-е гг. по всей России распространилась мода на вальс. В связи с этим можно предположить, что танец самолётов был самым известным вальсом Приморья в начале XX в. Для конкретизации необходимо дальнейшее исследование.

Таким образом мы видим, что репертуар гастрольных концертов корейских художественных ансамблей отражал характер эпохи и местный колорит Приморья и воплощал форму эстрадных представлений, характерную для культуры и общества России того периода. При этом этнические корейцы интересовались не только русской культурой. Согласно свидетельствам выходившей в Приморском крае корейской газеты «Сонбон» («Авангард»), в обществе российских корейцев того времени существовали и традиционные корейские танцы и музыка, и в дни народных праздников часто проводились подобные представления, в которых корейцы, тоскующие по покинутой родине, находили утешение. Од-

²⁸ «Красный мак», или «Красный цветок» — балет Рейнгольда Глиэра в трех действиях на либретто Михаила Курилко. Премьера состоялась 14 июня 1927 г. в Большом театре.

нако для концертной программы гастролей были специально отобраны такие номера, которые были бы новыми и необычными для корейской публики, поскольку внешней целью приезда ансамблей был сбор денежных средств.

О концертах Христианского молодёжного оркестра в 1922 г. подробных свидетельств не осталось. Можно предположить, что программа была похожа на описанные выше концерты.

Причины успеха концертов в Корее

В ходе гастролей дальневосточных ансамблей в Корею каждый их шаг освещался в прессе и во всех посещаемых ими городах им оказывали тёплый приём и организовывали сбор пожертвований. Можно выделить пять основных причин такого успеха. Во-первых, в корейском обществе существовал положительный образ России как страны культуры и искусства высокого уровня, и возможность посмотреть выступление родившихся и выросших в этой стране корейцев не могла не вызвать большой интерес. Во-вторых, имел место элемент сочувствия по отношению к бывшим соотечественникам, которые прошли через многие трудности на чужбине и впервые смогли приехать на историческую родину. В-третьих, это были проверенные представления, которые уже имели успех в России. В-четвертых, подготовленные ими концерты были составлены с учётом уровня и интересов корейской публики и включали номера, которые нельзя было увидеть в Корее. В-пятых, артисты ансамблей обладали высоким мастерством и умением. Ученик Франца Эккерта²⁹ Пэк У-Ён писал следующее об игре Ким Николая на скрипке: «В Корее даже после нескольких лет профессиональной подготовки невозможно было бы достичь такого уровня мастерства» («Дона Ильбо» 01.05.1921).

Историческое значение гастролей в Корею

Говоря об историческом значении гастролей художественных ансамблей из Владивостока в Корею, можно выделить три основных момента.

Во-первых, эти концерты сыграли огромную роль в формировании национальной идентичности, поскольку ансамбли полностью состояли из этнических корейцев. Посещение Кореи группой зарубежных корейцев было частью инструментом пропаганды культурного господства Японии. Несмотря на это, гастролы приморских художественных ансамблей открыли путь для деятельности других зарубежных ансамблей, таких как японский ансамбль Квансон или ансамбль корейцев из Гавайи, и любительских театральных трупп в Корее. Также 27 февраля 1922 г. издательство газеты «Дона Ильбо» учредило Комитет по делам зарубежных соотечественников для освещения жизни корейцев за рубежом. Не исключается вероятность того, что таким образом также осу-

²⁹ Франц Эккерт (Franz Eckert, 1852–1916) — немецкий композитор и музыкант, приглашённый правительством в 1901 г. в качестве наставника военного оркестра. Автор национальных гимнов Японии и Корейской империи (1902 г.).

ществлялся сбор средств для поддержки движения за независимость. Концерты этих ансамблей в Корее внесли вклад в укрепление солидарности и формирование этнического самосознания корейцев по всему миру.

Во-вторых, эти гастроли сыграли поведенческую роль: артисты привезли с собой русскую культуру концертных представлений. Артисты ансамблей, выросшие в Приморском крае и впитавшие с детства культуру и популярное искусство России начала XX в., познакомили с ней корейскую публику.

В-третьих, они способствовали формированию связей внутри движения за независимость. Время от времени проводились концерты и представления для сбора средств на финансирование освободительного движения, а руководители посетивших Корею с гастролями в 1921–1922 гг. Корейского молодёжного ансамбля музыки и танца, Художественного ансамбля молодёжной ассоциации чхондогё и Христианского молодёжного оркестра были либо активистами движения, либо тайно помогали борцам за независимость. Из этого следует, что несмотря на то, что этнические корейцы в России действительно оказались в тяжёлом положении и испытывали материальные трудности, очень велика вероятность того, что средства, собранные с концертов, шли на осуществление движения за независимость. Также их гастроли в Корее могли служить внешним прикрытием для организации встречи с лидерами движения внутри страны.

Таким образом, несмотря на тот факт, что визиты в Корею корейских художественных ансамблей Приморского края носили политическую подоплёку, они также возбудили интерес корейской публики к русской культуре. Кроме того, они сыграли роль в распространении русского популярного искусства и танца через преподавательскую деятельность в Корее.

Преподавательская деятельность

Академия искусств (예술학원, 藝術學院)

Помимо концертной деятельности корейских художественных ансамблей начала XX в. следует также отметить ещё одно направление: 23 июля 1922 г. была основана Академия искусств (кор. «Есул хаквон»). Заслуженный танцевальный критик Пак Ён-Гу особенно подчёркивал важность этого события, отмечая, что эта Академия искусств стала первым в Корее образовательным учреждением такого рода и способствовала внедрению техники русского балета (Пак Ён-Гу, 2009:122). Основателями академии были выпускник Санкт-Петербургского университета Ким Дон-Хан (김동한), родившийся во Владивостоке, первый корейский пианист Ким Ён-Хван (김영환, 1891–1965) и деятель движения «новый театр» Хён Хи-Ун (현희운, творческий псевдоним Хён Чхол (현철)). По некоторым данным эта академия была создана на основе другой школы, созданной Хён Хи-Ун в 1920 г., и закрытой через год, в 1921 г. Здесь преподавались танцы, музыка и театральное искусство. К июню 1923 г. количество учащихся составило около сотни человек. В этот же год во Дворце христианской молодёжи в Сеуле состоялся

«Первый фестиваль музыки и танца». Концерт имел большой успех, собрав огромную аудиторию в тысячу человек, а внимание прессы было сосредоточено на вошедших в программу западных светских танцах. В 1924 г. в академию были приглашены русские танцовщицы для открытия новой танцевальной кафедры, и был проведён дополнительный набор учащихся. После этого несколько раз проводились платные танцевальные концерты. В апреле 1925 г. Академия искусств переехала в центр Сеула, сфера её деятельности была расширена, и было произведено разделение дисциплин на более узко специализированные сферы: появился класс скрипки, класс органной музыки, вокал, светский танец, бытовой танец, лирический танец. Однако после июля того же года упоминаний о Академии искусств и деятельности Ким Дон-Хана больше нет (Ким Гён-Э, Ким Чхэ-Хён, Ли Чжон-Хо 2001: 51). Академия искусств под руководством Ким Дон-Хана, получившего образование в России, открыла век русской танцевальной культуры.

Однако сомнения вызывает личность самого Ким Дон-Хана. В материалах по истории современного танца (Ким Гён-Э, Ким Чхэ-Хён, Ли Чжон-Хо 2001: 46–53; Пак Ён-Гу 2000: 14–21), посвящённых деятельности российских корейцев, говорится о том, что Ким Дон-Хан посетил Корею в 1921 и 1922 гг. и в ходе визита в 1922 г. основал Академию искусств. В работах историка И. Ф. Ким, посвящённых истории корейских театров корейцев СНГ, фигурирует имя руководителя струнного оркестра Николая Ким, который славился мастерством игры на скрипке. В исследовании говорится о том, что Ким Николай получил высокое признание в Корее в ходе гастролей ансамбля и преподавал в образовательном учреждении (Ким 1982: 188–189). Таким образом можно предположить, что Николай Ким и есть Ким Дон-Хан. Однако в списке ансамбля, приехавшего на гастроли в 1921 г. Николай Ким значится как учащийся средней школы, и его имя по-корейски записано не как «Ким Дон-Хан», а «Ким Кхория (Коля)». Помимо этого требуется подтверждение того, что он окончил университет в Санкт-Петербурге до 1922 г., а так же уточнение названия университета и периода, к которому относится существование факультета искусств. В период революции и гражданской войны многие документы периода 1917–1922 гг. были утрачены. Кроме того, не исключена вероятность того, что Ким Дон-Хан — это член Художественного ансамбля молодёжной ассоциации чхондогё и руководитель духового оркестра правительства Приморского края Ким Дон-Хван. Поэтому требуется дополнительное исследование для выяснения личности Ким Дон-Хана.

Прочая преподавательская деятельность

Некоторые члены ансамблей, приехавших на гастроли, не возвращались во Владивосток, а оставались преподавать в Корее. Среди них был Пак Семён, благодаря которому началась танцевальная карьера Чжо Тхэк-Вона. По словам последнего, Пак Семён был всесторонне очень образованным человеком и в совершенстве владел техникой русского народного танца. В ав-

густе 1923 г. он открыл в Сеуле частную танцевальную школу. Однако частная школа не просуществовала долго, и Пак Семён какое-то время играл на флейте в театре новой драмы, после чего вернулся в Приморский край (Ким Гён-Э, Ким Чхэ-Хён, Ли Чжон-Хо 2001: 51).

Также приехавший из Приморского края в 1922 г. вместе с Христианским молодёжным оркестром Ким Николай остался в Корее и с 1 сентября давал частные уроки музыки в музыкальной лавке в районе Инсадон («Дона Ильбо» 01.09.1922).

По сравнению с Академией искусств их деятельность не имела такого большого резонанса, однако важным событием для истории современного танца Кореи стало появление Чжо Тхэк-Вона.

Заключение

В 1920-е гг. в результате революции и гражданской войны в России этнические корейцы Приморья оказались в тяжёлой ситуации, и они решили обратиться за помощью к соотечественникам на исторической родине, организовав гастроли художественных ансамблей. Программа концертов была составлена из пользовавшихся популярностью в России в то время танцев народов мира, музыкальных и театральных представлений и т. п. Их приезд открыл новую страницу в истории современного танца Кореи, положив начало популяризации танца и представив публике западные народные танцы, а также подарил корейской сцене мастера Чжо Тхэк-Вона.

Таким образом, деятельность корейских художественных ансамблей Приморья, совершившая переворот в истории современного танца в Корее, не могла не носить политический характер, учитывая исторические, общественно-политические и культурные особенности эпохи для корейской диаспоры Приморского края, когда, с одной стороны, была историческая родина, переживающая период японской оккупации, а с другой — охваченная гражданской войной послереволюционная Россия, но в то же время российские корейцы, воспитанные на стыке двух культур, были проводниками русского искусства в Корее, оказав огромное влияние на развитие современного танца. Однако 30 декабря 1922 г. был создан Советский Союз, и российские корейцы по политическим причинам больше не могли посещать историческую родину, их преподавательская деятельность в Корее также была вскоре приостановлена. Любопытно, каким был бы облик современного популярного искусства Кореи, если бы этого не произошло и российские корейцы продолжали преподавать музыку и танец? Основную сложность для данного исследования составляет отсутствие точных данных в связи с особенностями корейской диаспоры, а так же тот факт, что многие материалы были утрачены в ходе революции и Гражданской войны. В дальнейшем предполагается более углублённое изучение личной истории каждого из ключевых деятелей художественных ансамблей и дополнение работы уточнёнными фактами.

Литература

- Ким Гён-Э, Ким Чхэ-Хён, Ли Чжон-Хо (2001) 100 лет нашего танца, Хенамса; 김경애 · 김재현 · 이종호(2001), 『우리무용 100년』, 현암사.
- Ким И. Ф. (1982) Корейский театр, Алма-Ата: ΘНЕР.
- Ли Док-Чжу (1985) Странствующий дух народа: Ли Ган // Сосуществование (Гон-джон), с.10–22; 이덕주(1985), 『떠도는민족혼: 이강선생』, 『공존』 2호, pp. 10–22.
- Ли Мён-Хва (2009) Ли Ган: борец за независимость и опора Ан Чжун-Гына // История Кореи в лицах, с. 291–392; 이명화(2009), 『이강의독립운동과안중근의거』, 『한국인물사연구』 11호, pp. 291–392.
- Луговая Е. К. (2008) Философия танца. СПб: Издательство СПбГУ.
- Пак Дал-Сон (1922) Встреча с Владивостокским художественным ансамблем, Ежемесячный журнал чхондогё, с.72–77; 박달성(1922), 「그립든형제해삼위예술단을맞으면서」, 『친도교회월보』 141호, pp.72–77.
- Пак Ён-Гу (2000) Говорить о цинмюёне (новом танце) // Танец-интеллект, выпуск 1, С. 14–30; 박용구 (2000), 「신무용을말한다」, 『춤·지성』 vol. 1, pp.14–21.
- Пак Ён-Гу (2009) Короткая критическая история танца // Спектакль и рецензия, с.119–133; 박용구 (2000), 「비평적무용소사(小史)」, 『공연과리뷰』 67호, pp. 119–133.
- Чжон Бёнчжун (2005) Исследование Унама Ли Сына Мана // История и критика; 정병준 (2005), 『우남이승만연구』, 역사와비평사
- Чжо Кю-Тэ (2008) Народное движение чхондогё в Приморском крае 1920-х гг. // Исследования корейского национального движения с.161–196; 조규태 (2008), 「1920년대연해주지역천도교인의민족운동」, 『한국민족운동사연구』, 55호, pp. 161–196.
- Чжо Тхэк-Вон (1993) Мой учитель по танцам Семен Пак — это источник зарубежного танца // Журнал танца, выпуск 8, с.46–48; 조백원(1993), 「나의춤선생인시몬박은<外國춤>의효시」, 『무용저널』, pp. 46–48.
- Шерметьевская Н. Е. Танец на эстраде. М.:Искусство, 1985.
- Ю Ми-Хи (2000). Социокультурное значение цинмюёна (нового танца) // Танец-интеллект, выпуск 1, С. 31–39; 유미희(2000), 「신무용의사회문화사적의미배경」, 『춤·지성』 vol. 1, pp. 31–39.
- Юн Кым-Сон (2011). Исследование театральной деятельности этнических корейцев Северо-Восточной Азии периода японской оккупации // Театральное искусство Кореи, выпуск 34, с.1 27–190; 윤금선(2011), 「한인단체의연극활동연구-일제강점기동북아시아민족단체및연극단체를중심으로-」, 『한국극예술연구』, 제 34집, pp. 127–190.
- Юн Чхи-Ён (1991). XX век Юн Чхи-Ёна. Изд-во «Самсунг»; 윤치영(1991), 『윤치영의 20세기』, 삼성출판사.

Материалы из газет

- «Дона Ильбо» 10.04.1921 Молодые корейцы из Владивостока посетят историческую родину на Пасху; <동아일보> 1921. 4. 10. 「해항조선학생부활주일일이용해고국을방문할계획」
- «Дона Ильбо» 27.04.1921. В стремлении увидеть родину; <동아일보> 1921. 4. 27. 「동경하든고국에」
- «Дона Ильбо» 28.04.1921. Крупный концерт в Кёнсоне; <동아일보> 1921. 4. 28. 「경성에서대연주회」

- «Дона Ильбо» 28.04.1921. *Жизнь, подобная печальной повести*; <동아일보> 1921. 4. 28. 「소설이상의 파란많은 사실」
- «Дона Ильбо» 29.04.1921. *Тоска по родине*; <동아일보> 1921. 4. 29. 「사모하던 고국」
- «Дона Ильбо» 01.05.1921. *Первый концерт молодёжного ансамбля из Владивостока: трогательные мелодии, наполненные тоской о родине*; <동아일보> 1921. 5. 1. 「해삼위학생연주의 제1야다감한 회향의곡으로」
- «Дона Ильбо» 02.06.1921. *Ли Мария сражена болезнью в Кунсане*; <동아일보> 1921. 6. 2. 「리마리아양군산에서 병화」
- «Дона Ильбо» 10.06.1921. *Похороны Ли Марии*; <동아일보> 1921. 6. 10. 「고국혼으로 화작한 리마리아양의 장례식」
- «Дона Ильбо» 28.02.1922. *Художественный ансамбль чхондогё приезжает в начале следующего месяца*; <동아일보>, 1922. 2. 28. 「천도교연극단다음달초에」
- «Дона Ильбо» 25.04.1922. *Корейский ансамбль из Владивостока*; <동아일보> 1922. 4. 25. 「해삼위동포연예단」
- «Дона Ильбо» 26.04.1922. *План гастролей художественного ансамбля из Владивостока*; <동아일보> 1922. 4. 26. 「해향연예단일정」
- «Дона Ильбо» 08.08.1922. *Прощальное выступление молодых артистов из Владивостока*; <동아일보> 1922. 8. 8. 「해향학생고별연주」
- «Дона Ильбо» 01.09.1922. *Частное преподавание музыки*; <동아일보> 1922. 9. 1., 「음악개인교수」
- «Мэиль Синбо» 30.04.1921., *Список концертов Корейского молодёжного ансамбля Владивостока*; <매일신보> 1921. 4. 30. 「해삼위조선학생음악단공연목록」
- «Мэиль Синбо» 05.05.1921. *Пак Ки-Сун, артистка Корейского молодёжного ансамбля из Владивостока*; <매일신보> 1921. 5. 5. 「해삼위조선인학생음악단중박기순양」
- «Мэиль Синбо» 18.05.1921. *Полная невзгод жизнь Чхэ Сон-Сука*; <매일신보> 1921. 5. 18. 「파란많은 채군의 생애」

Исторические архивы

Материалы антияпонских освободительных движений из архивов министерства иностранных дел Японии конфиденциальные документы №32, 19 апреля 1921.

РГИА ДВ Ф.Р-289, Оп.1, Д. 57, Л. 118

РГИА ДВ Ф.Р-289, Оп.1, Д. 57, Л. 120

РГИА ДВ Ф.Р-289, Оп.1, Д. 57, Л. 143

РГИА ДВ Ф.Р-289, Оп.1, Д. 61, Л. 41

Интернет-ресурсы

Большая советская энциклопедия, 1978

Энциклопедия танца. URL: http://hnb.com.ua/articles/s-sport-entsiklopediya_tantsa_ya-blochko-2545 (дата обращения: 15.02.2015).

I. M. Belyakov

The Role of the US in PSY Narrative Shift by South Korean Media before and after “Gangnam Style” Release

В 2012 г. южнокорейский рэппер Сай (PSY) выпустил песню «Gangnam Style» и стал настоящей звездой YouTube, набрав более 1 миллиарда просмотров всего через несколько месяцев после официального релиза песни, он попал в Книгу рекордов Гиннеса за самое просматриваемое видео на хостинге. На видеоклип появилось более одного миллиона пародий, известные исполнители и певцы со всего мира вывесили ссылку на песню у себя на страницах в социальных сетях, а знаменитый «танец наездника» на несколько месяцев стал настоящим хитом, который исполняли даже люди, далекие от музыкальной индустрии. Тем не менее в самой Южной Корее популярность Сая была не столь ошеломляющей, как на мировой арене. В данной статье я попытаюсь проанализировать причины данного феномена, рассмотреть сценический образ певца в стране более подробно, а также выдвигаю предположение, отчего вдруг певец, всегда бывший парией среди сонма его более успешных коллег по «Корейской волне» и до сего момента не очень приветливо встречаемый южнокорейской публикой, в одночасье стал настоящей звездой. Предположения автора основываются как на независимых источниках, так и на личном опыте проживания в Южной Корее уже более 10 лет. Статья может представлять собой интерес для всех интересующихся социологией и социальной культурой современной Южной Кореи.

In 2012 South Korean rapper PSY (Park Jae Sang) released his new single named «Gangnam Style» that became an ultimate hit and gained more than 1 billion views on YouTube in just several months after the release. He had not only been registered in the Guinness Book of Records for such an outstanding result, but also acquired an international recognition with millions of fans making parody videos, and celebrities talking about him in their SNS pages. A horse dance from the video became a theme for numerous flashmobs around the world with even people very distant from musical industry dancing to it as well. However, popularity of PSY in South Korea itself left much to be desired till the release of this song, and he was not considered to be a part of so called ‘Hallyu’ either by his peers or the wider public. In this article I will look deeper into this phenomena, explore more about image of the rapper in the country before «Gangnam Style» release, as well as explain why it is so that the singer who used to be a pariah on South Korean show business stage became a super star all of a sudden, and most importantly, what it is exactly that let his popularity in South Korea rise

so high despite the whole negative atmosphere that had surrounded him before. This article is based on both objective sources and author's subjective opinion of being a Korean studies scholar having been living in South Korea for more than 10 years. Everyone who takes interest in modern South Korea's sociology and culture might find this article to be of great interest for any research in the future.

Introduction

In 2012 South Korean singer PSY (Park Jae Sang) became famous worldwide thanks to his hit song 'Gangnam Style', which gained more than 1 billion views on YouTube in just several months after it has been released in July of 2012. This accomplishment not only officially put him in the Guinness Book of World Records for 'The most watched YouTube video', but also drew attention to South Korean popular music and culture (also known as 'K-Pop') from a far broader international crowd than before, and the US in particular. What can be interesting is the fact that South Korean media narratives of PSY have changed due to the fact of his recognition on the US market; PSY has never been a favorite of South Korean media before, and, larger, of South Korean public in general. However, just overnight with the release of 'Gangnam Style' and its huge international success he became a respected member of K-Pop culture and highly praised musician in local media. I argue that this happened because of his wide recognition on US media market, and in this research I am going to look at a number of narratives in Korean media describing PSY in both 'pre-Gangnam' and 'post-Gangnam' periods, and analyze them to see what is the role of the US in this change, and how shift from narrative about individual to narrative about South Korean on the global stage poses the question of national identity because of recognition by US market.

Literature review

The works on identity and narrative analysis by Charlotte Linde (2001), Elinor Ochs and Lisa Capps (1996) were used as a basis for this research, as well as the concepts on identity from the work of Mary Bucholtz and Kira Hall (2005). Article by You Hong-june "The Origins and the Future of Hallyu" provided overall information on Hallyu, and Hyun Oh-Seok's "Taking advantage of the Hallyu Wave" and Lee Dong-Hun's "Korea" Nation Brand in 2012" gave more background on the history of Hallyu making US market its number one target. Work on Language Ideology and Linguistic Differentiation by J.T. Irving and Susan Gal with their concept of 'erasure' also provided a valuable input to our research.

Research Sources and Methods

Six articles from major South Korean newspapers' official websites are used as a source for the data of this research paper: 'Chosun Ilbo', 'Donga Ilbo', and 'Joongang

Ilbo'. The choice of these three particular newspapers is determined by the fact that these are the biggest and the most representative state media sources on Korean media market established long time ago that may be considered to represent public voice. In order to illustrate how public narratives about PSY have changed, I have chosen to compare three articles published prior to PSY's global success and three dated after the song release.

In order to show how PSY's identity after his recognition in the US is constructed through South Korean media narratives, lexical and grammatical forms of these narratives as well as a general tone of the articles and topics which these articles are talking about are chosen as the primary objects of this analysis.

Word clouding has been also used as a tool to provide more data to support main thesis of this paper. For this, I used www.worditout.com as a main source.

Pre-“Gangnam Style” Narrative

In order to see the difference between PSY's public identity through South Korean media, let us first have a brief look at some examples of PSY representation in it. Articles about PSY before ‘Gangnam Style’ release and its international success are sparse, and mostly focusing on scandals around the singer itself, rather than his musical career, which is different from what happens after the song release; if before ‘Gangnam Style’ these are merely narratives about individual, after his global recognition (and as I argue here specifically in the US) they are shifted towards presenting a South Korean on the global stage.

Main points that can be seen from the data (see Appendix 1a and 1b) are mostly of lexical and grammatical nature. Keeping in mind peculiarities of Korean language (where negative meanings can be conveyed not only through lexical items, but through certain grammatical structures as well) we can see how media try to create a negative image of PSY for its audience through the certain forms of words, grammatical structures, and general tone of the article. “Changed his words”, “enjoy scandals and extremes that are so common to him”, “PSY has a mischievous image of a bad boy”, “a negative grudge the audience has right now against him”; data is full of negative expressions and evaluations of him.

Post-‘Gangnam Style’ Narrative

Articles dated after ‘Gangnam Style’ single release are much more abundant in number and practically all of them can be found translated into English. The three I chose are from the same sources. As it can be seen from examples below, they are very different in style and stylistics from what they used to before.

What is interesting is that PSY was not merely described positively, but positive because of his relevance on the US market, and word cloud data proves it. Most frequent words in this set of articles are ‘빌보드’ (‘Billboard’), ‘미국’ (‘The USA’), ‘한국’ (‘South Korea’), ‘글로벌’ (‘Global’).

General tone of the article (Appendix 2a and 2b) is a positive description of PSY's achievements in the US. Article is full of words and word combinations specifying and underlying the idea of what 'international' and 'successful' level of achievement the song reached ("worldwide megahit", "astonishing result", "amazing success", "stunning phenomenon", "Number 2 in Billboard charts", "The first Korean pop artist ever to top iTunes charts"). It goes farther and draws a comparison to the 90s hit 'Macarena' (Los Del Rio), claiming that impact of the two hits on international scale is at the very least the same.

The narrative shifted from describing individual to describing a representative of the whole nation. While the fact that national media are praising member of its society for his international success is normal and not fascinating at all, what is fascinating is how object of recent disgrace and bearer of "mischievous image" suddenly became a well-recognized 'Hallyu' star.

Shift in narratives: how?

As it is stated above, South Korean media narratives about PSY clearly changed in several ways. First and major change in narratives occurs in the very choice of the topic. If before 'Gangnam Style' release major Korean newspapers turned its attention to PSY only when there was a negative case and/or a scandal around the singer, after the song release and its international recognition most articles circulate around this fact with no reference back to PSY's negative image in the past. While searching for a representative piece in Korean media dated after the song release, I was unable to locate any mention to PSY previous career 'slips' and scandals in both Korean and English texts³⁰. While this information is not secret or hidden and is easily accessible online for anyone (for example, on PSY's Wikipedia page), the fact of silencing inconvenient facts and censoring the narrative can serve as a source of extralinguistical information. J.T. Irving and Susan Gal (2000) call this phenomenon 'erasure'.

Another interesting thing is that the words 'international' and 'worldwide' in regards to 'Gangnam Style' recognition are very frequent in this context too. However, in none of the articles I have come across (including three from my data sample) were specific country names mentioned, except the US. The general narrative of most articles started with a laying of background noticing that song became a truly international hit, and after that story inevitably moves to mentioning the second place in the US Billboard chart, number of music video views on YouTube, as well as numerous citations, twits, and comments made by famous American pop artists about the song. Some of the articles were dedicated to 'Gangnam Style' flash mobs happening around the world, however even these articles mentioned song's Billboard position or level of recognition in the US in

³⁰ All further narrative searches were done in major Korean media online sources, including those I selected as my primary ones.

some way or another. 'Gangnam Style' hit number one position in the charts of numerous countries around the globe in the second half of 2012, however it is with an effort that one can find any mention of that in South Korean media. In contrast, its acclaim on the US market is covered very well with plethora of details.

Shift in narratives: why?

Expansion of Korean pop culture and music, or 'Hallyu', outside of Korea and into other markets has been a primary goal for Korean show business for more than several years now. In the sources dated as early as 2006 we can find mentions of 'Hallyu' phenomenon, what it is, how it spreads, and what is more important for our analysis here, what the target is (You, Hong-june, 2006). As it can be drawn from the multiple sources in South Korean media citing three largest production agencies (such as JYP, SM Entertainment, and YG Entertainment) the ultimate target is a US market; while 'Hallyu' has gained most of its recognition in South East Asia and Japan, the US always considered by Korean pop artists to be a land to conquer. Being recognized in the US is being recognized truly, and that is what practically every Korean artist puts efforts into, starting from movie actors to singers and fashion designers. Practically every show business star after having gained recognition domestically tried to continue and succeed on American market (Hyun, Oh-Seok, 2004). And while almost all of those attempts failed or at least did not meet the level of expectation, it is without any financial, media, or lobby support from behind that PSY managed to perform exactly what everyone in Korean pop culture strove to do before, so the "mischievous bad boy" fulfilled the very goal of whole 'Hallyu' phenomenon. The Korean media couldn't ignore him anymore: the artist that didn't even listed as 'Hallyu' star before, became a flagship of it. Immediately after it became obvious that the song made a huge impact on global music stage, numerous articles and analytic columns appeared with attempts to connect how 'Gangnam Style' will help South Korean economy with deeper expansion of Korean goods into the American market (More of that in the article "Korea" Nation brand in 2012" by Lee Dong-Hun (2013) or in "The big winner of the year // South Korea" appeared in 'Canadian Business' in December, 2012, for example, where authors make connections to how the success of 'Gangnam Style' helped Samsung Electronics overpass Apple in smartphone sales on American market).

An interesting episode happened on South Korean TV during the peak of PSY's popularity in the US. Head of one of the largest entertainment agencies "YG Entertainment" Yang Hyung Seok acted as a jury for survival audition show 'K-Pop Star'. When one of the contestants presented 'Maroon 5's song, he made a comment that he hates the group, because "it is blocking PSY from the top place in Billboard charts" ('Maroon 5' ranked number one in Billboard chart from September, 2012 for 9 consecutive weeks, with PSY 'Gangnam Style' right behind ranking second). While this was intended to sound as a joke towards contestant's poor performance, the expression got into news next day and the author of the article advised 'Maroon

5' to "not to come Korea, because no one likes you here for obvious reason" (http://xportsnews.hankyung.com/?ac=article_view&entry_id=276138).

As we could see from arguments above, narratives in South Korean media about PSY changed because of his recognition on the US market, and more than warm acceptance from American public. While talking mostly negatively of PSY before 'Gangnam Style' hit the globe, the South Korean media shifted their presentation of the singer from individual to national representative mode praising him for opening gates for South Korea onto the American market. Based on these facts and arguments I presented, correlations to the question of national identity can be raised. The narratives of PSY in his success on American market can be considered as a starting point for another research on correlations between Korean national identity and recognition by the US in other fields, such as economics (South Korea is notorious for being one of not so many countries in East Asia for its US oriented economics agenda), politics (South Korea is the biggest political and military ally of the United States in the region), and pop culture.

Literature

Books

Johnstone, Barbara. 2008 *Discourse Analysis*. Malden, MA. Blackwell Publishing.

Articles

- Austin, John Langshaw. 1999 How to do things with words. In Adam Jarowsky and Nikolas Coupland (eds.), *The Discourse Reader*. Pp. 63 — 75. London, Routledge.
- Bakhtin, Mikhail. 1986 The problem of speech genres. *Speech genres and other late essays*. Pp. 60 — 102. Austin, University of Texas Press.
- Bucholtz, Mary, and Hall, Kira. 2005 Identity and Interaction: A sociocultural linguistic approach. *Discourse Studies* 7: 585–614.
- Bucholtz, Mary. 2009 From Stance to Style: Gender, Interaction, and Indexicality in Mexican immigrant youth slang. In *Stance: Sociolinguistic Perspectives*, ed. by A.M. Jaffe. Pp. 146–170. Oxford, New York.
- Davies, Bronwyn, and Hare, R.O.M. 1990 Positioning: The discursive production of selves. *Journal for the Theory of Social Behavior* 20: 43–63.
- Goffman, Erving. 1974 *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Ch. 1 — 3. Boston, Northeastern University Press.
- Goffman, Erving. 1981 *Footing. Forms of Talk*. Pp. 124 — 157. Philadelphia, University of Philadelphia Press.
- Gumperz, John. 2001 *Interactional Sociolinguistics: A personal perspective*. In Deborah Schiffrin, Deborah Tannen and Heidi Ehnberger Hamilton (eds.), *The handbook of discourse analysis*. Pp. 216 — 228. Malden, MA, Blackwell Publishing.
- Hyun, Oh-Seok. 2004 Taking advantage of the Hallyu Wave. *Korea Focus* 12(6): 47 — 49.
- Irving, J.T., and Gal, Susan. 2000 Language ideology and linguistic differentiation. In P. Kroskrity, ed., *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe: School of American Research Press, pp. 35–84.

- Labov, William. 1972 The transformation of experience in narrative syntax. *Language in the inner city: Studies in the Black English Vernacular*. P. 354–405. Philadelphia, University of Philadelphia Press.
- Lakoff, George and Johnson, Mark. 2003 *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press.
- Lee, Dong-Hun. 2013 “Korea” Nation brand in 2012. *SERI Quaterly* 6(2): 100–105.
- Ochs, Elinor and Capps, Lisa. 1996 Narrating the self. *Annual Review of Anthropology* 25: 19–43.
- Schegloff, Emanuel A. 2001 Discourse as an interactional achievement: the omnirelevance of action. In Deborah Schiffrin, Deborah Tannen and Heidi Ehnberger Hamilton (eds.), *the handbook of discourse analysis*. P. 229–249. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Wortham, Stanton. 2003 Accomplishing identity in participant denoting discourse. *Journal of Linguistic Anthropology* 13: 189–210.
- Wortham, Stanton. 2005 Socialization beyond the speech event. *Journal of Linguistic Anthropology* 15: 95–112.
- You, Hong-june. 2006 The Origins and the Future of Hallyu. *Korea Focus* 14 (2): 122–132.

Internet:

‘Chosun Ilbo’: www.chosun.com

‘Donga Ilbo’: www.donga.com

‘Joongang Ilbo’: joongang.joins.com

PSY’s Wikipedia page: <http://en.wikipedia.org/wiki/Psy>

Word Clouding: www.worditout.com

Appendix 1a: 중앙일보 07/04/2007

싸이, 재입대해도안해도, 위기’

가수싸이(30·본명박재상)의현역군재입대여부로관심이쏠리고있다. 병무청은 3일싸이에게현역재복무사실을고지했다. 싸이는지난달 18일기자회견에서 “군입대를회피하기위한행정소송및어떠한법정대응을하지않겠다”고밝힌바있다. 따라서 8월개육군훈련소입소는기정사실처럼굳어지고있었다.

그런데싸이는변호인을통해말을바꿨다. “병무청이정당한소명기회를무시했다”며행정소송까지불사하는강력대응을천명했다. “정당하게산업기능요원으로편입했으며부정행위에관여한바없다”고군입대불가이유를조목조목짚었다. 쉽게재입대하지는않겠다는뜻을분명히한셈이다.

싸이의이같은강수배경에는위기의식이자리하고있다는분석이다. 군에서 2년을보내고나면가수생명이사실상끝날지도모른다는위기감이다.

지난해 ‘올나이트콘서트’를크게성공시키며절정의인기를누리던싸이에게갑작스런군입대로인한활동공백은치명적이다. 적지않은나이라도부담스럽고, 싸늘하게돌아선대중의시선을극복하며컴백할수있는길이현재로서는요원하다. 송승헌, 장혁의전례가있기는하다. 끌려가다시피입대했다가전역후기사회생한케이스들이다.

다만, 송승헌과장혁에비해싸이는악동이미지가강하다. 스캔들을씻으려면반항아이미지를벗고모범적인인상으로바뀌어야한다. 이경우기존의팬층마저잃을수있다. 그렇다고반항적이미지를고수한다면싸이는논란, 극단을즐기는언더그

라운드로 가야 한다.

게다가 싸이는 병역 특례 과정의 특권 행사 논란에서도 자유롭지 못하다. 대중이 가장 민감하게 반응하고, 절대 용서하지 않으려는 부분이 바로 계층 갈등이다. 싸이는 연예 활동의 최대 고비에 처했다. 과거 처럼 위기를 타개, 재기할 수 있을지 주목된다.

Appendix 1b: 'Joongang Ilbo': 07/04/2007. "PSY, in crisis even he goes back to military service"

Public attention recently has been drawn to PSY (30, Park Jae Sang) and his possible going back to military service.

On July 3rd Military Manpower Administration officially announced that PSY has to undertake his military service again. Few days before the official announcement during small meeting with journalists PSY stated that he would 'follow the decision of the Administration whatever it might be'. So, another term in the army seemed to become a clear future for him.

However, PSY changed his words through his official law representative. As he stated, "The Administration ignored important facts during their investigation. I will certainly file a complaint against them now." He got very detailed about the reason, "I entered military service as a part of alternative service option, and I had not breach the rules of it whatsoever." The bottom line for this words is that he won't easily give up and just do what he was told to do.

Analytics say that this speech came from his fear of a crisis. If he spends two more years in the army, that may mean the end of his show business career, and he is afraid of it.

The gap in his career caused by military service time may be fatal for him, after he succeeded with his last year concert and enjoyed being on the peak of popularity. He feels the pressure of his age, and it can become a huge issue for him if a negative grudge the audience has right now against him would turn in his favor after his coming back from the army.

There are some successful cases of coming back to stage after long hiatus, like Song Sung Heon or Jang Hyuck. However, unlike those two even now PSY has strong mischievous image of a bad boy. What he ideally should do is to wash away all those scandals that surrounded him all these years and return as a diligent and sophisticated musician. But in this case he can lose even his current fans. So the only way for him to survive could be going underground and enjoy all the scandals and extremes that are so common to him.

The fact that adds to this is that the scandal he is in right now deals with military service which is a very sensitive issue for Korean audience who tend to not forgive such mistakes as he did.

Right now PSY encountered the biggest crisis in his whole career, and it is interesting to observe how he would overcome it.

Appendix 2a: 조선일 09/19/2012, MBC 스페셜', 싸이, 강남스타일' 인기요인 집중분석

MBC 스페셜' 이세계적인신드롬을일으키고있는, 강남스타일' 과싸이의 인기요인을분석한, 싸이 GO, 지금은강남스타일~!' 을방영한다. 싸이가지난 7월발매한여섯번째앨범, 육갑(6甲)' 의타이틀곡인, 강남스타일' 은세계적인메가히트를기록했다. ,강남스타일' 뮤직비디오는유튜브조회수 2억건을돌파하는경이로운기록을세웠으며한국가수최초로미국 아이튠즈차트 1위를차지하기도했다. 이처럼전세계적인, 강남스타일' 열풍의원인은세계음악시장의대세라할수있는, 일렉트로닉팝' 장르의친근한음악과보기만해도저절로웃음이나오는블랙코미디적요소가중요하게작용했다는의견이대부분이다.

MBC 스페셜' 은연일새로운기록을쏟아내고있는, 강남스타일' 의빠른확산과이를둘러싼변화의움직임을통해향후대중음악의방향을예측해본다. 그리고수많은페리디를만들어낸, 강남스타일' 뮤직비디오와' 제2의마카레나' 로불리고있는, 말춤' 그리고단순하면서드러워난각인효과를가진, 후크송' 등, 강남스타일' 열풍을다양한측면에서분석한다. 작곡은물론뮤직비디오, 공연에이르기까지직접아이디어를내고이를철저하게진행해나가며대중들을유쾌하게만드는것이자신에게주어진사명이라말하는준비된가수싸이의면모들도공개된다.

Appendix 2b: 'Josun Ilbo' 09/19/2012 MBC Special', Analysis on how 'Gangnam Style' by PSY became so popular

MBC TV Channel plans to air a special program named "Go PSY, Gangnam Style right now!" dedicated to PSY and his 'Gangnam Style' that became a worldwide hit.

The Title song from PSY's sixth album "Yukkap" released in July, 'Gangnam Style', became a worldwide megahit. 'Gangnam Style' music video got an astounding result of more than 200 million views on YouTube, and made PSY the first Korean pop artist ever to top iTunes charts. As many agree, the reason for such amazing success is the soft melodical rhythm of 'electronic pop' music genre which is a big hit right now around the world, as well as elements of 'black comedy' in music video that makes you smile by just watching it.

This program will look at the possible future trends in music industry basing on stunning phenomenon raised by 'Gangnam Style' release. It will also investigate closer the music video itself that created so many parodies on YouTube, famous 'Horse Dance' that can be compared to that of 'Macarena', and simple, but at the same time so powerful melody of this 'hook' song. The program will also feature PSY himself, who not only wrote the song and shot a music video, but also generated many brilliant ideas for stage performance show that makes audience feel pleasant and joyful.

А. И. Ким

Искусство как социальный проект: демократическое художественное движение «Минчжун» в южнокорейском искусстве 1980–1990-х гг.

1980-е годы в истории южнокорейского искусства ознаменовались появлением яркого самобытного феномена — движения «Минчжун», представлявшего собой одновременно художественное направление и общественное движение за демократизацию общества. Его главными целями являлись смена существующего политического режима в стране и утверждение демократических прав и свобод, а также отход национального искусства от западного образца с его коммерциализацией и художественными институциями. Просуществовавшее до середины 1990-х гг. движение «Минчжун» привнесло значительный вклад в развитие арт-практик в Корею, а также стало первым исключительно корейским движением, широко известным за рубежом.

The period from beginning of 1980-s to the middle of 1990-s in South Korean art were marked by rising and developing of the significant culture phenomenon called Minjoong art, which was simultaneously an art style and social movement. The main goals of Minjoong art were, from one hand, shift in existing political regime and assertion of democratic rights and freedoms and, from other hand, creating a national alternative in art system, confronting of it in Western version. Minjoong art movement made a great contribution in development of Korean art and became the first Korean art style that has been widely introduced abroad.

XX век в истории искусства характеризуется особым динамизмом и кардинальной сменой эпох. Так, период с конца XIX до начала XX в. считается эпохой модернизма, с его отказом от классических эстетических ценностей в попытке создания новых. Идеологией модернизма стал известный лозунг «искусство ради искусства», что означало полную изоляцию от влияния социальных и политических процессов. Однако вторая половина XX в. ознаменована зарождением и развитием постмодернизма, который в своей основе отрицал модернизм и, наоборот, считал возможным положительное изменение мира средствами искусства, ставя во главу угла взаимодействие со зрителем.

В условиях мировой глобализации искусство большинства стран в своем развитии проходит определенные этапы, во многом повторяющие историю искусства европейских стран. В случае Южной Кореи, которая познакомилась с мировым художественным наследием сравнительно недавно, в начале XX в., эпоха модернизма пришлось на первые послевоенные десятилетия.

Этому во многом поспособствовала возможность прямой культурной коммуникации с такими развитыми странами западной цивилизации, как Франция и США. Постмодернизм, напротив, появляется в Корее сравнительно быстро вслед за странами Запада — в 1980–1990-х гг. Именно в этот период происходит переход от искусства как самодостаточной культурной практики к искусству, берущему за основу коммуникацию со зрителем и считающему возможным изменение мира и общества собственными силами. И характеризуются первые движения к постмодернизму, как ни парадоксально, самобытным явлением в южнокорейской истории — искусством движения «Минчжун» («народного»), возникшего в начале 1980-х гг. и задавшего тон на полтора десятилетия вперед.

«Минчжун» — это гражданское художественное движение, ориентированное на взаимодействие искусства и народа в целях изменения социальной реальности. Движение «Минчжун» впервые в истории корейского изобразительного искусства ставило вопрос о социальных возможностях художественных практик. Одной из главных характерных особенностей «Минчжун» стало то, что оно размывало грань между общественным движением и художественным направлением. Изобразительное искусство взяло на себя функции критика социальной действительности и активиста, самостоятельно включающегося в процесс производства и изменения действительности. В данной статье рассматривается история движения «Минчжун», его способы взаимодействия с обществом, а также лимиты его возможностей и опыт, который новое поколение художников может вынести из его примера.

Нет достоверных данных, откуда именно пошло название «народного» искусства и с каких пор этот термин стал означать круг критически настроенных художников. Поначалу его также называли «национальным» («минчжок»), что указывает на преемственную связь с литературным движением «Национальное литературоведение» («Минчжок мунханнон»), популярным в 1970-х гг. и проповедовавшим реалистический подход (오세관, 2007: 238). Слово же «минчжун» впервые было применено в XII–XIII вв. для обозначения крестьян как социальной группы, хотя в XX в. этот термин применялся более широко для описания низших социальных слоев. Художники «Минчжун» определяли народ как «отчужденное большинство, непосредственно участвующее в процессе капиталистического производства, но неспособное получить достаточное вознаграждение за свой труд» (김재원, 2009: 40).

История «Минчжун» обычно отсчитывается от образования одной из первых художественных групп движения, «Хёншильгва Парон» («Действительность и высказывание») в 1979 г., когда группа художников и критиков встретилась в преддверии 20-й годовщины событий 1960-го года (демонстрации протеста против результатов президентских выборов, в ходе которой были убиты местные жители, известной в Корее под обозначением «4.19»). Главным же поводом для массового распространения движения «Минчжун» стали печально известные события мая 1980 г. — жестокое подавление на-

родного восстания в г. Кванчжу, повлекшее за собой массовые жертвы среди мирного населения. Причинами восстания стало недовольство существующей политической системой, а именно продолжительной военной диктатурой, непрямыми выборами президента и Национального собрания, отсутствием демократических прав и свобод граждан и т. д. Искусство «Минчжун», отстаивавшее идеи социализма и выступавшие за демократизацию, органично вписалось в последовавшие за этим демонстрации и оппозиционные движения.

Таким образом, главными причинами возникновения «Минчжун» являлись, с одной стороны, настроения в обществе, требующие устранения военной диктатуры и демократизации, а с другой — критическое отношение художников к излишней прозападной направленности послевоенного искусства Кореи, которое подразумевало недовольство процессом коммерциализации и установлением рыночной системы искусства, а также антиамериканизм. Новое искусство сознательно выбрало жизнь «народа», т. е. отчужденных жителей страны, в качестве своей главной темы. Интересно также то, что в продолжение сопротивления влиянию Запада «Минчжун» проповедовало антиамериканизм и призывало к возобновлению движения за воссоединение с Северной Кореей.

Художники «Минчжун» ставили перед собой две большие задачи. Во-первых, требовалось вернуться к самобытности корейской традиционной культуры и к национальной идентичности, которая была отодвинута на второй план после знакомства страны с культурой западного образца. Во-вторых, необходимо было создать массовое искусство для широкой аудитории, а не для узкой категории интеллигенции и профессионалов, как это было ранее в корейском модернизме предыдущих десятилетий. В известной степени это стало первой попыткой настроить художественный диалог с населением страны.

«Минчжун» использовало несколько взаимосвязанных способов для достижения своих целей. Художники не считали себя исключительно деятелями искусства, а активно участвовали в демонстрациях, собраниях и т. д. Вообще история Кореи XX в. изобилует разнообразными движениями за освобождение, независимость, демократизацию и объединение, т. е. сама форма социального активизма, которую приняло движение «Минчжун», не была новой или чуждой. Однако принципиален именно тот факт, что данное движение затронуло сферу искусства, которое до того существовало в модернистском измерении «искусства ради искусства», в «башне из слоновой кости». Неудивительно, что критике подвергались достижения предыдущих лет, к примеру, абстрактная живопись «дансэхва», особенно популярная в 1970-е гг.

Художники старались осуществить переход от «высоколобой» (по выражению главного теоретика модернизма Клемента Гринберга) культуры в область культуры массовой и народной, к фольклору. Многие композиции,

сюжеты и техники исполнения работ «Минчжун» отсылают к настенной живописи Корё, свиткам классиков корейской живописи периода Чосон, народной живописи «минхва». Особым почитанием пользовались такие мастера прошлого, как Син Юн Бок, Ким Хон До, а также традиционная пейзажная живопись тушью.

Учитывая характер движения, можно справедливо предположить, что художники «Минчжун» предпочитали не выступать поодиночке, а объединяться в группы: примером таковых может быть упомянутый выше «Хён-щильгва Парон», а также Ассоциация свободных людей искусства Кванчжу, «Турон», «Имсуллё» и др. Эти группы несколько отличались в своих концепциях, а также территориально, однако направленность была общей. Среди наиболее активных художников движения можно назвать О Юна, Сина Хакчоля, Пака Пуль Ттона, Лима Ок Сана, Кана Ёбэ, Кима Чон Хона и др.

Скептически настроенные по отношению к коммерциализации искусства представители «Минчжун» отвергали художественный рынок как прерогативу капиталистического общества. Они не участвовали в традиционных выставках и пытались выйти к своему зрителю другими путями — через плакаты, агитационную продукцию и фрески. Главенствующим стилем движения стали критический реализм, а техниками — живопись и гравюра по дереву, или ксилография.

Полотно мэтра и наставника «Минчжун», художника О Юна под названием «Маркетинг — Ад» (1981 г.) — одна из характерных живописных работ того времени. На первый взгляд она практически неотличима от изображений ада в традиционной буддийской живописи с его демонами, страдающими грешниками и пытками. Однако при ближайшем рассмотрении мы можем увидеть знакомые глазу логотипы брендов (Кока-кола, Максим), что читается как недвусмысленный намек на состояние современного общества и отношения художника к происходящему. Автор другой известной работы под названием «Лаки Монорум, создающий жизнь в достатке» (1981), Ким Чон Хон, подражает рекламе недвижимости, выписывая в реалистической манере вид новой квартиры, не забывая рекламный слоган. При этом весь первый план работы занимает тень спорбленного крестьянина, занятого возделыванием риса, что резко контрастирует с идеализированным рекламным изображением. Как можно убедиться, реалистические работы художников «Минчжун» не стремились к излишне зашифрованному посланию и не старались вызывать сложные эмоции у зрителя.

К другой основной технике «Минчжун», ксилографии, часто обращались Хон Сон Дам, Ким Бон Чжун, Ли Чоль Су, а также вышеупомянутый О Юн. Ксилография отвечала требованиям массовой воспроизводимости, а также характеризовалась ясностью и простотой форм, которые, как считали художники, наиболее близки и понятны их зрителям. Работы в этой технике часто использовались как основа для агитационных растяжек и баннеров. Зачастую они характеризуются динамичной композицией, пессимистичным

сюжетом и тревожной, печальной либо депрессивной атмосферой. Так, одно из самых известных и тиражируемых в разных формах по сей день изображений — «Спаси Хан Ёля» (1987 г.) Чхве Бён Су, баннер в технике ксилографии, изображающий двух молодых людей во время демонстрации, один из которых поддерживает второго, истекающего кровью. Типичные сюжеты таких работ — тяжелый ежедневный труд крестьян, демонстрации рабочих, война, лишения, довольно безрадостная жизнь горожан, хотя встречаются и виды народных гуляний и праздников.

Таким образом, для «Минчжун» первой половины 1980-х гг. характерна остро выраженная оппозиционная направленность в идеологии, причем как в политическом плане, так и в институциональном. Однако бурные события второй половины 1980-х гг. в Корее способствовали заметному смягчению внутренней политики государства, что сопровождалось улучшением экономической ситуации. Несмотря на официальный запрет, возобновили свою активность оппозиционные партии, что позволило в 1987 г. организовать централизованные демонстрации протеста. Власти уже не обладали возможностями для их насильственного подавления, и преимущество перешло на сторону протестующих. В итоге в том же году на смену военной диктатуре в Корее пришел демократический режим, вновь были введены прямые президентские выборы, возвращена свобода слова и свобода печати, политические свободы. Требования, которые выставлялись гражданами перед властью в течение нескольких десятилетий, наконец были выполнены.

Движение «Минчжун» было важной и неотъемлемой частью демонстраций 1987 г., разделило с народом радость победы, подъем духа и новые надежды. Оно начало приспосабливаться к изменениям в обществе, однако одновременно с этим потеряло и главную цель своей оппозиционной деятельности, что постепенно привело его к упадку. Основная задача движения художников как социальной организации была выполнена, но для формулировки новых путей в условиях демократизации необходим был пересмотр базовой идеологии.

В поисках новых возможностей и направлений некоторые художники «Минчжун», вопреки своим первоначальным убеждениям, начали принимать участие в выставках. Это означало начало превращения общественного движения в социальный институт, ограниченный правилами и нормами. Важной вехой не только для движения, но и для корейского искусства в целом стала экспозиция 1988 г. «Искусство «Минчжун»: новое культурное движение из Кореи» (Minjoong Art: A New Cultural Movement from Korea) в галерее Арт Спэйс (Art Space Gallery), г. Нью-Йорк. «Минчжун» стал первым направлением корейского искусства, в отношении которого была принята попытка создания национального бренда. К открытию выставки был приурочен искусствоведческий симпозиум о движении «Минчжун» с участием ведущих американских арт-критиков, Хала Фостера и Люси Липпард. Однако «новое искусство из Кореи» было принято довольно прохлад-

но. Критики не слишком высоко оценили самобытность движения, которое было рассмотрено как весьма упрощенное искусство «третьего мира», не вписывающееся в международный контекст. Это также нанесло заметный удар по идеологии и самосознанию «Минчжун».

В 1994 г. в Государственном музее современного искусства (Museum of Modern and Contemporary Art, Korea, ММСА) была организована большая выставка «15 лет искусству «Минчжун», охватывающая и систематизирующая деятельность движения за годы его существования. Эта экспозиция в главном музее страны, окончательно институционализировавшая оппозиционное движение, была негласно окрещена «похоронами искусства «Минчжун». Действительно, после нее сложно найти упоминания об активных действиях художников «Минчжун», в то время как на художественной сцене появляются новые имена, а новые направления в искусстве обращаются к глобализации и ведут в сторону открытия страны мировому сообществу.

В современной корейской художественной критике превалирует довольно скептический взгляд на движение «Минчжун». Большинство авторов сходится во мнении, что его проект, ориентированный на социальное субъект-объектное взаимодействие искусства и народа, не увенчался успехом из-за изначальной ошибочности подобного подхода. При всем признании уникальности движения и его заслуг, в литературе можно найти упоминания скорее о его историческом значении, нежели о реальных достижениях и выполнении поставленных перед ним целей.

Например, влиятельный корейский художественный критик Со Сон Рок обвинял поздний «Минчжун» в излишнем уклоне к общественному движению, в результате которого искусство в движении «Минчжун» играет лишь второстепенную, обслуживающую роль. В продолжение темы, Со критикует используемое движением понятие рабочего класса, т. к., по его утверждению, оно было больше применимо к западному обществу во времени написания марксистской теории, нежели к современным реалиям Кореи. Впрочем, не со всей аргументацией критика можно согласиться. Например, по словам Со, «Минчжун» недалеко ушло не только от русского критического реализма XIX в., но и от главенствующего в СССР в середине XX в. социалистического реализма. В данном случае, автор не учитывает противоположности истоков и направленности этих двух течений: если идеология социалистического реализма исходила от государственного аппарата и была направлена на поддержание существующей системы, «Минчжун» шел с этой системой вразрез, имея в своих активистах в основном обыкновенных городских жителей, не желающих поддерживать ее существование.

Однако, возвращаясь к проблемам «Минчжун», можно также выделить следующие парадоксы в подходе его идеологов взаимодействия с обществом. К примеру, решая одну из своих задач по поиску самобытного корейского стиля в искусстве, художники обращались к образцам прошедших эпох. При кажущейся обоснованности такого подхода он тем не менее не развивал

искусство, а скорее заключался в формальном подражании, создавая довольно эклектичную смесь из традиционных и современных элементов.

Идеология «Минчжун» подразумевала, что в процессе отстаивания интересов отчужденного слоя населения невозможно избежать классовой борьбы. Художники понимали ограниченность традиционных художественных средств для достижения своих целей, поэтому важность массового социального активизма и рабочего движения была для них чрезвычайно высока. В результате художественная деятельность стала играть скорее вспомогательную роль, а искусство упростилось до технического средства общественного движения, что значительно обеднило его и сказалось на общем качестве и законченности работ.

Также художники «Минчжун» считали, что упрощение и ясность художественной формы способствует лучшему восприятию со стороны «простого» зрителя. Это может показаться логичным выводом, однако не существует никаких подтверждений, что это действительно так. Традиции социального гуманизма требуют «поднимать» народ до более высоких форм искусства, нежели опускать его планку. Из этого можно заключить, что само представление о «народе», широко использовавшееся художниками «Минчжун», было весьма абстрактным. Послание, передаваемое «народу», не имело реального реципиента, а подразумевало лишь идеализированное представление о нем. При том что одним из основополагающих принципов «Минчжун» была связь с народом, на практике не было предусмотрено удовлетворительного инструмента, способного сделать эту связь двусторонней. Таким образом, что действительно думали представители абстрактного «народа», ради которого во многом было начато движение, проследить было невозможно.

Поэтому, когда в начале 1990-х годов был проведен социологический опрос среди студентов некоторых высших учебных заведений на тему отношения респондентов к «Минчжун», результаты его оказались неожиданными и во многом противоположными ожиданиям практиков и теоретиков движения. К примеру, большинство опрошенных считали деятельность художников «Минчжун» социально значимой и признавали ее необходимость, однако лично не испытывали эстетического удовольствия при контакте с их работами, называя их стиль агрессивным и излишне агитационным (김재원 2009: 47).

В своем сопротивлении коммерциализации и развития общества потребления позиция «Минчжун», к сожалению, также не совпадала с желаниями населения. Трудно убедить обычных людей, на которых направлена деятельность движения, в том, что повышение потребительской способности, появление все больших возможностей обзавестись привлекательной, качественной, доступной продукцией на самом деле является вредным для общества. Иными словами, даже для зрителя, сочувствовавшего упомянутой работе О Юна «Маркетинг — Ад», посыл работы не становился мотивацией к действию, и он вряд ли стал бы воздерживаться от очередной покупки газиро-

ванного напитка. В итоге «Минчжун», позиционирующее себя искусством для всех, оказалось искусством без зрителя.

В своей работе «Искусство как коллективное действие» Говард С. Беккер утверждает, что любое произведение искусства не может считаться продуктом деятельности единоличного художника, так как в его создание вовлечены многочисленные акторы. Например, для написания картины в технике масляной живописи, должны быть предварительно изготовлены краски, холст, подрамник и другие инструменты, а после завершения работы свою функцию должны выполнить критики, кураторы, работники галерей, журналисты. Таким образом, произведение искусства включает в себя еще и социальную реальность, которая его окружает и которую создают участники, акторы. Модификация данной реальности может быть целью искусства, однако в то же время эта реальность может являться и средством достижения цели, как в случае искусства «Минчжун». Если посмотреть на теорию Беккера с иного угла, то в качестве такого сопутствующего актора также может выступать и зритель, один из составляющих социальной действительности. Не случайно один из главных теоретиков движения «Минчжун», Вон Дон Сок, называл их искусство «народным, для народа, исходящим из народа». В идеологии активистов «Минчжун» не проводилось разделения между зрителем и создателем.

Как отмечает Ким Че Вон в своей статье, искусство «Минчжун» — неповторимое искусство (김재원, 2009: 40). Действительно, этот во многом стихийный и динамичный проект не удастся выстроить заново: социальная действительность изменилась, и образ «Минчжун», его идеалов и деятельности теперь смотрится скорее ностальгическим и наивным. Однако это не означает, что уроки его истории можно игнорировать. Вероятно, во многом благодаря «Минчжун» корейское искусство не оставляет попыток влиять на действительность, а форма деятельности художников и критиков часто принимает форму социального активизма. (В качестве примера можно привести «Художественную деятельность для создания молодежного музея», акцию, начавшуюся в 2014 г. с подачи арт-критика Им Гын Чжуна в социальной сети «Твиттер».) В условиях современности при наличии множества инновационных методов взаимодействия представляется гораздо более возможным исправить некоторые промахи и ошибки в подходе «Минчжун» и тем самым выйти на новый уровень коммуникации искусства с обществом.

Литература

- Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
- Howard S. Becker. Art As Collective Action. 1974. Quote from The Sociology of Art / ed. by Jeremy Tanner, Routledge. 2003. Pp. 85–95.
- 김선헌, 「무능의 급진성숙에세 80년대의 사회와 미술」, 『한국현대미술새로보기』, 미진사, 2007. P. 220–246.

김재원, 「1980년대민중미술의전개와판화운동」, 『한국현대미술 198090』, 학연문화사, 2009. P. 39-76.

김홍희, 「1980년대한국미술: 70년대모더니즘과 90년대포스트모더니즘사이의 전환기미술」, 『한국현대미술 198090』, 학연문화사, 2009. P. 13-38.

민중미술편집회, 『민중미술』, 공동체, 1985.

서성록, 「‘계급’을위한예술은가능한가?」, 『한국미술과포스트모더니즘』, P. 272-285.

오세권, 「민중미술의형성과활동」, 『한국현대미술새로보기』, 미진사, 2007. P. 236-246

윤난지, 「혼성공간으로서의민중미술」, 『한국현대미술 198090』, 학연문화사, 2009. P. 107-154.

최열, 최태만, 『민중미술 15년』, 삶과꿈, 1994.

URL: <https://twitter.com/savethemuseum> (дата обращения: 15.02.2015).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акулич Андрей Сергеевич (Санкт-Петербург, Россия), студент магистратуры факультета международных отношений СПбГУ, исследования Балтийских и Северных стран; e-mail: andrey_akulich@mail.ru

Алимов Андрей Алексеевич (Санкт-Петербург, Россия), канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений СПбГУ; e-mail: alimovandrey@yandex.ru

Асмолов Константин Валерианович (Москва, Россия), канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока, Центр корейских исследований; e-mail: kvasm@mail.ru

Беляков Илья Михайлович (Южная Каролина, США), магистр, младший научный сотрудник факультета антропологии Университета Южной Каролины, Коламбия, США; e-mail: belyakov.elijah@gmail.com

Бугай Николай Федорович (Москва, Россия), д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН; e-mail: nikolay401@yandex.ru

Ватыль Виктор Николаевич (Гродно, Беларусь), заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; e-mail: kaf_politolog@grsu.by; vatylyn@gmail.com

Воробьева Наталия Александровна (Санкт-Петербург, Россия), студентка экономического факультета СПбГУ; e-mail: natali.vorobeva.94@inbox.ru

Гонашвили Александр Сергеевич (Санкт-Петербург, Россия), студент факультета социологии СПбГУ; e-mail: gon.01.07.94@yandex.ru

Губайдуллина Юлия Борисовна (Санкт-Петербург, Россия), студентка факультета международных отношений СПбГУ; e-mail: ya.gubaidullina@yandex.ru

Ильин Владимир Иванович (Санкт-Петербург, Россия), д-р социол. наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ; e-mail: ivi-2002@yandex.ru

Истомин Кирилл Владимирович (Сыктывкар, Россия), канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; e-mail: kistomin@naver.com

Капусткина Елена Владимировна (Санкт-Петербург, Россия), канд. филос. наук, доцент кафедры экономической социологии факультета социологии СПбГУ; e-mail: kapele2002@yahoo.com

Ким Адель Игоревна (Сеул, Республика Корея), студентка магистратуры университета Хоник; e-mail: casska@yandex.ru

Ким Ильгиза Анваровна (Волгоград, Россия), канд. социол. наук, независимый исследователь; e-mail: ilgiza@mail.ru

Ким Хе Чжин (Сеул, Республика Корея), канд. ист. наук, Институт российских исследований Университета иностранных языков Ханкук; e-mail: realarina@mail.ru

Контрерас Луна Рафаэль (Дарем, Великобритания), аспирант института государственных и международных отношений, Даремский университет; e-mail: rafaelc_luna@yahoo.com.mx

Коргун Ирина Александровна (Сеул, Республика Корея), канд. экон. наук, приглашенный исследователь Университета иностранных языков Ханкук; e-mail: irinakorgun@gmail.com

Ланко Дмитрий Александрович (Санкт-Петербург, Россия), канд. полит. наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ; e-mail: dimppa@hotmail.com

Ланцова Ирина Сергеевна (Санкт-Петербург, Россия), канд. полит. наук, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений СПбГУ; e-mail: islanko@mail.ru

Лобов Роман Николаевич (Москва, Россия), аспирант центра Корейских исследований ИДВ РАН, Москва; e-mail: romanlob@hotmail.com

Лыскова Ольга Валерьевна (Саратов, Россия), канд. ист. наук, д-р социол. наук, профессор кафедры «Менеджмент туристического бизнеса» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.; e-mail: olga.lysikova@inbox.ru

Малышев Валерий Александрович (Санкт-Петербург, Россия), канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры социального управления и планирования факультета социологии СПбГУ; e-mail: v_malychev@mail.ru

Маринеску Валентина (Бухарест, Румыния), Ph.D, профессор кафедры социологии факультета социологии и социальной работы Бухарестского университета; e-mail: vmarinescu9@yahoo.com

Меньшикова Галина Александровна (Санкт-Петербург, Россия), канд. экон. наук, доцент, СПбГУ; e-mail: menshikova.g.a@mail.ru

Муталенко Варвара Александровна (Санкт-Петербург, Россия), студентка факультета международных отношений СПбГУ; e-mail: **varvarami@inbox.ru**

Островская Елена Александровна (Санкт-Петербург, Россия), д-р социол. наук, профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии СПбГУ; e-mail: elenaostrovspb@yandex.ru

Пахомова Анастасия Олеговна (Санкт-Петербург, Россия), студентка магистратуры экономического факультета СПбГУ; e-mail: pahomovana-sya@mail.ru

Пикулёва Оксана Анатольевна (Санкт-Петербург, Россия), д-р психол. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Высшей школы менеджмента СПбГУ; e-mail: opikukeva@inbox.ru

Попова Людмила Валерьевна (Санкт-Петербург, Россия), канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики экономического факультета СПбГУ; e-mail: l.porova@econ.ru.ru

Прюель Николай Александрович (Санкт-Петербург, Россия), д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой социального управления и планирования факультета социологии СПбГУ; e-mail: pruijel@inbox.ru

Ра Сунгдо (Сеул, Республика Корея), PhD, научный сотрудник Института российских исследований Университета Хангук; e-mail: seungdora@hanmail.net

Рысакова Полина Игоревна (Санкт-Петербург, Россия), канд. социол. наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ; e-mail: vost5@yandex.ru

Садохин Александр Петрович (Москва, Россия), д-р культурологии, профессор кафедры управления информационными процессами Института государственной службы и управления РАНХ и ГС при Президенте РФ; e-mail: sadalpetr@yandex.ru

Сикевич Зинаида Васильевна (Санкт-Петербург, Россия), д-р социол. наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ; e-mail: sikevich@mail.ru

Сон Жанна Григорьевна (Москва, Россия), канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского университета Высшая школа экономики; e-mail: jannason@mail.ru; janna_song@hotmail.com

Стецко Елена Владимировна (Санкт-Петербург, Россия), канд. филос. наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений СПбГУ; e-mail: ali1814@yandex.ru

Сутырин Сергей Феликсович (Санкт-Петербург, Россия), д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики экономического факультета СПбГУ; e-mail: sutyrin@hotmail.com

Тангалычева Румия Кямильевна (Санкт-Петербург, Россия), канд. социол. наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ; e-mail: rimma98@yahoo.com

Тощенко Жан Терентьевич (Москва, Россия), д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, декан и заведующий кафедрой теории и истории социологии РГГУ, главный научный сотрудник Института социологии РАН; e-mail: zhantosch@mail.ru

Федорко Илья Сергеевич (Санкт-Петербург, Россия), студент экономического факультета СПбГУ; e-mail: iluxafedorko@mail.ru

Хренов Валентин Валерьевич (Екатеринбург, Россия), канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: val-khrenov@yandex.ru

Чой Ву Ик (Республика Корея), PhD, научный сотрудник Института российских исследований Университета Ханкук; e-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Янг Мина (Сеул, Республика Корея), канд. социол. наук, исследователь, Женский университет «Ихва»; e-mail: minayang@mail.ru

Научное издание

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В КОРЕЙСКОМ И РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВАХ

Сборник статей

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Верстка — *Михайлова О. С.*
Оформление обложки — *Неговский Д. А.*
Корректura — *Величкина Е. В.*

Подписано в печать 03.04.2015. Заказ №3210
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26,25. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт».
197198 Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10